

В 31-9

Г 95

В. А. ГУРКО-КРЯЖИН

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
и
ДЕРЖАВЫ

НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ПРИ Ц. И. К. С. С. С. Р.
МОСКВА—1925

ВЗ 31-9

Г 95

В. А. ГУРКО-КРЯЖИН

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
и
ДЕРЖАВЫ

НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ПРИ Ц. И. К. С. С. С. Р.

МОСКВА

Главлит № 10705.

Москва.

Тираж 3000 экз.

Типо-литография „Искра Революции“ (б. 7-я) Мосполиграф, Филипповский пер., 11.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вплоть до последнего времени борющаяся за свою независимость Анатолийская Турция являлась основным фактором на Ближнем и Среднем Востоке. Отзвуки турецких побед не только наполняли всю Малую Азию и Арабию, но громко звучали и в Северной Африке, Афганистане и даже в Индии.

Но борющаяся Турция не только мощно стимулировала борьбу против империализма в колониальных и полуколониальных странах Передней и Средней Азии; она дала вместе с тем наиболее яркий и законченный образец национально-освободительного движения, анализ которого необычайно важен и поучителен для всех, изучающих современный Восток.

Рассмотрение революционных процессов, происходящих в Турции со времени окончания мировой войны, однако, абсолютно невозможно без связи с политикой империалистических держав на Ближнем Востоке. Ведь Турция в течение столетий являлась классической точкой скрещения завоевательной энергии всех великих держав. Благодаря этому история ее национально-освободительного движения составляет эпизод в истории „Восточного вопроса“, этой сложнейшей проблемы всех международных отношений.

Изучение турецкой послевоенной действительности на фоне борьбы империалистических держав на Востоке и составляет задачу настоящей книги. Вряд ли автору удалось выполнить ее с необходимой полнотой и точностью. Еще долгое время сохранит свою силу оговорка, сделанная одним из буржуазных знатоков современного Востока М. Перно: „Быстрота, с которой создавались легенды вокруг анатолийского движения была поистине поразительна. Даже официальные документы, которые я мог достать в большом количестве, носят неопределенные даты, искажают некоторые факты, хронологию и даже противоречат сами себе. Очевидно, еще слишком рано писать методическую и строго научную историю событий, происшедших на Ближнем Востоке между 1918—1922 г.г.“*).

Если мы примем во внимание крайнюю редкость, а иногда и полное отсутствие официальных документов, умышленное молчание дипломатических канцелярий, тенденциозность прессы (одинаково турецкой и иностранной) и, наконец, неизбежную субъективность личных впечатлений,

*) M. Pernot. La question turque. Rev. d. d. Mondes. 1922. III. (Разрядка наша).

мы пойдем, какие трудности приходится преодолевать при изучении социально-политической жизни современной Турции.

Одну категорию возможных промахов здесь необходимо, однако, оговорить. Выходящие сейчас работы по экономической и политической жизни современного Востока обычно встречают у нас „жестокую“ критику со стороны наших заслуженных филологов-ориенталистов. Вооруженные лингвистическим скальпелем, они отмечают мельчайшие ошибки в написании собственных и географических имен и отсюда с торжеством умозаключают о „неподготовленности“ автора, о его „диллетантизме“ и т. п. и т. п.

Необходимо указать, что границы такой чисто филологической критики на самом деле чрезвычайно узки, что, видимо, не совсем сознают наши знатоки восточных языков и литературы. Подходить с аппаратом лингвистической критики к работам, посвященным экономике или даже истории современного Востока, — в сущности так же нецелесообразно, как подходить с орудиями социологического анализа к какому-нибудь медицинскому труду, напр., по офтальмологии. Для того, чтобы написать работу по истории Востока (в особенности современного), ведь, надо „немного“ разбираться в экономике, в социологии, в международных отношениях и в „тьме“ тому подобных „низких истин“, над которыми с презрением воспаряют, не желая замечать их, востоковеды-лингвисты, занятые исключительно выуживанием неправильно переданных китайских иероглифов или неточно транскрибированных значков арабской азбуки.

Но даже оставаясь в узких рамках чисто лингвистического подхода, мы видим, что он чрезвычайно ограничен тем обычным словоупотреблением, которое образовалось и продолжается иногда в течение ряда столетий. Ведь, если быть последовательным, то мы должны исправлять не только правописание каких-либо второстепенных географических или других собственных имен, но и писать, напр.: Миср, эс-Шам, Димашк, Макка, эль-Кахира и т. п. Однако, вряд ли кто-либо из читателей, помимо, конечно, узких специалистов, догадается, что под этими непривычными именами скрываются Египет, Сирия, Дамаск, Мекка, Каир и т. д. С точки зрения научной точности, необходимо писать Мухаммад или кур'ан; однако, решительно все историки востоковеды пишут или Мухаммед или даже Магомет так же, как коран, несомненно, не желая приносить удобопонятность в жертву непугному педантизму.

Всеми этими соображениями, однако, отнюдь не ставится под сомнение безусловная и очевидная необходимость правильной передачи восточных слов там, где это достижимо. Однако, беда заключается как раз в том, что при отсутствии единой научно обязательной транскрипции имен, всем не филологам приходится испытывать крайние затруднения, встречая в атласах, в географических работах и, наконец, даже в трудах специалистов-востоковедов совершенно различные написания одних и тех же слов. Несомненно, что было бы чрезвычайно целесообразно, если бы наша Академия Наук создала словарь научно обязательной русской транскрипции восточных — исторических, географических и др. собственных имен, тем самым освободив раз навсегда всех изучающих Восток от невольных промахов и от совер-

---

шенно лишней, часто непосильной для них филологической работы. Пока же этого не сделано нашими авторитетными представителями востоковедения—их критико-лингвистические экскурсы, увы, напоминают известный эпизод из Библии: и „велели ему сказать шиболет — и сказал он сиболет. И зарезали его у переправы реки“.

В основу настоящей книги легли статьи, напечатанные автором в различных изданиях в 1923—24 г. г. Глава I „Раздел Азиатской Турции во время мировой войны“—была напечатана (с не совсем удачными сокращениями и мелкими изменениями) в сборнике „Раздел Азиатской Турции“, изд. НКВД (М. 1924 г.). В настоящей книге эта статья помещается в первоначальном виде со включением главы, напечатанной в № 4 ж. „Новый Восток“. Глава II „Борьба за проливы и Черное море“—представляет переработку одноименной статьи, помещенной в № 2 ж. „Новый Восток“, с прибавлением статьи „Ближневосточный вопрос, Черное море и С.С.С.Р.“, напечатанной в № 5 того же журнала. Часть книги, обнимающая национально-освободительное движение в Турции до Лозаннской конференции—представляет радикальную переработку соответствующих глав из моей книги „История революции в Турции“ (изд. „Мир“, М. 1923 г.). Главы, посвященные Лозаннской конференции, соперничеству держав за мосульскую нефть, проблеме халифата и др., написаны вновь для настоящей книги. Наконец, заключительная глава—„Арабский Восток“—представляет исправленное воспроизведение статьи, помещенной в сборнике „Колониальный Восток“ (изд. „Новая Москва“, 1924 г.). Недостаток времени, к сожалению, не позволил автору пополнить ее событиями, относящимися к последнему времени.

Будучи посвящена, гл. обр., социально-экономической жизни Турции и включая вместе с тем главу об Аравии, настоящая книга является, в сущности, второй частью работы о „Национально-освободительном движении на Ближнем Востоке“, первый выпуск которой был издан Ассоциацией Востоковедения в 1923 г.

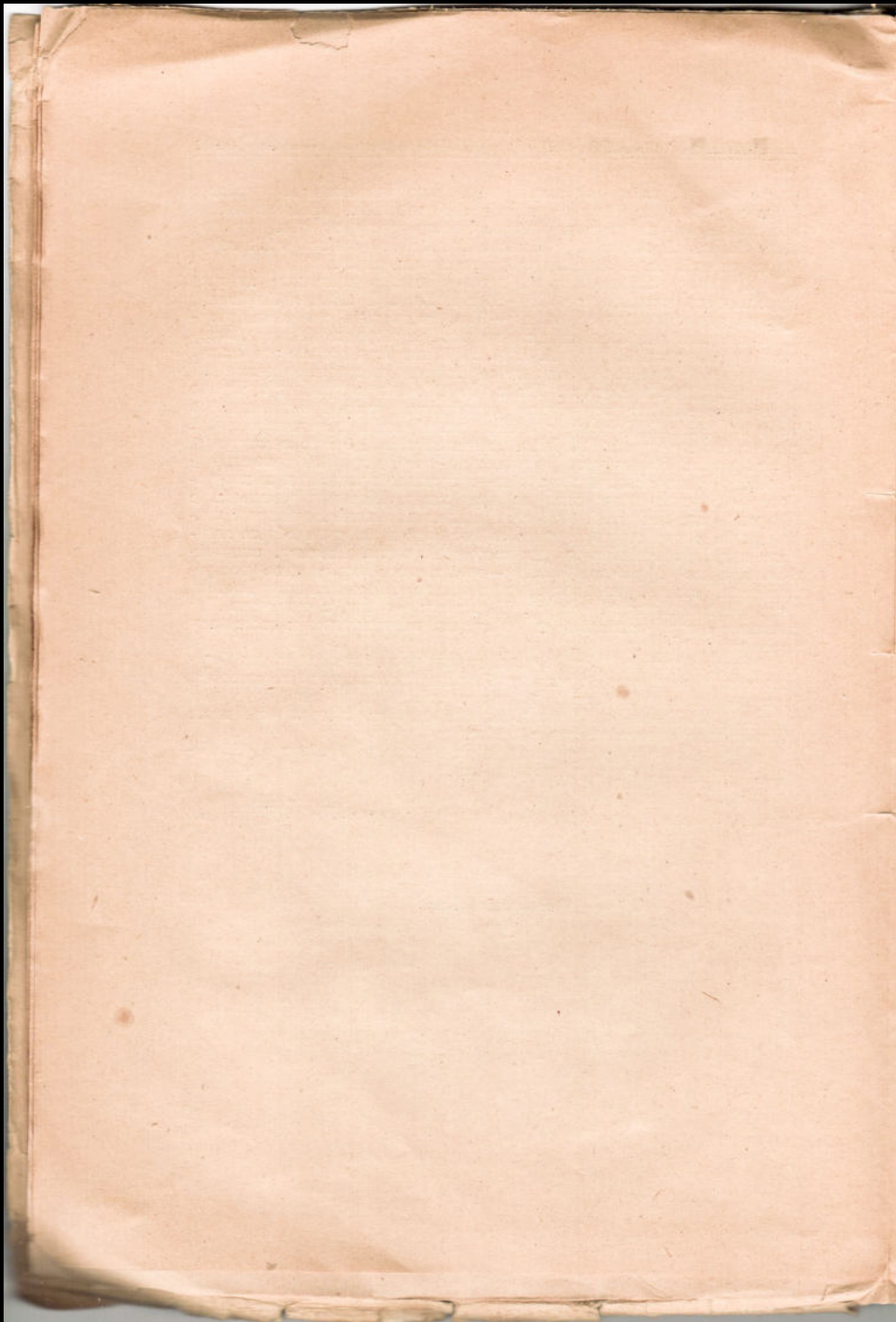
При чтении корректур мне пришел на помощь арабист Е. А. Беляев, за что приношу ему благодарность.

В. Гурко-Кряжин.

2/VI—1924 г.

Раздел Азиатской Турции во время мировой войны.

§ 1. ТОРГОВОЕ И ФИНАНСОВОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ТУРЦИИ.

Проблема раздела Османской Империи в течение двух веков составляла самое существо Восточного вопроса.

Если мы обратимся к официальной идеологии, к дипломатическим документам—мы увидим, что борьба за «турецкое наследство» всегда обосновывалась необходимостью защиты угнетенных христиан, освобождением балканских народов, изгнанием варваров-турок из Европы и т. п. Если же мы обратимся к фактам и цифрам, мы легко убедимся, что существо Восточного вопроса всегда составляло экономическое соперничество различных держав на Ближнем Востоке.

Начиная с 30—40 г.г. XIX в., Турция, эта страна натурального хозяйства и необычайно отсталых социально-политических форм—попадает в орбиту западного капитала, сначала торгового, а потом финансово-промышленного. Правда, уже значительно раньше Османская империя вступила в коммерческие сношения с Европой. Уже в к. XVI века была образована в Англии знаменитая «Левантинская торговая компания» (Company of Merchants of the Levant), которая скоро почти монополизировала всю внешнюю торговлю Турции*). Франция в силу ряда капитуляций (1535, 1604, 1679 г.г.)—также обеспечила своим купцам право свободной торговли во всех портовых городах Турции. Наконец, аналогичные права были приобретены по торговым договорам или вырваны силой—и другими странами: Россией, Австрией, Нидерландами и т. д. **).

В XIX в. мы видим, однако, как резко меняются и масштабы, и характер этой торговли. Если вся внешняя торговля Турции в 1856 году равнялась 16 милл. ф. стерл., то спустя 50 лет она достигает уже 38,7 милл. ф. стерл., то-есть более

*) W. Miller. The Ottoman Empire (1801—1913). Cambr., 1913, стр. 12.

***) Перечень капитуляций, заключенных Турцией в XVI—XVIII вв. у Я. Маковского. Условия наибольшего благоприятствования в торговых договорах. М. 1917, стр. 27—28.

чем удваивается. Радикально меняется и характер товарооборота. Вплоть до пол. XIX века вывоз из Турции собственных и транзитных товаров значительно превышал европейский ввоз. При этом значительная часть турецкого вывоза состояла из продуктов туземной промышленности: тканей, сукон, пряжи и т. п. В 40 г.г. прошлого столетия европейские страны заключают с Турцией договоры о свободной торговле, предоставляющие им исключительные выгоды. Ввозные пошлины определяются этими договорами всего в 3%, транзитные в 1%; при низкой же турецкой валюте ввозная пошлина никогда не превышала 1%. Вооруженный этими правами, а также всевозможными капитуляциями: юридическими и экономическими, крешущий европейский капитал производит полный переворот в хозяйственной жизни Турции. Турецкий вывоз, который в 1851 году еще почти равнялся европейскому ввозу (47,5% всего товарооборота), спустя 60 лет уже падает до одной трети общего торгового оборота (36%—1911 г.) *).

Европейские страны ввозят теперь в Турцию почти исключительно фабрикаты своей промышленности и в первую очередь всевозможные текстильные изделия. Туземная кустарная индустрия, конечно, не может выдержать натиска западного торгового капитала и стремительно исчезает. В Скутари и в Тырнове еще в 1812 г. насчитывалось около 2.000 ткацких станков, на которых выделывалась кисея, в 1846 г. их осталось едва 200. В нач. XIX в. Алешю на 100 милл. фр. вывозил всевозможных тканей, спустя же 50 лет эта цифра упала до 7—8 милл. фр. Цветущая промышленность Ангоры (выделка сукон и шелка) была целиком убита европейской конкуренцией.

Импортируя всевозможные фабрикаты, западные страны взамен вывозили из Турции различное сырье: шерсть, шелк-сырец, хлопок и т. д. Один из лучших знатоков старой Турции—Э. Энгельгард, в следующих словах суммирует тот переворот, который был произведен в ее экономике европейским капиталом: «Лишенная собственной индустрии, Турция принуждена ввозить западные товары; в обмен она дает свои сельско-хозяйственные продукты, выраженные в низко-пробной валюте, которая постоянно теряет свою ценность, понижая в том же размере все доходы государства **).

Работа иноземного коммерческого капитала произвела, конечно, глубокие изменения в народной жизни Турции. С сер. прошлого столетия начинается расцвет ее портовых городов. Оживленная торговля стягивает туда население, привлекаемое, кроме того, сравнительной легкостью податного бремени. Нарождается многочисленный класс туземных скупщиков, коммерческих агентов, мелочных торговцев и т. п. В 70-х годах в Трапезунде на 33000 жит. приходилось 1232 лавки,

*) Цифры для 1851 г. взяты у А. Ubicini. *Lettres sur la Turquie*. P. 1853. T. 1.

***) E. Engelhardt. *La Turquie et le Tanzimat*. P. 1882. V. 1.

то-есть 1 лавка на каждые 27 жителей; в Кастамуни 1 лавка приходилась даже на каждые 16 жителей *). Эта гипертрофия внутренней торговли объясняется, с одной стороны, ее крайне мелочным характером, а с другой, большим масштабом коммерческих сношений с Западом.

Вслед за коммерческими победами западного капитала, начиная с 60-х г.г., мы наблюдаем финансовое завоевание Османской империи. Работу европейцев облегчала невероятная финансовая разруха, продолжавшаяся в Турции почти триста лет. Внутри страны царил поголовное взяточничество, откупная система взимания налогов (ильтизам) и административный произвол. Вся страна была перегородена таможенными рогатками. Внутренние таможни взыскивали от 15—50% со всех перевозимых продуктов. Зерно, идущее на помол из Бруссы в Константинополь, облагалось 8%, перевозимое обратно в виде муки оно вновь оплачивалось 8%. Государственные поступления расходовались самым непроизводительным образом: в 1856 г. доходы были исчислены в 168 милл. фр.; из них 65% шло на цивильный лист султану и царствующему дому, на армию и флот и на выкуп феодальных повинностей. На остальные нужды шло, таким образом, лишь 35% (**). Ежегодный дефицит правительство восполняло выпуском бумажных денег, т. наз. «кайме»; при этом чрезвычайно наивно оно убеждало «европейские державы рассматривать эти ассигнации, как обычные деньги, без всякого сомнения и опасения». Европейские купцы и финансисты относились, однако, к «кайме» чрезвычайно реалистически и они неудержимо обесценивались, доход до $\frac{2}{3}$ номинальной стоимости.

Несмотря на этот финансовый хаос, вплоть до 60-х г.г., Османская Империя не имела государственного долга, если не считать сравнительно незначительных обязательств казны по отношению к армянским баширам Галаты.

Это положение вещей круто изменилось после Крымской кампании. Огромные расходы на войну вызвали небывалый дефицит (около 80 милл. фр.), который велья уже было замазать путем внутренних операций. К этому присоединились расходы на представительство и на внешнюю европеизацию страны, т. к. Турция после Парижского конгресса, как известно, была принята в европейский концерт держав. Начинаются лихорадочные поиски займов (***)). Однако, препятствием для получения таковых являлось отсутствие в Турции правильного бюджета. Это препятствие было, впрочем, легко устранено: в 1862 г. был чрезвычайно ловко составлен первый османский бюджет, согласно которого доходы даже превышали расхо-

*) Дж. Пальгрев. Отчет о провинциях Анатолии. 1867—1872. Изд. Кавк. отд. Р. Геогр. Об-ва. Тифл. 1872.

**) О турецких финансах см. D. Dela y g n e. Essai sur les finances ottomanes. P. 1911. M o r o w i t z. Les finances de la Turquie. P. 1902.

***) Перечень займов см. Убиччиви и де Куртейль. Современное состояние Османской Империи по Сальнаме. 1875. П. 1877.

ды на 29 милл. франков. Чтобы успокоить европейских финансистов, был также образован «высший финансовый совет» с 3-мя европейскими советниками, имеющий чисто декоративное значение.

Путем этих остроумных операций, в 1854—62 г.г. удалось заключить первые государственные займы. После этого они умножаются буквально с бешеной быстротой. Этому способствовало резко ухудшающееся внутреннее и внешнее положение Турции: восстания на Крите, в Македонии, безумная роскошь Абдул Азиса и т. п. Сначала займы шли на покрытие дефицита, а затем почти исключительно на уплату процентов по прежним обязательствам. К 1863 г. было уже заключено 10 займов, на 1 миллиард франков. Через два—три года наступил полный финансовый кризис, и векселя казначейства перестали оплачиваться. Воспользовавшись франко-прусской войной, Турция отказалась платить проценты французским держателям бумаг. В 1875 г. наступило уже финансовое банкротство. Государственный консолидированный долг в это время уже достиг 5½ миллиард. франков, государственных доходов едва хватало на покрытие процентов. Европейским кредиторам пришлось пойти на уступки: было заключено соглашение с Портой, согласно которого она в течение пяти лет оплачивала проценты в половинном размере. Однако с этого момента они не оплачивались уже вовсе.

Русско-турецкая война (1877/8 г.) нанесла последний удар турецким финансам. Помимо займов и выпуска бумажных денег, вызванных военными нуждами—Османская Империя должна была нести бремя контрибуции России, достигавшей 800 милл. фр. При таких условиях Турция вынуждена была объявить уже полный банкрот.

Чем же объясняется та необычайная легкость, с которой Турция получала деньги на европейских биржах? Не забудем, что в 60—70-х г. г. развился необычайный ажиотаж на турецкие бумаги. Порта платила от 7—13% по своим обязательствам, и не мудрено, что европейские рантье с необычайной охотой подписывались на восточные займы. «Все покупали турецкие бумаги: римская курия, испанские монастыри, парижские прачки—самая разношерстная публика» *).

Но, помимо волны ажиотажа и спекуляции, европейские державы проводили при этом вполне продуманный план: путем финансового завоевания Турции—добиться ее политического подчинения. Уже в 1861 г., в момент острого финансового кризиса, английский посол в Константинополе предлагал Блистательной Порте: 1) консолидировать все государственные долги и обеспечить их специальными доходами и 2) установить смешанный интернациональный контроль над финансами империи. Эта программа, как увидим ниже, и была впоследствии более или менее проведена в жизнь.

*) Парвус. Балканский вопрос. 1. Младотурки. Ж. Современный мир. 1913. № 1, стр. 54.

§ 2. АДМИНИСТРАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА.

На Берлинском конгрессе великими державами была сделана попытка подчинить Турцию своему финансовому контролю. Они рекомендовали ей назначить в Константинополе финансовую комиссию из делегатов, назначенных заинтересованными державами, которая должна была рассмотреть претензии кредиторов и выработать действительные меры к удовлетворению их.

Султан Абдул Гамид прекрасно понял, что эта комбинация означала бы конец политической независимости Турции и поспешил добиться непосредственного соглашения с кредиторами, ценой каких угодно жертв. В 1881 г. ему действительно удалось заключить соглашение (дополненное в 1903 г.) с синдикатами турецких кредиторов, которое и открыло новую эру в финансово-экономической жизни Османской Империи. Компромисс удалось заключить на следующих условиях: 1) государственный долг Турции уменьшался на половину, т.-е. с 5,2 миллиард. фр.— на 2,5 м. фр., каковую сумму она в действительности получила; 2) для уплаты процентов и амортизации государственный долг обеспечился следующими доходами с налогов и монополий: на соль, спиртные напитки, табак, шелк, рыбные промыслы, гербовый сбор. На погашение долга шли и другие второстепенные поступления, так, напр., трибуты с Болгарии, Восточной Румелии, Кипра и т. д.

Для заведывания государственным долгом была создана знаменитая Администрация Османского (*Conseil d'Administration de la Dette publique Ottomane*), превратившаяся в своего рода государство в государстве. Эта администрация, образованная торговыми палатами: Парижа, Лондона, Вены и Берлина— создала огромную организацию, охватывающую всю Империю. Вся страна делилась на назареты (дирекции) и мудирии (суб-дирекции), во главе которых стояли административные Советы, назначаемые Центральным Правлением. Тысячи директоров, инженеров, контролеров и др. чиновников следили за правильным поступлением доходов, закрепленных за Администрацией долга. Доходы последней систематически увеличивались: в 1882/3 г. г. они равнялись 2,2 м. тур. лир, спустя 25 лет в 1908 г. они достигли уже—3,9 м. т. л., т.-е. почти удвоились *). Не менее одной трети всех доходов Турции поступает в распоряжение Администрации; благодаря этому на амортизацию долга отчисляются огромные суммы, достигающие 1,8%.

Различные державы не одинаково заинтересованы в османском долге, как показывает нижеследующая таблица: **)

*) Таблицу доходов администрации долга за первое десятилетие см. V. Cuinet. *La Turquie d'Asie*. 1891—8. Дальнейшие цифры указывает публикация администрации: *Repts of the Council of Administration of the Ottoman Debt*.

**) M. Perno f. *La question Turque*.

Франция	60,3%	ок.	2½	миллиардов фр.
Германия	21,3%	>	850	милл. >
Англия	14,2%	>	600	милл. >
Италия	3%	>	120	милл. >

Тот факт, что львиная доля приходится на долю французов, конечно, не может нас удивить. Ведь за исключением четырех займов— все остальные были заключены во Франции.

Для осуществления табачной монополии была создана в 1881 году особая организация также общеимперского характера, так наз. «Управление табаководством» (*Régie cointeressée des tabacs de l'Empire Ottoman*). Управление дает разрешение на производство табака, контролирует урожай и имеет преимущественное право на закупку его. Лишь в случае разногласий в цене—производитель табака имеет право продать его другим экспортерам. Конечно, происходит это чрезвычайно редко, т. к. агенты *Régie* дают крестьянам авансы под урожай и таким путем заранее скупают его. Наконец, эта же организация имеет исключительное право на производство всех табачных изделий (папиросы, сигары и т. п.) и взимает таможенные пошлины за свозимый или вывозимый резаный табак. Благодаря этим огромным правам *Régie* действительно удалось почти монополизировать все турецкое табаководство. Доходы ее также стремительно растут и за пятилетие (с 1887/8—1894) увеличились в 6½ раз. Главное участие в этом крупном предприятии опять таки принадлежит французам, владеющим половиной всего основного капитала (120 м. фр.) *).

Сотни отделений Администрации Государственного долга представляли из себя как бы блокаузы европейского капитала, рассеянные по всей Турции. Цитаделью же его явилось центральное финансовое учреждение империи—Оттоманский банк. Он был основан в 1863 г. двумя финансовыми группами: французской и английской, заменив собой существовавший до того (с 1856 г.) английский Константинопольский Банк. Оттоманский банк, по соглашению с правительством, получил прямо-таки неслыханные привилегии. Он одновременно является: 1) главным государственным казначейством (*Trésorier-payeur général*), т. е. принимает государственные доходы и производит все платежи, получая за это комиссионный процент, 2) эмиссионным (выпуск банкнот) и 3) коммерческим (кредит, учет векселей, ссуды под товары и т. п.). Недаром в официальном отчете Оттоманского банка его правление заявило, что привилегии его «не имеют себе примера во всем мире, в истории независимых компаний или финансовых институтов». Неудивительно, что Банк уплачивает огромные дивиденды, достигающие 12%.

*) Представителем французских интересов в *Régie* является Оттоманский банк, германских—*Bleichröder und Co*, австрийских—*Венский Creditanstalt*.

Около ста отделений его рассеяны по всей империи; не ограничиваясь своими прямыми функциями, он участвует в целом ряде финансово—промышленных предприятий: в Администрации долга, в ж. д. концессиях, в Управлении табаководством и т. д. и т. д. Как мы видим, Имперский Оттоманский банк, является таковым лишь по имени. На самом деле это частное финансовое предприятие, монопольно эксплуатирующее Турцию.

§ 3. КАПИТАЛИЗАЦИЯ ТУРЦИИ: ФРАНЦИЯ.

Оттоманский банк и Администрация государственного долга представляли две брешы, через которые европейский капитал хлынул в Турцию. Мало по малу вся экономическая жизнь империи начинает концентрироваться в руках европейцев. Мощным проводником капитализации Турции явились железные дороги. Уже в 80-х г. г. прошлого века один сербский политический деятель остроумно заметил: «железные дороги победят Турцию. Они сделают более для разрешения Восточного вопроса, нежели нарезные пушки». В 60-х г. г. европейцы получают первые ж. д. концессии, а к 1881 г.—было в эксплуатации уже 1500 километров, гл. обр. в Европейской Турции. Правительство Гаида, боясь увеличения европейского влияния с развитием ж. д., прибегает к любопытному предохранительному способу. Оно не соединяет их с европейской ж. д. сетью, а также одну с другой. Но, конечно, эта реакционная политика была равносильна желанию задержать мчащийся поезд при помощи камушка. Железные дороги Балканского полуострова смыкаются одна с другой, и последний переживает процесс стремительной капитализации. Очередь остается за Малой Азией.

С к. XIX в., вслед за капиталом коммерческим и финансовым начинается свое наступление в Азиатской Турции капитал индустриальный. И здесь наступление идет преимущественно по ж. д. колее: Багдадской, Сирийской, Смириской и т. д. Любопытно, что эта лихорадочная капитализация Турции вызывает такие же явления, как и в Европе в нач. XIX в. Первые ж. д. вызвали в Анатолии огромную спекуляцию, гл. обр. зерном. Параллельно с этим открытие провинциальных отделений Оттоманского банка открыло для населения чрезвычайно доступный кредит. В последней четверти XIX в. в Анатолии уже развивается грюндерство, открывается ряд предприятий: по скупке зерна, по эксплуатации леса и т. п. Спустя каких-нибудь 3-4 года разыгрываются крупные крахи и банкротства *). Мы знаем, впрочем, что все это — неизбежные явления, вызываемые стремительной капитализацией страны при помощи жел. дорог.

Капитализацию Азиатской Турции обыкновенно приводят в исключительную связь с проникновением на Ближний Восток Германии, в особенности с ее лю-

*) Любопытные данные о влиянии ж. д. и банков на хозяйственную жизнь страны приведены в книге: D-r. D. Arslanian. Le Vilayet d'Angora. 1895 г.

бимым детищем, Багдадской ж. д. Этот взгляд является безусловно ошибочным. Несомненно, что Германия стремилась изо всех сил форсировать капитализацию Турции; но также очевидно, что на этом пути ей предшествовали другие европейские державы, гл. обр. Франция и Англия. Здесь я рассматриваю процесс капиталистического внедрения в Азиатскую Турцию исключительно этих стран, а также России и Италии *).

Европейский, не германский капитал, работал в Азиатской Турции в двух направлениях. С одной стороны, полем его деятельности являлась вся империя, которую он стремился покрыть сетью железных дорог, банков, экспортно-импортных контор и т. д. На существовании крупных англо-французских интересов, охватывающих всю страну, и была основана догма «целости Турецкой империи» (Integrity of Turkey), просуществовавшая вплоть до нач. XX в.

С другой стороны, европейские державы издавна стремились утвердить свое преобладающее экономическое влияние в той или иной зоне, избранной по соображениям не только чисто экономическим, но обще-политическим и стратегическим. Так, Франция, начиная с 40-х г. г., укрепляет свои финансово-экономические интересы в Сирии, Англия приблизительно с того же времени в Месопотамии и, наконец, Россия в Армении и Курдистане. Легко увидеть, что эта тенденция западного капитала приводила к программе расчленения Османской Империи, на которую она и была фактически рассчитана. Совершенно очевидно, что необходимо рассмотреть оба процесса капитализации Турции, из которых один можно назвать экстерриториальным, а другой—локальным. Лишь проанализировав все относящиеся сюда данные, мы получим твердую экономическую базу, необходимую для понимания той фазы восточного вопроса, которая падает на период мировой войны.

**

Выше уже неоднократно отмечалась преобладающая роль, которую играет Франция в финансах Османской Империи, благодаря господствующему участию французских капиталов в государственном долге и в Османском банке.

Вторым орудием для своего проникновения в Турцию она избрала железные дороги.

Участие отдельных держав в контроле над ж. д. Азиатской Турции до мировой войны видно из следующей таблички **).

---

*) Экономические интересы Германии в Турции детально освещены в таких специальных изданиях, как *Archiv für Wirtschaftsvorschung im Orient* и др. О Багдадской ж. д. имеется достаточная литература на русском языке—М. Павлович, *Азия и ее роль в мировой войне*; его же: «Империализм и борьба за великие пути» и др.

**) *The Statesman's Year Book*. 1919, стр. 1318.

Турецкое правительство	31%
Германия	36,8%
Франция	21%
Англия	10,5%
Бельгия	0,7%

Приблизительно половина жел. дор. сети (55,5%), контролируемой Францией, находится на территории Сирии и будет нами рассмотрена позже. *)

В Анатолии Франция контролирует ж. д. Смирна—Кассаба, проходящую по плодородной долине Гермоса (Гедиз Чай) в богатейшем Айдинском вилайете. Эта жел. дорога (ок. 513 кил.) дает несколько отростков (на сев. к Мраморному морю до Сомы, на зап. от Смирны—к Бурнабаду) и в Афиун—Карахиссаре смыкается с Багдадской ж. д. **). В Брусском вилайете французские капиталисты участвуют в небольшой ж. д. ветке Мудания—Брусса (42 кил.).

Не ограничиваясь этими сравнительно небольшими концессиями, Франция, как раз накануне войны, разрабатывает планы обширного ж. д. строительства, гл. обр. в восточной Анатолии. Уже в 1911 г. она заставила Турцию подписать предварительный проект о ж. д. концессиях в Восточной Анатолии, несмотря на ожесточенное противодействие со стороны России, которая вовсе не имела желания иметь у себя под боком «дружественную» Францию. В 1914 году Думерг подписывает, однако, с Портой договор о концессиях, предоставляющий Франции постройку 5-ти жел. дор. линий.

В тесной связи с ж. д. концессиями, Франция стремилась добиться первого места в постройке портов и набережных Анатолии. Уже построив порты и набережные в Смирне и в Бейруте, т. е. в двух главнейших приморских городах Азиатской Турции, Франция—стремилась целиком монополизировать эти работы ***). В 1911 г. был учрежден консорциум для постройки оттоманских портов, в который вошли французские фирмы: Крезе, Об-во построек в Батиньоле, Императорский Оттоманский банк и др. Консорциум получил концессии на постройку следующих портов: Самсун, Трапезунд, Инеболи, Гераклея, Яффа, Триполи, Кайфа. Вплоть

*) Я не буду останавливаться на ж. д. Мерсина-Адана (67 кил.), уступленной Французским Об-вом Багдадской ж. д.

***) Концессия на эту дорогу раньше принадлежала английской компании, но в 1891 г. была выкуплена французским синдикатом Société ottomane du chemin de fer Smyrna—Cassaba et Prolongements. Дорога эта имеет километрическую гарантию, обеспеченную десятиной Айдинского вилайета и некоторыми др. доходами.

История постройки этой дороги дана в труде Ж. Куро „Железные дороги Азиатской Турции“, к сожалению, совершенно безграмотно переведенном на русский язык (П. 1900 г.), стр. 29—31. См. также Н. Schmidt. Das Eisenbahnwesen der asiatischen Türkei 1914.

****) Концессия на оборудование Смирнского порта была получена Société de Quais de Smyrne (сроком до 1952 г.). Эксплуатация порта дает до 6% дивиденда. L. Vannutelli. Anatolia meridionale e Mesopotamia. Roma 1911, стр. 386-7.

понятно, что французские капиталы до войны принимали главное участие в постройке портов и набережных Турции, как показывает следующая табличка: *)

Франция	53.942.000 фр.
Англия	10.000.000 фр.
Германия	16.000.000 фр.

Четвертой крупной сферой приложения французских капиталов являлась эксплуатация рудников. Наиболее значительными предприятиями были: Об-во Гераклеи, добывавшее уголь на берегу Черного моря в районе Зунгулдака и об-во рудников Балиа—Карайдин, добывавшее серебрястый свинец и ливгит в богатейших рудниках Айдинского вилайета. Об-во Гераклеи добыло в 1912 году 565.000 тонн угля, Об-во Балиа—Карайдин получило в 1904 г. 70.887 тонн свинца и ливгита, что дало ему возможность уплатить огромный дивиденд в 20% *).

Кроме этих уже вполне оборудованных предприятий, французские капиталисты имели концессии на эксплуатацию ряда богатейших рудников: медных, цинковых и т. д. ***).

Я не буду останавливаться на частных французских предприятиях, коммерческих и муниципальных, вроде крупнейшей экспортной фирмы Ogosdi Bask, имеющей свои отделения на всем Ближнем Востоке (Алеппо, Бейрут и др.) и выплачивающей средний дивиденд в 10—12%, или Об-ва трамвая Смирна—Гез-тепе (в 1904 г.; дивид.=8%) и др.

Укажу лишь, что общая сумма французских капиталов, вложенных в турецкие предприятия, равняется 3½ миллиардов фр., так что и здесь, покрывая 60% всех иностранных капиталов, Франция занимает первое место.

Во всех этих французских предприятиях участвуют крупнейшие французские банки: Société général, Лионский Кредит, Банк Перье, Парижский Ювон и др., десятки отделений которых разбросаны по всей Османской Империи.

Подводя итоги, мы должны сказать, что Франция больше всех держав участвует в финансовой жизни Турции, как государственной, так и частно-хозяйственной. Капиталы, которые вывозятся из Франции, как мы видели, инфильтрируют буквально весь хозяйственный организм Азиатской Турции: ж. д., порты, рудники, коммерческие компании, наконец, всевозможные муниципальные предприятия.

) Французские интересы в Турции. Статья из Clartè. 15/X. 1921.

***) L. Vannutelli, ук. соч., стр. 386.

***) Марганец, свинец, медь рудников Кассандры, медь Арганы Маадена, цинк Ак Дага и др.

****) Перечислю некоторые из этих об-в: Восточный Капет, Томбак, Новое Об-во Торговли и Промышленности в Османской империи и др.

§ 4. КАПИТАЛИЗАЦИЯ ТУРЦИИ: АНГЛИЯ, РОССИЯ, ИТАЛИЯ.

Участие Англии в хозяйственной жизни Азиатской Турции носило гораздо более скромный, ограниченный характер. В предыдущем уже отмечалась незначительная роль английского капитала в финансировании Турции, сравнительно с французским или, даже, немецким.

Лишь одна ж. д. Анатолии, т. наз. Айдинская линия, находится в руках английской компании: *The Ottoman Railway from Smyrna to Aidin*. Эта дорога проходит по одному из плодороднейших районов Анатолии, а именно по долине р. Меандр—Чай (Меандр) и поэтому имеет первостепенное экономическое значение. Основной ствол доведен до Дивеира; многочисленные ответвления (в Одемис, Тирех, Сокину, Денизли, Чивриль) создают довольно большую сеть всего в 320 миль (512 км.).

Счень характерно, что в противоположность французам и немцам, а в последнее время американцам, англичане никогда не разрабатывали обширных ж. д. планов в Турции.

Накануне мировой войны Англия сохраняла первенствующее значение в турецкой внешней торговле. Сопоставив участие отдельных стран в морской торговле Турции, мы получим следующую таблицу. *)

Страны.	Общая торговля с Турцией в 13 - 14 г.		Общее движение через проливы в 1913 г.	Торговля Смирны в 1906 году.	
	Импорт.	Экспорт.		Импорт.	Экспорт.
Англия	20,0%	21,4%	41,7%	32,5%	54,7%
Франция	8,8%	20,1%	3,5%	9,6%	6,8%
Россия	8,5%	3,8%	7,0%	2,7%	1,2%
Италия	6,5%	4,3%	—	9,9%	2,0%
Всего	40.809.680 ф.с	21.436.120 ф.с	13.412.065 тонн.	3.448.516 ф.ст	56.031.888 ф.с.

Как мы видим и в экспорте, и в импорте Англия везде занимает первое место; вслед за ней на значительном отдалении идет Франция, а затем уже Россия и Италия. Лишь в XX в. английская торговля с Турцией начала испытывать сильный ущерб со стороны Германии и Австрии, но, уменьшившись в абсолютных цифрах, она все же вплоть до мировой войны сохранила первенствующее место.

*) Таблица составлена по *Statesman's year Book 1919*, стр. 1316. В. Кряжин: *Борьба за проливы*. L. Vannutelli, ук. соч., стр. 138.

Британских предприятий, торговых и промышленных, в Азиатской Турции имеется чрезвычайно незначительное количество—не более трех десятков. *) Несмотря на малочисленность, некоторые из них имеют зато характер настоящих трестов, охватывающих целые отрасли народного хозяйства. Эта прививка на необычайно отсталом социально—экономическом базисе самых усовершенствованных методов капиталистической эксплуатации—является характерной чертой бурного процесса капитализации, переживаемого Турцией. Наиболее крупные британские предприятия следующие: 1) Восточная Ковровая Компания (The Oriental Carpet Manufacturers Ltd). Основанная на английских капиталах, она сумела объединить турецкие, немецкие и русские фирмы и целиком трестировала ковровую промышленность Анатолии. Компания основала ткацкую фабрику в Пандерме и ковровые в Смирне, Утнаке, Керасунде и Афиун Карахирассаре. 2) По образцу ковровой компании, в 1912 г. в Смирне был основан фиговый трест (The Smyrna Fig Packers Ltd), который успешно пытался монополизировать весь вывоз фиг из Турции. 3) Аптечный трест (Droguerie Centrale), пытавшийся с 1913 года монополизировать снабжение Турции медикаментами. 4) Фирма Whittall Co—ведущая огромные операции зерном и всякого рода продуктами питания. Чрезвычайно любопытно, что эта иностранная фирма играет роль посредника между анатолийским крестьянством и турецким правительством. 5) Накануне войны было сконструировано очень важное 0-во доков, арсеналов и морских сооружений (Société Imperiale Ottomane cointeressée des Docks, Arsenaux et Construcions Navales), в котором главное участие принимала знаменитая фирма Армстронг и Уикерс. По соглашению, заключенному с Портой, это об-во брало на себя постройку арсеналов, доков для военных и коммерческих судов (в Константинополе, Измиде) и т. д.

Из горнозаводских предприятий необходимо отметить: Компанию Аббота по добыче наждака, (Abbots Emery Mines Ltd.), которая сосредоточила в своих руках $\frac{2}{3}$ добычи этого минерала в Айдинском вилайте (20.000 тонн в средн. в год) и 2) Компанию по добыче буры (The Borax Ltd.), добывающуюся полной монополией в Турции. Ежегодная добыча этой компании равняется 8.000 тонн и составляет одну треть мировой продукции. Остальные английские предприятия являются уже более мелкими и имеющими по большей части узко местное значение. **).

Суммируя наши замечания, мы можем сказать, что до войны английский капитал не развертывал большой работы на всей территории Турции и создал лишь несколько крупных предприятий, имеющих, главн. обр., экспортный характер (фиго-

*) H. Bannig. Englische und Americanische Unternehmungen in der Türkei. Der Neue Orient. 1917. В. 2. Н. 5.

**.) Подробный перечень их дан в указ. статье H. Bannig.

вый и ковровый тресты и др.), в связи с преобладающими интересами британской торговли в Турции.

Россия, как известно, играла весьма незначительную роль в общей хозяйственной жизни Османской Империи. Ни в Государственном Долге, ни в Османском Банке русские капиталы не участвовали. Ни один километр турецких жел. дорог не контролировался Россией. Мало того, царская Россия стремилась даже забаррикадировать Восточную Анатолию от европейских концессионеров, ведя ожесточенную борьбу сначала против Багдадской ж. д., а затем против французских черноморских ж. д. проектов.

В турецкой торговле Россия принимала также очень малое участие. Накануне войны в турецком ввозе она занимала пятое место (3.516.620 ф. ст. в 1913/14 г.г.), в вывозе—даже 8-е место (831.040 ф. ст.).

Лишь накануне войны в русских правительственных и финансовых кругах возник план активной борьбы против австро-германского экономического влияния в Турции и на Балканах. Была снаряжена специальная экспедиция для обследования Ближнего Востока *); проектировалось создать в Константинополе Русско-Турецкий банк, аналогичное учреждение было даже основано в Салониках. Однако, при отсутствии сколько-нибудь значительных интересов России в Турции, все эти планы оказались весьма химерическими и не увенчались никаким положительным результатом.

Приблизительно такое же место, как и Россия, занимала в хозяйственной жизни Турции—Италия. Ее доля в Османском долге была совершенно ничтожна (5%), ни одна жел. дорога Анатолии не принадлежала ей; наконец, итальянский капитал не участвовал (конечно, благодаря своей слабости) ни в одном из тех крупных международных предприятий, которые были перечислены выше. Любопытно, что, несмотря на исключительные удобства морской связи с портами Анатолии, итальянцы играли ничтожную роль в турецкой торговле. Очень слабо было развито и каботажное итальянское плавание. Как мы увидим дальше, Италия всегда ссылалась на особые интересы, существующие у нее на Эгейском и Средиземном морском побережье Анатолии. Однако, нижеследующая таблица участия различных стран в коммерческих оборотах главнейших портов этих районов показывает, насколько шатки были эти притязания.

Название портов.	Французы.	Греки.	Итальянцы.	Турки.
Айвали	0,8 %	49,9%	0,2%	49,2%
Дикили	3 "	13,8 "	—	30 "
Смирна	15,6 "	12,8 "	4 "	9 "
Скала-Нуова	—	20 "	—	26,6 "
Адалия	1,2 "	21,6 "	—	77 "
Мерсина	5,6 "	9,4 "	9,9 "	5 "

*) Результатом работ ее явился труд „Ближний Восток, как рынок сбыта русских товаров“, изданный под ред. В. И. Лисенко—Минист. Торговли и Промышленности. П. 1913.

Как нам ярко показывает эта табличка *), составленная для периода 1905—7 г. г., итальянское морское движение в западных и южных портах Анатолии за 7 лет до мировой войны или совершенно отсутствовало (Дикили, Скала Нуова, Адали), или же носило ничтожный характер.

К сожалению, у нас отсутствуют аналогичные систематические статистические данные об итальянской торговле за последующее пятилетие вплоть до Триполитанской войны. Общие цифры торговли Италии с Турцией доказывают, однако, весьма незначительный рост итальянских коммерческих интересов.

1908 г.		1913—14 гг.	
Ввоз в Турцию.	Вывоз из Турции.	Ввоз в Турцию.	Вывоз из Турции.
1.187.786 ф. с.	704.070 ф. с.	2.699.000 ф. с.	927.260 ф. с.

Как мы видим из этой таблички, итальянский ввоз как будто значительно увеличился, при крайне незначительном приращении вывоза. Однако, если мы перейдем от этих абсолютных цифр к относительным, мы увидим, что участие итальянцев в общетурецкой торговле за указанный период не только не увеличилось, но, на оборот, значительно уменьшилось. Если в 1908 г. Италия занимала 4-ое место в общеттоманском ввозе и 7-ое в вывозе, то в 1913/14 г. г.—ей принадлежало уже 6-ое место в ввозе, при том же месте в вывозе, что и пять лет назад.

То же следует сказать и об участии итальянского капитала в экономической жизни этих богатейших районов. Хлопковые плантации Айдинского вилайета, рудники, залежи lignita, небольшие текстильные фабрики—все это составляло собственность или греческих предпринимателей, или англо-французских компаний.

Недаром автор прекрасного экономического обследования южной Анатолии Л. Ваннутелли делает следующий пессимистический вывод: «Среди указанных больших предприятий нет ни одного итальянского. Однако, страна, которая имеет рудники, гидравлическую силу, уголь, хлопок, шерсть и т. п., должна привлечь инициативу итальянцев» (стр. 188).

§ 5. ФРАНЦУЗСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В СИРИИ.

Франция уже давно избрала Сирию базой для своего влияния на Ближнем Востоке. Страна эта не представляется особенно одаренной в естественном отношении. Сельские культуры не могут здесь сколько-нибудь значительно развиваться, благодаря необычайной узости страны, сжатой между морем и горными хребтами и незначительности пригодной для обработки площади. Недаром, наиболее ценные промышленные культуры, которыми ранее славилась Сирия, хлопководство и шелководство, за последнее пятидесятилетие буквально вымирают. **) Что касается до

*) Составлена по L. Vannutelli, ук. соч.

**) Очерк экономики Сирии дан в книге В. Кряжина: „Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке“, М. 1923.

горных богатств Сирии, то они, по меньшей мере, весьма проблематичны. По крайней мере здесь несомненно отсутствуют уголь и железо, без которых невозможно развитие сколько-нибудь значительной индустрии. «Что имеется в Сирии в пределах французского мандата?—задает вопрос французский профессор-патриот, проповедующий максимальное развитие производительных сил этой страны; «очень мало вещей: немного железа, немного хрома, немного лигнита, немного асфальта, немного соли. О нефти не приходится и говорить...» *).

Эта бедность естественными ресурсами объясняет неудачу всех попыток развить промышленность Сирии, предпринимавшихся сионистами, немцами и французами. Несмотря на бесспорно происходящий процесс капитализации страны, туземная индустрия в сущности не выходит из стадии домашней мануфактуры. С другой стороны, в Сирии насчитываются уже десятки «неудачных промышленных опытов», проваливавшихся промышленных экспериментов по терминологии лучшего знатока Сирии, А. Руппина. **).

Что же главным образом привлекало французов к Сирии? Несомненно, ее исключительное географическое положение. «Омываясь Средиземным морем и в то же время являясь географической гранью четырех соприкасающихся территорий: Египета, Аравии, М. Азии и Месопотамии, Сирия самой природой была предназначена для роли торгового посредника между этими странами». ***). И действительно, мы видим, как в древности и в течение всех средних веков Сирия всегда играла крупную посредническую роль между Европой, Азией и Африкой. Открытие морского пути в Индию и прорывные Суэцкого канала—нанесли смертельный удар ее сухопутной торговле. Начиная с XVII в., мы видим, как гложут великие караванные пути, некогда соединявшие Левант с Персией и Индией. Но в к. XIX в., в связи с оживленным ж. д. строительством, гл. обр. с великой Багдадской дорогой, отчасти восстанавливается прежнее значение Сирии, как перекрестка, где скрещиваются крупнейшие международные пути. Кроме большого значения торгового-посреднического, Сирия приобретает интерес чисто стратегический, т. к. одного взгляда на карту достаточно, чтобы убедиться, что обладание этой страной дает возможность перерезать коммуникационные пути, соединяющие великие державы с их колониями и полуколониями (Египтом, Месопотамией и т. д.).

Именно это двойное: коммерчески—стратегическое значение Сирии и привлекало к ней Францию, начиная с 40-х г. г. прошлого столетия.

Чуть ли не главной отраслью сирийской промышленности, как уже указывалось, издавна являлось шелководство, практикуемое, конечно, самыми кустар-

*) P. Huvelin. Que vaut la Syrie. Suppl. à l'Asie Française. 1921. № 1, стр. 19.

**) А. Руппин. Современная Сирия и Палестина II. 1919, стр. 155—158.

***) В. Кражин. Ук. соч., стр. 8.

ными приемами. В 1840 г. в Ливане, главном центре шелководства, учреждается первая шелко-прядельная мастерская с механическим двигателем. После этого в течение некоторого времени наблюдалось довольно значительное развитие культуры шелка. Французские фирмы, гл. обр. Лионские, снабжали ливанских шелководов механическими прялками и станками, выдавали им задатки и благодаря этому монополично скупали всю пряжу и коконы. Однако, вся эта промышленность носила чрезвычайно миниатюрный характер, и когда в XIX в. усилилась японско-китайская конкуренция, сирийское шелководство начало быстро хиреть. Накануне войны в Сирии вырабатывалось около 6 мил. кил. свежих коконов, что давало не более 500.000 килгр. *) пряжи. Производство шелковых тканей было совсем ничтожным и шло исключительно на местный рынок. Во всяком случае, все сирийское шелководство было монополизировано Лионскими фирмами, и это сильно увеличивало престиж Франции в особенности в Ливане.

Целый ряд шагов был предпринят Францией с целью усиления торговых связей с Сирией. С этой целью она учредила в важнейших портовых городах: Бейруте, Яффе и др. отделения своих банков, гл. обр. Лионского кредита, которые занимались коммерческими и кредитными операциями: ссудами, залогами, торговлей девидами и т. п. Благодаря этому, Франция занимала в сирийской торговле второе место среди европейских держав, как показывает нижеследующая табличка (для 1910 нормального года) **)

Англия	46.959.000 фр.	25,7%
Турция	33.744.000 »	18,5%
Франция	32.673.000 »	17,8%
Египет	18.379.000 »	10%
Австрия	11.122.000 »	6%
Италия	10.357.000 »	5,6%
Германия	8.115.000 »	4,4%

В отношении экспорта Франция занимала даже первое место (32%), значительно превосходя Англию (9,7%). Укрепляя путем торговли свое политическое значение в Сирии, Франция твердо придерживалась максимы Мефистофеля **)

Krieg, Handel und Piraterie.

Dreieinig ist sie, nicht zu trennen!

(«Война, торговля и пиратство—образуют нерасчленимое триединство»).

*) Berial. La Sericulture au Liban. Suppl. à l'Asie Française. 1922. № 5, стр. 119.

**) P. Huvelin. Указ. статья, стр. 41.

***) Гете. Фауст. II-я часть.

Наиболее серьезным орудием французского проникновения в Сирию являлось железнодорожное строительство.

Накануне войны Франция владела в Сирии ж. д. сетью в 788 километров, что составляло почти 40% всех ж. д. страны. Почти вся эта сеть принадлежит обществу Société Ottomane du Chemin de fer Damas—Hamà—et Prolongements (ДНР), за спиной которого стоит в качестве финансиста Парижское Régie générale des Chemins de fer. *). Французские линии соединяют главные пункты страны, а именно: Алеппо, Хоме, Хама и Дамаск; в Бейруте и Триполи они получают выход к морю. Огромное значение их заключается, кроме того, в том, что они составляют необходимое звено, соединяющее Багдадскую колею с ж. д. Египта. Недаром в 1912 г. Франция заключила соглашение с Германией, по которому она отказалась от участия в Багдадской ж. д. и даже продала Deutsche Bank'у свои акции, составлявшие 30% основного капитала, взамен отказа Германии от ж. д. строительства в Сирии.

Параллельно с ж. д. деятельностью, Франция предпринимала в Сирии целый ряд крупных муниципальных работ: оборудование Бейрутского порта, проведение трамваев **), электрического освещения, установку телефонов и т. п.

Как мы видим из этого беглого обзора, французский капитал в Сирии сумел глубоко проникнуть в хозяйственную жизнь страны и в нескольких областях добился даже преобладающего положений: в экспорте, шелководстве и ж. д. строительстве.

Совершенно иной была экономическая позиция Франции и близлежащей Киликии (Адапском вилайете). В противоположность Сирии, эта область представляет совершенно исключительные возможности в смысле развития высоких с. х. культур. ***) Огражденная с севера Тавром, обильно орошенная, наконец, обладающая слоем чериозема в 3 метра—Киликия необычайно приспособлена для хлопководства. Первые обратили внимание на Киликийское хлопководство немцы. В 1903 г. они учредили немецко—левантское хлопковое общество (Deutsche Levantinische Baumvollgesellschaft), которое в короткий срок монополизировало весь вывоз хлопка и приступило к оборудованию нескольких больших хлопкоочистительных заводов.

Французская текстильная промышленность, как известно, испытывает хронический хлопковый голод. Мировая добыча этого продукта сосредоточена Соединенными Штатами (70%) и Англией (15% в Индии и 5%—Египте). Благодаря этому французские текстильные фабрики находятся в полной зависи-

*) Подробности у Р. Руппина, ук. соч. стр. 270—278.

***) Compagnie des Ports, des Qais et Entrepôts de Beyrouts и Société des tramways Libanais—находились в финансовой зависимости от Société Ottomane des Chemins de fer.

***) В. Кряжин. Ук. соч. глава Киликия, стр. 53—63.

мости от этих стран *), поставляющих 92,6% всего хлопка, потребляемого ими. На долю остальных стран— поставщиков (в том числе и французских колоний) приходится всего каких—нибудь 7,4%.

Не мудрено, поэтому, что, желая избавиться от стеснительной хлопковой монополии, Франция обращала свои жадные взоры на Киликию, которая теоретически могла бы покрыть всю ее нужду в этом продукте. Однако, до мировой войны ей не удалось сколько—нибудь прочно экономически утвердиться в Киликии. Все крупные хлопковые предприятия последней принадлежали немцам, англичанам, а больше всего грекам. В киликийской торговле Франция играла совершенно ничтожную роль. Ее ввоз в 1913 г. в Мерсину (главн. порт Киликии) равнялся 2,7% общего импорта; вывоз из Адашского вилайета достигал всего 5,3% общего экспорта **). Однако, не взирая на эти факты и цифры, Франция продолжала считать Киликию входящей в сферу ее влияния на Ближнем Востоке. Чтобы обосновать свои права на нее, она прибегла к следующему остроумному приему: она начала считать ее за северную часть Сирии, неразрывно связанную с последней географически и экономически.

Рука об руку с этим экономическим внедрением в Сирию шло, конечно, проникновеннее политическое. Чтобы усилить свой престиж среди местного населения, Франция поддерживает и расширяет свой протекторат над восточными католиками, составляющими значительный процент населения Сирии, в особенности Ливана (марониты). Она берет под свою защиту 6 церквей (латинскую, армяно-католическую, мелитскую, маронитскую, несторианскую и объединенно-сирийскую). Именно эти церкви, а также многочисленные французские школы и благотворительные учреждения становятся центрами пропаганды французского языка и культуры. Недаром над учреждениями латинской епархии реяло трехцветное республиканское знамя, и французский консул играл почетную роль на всех церковных церемониях.

Франция не довольствовалась, конечно, этой культурно-религиозной базой: воспользовавшись в 1860 г. борьбой в Сирии друзов и христиан маронитов, она оккупировала Ливан своими войсками и добилась для него довольно широкой автономии. В 1864 г. Ливан стал самостоятельным пашалыком, управляемым христианином-губернатором, под контролем великих держав и в первую очередь, конечно, Франции. С этих пор французские империалисты всегда считали совершенно бесспорным, что Сирия составляет «историческую зону влияния Франции».

---

*) Ed. C. Achar d. Le Coton en Cilicie et en Syrie, Supplá l'Asie Française. 1922.

**) Ed. Achar d. Ук. ст., стр. 91.

§ 6. АНГЛИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В МЕСОПОТАМИИ.

Такой же территориальной базой, как Сирия для Франции, являлась Месопотамия для Англии. Однако, эта страна во многом отличалась от Сирии.

Крупное политико-экономическое значение Месопотамии обуславливается тремя факторами: 1) необычайным плодородием страны; 2) наличием крупных залежей нефти и 3) пересекающими ее путями, приводящими в связь Персидский залив с Персией.

Высокое плодородие Месопотамии объясняется тем, что значительные участки ее состоят из чернозема (т. наз. савада), образовавшегося, как и в Египте, из отложений речного ила. Благодаря этому Месопотамия в древности являлась житницей для всей Передней Азии, и лишь разрушения, происходящие в течение 9 веков, всех ее оросительных сооружений низвели ее на ту жалкую ступень, на которой она сейчас находится. Впрочем, даже сейчас эта невероятно запущенная страна производит такое количество зерна, что его хватает на экспорт в Аравию, Индию и в др. страны. Восстановление оросительной сети вновь может возродить хозяйственное значение страны, и она опять превратится в хлебное депо, снабжающее не только Азию, но и Европу.

Наконец, благодаря тем же почвенным условиям, Месопотамия (подобно Египту) совершенно исключительно приспособлена для культуры хлопка, опыты разведения которого оказались вполне успешными.

Эти хозяйственные возможности Месопотамии, начиная с к. XIX в., привлекали внимание немцев и англичан. Инженеры (вроде Вилькокса) разрабатывали проекты ирригации страны, в этом направлении делались даже некоторые опыты и т. д. *).

Еще более крупным представляется значение Месопотамии, как торгового посредника между Персидским заливом и Персией. Действительно, основную водную магистраль страны образует течение великих рек Тигра и Евфрата, судоходных до Багдада. Но из последнего по течению реки Диалы, пересекающей малодоступные хребты Загроша, открывается легчайший путь на Иракское плоскогорье. Уже с седой древности именно по этому пути происходили культурные, политические и торговые сношения между Ираном и Месопотамией. Благодаря этому обстоятельству открытие Суэцкого канала не только не нанесло ущерба торговле Багдада и Басры, но, наоборот, значительно увеличило ее, приведя в оживленную связь с европейско-американской морской торговлей.

Коммерческие обороты Багдада растут поэтому с необычайной быстротой: за 13 последних лет экспорт и импорт Багдада увеличились в $2\frac{1}{2}$ раза, причем это увеличение произошло главным образом за счет торговли с Персией.

*) Подробности см. В. Кряжин, ук соч., глава о Месопотамии, стр. 64—11.

Экономическое утверждение англичан в Месопотамии происходило как раз по течению великих рек. В 1861 г. Лич образовали компанию пароходства по Тигру и Евфрату, и с этих пор англичане фактически монополизировали все речное плавание. Целый ряд англо-турецких соглашений (важнейшее в 1913 г.) расширили права компании Лича, которая получила даже право—улучшить условия плавания по Шатт эль Арабу. *). Так, как мы увидим ниже, все коммерческое плавание по Персидскому заливу также было монополизировано англичанами, то они оказались хозяевами всей внешней торговли Месопотамии. В 1912 г. 90% всех морских судов, посетивших Персидский залив — плавало под британским флагом. Лишь стремительное проникновение Германии поколебало эту давнишнюю гегемонию Англии. Ее тоннаж в Персидском заливе начал падать, что же касается до компании Лича, то она принуждена была заключить с Deutsche Bank соглашение (1912 г.) об образовании совместного «Общества речного транспорта на Востоке» (Société des transports fluviaux en Orient), акции которого были поровну между ними поделены.

Несмотря на это, Англия вплоть до мировой войны сохраняла первенствующее место во внешней торговле Месопотамии, как это доказывает нижеследующая табличка торговых оборотов Багдада за 1909—13 г. г. **).

	Экспорт.		Импорт.	
	1909.	1913.	1909.	1913.
Великобритания	33,4%	32,6%	55,8%	45,1%
Соед. Штаты	17,7 "	18,4 "	0,01 "	0,3 "
Франция	15,3 "	19,4 "	5,6 "	2,8 "
Германия	8,7 "	6,2 "	1,7 "	5 "
Другие страны	29,9 "	23,4 "	36,8 "	46,2 "

Как мы видим, Англия сохраняла господство и в сфере экспорта и импорта, хотя ее участие в месопотамской торговле за 4 довоенные года неуклонно падало.

Проводниками английских торговых и финансовых интересов являлись: Восточный банк (Eastern Bank Ltd), имеющий свой филиал в Багдаде, а также 6 торговых фирм в том же городе (из общего числа 8-ми иностранных фирм).

Наряду с торговлей, нефть Месопотамии в необычайной степени привлекала внимание английского капитала. В к. XIX в. немецкие и английские геологи и путешественники обнаружили мощную нефтяную зону, простирающуюся от Мосула на юго-восток к Шустеру до Бендер Аббаса, т.е. до Персидского залива ***). Важнейшими нефтяными участками являются: Гайяра, Керкук, Мендели, Каер—и—Ширин и Майдан—и Нафтун.

*) Mesopotamia. Изд. Histor. Section of Foreign Office. 1920, стр. 30—31.

**) Mesopot, стр. 128—9.

***) C. A. Schaffer. Die Anglo-Persian Oil Co. Der Neue Orient. 1917. B. I. H. I.

Эта зона, расположенная на территории Турции и Персии, тотчас же стала объектом домогательств различных концессионеров. Первые серьезные успехи были достигнуты ими в Персии.

В 1903 г. англичанин W. Knox d'Arcy получил от шахского правительства огромную концессию в Южной Персии, покрывающую 1.250.000 кв. миль. Несомненно, что в получении английским финансистом этой концессии надо видеть крупную победу лорда Керзона, который в те годы, будучи вице-королем Индии, всячески усиливал британскую гегемонию в Персидском заливе.

Концессия d'Arcy скоро перешла в руки основанной в 1909 г. Англо-Персидской нефтяной компании (Anglo Persian Oil Co), выделившей для нефтяных участков, лежащих в стране бахтияр—Bachtiari Oil Co. В начале второго десятилетия XX в., в связи с необычайным ростом мирового значения нефти, после применения его в качестве топлива для коммерческого и, самое главное, военного флота, британское правительство проводит огосударствление Англо-Персидской нефтяной компании. По соглашению с последней, английское правительство приобрело половину акций—2.000, оставив в распоряжение частных фирм (гл. обр. Burmah Oil Co)—1999 акций. После того, правительство ввело своих представителей в Совет директоров Компании.

Гораздо труднее для западных капиталистов оказалось получить нефтяные концессии в сев. Месопотамии. Начиная с XX в., мы видим, как здесь конструируют немцы, англичане и американцы. После длительной борьбы между немецкой и английской группами, было заключено компромиссное соглашение. Предполагалось создать общество Turkish Petroleum, $\frac{3}{4}$ акций которого принадлежали бы англичанам и $\frac{1}{4}$ —немцам. Война помешала ратификации этого соглашения турецким правительством.

Однако, уже в тот период ясно обозначилось соперничество в борьбе за нефть со стороны Соединенных Штатов. Представитель американских нефтяных групп адмирал Честер хлопотал перед правительством Абдул Гаида и сменившим его младотурецким о получении нефтяных концессий в Месопотамии и Армении, а также о концессии на проведение ж.-д. через Мосул. Проект концессии Честера также был представлен на ратификацию турецкому парламенту, но начавшаяся война аннулировала американские домогательства. Как мы видим, вплоть до мировой войны, вопрос о нефтяных концессиях Месопотамии оставался открытым, благодаря ожесточенной конкуренции трех держав.

Борьба за политико-экономическое укрепление в Месопотамии являлась для Великобритании лишь частью общего плана, проводимого ею уже с пол. XIX в., а именно—политического подчинения всех арабских территорий, от Египта и до Персидского залива.

В результате этой сложной и продолжительной работы, где золото играло такую же роль, как и оружие, Великобритания устанавливала свой протекторат над

значительной частью Аравийского полуострова, а также целиком монополизировала вплоть до конца XIX века плавание по Персидскому заливу. Полицейский надзор, устройство маяков и буев, санитарный контроль—все это составляло никак не оспариваемые функции британского флота.

Мы видим, таким образом, как к началу XX в. смыкается круг английского влияния вокруг берегов Аравии. Оба мировых морских пути, идущих через Красное море и Персидский залив, попадают целиком в ее руки.

Накануне войны Англия не только сумела укрепить свое экономическое влияние в Месопотамии, Персидском заливе и Красном море. Путем настойчивой военно-дипломатической работы она сумела подчинить своему контролю все важнейшие морские пути, пересекающие эти районы, и превратиться буквально в «арабскую державу».

§ 7. ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ТУРЕЦКОЙ АРМЕНИИ.

Гораздо более медленным темпом происходило экономическое внедрение России в Армению, область, издавна избранную ею в качестве своей доли наследства «большого человека».

Армения, эта исключительно горная страна, пересеченная по всем направлениям высочайшими хребтами: Ала-Дага, Бингель-Дага, Понтийского и Армянского Тавров,—имеет довольно незначительную хозяйственную ценность. Благодаря суровости климата и ограниченной культурной площади, здесь нельзя развить крупного сельского хозяйства. Минеральные богатства Армении мало изучены, и к тому же, благодаря почти полному отсутствию удобных дорог, разработка их сопряжена с огромными трудностями. Россия, которая разрабатывала едва 5% горных богатств русской Армении, не могла быть, конечно, особенно заинтересованной в рудах и минералах Армении турецкой *).

Последняя всегда имела для нее огромное значение, но чисто стратегическое. Возвышаясь, как естественная крепость над низменностями Месопотамии и равнинами Апатэлии, Армения представляет стратегический ключ ко всему Ближнему Востоку. Царское правительство, стремясь захватить Армению, всегда рассматривало ее, как бастион, воздвигнутый на южной границе Закавказья, и вместе, как цитадель, обладание которой обеспечит господство над Сев. Персией, Анатолией и Ираком. Исходя из этих чисто военных соображений, Россия не только не форсировала экономическое развитие Армении, но, наоборот, стремилась всячески задержать его. Известно, напр., что Россия препятствовала проведению здесь ж. д., шоссейных

*) А. Калантар. Экономические перспективы Восточной Анатолии. Тиф. 1913, стр. 30-31.

дорог и т. п., видя в этом угрозу для своей кавказской границы, в случае войны с Турцией.

Характерно, что правительство Абдул Гаида, исходя из тех же соображений, также тормозило хозяйственное развитие Армении, за которым ему мерещилось русское торговое и экономическое проникновение.

Благодаря этим обстоятельствам, от центра страны Эрзерума до русской границы вплоть до войны отсутствовала хорошая шоссевая дорога. Эрзерум не был даже соединен телеграфом с Карсом. Отделение Оттоманского Банка в Эрзеруме не принимало переводов на Россию, и, наконец, почтовая контора не принимала на Россию ни денежной, ни заказной корреспонденции так же, как посылок.

При таких условиях наладить сколько-нибудь значительные торговые связи с Арменией почти не представлялось возможным. И все же, как раз накануне войны, в связи с интересом России к Армении, ее торговля с последней обнаружила некоторый прогресс. В 1911 г. в Ванский вилайет было ввезено товаров на 1,144 тыс. руб., из которых на долю России приходилось около 30%. Во все вилайеты Турецкой Армении в том же году было из России ввезено 695 тыс. пуд. товаров против 639 тыс. пуд. 1910 г., причем ценность ввоза, хотя и незначительно, но понизилась. *) Главными продуктами русского ввоза были: сахар, спирт, железо и керосин; вывоза — скот, хлопок, невыделанные кожи.

Во всяком случае, вопрос о развитии наших торговых связей с Арменией был поставлен русскими промышленниками на очередь дня. Крупный купец Д. И. Давидов следующим образом характеризует перспективы этой торговли в записке, представленной на съезд представителей промышленности и торговли.

«Россия, находясь в столь близком соседстве с Турцией, сильно отстала в сбыте своих товаров по сравнению с европейцами, которые, несмотря на несколько тысяч верст, отделяющих их от Эрзерумского вилайета, торгуют ежегодно только в пределах названного вилайета, не менее, чем на 20 миллионов руб. Турецкая Армения легко могла бы стать русским рынком, если бы такие учреждения, как Совет Съездов и Министерство Торговли обратили на нее должное внимание».

Что касается до черноморской торговли России с портами: Самсуном, Трапезундом, Керасундом, Орду и Ризе, то она также накануне войны обнаруживала некоторый прогресс: Россия занимала здесь первое место — 4.373.900 ф. ст. в 1919 г. и 4.469.100 ф. ст. в 1910 г. **).

Однако, если мы сопоставим эти незначительные успехи с финансово-экономической деятельностью французов в Сирии или англичан в Месопотамии, мы убедимся, что интересы царской России в Армении лежали не в плоскости экономической, а чисто политической.

*) Вестник Финансов. 1913 г. № 5.

**) Armenia and Kurdistan, изд. Hist. Sect. of Foreign Office. 1920, стр. 74.

Как раз накануне мировой войны России удалось в этом отношении достигнуть чрезвычайно крупных результатов.

Балканская война сильно ухудшила положение армян. Из Фракии и Македонии, занятых сербами и болгарами, потянулись мусульмане беженцы, которых младотурки направляли в восточные вилайеты для создания там «турецкого ядра», и которые сильно обострили аграрный вопрос.

Армянские общественные круги вновь меняют свою ориентацию и обращаются за помощью к России. Последняя также резко порывает со своей прежней анти-армянской политикой и устами наместника Закавказья гр. Воронцова Дашкова заявляет, что «армянский вопрос — мы создали сами... Никакого сепаратизма среди армян не существует».

Причину этой резкой перемены прекрасно охарактеризовал Милкоков, заявивший в одной из своих лекций, что «перед Европой или полный раздел Турции или раздел сфер влияния. Армяне засели на передутья между Россией и Турцией», армянский вопрос поэтому имеет центральное значение. В 1913 г. Россия берет на себя проведение реформ в армянских вилайетах, гарантированных 61 статьей Берлинского трактата. После долгого сопротивления со стороны Турции, России все же удается заставить ее подписать соглашение о реформах в Армении (26 янв. 1914 г.)

По этому важному акту 6 восточных вилайетов составляли два сектора, управление которыми поручалось двум генералам-инспекторам иностранцам. Им принадлежал высший контроль над администрацией, полицией и юстицией. Под их же непосредственным наблюдением решались земельные споры. Христианское население получало довольно значительные льготы в области самоуправления, языка и воинской повинности.

Как мы видим, в вопросе об армянских реформах Россия выступила в качестве официальной покровительницы армян, при чем эта роль была признана за ней не только державами (включая и Германию), но и самой Турцией.

§ 8. МИРОВАЯ ВОЙНА И РАЗДЕЛ ТУРЦИИ. *)

Мировая война поставила перед великими державами во всей широте вопрос о разделе Турецкой империи. До войны между державами не состоялось хотя бы предварительного размежевания в этой области. Ни одна из них не сформулировала официально даже своих притязаний на ту или иную зону. Лишь царская Россия совершенно определенно стремилась к осуществлению своих «исторических» задач, а именно: к захвату проливов и Турецкой Армении. Между 1908—1914 г.г.

*) Эта глава написана на основании архивных документов НКВД, выпущенных отдельным томом под заглавием «Раздел Азиатской Турции». М. 1924.

в Петербурге происходят три Особых Совецания по восточным делам, на которых точно формулируется империалистическая программа России на Ближнем Востоке. Одновременно русские дипломаты зондируют почву в Константинополе, Париже и Лондоне. Однако, вплоть до мировой войны Россия получает от своих союзников крайне уклончивые ответы. Если мы припомним огромную заинтересованность Франции и Англии в финансово-экономической жизни Турции, мы поймем, что они должны были до последней возможности защищать догму ее неделимости.

В течение двух лет, предшествовавших мировому катаклизму (1913—14 г.г.) произошло несколько соглашений по ближневосточному вопросу, отмеченных выше. Но они были заключены почти исключительно между Германией и другими державами и представляли попытку мирно размежеваться на Ближнем Востоке с германским империализмом, в связи гл. обр. с Багдадской железной дорогой. Совсем накануне войны (в 1914 г.) Англия пыталась заключить соглашение с Турцией по арабским делам, но оно закрепляло существующую систему полунезависимых, полувассальных государств (Нежд, Оман, Кувейт и др.) и, таким образом, не вносило чего либо нового в Восточный вопрос. Перекрестные соглашения, заключенные накануне войны, были направлены поэтому не к разделу Турции, а к защите экономических интересов держав в тех зонах, которые, как мы видели, уже давно были избраны ими. Царская Россия, заставив оттоманское правительство принять проект о реформах в армянских вилайетах, и тут откровеннее других держав продемонстрировала свою территориальную заинтересованность в судьбах Турции. Несомненно, что именно эта тенденция России форсировать разрешение Восточного вопроса — сильнее всего удерживала Францию и особенно Англию от каких-либо предварительных попыток точного размежевания в Турции. Они прекрасно знали, что лишь только будут произнесены слова «Раздел Турции», как царское правительство потребует себе Константинополь, проливы и Армению. Подобная же огромная экспансия России на Востоке пугала их не меньше, нежели максимальная программа германского империализма.

Мировая война разом опрокинула все эти расчеты и опасения. В первые месяцы войны, предшествовавшие вступлению в нее Турции, великие державы, правда, давали ей письменную гарантию неприкосновенности, при условии сохранения нейтралитета. Однако, несмотря на участие в этих переговорах России, гарантия эта, если бы она и была дана, конечно представляла бы из себя сплошную фикцию. Ведь царская Россия участвовала в мировой войне, главным образом потому, что для нее она являлась войной за «турецкое наследство». Поэтому уже в тот момент, когда немецкие пушки гремели под Льежем — «палач» уже появился у ворот Константинополя.

Тотчас же по вступлении Турции в мировую войну — возник вопрос о разделе Оттоманской Империи. При наличии той сложной финансово-экономической ситуации, которая всегда существовала на Ближнем Востоке, согласовать инте-

рессы и устремления Антанты представляло, конечно, огромные трудности. Два года происходила в недрах Антанты ожесточенная дипломатическая борьба из-за турецкого наследства, пока не удалось достигнуть некоторого соглашения, далеко, впрочем, как увидим, не окончательного.

Уже в начале 1915 г. возникает вопрос о будущем Турецкой империи, в связи с попытками держав Антанты привлечь на свою сторону Грецию и Болгарию. Они принуждены обещать первой — территориальные компенсации в Малой Азии, а второй — приобретения в Европейской Турции (Вост. Фракию до линии Энос—Мидия). Среди возникших по этому поводу переговоров, Делькассе делает неосторожное замечание о важности для Франции Смирны, как узла французских ж. д., вследствие чего для России, Англии и Франции необходимо «предварительно сговориться о разделе Турции».

Но, конечно, роль застрельщика, как и следовало ожидать, играла здесь Россия *). Английское правительство пыталось сначала сопротивляться русским притязаниям. В ответ на торжественное заседание в Государственной Думе, где Сазонов довольно прозрачно намекал на предстоящий выход России к свободному морю, Э. Грей сделал неприятное разъяснение, что «та политическая форма, которую примет стремление России — будет обсуждаться на мирной конференции». Эти слова руководителя английской политики произвели среди русских империалистически — буржуазных кругов впечатление взорвавшейся бомбы. Негодование было настолько сильно, что информированный Бьюкененем Э. Грей пытался свалить все на Францию, якобы пренебрегающую утверждению России в проливах. Однако, Делькассе совершенно резонно констатировал, что «узел вопроса находится в Лондоне», что, конечно, прекрасно было известно русским дипломатам.

Операции англичан в Дарданеллах, угрожавшие, в случае успеха, британской оккупацией Константинополя, чрезвычайно встревожили царское правительство, и оно усилило свой натиск на Англию. В результате, после ряда проволочек со стороны Англии, указывавшей, что она за отсрочку разрешения турецкого вопроса до мирного договора, что Англия не заинтересована в разделе Турции и т. п., все же она принуждена была пойти на уступки.

В марте 1915 г. Франция и Англия отказались в пользу России от того, «что собственно является наиболее ценным приобретением всей войны» — от Константинополя и проливов. Помимо ряда ограничений русского суверенитета в проливах, а также территориальных компенсаций (в Персии) — и Делькассе и Э. Грей указали царскому правительству, что утверждение России на берегах Мраморного моря зависит от разрешения другого вопроса, а именно: от раздела азиатских владений Турции.

*) См. статьи: М. Ковалевского, П. Милюкова, Е. Трубенцкого, проф. Яценко и др. С целью обработки общественного мнения Безобразов выпустил даже целую книгу: «Раздел Турции». П. 1917 г.

Как мы видим, вопрос о разделе Османской Империи возник в теснейшей связи с устремлением русских империалистов к Константинополю и проливам. Несомненно, что уступка последних России носила чрезвычайно вынужденный характер, как для Англии, так и для «дружественной» Франции. Много месяцев спустя (29/XII 1915 г.) Извольский сообщал Сазонову, что «соглашение о Константинополе и проливах в здешних (парижских) парламентских кругах не особенно популярно, и оно послужило поводом к нареканиям на Делькассе». Но царский империализм в то время еще был слишком силен, и Англии и Франции пришлось идти на уступки, позаботившись о максимальных компенсациях в Азиатской Турции.

Для нас не представляет интереса следить за всеми перипетиями той подготовительной работы, которая предшествовала заключению соглашений о разделе Турции. Достаточно сказать, что в течение года все великие державы зондировали почву и создавали соответствующие предпосылки для предъявления максимальных территориальных требований.

Франция пыталась, насколько возможно, расширить географическое понятие Сирии. Палеолог в ставке испрашивал согласие на включение в нее не только Палестины, но и Киликии.

Россия, стремясь к созданию Великой Армении, конечно, под своим сюзеренитетом, в виде пробного шара выдвигает самих же армян. Известные армянские общественные деятели д-р Завряев и Погос Нубар Паша зондируют почву в Лондоне и Париже. В полном согласии с Сазоновым, они выдвигают план создания автономной Армении, в состав которой входила бы и Киликия (без Александретского залива). Предвидя неизбежную оппозицию со стороны Франции, Сазонов одновременно уведомляет, что императорское правительство еще не приняло окончательного решения по вопросу о судьбе Армении, и все беседы с армянами «носили чисто академический характер».

Наконец, что касается до Англии, то попутно с Месопотамской кампанией она вступает в оживленные переговоры с арабскими националистами. Она обещает им образование самостоятельного арабского государства, в состав которого входила бы даже Палестина, но ставит непременным условием для этого восстание их против турок. В феврале 1918 г. эмир Геджаса Гуссейн *) — отлагается от Турции. С помощью английских инструкторов арабы занимают: Мекку, Джидду и Таиф: Англия приобретает новую прочную базу на Аравийском полуострове.

После этой подготовки, державы Антанты приступили, наконец, к заключению соглашений о разделе Османской Империи. В феврале 1916 г. уполномоченным Франции Ж. Нико и Англии сэром М. Сайкеом был составлен проект раздела Азиатской Турции, который и лег в основу всех дальнейших переговоров.

Основной чертой проекта было то, что Франции и Англии удалось добиться полного соглашения до вопросу о судьбе арабских областей, входивших в

*) Правильнее—Хиджаз и Хусейн, но в книге сохранено обычное произношение

состав Турции. Области эти делились на две категории: на аннексируемые Англией и Францией и на входящие в состав арабского государства, фактически подвластного им.

Франция получала прибрежную Сирию (без Алеппо и Дамаска), а также Киликию. Англия получала нижнюю Месопотамию с Багдадом, а также порты Акку и Кайфу, с прилегающим районом в Палестине. В этих территориях они по желанию могли устанавливать свое прямое или косвенное управление. Что касается до Палестины, то она составляла зону, находящуюся под особым международным управлением, форма которого должна была быть установлена по соглашению с Россией и прочими союзниками.

Территории, находящиеся между французской и английской зонами, составляли арабское государство или конфедерацию таковых. Лишенная выхода к морю, имеющая лишь отрезки ж. д. путей, область эта, конечно, никогда не смогла бы жить самостоятельной политической жизнью. Франция и Англия, впрочем, вполне предусмотрели это обстоятельство и поделили эту территорию на две части. Северная, включающая Дамаск, Алеппо, Дейр-эс-Зор и Мосул — составляла зону влияния Франции. Южная, от Мертвого моря до Персидской границы — зону влияния Англии. Права назначать советников, устраивать займы и т. п. делали эти области вассальными по отношению к Англии и Франции.

Остальные пункты соглашения, устанавливающие взаимные льготы в области таможенных тарифов, торговых привилегий, ж. д. транзита и т. п., не представляют для нас особого интереса.

Как мы видим, производя передел арабских областей, Франция и Англия руководствовались довольно точно теми экономическими интересами, которые у них действительно здесь имелись. Несколько удивляет тот факт, что Мосульская область вошла во французскую зону, несмотря на усиленный интерес Англии к находящимся здесь нефтяным находениям. Разгадку этого факта надо искать, повидимому, в обычном реалистическом подходе англичан ко всяким международным актам и соглашениям. Военная оккупация всегда являлась для них более веским аргументом, нежели дипломатический документ, чьи бы подписи под ним не стояли. Как известно, Месопотамская кампания англичан окончилась захватом всей Северной Месопотамии (с Мосулом) и даже Южного Курдистана. После окончания войны они просто отказались вернуть французам Мосульскую область, гарантированную им соглашением Сайкс-Пико. Взамен некоторых компенсаций, французам пришлось отказаться от нее, удовольствовавшись получением 25% необработанной нефти.

Гораздо труднее было размежеваться с Россией. Англия, ограничив свою зону кавказским Ираном, не имела с последней общих границ, и поэтому вся тяжесть переговоров пала на Францию. Первоначальный проект определял южную границу русских приобретений в Курдистане и Армении линией, идущей от оз.

Урми до Апамура по горным хребтам Тавра и Антитавра. Граница эта являлась совершенно неприемлемой для русских империалистов. Нарочито туманная формулировка французских предложений сводилась к тому, что Россия лишалась контроля над горными перевалами и проходами, ведущими с юга в районы великих армянских озер Урми и Вана. Вместе с тем, Россия как раз на южной границе получала соседкой не слабую Турцию, а империалистическую Францию. Недаром Сазонов, в докладе Николаю II, вполне определенно указывал, что соседство с «белой джунгли», хотя бы в настоящее время и союзной нам, нежелательно». Французам в конце-концов пришлось уступить, и Россия получила значительную территорию на юг от озер, составляющую санджак Хеккяри, и территорию несториан. В виде компенсации Франция получила на западе — территорию в треугольнике Кайсария-Сивас-Харпут.

Пожалуй, еще больше трудностей встретило определение сев.-западных границ территориальных приобретений России. Особое совещание, созванное для этой цели по почину Сазонова, никак не могло определить конечный пункт на побережьи Черного моря. В то время, как морской министр требовал в качестве предельного пункта на западе—Синопа, Сазонов, исходя из международных соображений, высказывался за отнесение его на восток, ближе к Трапезунду. Он указывал, что Франция, взамен отказа от ж. д. вблизи Закавказья, получила от турецкого правительства концессию на ж. д. линию Самсун-Сивас, «которой она чрезвычайно дорожит». Укрепление России на запад от Самсуна грозит поэтому вызвать в будущем ряд трений с Францией. Это указание на интересы Франции в Черноморьи вызвало необычайное негодование в русских милитаристических кругах, сразу забывших все дружеские чувства к своей союзнице. Военное ведомство резко протестовало против укрепления французских интересов на Черном море, которое после занятия проливов превращалось во «внутреннее русское море». Наши империалисты, борясь против проникновения Франции, указывали чрезвычайно характерным образом, что Россия «стремится к национализации окраин... Франция же будет склонна (в целях эксплуатации) предоставить населяющим ее территорию племенам полную самостоятельность с ультра-либеральным (!?) административным и социальным устройством, не считаясь с русскими государственными интересами». Перед лицом этой угрозы французского «ультра либерализма» русские военные круги ставили альтернативу: или безусловное приобретение всей территории до Синопа, или же оставление ее в турецких руках, но при том «огороженной от экономических посягательств Франции». Как видим, наши империалисты, в чаянии грядущих аннексий, не только растеряли все дружественные чувства по отношению к Франции, но совершенно забыли и прежние обещания предоставления армянам автономии, вместо которой они выдвинули старый лозунг «национализация окраин». Эта же точка зрения проводилась и на

практике, когда значительная часть Турецкой Армении была оккупирована русскими войсками. Из ставки, под внушением Сазонова, правда, писали вел. кн. Николаю Николаевичу, назначенному наместником Кавказа, что нельзя, «неловко» вполне отрицать существование армянского вопроса, необходимо поэтому предоставить армянам «в известных рамках» школьную и церковную автономию, право пользования языком и т. п. Однако, Николай Николаевич, этот самый яркий представитель русских милитаристических кругов, в ответ на это безапелляционно заявляет: «армянский вопрос, в пределах ныне существующей Российской империи, по моему глубокому убеждению, совершенно отсутствует, и не следует даже допускать напоминания о таковом». Чуть-ли не единственная уступка, которую он соглашался сделать для удовлетворения национальных чаяний армян, а именно в области языка, сопровождалась аннулирующей ее оговоркой «по при условии первенства русского наречия во всех официальных случаях».

Единоголосия по вопросу о конечном пункте русских приобретений на Черном море так и не удалось достигнуть; в тексте русско-французского соглашения было лишь указано, что русские приобретения простираются до пункта Черноморского побережья, подлежащего определению на запад от Трапезунда”.

Проще всех разрешил этот вопрос Николай II, который сделал следующую краткую, но вразумительную резолюцию: „Если нашей армии удастся дойти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница”.

После того, как были улажены самые трудные — территориальные вопросы, заключение соглашения между Россией и Францией не представляло никаких трудностей, вследствие чего и произошел соответствующий обмен нот (8/IV н. ст. 16 г.). Необходимо лишь отметить, что Франция вставила в соглашение два чрезвычайно важных пункта: 1) сохранение концессий на ж. д. и др., полученных ею от османского правительства и 2) участие каждого государства аннексировавшего турецкую территорию в Османском долге. Оба эти пункта вполне логически вытекали из той исключительной заинтересованности Франции в турецких финансах, которая была издавна ею приобретена.

Что касается до соглашения между Россией и Англией, то здесь разногласие получилось лишь в одном пункте. Принимая целиком основы русско-французского соглашения, англичане вносили следующие дополнения (к § 4). Во всех областях Османской Империи, уступаемых России, должны быть сохранены «существующие британские права мореплавания и развития» (existing British Rights of navigation and development).

Расшифровывая этот пункт, Грей указал, что под «правами мореплавания» понимается большое каботажное плавание в Черном море, под «правами на развитие» — некоторые концессии: на разработку медных рудников у Корасунда, на устройство портов и набережных в Самсуне и Трапезунде (в чем заинтересован Banque

---

d'Espagne) и т. п. Английская поправка вызвала сильное противодействие в русском правительстве, которое указывало, что, согласно законодательства — право каботажного плавания между русскими портами принадлежит лишь судам, плавающим под русским флагом. Англия также, со своей стороны, не уступала: вопрос о свободе каботажного плавания в Черном море имел для нее далеко не маловажное значение. Ведь, как известно, в морской торговле Турции Англия до войны занимала первое место. Вполне понятно, что она отнюдь не желала поступаться в пользу России своими многовековыми коммерческими интересами. Переписка по поводу спорного пункта продолжалась в продолжение ряда месяцев, пока Россия не предложила следующей примирительной формулы: „вопрос этот (о каботаже) впоследствии может быть подвергнут пересмотру, но предрешать его в настоящее время не представляется возможным».

§ 9. РАЗДЕЛ ТУРЦИИ И ИТАЛИЯ.

Участие Италии в разделе азиатских владений Турции составляет, быть может, самую любопытную страничку истории дипломатических сношений во время мировой войны. Условия вступления Италии в войну на стороне держав Антанты были определены Лондонским Соглашением 1915 г. (26/IV н. ст.), которое устанавливало, что: 1) Италия заинтересована в равновесии сил в Средиземном море и 2) в случае общего раздела Турции она должна получить «соответствующую часть в областях Средиземного моря, прилегающих к Адалии».

Несмотря на то, что Италия уже 5/VI н. ст. 1915 г. объявила войну Австро-Венгрии, а три месяца спустя — Турции, все переговоры о разделе Азиатской Турции совершались в глубочайшей тайне от нее. Правда, кое-какие слухи о происходящих переговорах доходили до итальянцев, но на их настойчивые запросы союзники давали „уклончивые ответы“, или же сообщали, что происходит лишь „обмен мнений“. Лишь спустя полгода итальянское правительство все же пришлось ознакомиться с текстом соглашений, но с любопытной оговоркой, что они не подлежат „дальнейшему обсуждению“. Это чересчур бесцеремонное отношение союзников переполняет чашу терпения итальянского правительства. Оно спешно составляет меморандум о притязаниях Италии в Малой Азии и вручает его державам. Притязания эти, как и надо было ожидать, носят совершенно неумеренный характер: итальянцы требуют передачи им трех вилайетов: Конийского, Адалийского и Айдинского (со Смирной), а также равного участия в правах, вытекающих из англо-французского соглашения (напр., в международном управлении Палестиной).

Для большей убедительности Союзники подкрепляют этот ультра-империалистический меморандум угрозой своей отставки, в случае непринятия его. Притязания Италии вызывают необычайное озлобление у других держав, гл. обр. у России и Франции. Россия, уже достаточно испуганная, как мы видели, близким соседством

с Францией, увидела, как к заповедным границам проливов украдкой пробирается другая европейская держава—Италия. При таких условиях царское правительство с ловкостью жонглера берет под свою защиту... Турцию, с которой оно продолжает находиться в войне. Нератов посылает русским послам телеграммы, полные тревоги за судьбу Турции, которая, лишившись выхода к морю, «обречена на захирение», и «лишится способности вести вполне самостоятельную экономическую жизнь». Наконец, даже Николай II с анекдотической прямолинейностью заявляет: «Наши требования относительно Константинополя с областью и проливами были ясные, а воцеления Италии в Малой Азии велики и неопределенны».

Не останавливаясь на деталях, укажу лишь, что для окончательного определения итальянской доли в М. Азии в Лондоне устраивается специальное совещание послов. Италии предлагают территорию, начинающуюся на юге от Смирны (в Скала-Нуово) и идущую на Ак Шехр — Ак Сарай — до французской границы в Египте. Итальянцы, однако, категорически отказываются принять эту границу, хотя, по вычислениям Британского Географического Общества, она и гарантирует им зону, «равноценную» французской. Обсуждение итальянских притязаний происходит в необыкновенно обостренной атмосфере. Русский посол в Риме — Гирс — констатирует «раздражение, усиливающееся в последнее время в взаимоотношениях между Францией и Италией», что внушает ему опасения за период после войны. В дипломатической переписке, относящейся к этому времени, мы находим желчные выпады против «крикливых притязаний Италии». «давления Соннино, не чуждого некоторого шантажа» и т. п.

Итальянская империалистическая программа, действительно, отличалась чрезмерным характером, но, конечно, никоим образом не с точки зрения «умеренности», отличавшей, якобы, программы других держав, хотя бы России или Франции. Итальянцы просто не имели серьезных экономических интересов в тех областях Малой Азии, на которые они претендовали. Именно поэтому их притязания носили такой «крикливый», чисто демонстративный характер, и отсутствие серьезных экономических аргументов заменялось бравадами с том, что Италия не хочет быть «сателлитом» Антанты и т. п.

Дальнейшее развитие вопроса об итальянских претензиях—падает уже на период Великой Русской Революции.

Последняя, вплоть до Октябрьского переворота, не внесла решительно никаких изменений в международную ситуацию, сложившуюся на Ближнем Востоке. В этом нет, конечно, ничего удивительного. Ведь в феврале 1917 г. у власти очутились как раз те буржуазные партии и группировки (кадеты, октябристы и др.), которые всегда были защитниками чисто империалистической программы на Востоке. Возглавлял внешнюю политику Временного Правительства П. Милюков, который еще в январе и феврале 1917 г. заявлял... «я хотел бы доказать, что приобре-

тение Константинополя и проливов не противоречит освободительным идеям войны и не может быть приравнено к «империализму», в том отрицательном смысле, в котором иногда это слово употребляется... Принципы настоящей «освободительной» войны, провозгласившей уважение к правам народностей, не только не могут оправдать дальнейшего существования Турции в ее теперешнем виде, но именно во имя этих принципов Турция должна быть ликвидирована... *)

Ясно, конечно, что, будучи представителем воинствующей русской буржуазии, П. Милюков должен был изо всех сил защищать действительность соглашений по турецкому вопросу, заключенных царским правительством. Уже 8/21 марта 1917 г. он обращается с циркулярной нотой к русским дипломатическим представителям за границей, в которой объявляет об обязательности для новой России всех международных договоров, заключенных во время войны. «Вследствие сего было бы желательно, чтобы союзники в ответах своих на наше извещение равным образом подтвердили обязательность для них всех ранее заключенных с Россией соглашений».

Однако, союзники, несмотря на всю лояльность и благонадежность Временного Правительства, спешили использовать благоприятную ситуацию и отвязаться от лишнего участника в дележе Турецкой империи, вдобавок претендующего на проливы. В апреле 1917 г. в Сен-Жане происходит секретное совещание по итальянскому вопросу, в чрезвычайно тесном кругу (Ллойд Джордж, Рибо и Соннино) и без участия России. На этом совещании Ллойд Джордж соглашается отдать итальянцам Смирну, при условии превращения ее в *port franc*. Хотя при этом и было оговорено, что окончательное соглашение должно быть представлено на утверждение России, но факт исключения ее из международного концерта по восточным делам оставался совершенно очевидным.

П. Милюков сначала принимал чрезвычайно воинственные позы. Он телеграфировал, что в вопросе о Смирне русское правительство остается на прежней точке зрения, он хлопотал даже, очевидно, с целью увеличения престижа России, об участии русского отряда в предстоящей оккупации Иерусалима: но это, конечно, было уже лишь игрой в империализм.

Сменивший П. Милюкова—М. И. Терещенко—по существу представлял ту же зрбо империалистическую программу, что и ушедший лидер кадетов. Он лишь был более изворотлив, чем последний, и умел довольно ловко приспособлять царскую захватническую политику с требованиями демократии об отказе от всяких аннексий и контрибуций. Лучшую характеристику этого коалиционного министра дает сам П. Милюков в своей «Истории второй русской революции». «По существу М. И. Терещенко продолжал политику П. Милюкова, совершенно отказавшись от той точки зрения на «аннексии», которой он держался при вступлении в мини-

*) П. Милюков „Константинополь и проливы“. Вестник Европы № 1, 2, 3. 1917 год.

стерство. Но это ему не мешало в своих походах к союзникам делать широкие словесные уступки требованиям Совета, когда эти требования становились особенно настоятельными». В тех немногих дипломатических документах, которые дошли до нас от эпохи Временного Правительства, действительно, чрезвычайно рельефно обнаруживается тактика этого своеобразного министра, стремящегося обмануть демократию в интересах ценовых кругов. М. П. Терещенко почти вплоть до Октябрьского переворота указывал, что «с точки зрения русских интересов, малоазиатское соглашение не может считаться стоящим особо. Выполнение его зависит от выполнения соглашения о проливах». Получение же последних, конечно, являлось нерушимой догмой для этого представителя крупно-промышленных кругов. Однако, защищая эти принципы, М. Терещенко более всего боялся гласности, на которой, наоборот, так настаивало царское правительство. Он боялся, что опубликование малоазиатского соглашения «поднимет у нас нежелательный шум около этого вопроса и снова вызовет в социал-демократических кругах сильное возбуждение и страстные споры об аннексиях».

Эта игра в выморочный империализм русская буржуазия продолжала вплоть до тех пор, пока у нее не была вырвана власть рабочими и крестьянами. Впрочем, уже до этого наиболее дальновидные дипломаты ясно видели всю ничтожность бумажных проектов, разрабатываемых в течение двух лет. «Пока победа союзников не будет достигнута» — указывал Набоков, все эти бумажные разделы не стоят бумаги, на которой они написаны... Последующие, послевоенные события блестяще подтвердили эту точку зрения.

Борьба за проливы и Черное море.

I.

Борьба за Константинополь и проливы, только что происходившая на наших глазах, представляет из себя один из эпизодов той исторической эпопеи, которая носит название «Восточный вопрос».

Совершенно невозможно пытаться дать здесь хотя бы общий абрис тех политических событий, экономических процессов и международных комбинаций, которые в течение столетий развертывались в Леванте. Одна лишь проблема проливов за полутора столетия требует специального исследования. В настоящей статье мы дадим поэтому лишь самые краткие вводные указания, необходимые для понимания той последней стадии Восточного вопроса, которая продолжается с 1908 года и до настоящего времени.

Почти накануне войны появилась чрезвычайно любопытная книга T. G. Djuvaga, ярко показывающая, в каком направлении работала политическая мысль запада по отношению к Турции. Книга содержит ни более, ни менее, как сто проектов раздела Османской Империи, из которых самый ранний принадлежит королю Сицилии Карлу II-му, а последний, опубликованный в 1912 году, — бельгийской газете «l'Independance Belge». К сожалению, мы не можем здесь, даже вкратце, остановиться хотя бы на главнейших из этих проектов, в роде плана короля Людовика XIV, знаменитого «греческого проекта» Потемкина или не менее радикального плана Иосифа Капподистрия, представленного на рассмотрение Секретного Комитета, который был специально учрежден Николаем I-м в 1829 г., для изучения последствий возможного распада Турции для России. Достаточно сказать, что нет того сочетания держав, нет той политической комбинации, которая не была бы предусмотрена и точно учтена в этих проектах.

Если, несмотря на столь солидную, почти трехсотлетнюю дипломатическую подготовку, Турция все же продолжает существовать, так это произошло исключительно из-за соперничества великих держав, никак не могших полюбовно столкнуться относительно дележки наследства «большого человека». Самое же соперничество определялось в конечном счете столкновением и сложным сплетением эко-

номических интересов и отношений, порожденных всем ходом хозяйственной эволюции Европы в XIX веке *).

Политически Восточный вопрос в течение всего прошлого столетия сводился как бы к борьбе двух систем—русской и английской. С одной стороны, мы видим, как Россия неуклонно стремится к покорению Армении, установлению гегемонии на Балканах и захвату «двух каменных уголков на обоих берегах Босфора».

В противовес ей Англия выдвигает догму Integrity of Turkey, т. е. целостности Османской Империи, с таким же упорством проводимую ею в жизнь, при содействии прочих европейских держав. Искрывающее выражение эта догма нашла в статье 7-й Парижского Трактата, согласно которой шесть держав обязываются «уважать независимость и территориальную неприкосновенность Османской Империи, гарантируя сообща точное соблюдение этого обязательства»...

Конечно, было бы искусственной схематизацией изображать борьбу из-за Турции, в виде столкновения двух одинаково неподвижных систем—русской и английской. И там, и здесь существовали все время параллельные, совершенно противоположные течения, иногда получавшие политическое выражение. Так, мы видим, как Николай I-й в 1833 году берет под свое покровительство Турцию, поколебленную восстанием египетского хедива Мехмеда Али. Еще до этого Комитет по Восточным делам, образованный им, формулирует совершенно «английскую» точку зрения: «Выгоды от разрушения Османской Империи в Европе—превышают ее не выгоды; разрушение ее, следовательно, было бы противно истинным интересам России» **).

Что касается Англии, то здесь наряду с охранительной политикой также всегда существовала противоположная тенденция; достаточно указать на Гладстона, неустанно проповедывавшего, что турки должны поскорее убраться из Европы со всеми своими «пожитками» (bag and baggage).

Все эти отклонения от «догмы» и в России, и в Англии, конечно, объяснялись различными экономическими процессами, вызывающими те или иные общественные перегруппировки, на которых, к сожалению, здесь мы не имеем возможности остановиться.

Однако, даже учитывая все эти отклонения, мы все же в праве установить, что почти вплоть до мировой войны Восточный вопрос политически выражался в двух формулах: русской аннекционистской и английской охранительной.

Лишь в первое десятилетие XX века вся вышеозначенная неустойчивая система политического равновесия на Ближнем Востоке рушилась, и Восточный во-

*) Блестящие очерки различных фазисов Восточного вопроса в истории России даны М. Н. Покровским в сборнике статей „Внешняя Политика“: „Константинополь“ и „Восточный вопрос от Парижского мира до Берлинского конгресса“, а также в III и IV томах „Русской Истории“.

***) С. Гагарин. Константинопольские проливы. Р. М. 1905 г. № 4, стр. 110.

прос вступил в новую фазу. Только тогда окончательно окристаллизовались стремления русских империалистов к захвату Константинополя и проливов, не встречая более из Лондона прежнего грозного оклика «hands off!» (руки прочь!).

II.

Русские империалисты новейшей формации, конечно, уже не могли довольствоваться в вопросе о Царьграде прежней туманной славянофильской идеологией, связанной с именами Достоевского, Данилевского и Хомякова. Концепции Константинополя, «как центра Восточного мира», или же как столицы «всеславянского союза» уже не удовлетворяли нашу промышленную и торговую буржуазию. Еще менее соответствовало настроениям прогрессивной «третьедумской» буржуазии понимание Константинополя, как Византии, т. е. прообраза реакции и застоя, находимое нами у К. Леонтьева.

Смысл обладания Константинополем понимался теперь более реалистически, «с точки зрения порта и проливов», каковой взгляд, кстати сказать, развивал еще в 1877 г. Н. К. Михайловский и вся редакция «Отечественных Записок».

Правда, и в 1914 году не было недостатка в чисто славянофильских построениях, проникнутых глубокомысленной расплывчатостью и мистицизмом. Так, В. Эрн мечтал по завоевании Царьграда учредить там некий «Симпозион» (т. е. пир), на который будут сходиться народы Запада и Востока; с достойной уважения настойчивостью прилеплялся крест к Айя София и т. д. Однако, люди серьезные искали уже других доводов в пользу аннексии турецкой столицы.

Дипломаты типа Сазонова и министериабельные профессора, вроде Милюкова, правда, и тут предпочитали прибегать к несколько неопределенным формулировкам, вроде «завершения исторической миссии России», «окончания процесса собирания земли Россией» и т. д.

Однако, и в «Речи», и в «Биржевых Ведомостях», и в других буржуазных органах помещались чисто «марксистские» статьи; указывающие на необходимость владения проливами в интересах русской торговли, вывоза южной пшеницы, бакинской нефти и прочих прозаических продуктов.

Авторы этих статей могли бы смело взять эпитафией для них слова эмиссара Петра Великого Украинцева, посланного в Константинополь вести переговоры об открытии Черного моря для русской навигации: «Нужно нам Черное море для того, чтобы устроить нам нашу торговлю. Только торговля рождает плодородие и обилие царств».

Посмотрим в самом деле вкратце, каково экономическое значение проливов для русского и мирового хозяйства, а также, какие политические выводы вытекают отсюда.

Совершенно несомненно, что Черное море и проливы имеют огромное значение для русского вывоза.

В 1913 г. весь русский экспорт и импорт распределялись следующим образом *):

	Экспорт.		Импорт.	
	Тыс. тонн.	Милл. фр.	Тыс. тонн.	Милл. фр.
По Черному и Азовскому морю.	11.086	1.286	921	247
» Балтийскому морю.	5.857	1.227	7.515	1.299
» Каспийскому морю.	143	77	123	67
» Белому морю.	1.506	97	128	15
» Тихому океану.	61	12	351	183
Всего по морю.	18.653	2.699	9.038	1.811
» по суше.	5.581	1.355	6.316	1.853
Итого.	24.234	4.054	15.354	3.664

Из этой таблицы мы видим, что русский вывоз по Черному и Азовскому морям и, разумеется, далее через Босфор и Дарданеллы **) равнялся почти 60% морского и 46% общего экспорта России.

Эти цифры и соотношения станут еще более показательными, если мы рассмотрим главные статьи черноморского вывоза, а именно: южно-русское и северо-кавказское зерно, закавказскую нефть и грузинский марганец.

Статистика вывоза русского зерна за последние 20 лет дает возможность совершенно определенно установить возрастающее значение юга России перед севером.

Экспорт зерна в тысячах тонн через:

	Балтийское море.	Черное море.	Азовское море.
1896 — 1900	1.520	2.910	1.647
1901 — 1905	1.428	4.556	2.482
1906 — 1910	1.081	4.691	2.825

Рассматривая эту таблицу, мы видим, что в то время, как экспорт зерна через Балтийское море за 14 лет падает с 20,6% до 10,7%, черноморский вывоз увеличивается с 62,6% до 74,5%. В 1913 году он достиг гигантской цифры 7.900.000 тонн, составляющей 80% всего экспортируемого зерна. Не останавли-

*) М. Noschiller, L'Europe devant Constantinople. P. 1916 г., стр. 99.

**) За вычетом продуктов и товаров, направляющихся в Балканские государства в Причерноморскую Турцию, количество которых, как увидим ниже, всегда было очень незначительно.

взись на деталях, укажем еще, что за десятилетие 1901—1910 г.г. вывоз пшеницы чрез черноморские порты равнялся 6.701.000 тонн, т.-е. достигал 87,2% общего экспорта пшеницы за границу.

Вывоз через Черное море и проливы нефтепродуктов из Баку и Грозного также дает довольно импозантные цифры, как показывает следующая таблица.

Экспорт нефтяных продуктов в тысячах пудов *):

	1903	1905	1907	1910	1913
Из Батума	78.451	36.544	33.991	38.303	37.845
» Новороссийска.	24.952	11.957	2.956	6.555	10.154

Падение вывоза нефти за границу, выясняющееся из приведенной таблицы, нас не должно удивлять. Оно объясняется отчасти уменьшением добычи на Бакинских промыслах, но главным образом, возросшим потреблением нефти внутри страны.

Наконец, что касается до марганца, этой драгоценной руды, добываемой в значительных количествах помимо Грузии (в Чиатурском районе) лишь в Бразилии и в Индии, то вывоз его через Черное море дает за пятилетие (1909—1914) следующие цифры **):

Страны.	В миллионах пудов.				
	1909	1910	1911	1912	1913
В Голландию (для Германии)	15,5	15,9	15,4	17,0	22,0
» Германию	1,2	1,8	2,6	2,7	3,2
» Англию.	8,8	8,5	7,7	12,3	15,1
» Бельгию.	4,1	5,5	4,0	11,8	11,2
Пр. страны.	4,1	6,0	6,3	11,0	13,2
Итого.	34,3	37,7	36,0	54,8	65,2

Если мы присоединим сюда экспорт донецкого угля, который за последние годы перед войной определенно начал конкурировать с английским и немецким углем, развивающийся экспорт металлургических изделий, наконец, вывоз сахара, леса и мануфактуры, мы поймем то огромное значение, которое имеют для всей экономики России морские дороги от черноморских портов к проливам.

*) Справочная книжка для нефтепромышленника Баку, 1911 г., стр. 83, 91 и Сравнит. статистическ. данные о Бакинской нефтяной промышленности, 1921 г., стр. 213 и 223.

***) Г. Григорян. Марганцевая промышленность в Грузии. Журн. Экономическая жизнь Кавказа, Тифлис, 1921. № 1., стр. 21.

Теперь мы понимаем, почему апостол «либерального империализма» П. Струве после краха дальневосточной политики, начал проповедывать перенесение экономического и политического центра тяжести к югу, к берегам Черного моря и Босфора, где ему мерещилось создание «русского Гамбурга».

В свете этих цифр для нас становится ясным экономический смысл тех «исторических задач», к осуществлению которых призывали русское правительство в течение всей войны помещики, металлурги, нефтяники и биржевики с трибуны Государственной Думы и на страницах всей либеральной прессы.

Война с Турцией, автоматически сопровождавшаяся закрытием проливов для всех коммерческих судов, нанесла огромный ущерб всему Черноморскому вывозу, внушительные размеры которого мы только что видели. Отсюда понятны воинственные жесты и истерические вопли о необходимости аннексии Константинополя для получения «ключа от дверей к собственному дому».

Однако, посмотрим, действительно ли насущные интересы русской торговли и промышленности с необходимостью требовали захвата Константинополя и проливов?

Разбираясь в этом вопросе, мы легко замечаем ту передержку, которую совершенно сознательно допускали русские капиталистические круги и их идеологи из всех политических лагерей.

Для всякого, кто даже бегло ознакомился с историей Восточного вопроса, совершенно ясно, что проливы были открыты для русской торговли уже с Кучук-Кайнарджинского мира (1774 г.), т.-е. почти полутора столетия тому назад. Многочисленные международные конференции (в 1841, 1856, 1871 и 1878 гг.), вырабатывавшие режим для проливов, всегда были заняты лишь вопросом об урегулировании военного плавания, для которого проливы в течение всего XIX века действительно оставались закрытыми *).

Из года в год возрастающий русский черноморский экспорт является лучшим доказательством действительной свободы торгового плавания через проливы. За весь почти полутора столетний период мы можем указать, пожалуй, лишь один случай, когда проливы были закрыты для России, находящейся в мире с Турцией: в 1912 году, во время итало-турецкой войны, после бомбардировки итальянцами Дарданелл, Порта принуждена была на месяц закрыть проливы. Правда, публицисты типа А. Тырковой делали, например, следующие признания: «Отправляясь в Турцию, я, как большинство русских интеллигентов, тем более северян, очень смутно представляла себе значение проливов, пока в марте 1912 года не увидела в Босфоре и на Золотом Роге сотни судов, нагруженных русской пшеницей, ко-

*) Я не указываю здесь на краткие периоды, в течение которых проливы были открыты (и то условно) для военного флота, напр. между 1798—1806 гг., в эпоху русско-турецкого союза против Франции, 1833—1844 гг., после заключения Унклар-Искелесийского договора и т. д.

торые были, благодаря закрытию Дарданелл, обречены на разорительную неподвижность» *). Но, в сущности говоря, трудно было отрицать право Турции на защиту своей столицы, которой угрожал неприятель.

Но, быть может, владение проливами сможет гарантировать свободу черноморской торговле именно тогда, когда Россия находится в войне с какой-нибудь державой? Совершенно несомненно, что и в этом случае русский флот будет также легко заблокирован, только не со стороны Босфора, а Дарданелл. Совершенно правильно указывает М. Н. Покровский, что «переход в руки России проливов гарантирует ее на случай войны с Турцией, только с ней одной, без союзников. Стоит туркам найти морского союзника, как бы он ни назывался и «дверь от собственного дома» будет также прочно заперта, как и раньше» **). История русско-турецких отношений может дать в этом отношении ряд наглядных уроков.

Но, может быть, русские аграрии и промышленники, стремясь к захвату проливов, руководствовались более обширными планами? Быть может, они намеревались в этом случае объявить таможенную войну Болгарии и Румынии, являющимся как раз также крупными экспортёрами зерна? Или же, превратив Черное море и все подходы к нему, действительно, в *mare klausum*, они предполагали, установив повсюду тарифные протекционные рога, монополизировать весь импорт омываемых им стран, т. е. той же Румынии, Болгарии и, наконец, Турции? Наличие подобных тенденций, быть может, даже в скрытом полусознательном состоянии, отрицать не приходится. Однако, совершенно ясно, что союзники царской России никогда не согласились бы «подарить» ей такую первостепенно-важную в экономическом отношении зону, как проливы, предоставив ей вместе с тем право бесконтрольного хозяйничанья и установления там своих распоряжений. Ниже мы увидим, что проливы всегда имели огромное экономическое значение не только для России, но и решительно для всех европейских держав. Пример Батума, который был передан России при обязательном условии устройства в нем *porto franco*, должен был быть учтен при окончательном разрешении вопроса о проливах.

Что касается до экономического завоевания балканских стран, то в этом отношении действительно были предприняты, как мы видели, некоторые реальные шаги как раз за несколько лет до начала мировой войны. Однако, все эти проекты и начинания оказались мертворожденными и не смогли выдержать туземной и австро-германской конкуренции. В самом деле, цифры доказывают, насколько незначительными вплоть до последнего времени оставались экономические связи между Россией и балканскими государствами. Русский ввоз в Румынию в течение десятилетия (с 1905—1914 г.) претерпел следующие характерные изменения ***).

*) А. Тыркова. Старая Турция и младотурки. II. 1916, стр. VI—VII.

***) М. Покровский. Внешняя политика. Стр. 6.

***) The Statesman's Year Book. 1909. 1921.

1905	1907	1914
10.425.000 р.	13.550.900 р.	12.736.600 р.

Аналогичную картину мы видим и в Болгарии.

1907	1910	1911
4.771.054 фр.	2.000.000 фр.	854.000 фр.

Как мы видим, русский экспорт и в Румынию, и в Болгарию стремительно понижается, вытесняемый, главным образом, австро-германскими фабрикатами, так что говорить при таких условиях о возможном завоевании этих рынков представляется довольно рискованным.

Что касается до торговли России с Турцией, то она, несмотря на большую пограничную линию и на близость азиатских портов от кавказских, также продолжала оставаться на весьма низком уровне.

В милл. рублей.	1881	1899	1908/9	1913/14 *)
Ввоз	12,8	12,6	24,9	35,0
Вывоз	23,1	7,1	0,57	0,83

Для точной оценки успехов русского ввоза в Турцию, мы не должны упускать из внимания, что в 1913/14 году он составлял лишь 8,6% общего ввоза в Турцию, причем, в этом отношении Россия занимала пятое место в ряду европейских держав. Предпринимать, отправляясь от этих незначительных цифр, экономическое завоевание Османской Империи—являлось бы, конечно, неосуществимой задачей для русского империализма. Добавим к тому же, что в этом незначительном ввозе мануфактура и прочие фабричные изделия составляли лишь 15—20%, остальные же падали на продукты питания и разного рода сырье.

Итак, мы видим, что обычное обоснование стремления к захвату проливов экономической необходимостью—не выдерживает серьезной критики.

Оценка экономического значения проливов и вытекающая отсюда борьба за них, была бы, однако, необычайно сужена, если бы мы оперировали здесь одними лишь данными, относящимися к русской торговле и промышленности.

Ведь, несомненно, что Константинополь является, наряду с Гамбургом, Шанхаем и Бомбеем, одним из тех мировых центров, в которых пересекаются экономи-

*) М. П. Федоров. Соперничество торговых интересов на Востоке. II. 1903. Стр. 154 The Statesman's Year Book 1909—1915.

ческие интересы буквально всего культурного человечества. Это именно и осложняет разрешение вопроса о проливах и придает такое необычайное своеобразие политической борьбе, которая столетиями ведется около них.

В самом деле, взглянем еще на одну таблицу, которая лучше всяких рассуждений дает нам возможность уяснить масштаб и характерные особенности указанной проблемы.

Морское движение через проливы.

1. Общее (в тоннах).

1907/8	1909/10	1911	1912	1913
15.333.083	16.596.543	19.968.409	15.298.537	13.412.065

2. По главным странам:

Флаги.	1909/10		1912		1913	
	Тоннаж.	%	%	%	Тоннаж	%
1. Англия	5.370.781	37,5	42,3	43,5	6.923.349	41,7
2. Греция	1.958.201	13,7	16,4	15,3	2.939.004	17,7
3. Австро-Венгрия	1.615.293	11,3	11	9,7	1.524.299	9,2
4. Россия	1.428.435	10	6,5	6,4	1.151.900	7,0
5. Германия	733.600	5,1	3,8	3,7	671.863	4,0
6. Франция	572.730	4	3,3	3,3	584.000	3,5

Рассмотрение указанной таблицы приводит нас к целому ряду интересных заключений. Прежде всего, она подтверждает высказанное выше утверждение об огромном экономическом значении проливов. В самом деле, достаточно сказать, что в 1913 г. тоннаж проливов равнялся 2/3 тоннажа Суэцкого канала *), который, как известно, является главной торговой артерией, соединяющей Европу со Средним и Дальним Востоком. Но тут же мы замечаем огромную разницу между этими двумя водными путями: в то время, как торговое плавание через Суэцкий канал развивается исполинскими шагами, увеличившись за 10 лет (с 1903—1913) на 1.300 больших океанских судов,—транзит через проливы за последние годы стоит на одном и том же уровне, или даже обнаруживает тенденцию к понижению. Чем же это объясняется? Конечно, исключительно движением торговли по другим мировым путям и, в первую голову, по тому же самому Суэцкому каналу. Багдадская железная дорога, сеть анатолийских и сирийских дорог также в значительной степени отклоняют поток товаров, идущих на Ближний Восток от Дарданел и Босфора.

*) Тоннаж судов, прошедших через Суэцкий канал в 1913 г., равнялся 20.033.884 тонн.

Недаром за последние годы мы видим, как в Турции нарождаются и быстро крепнут новые порты, делающие уже сейчас огромные торговые обороты.

Торговые обороты Смирны равняются уже почти двум третям оборотов Константинополя, Бейрута,—одной трети, семимиллионными шагами их догоняет Александретта и другие Левантинские порты *). Итак, мы видим, что Константинополь начинает понемногу терять свое прежнее мировое значение. Позже мы увидим, как именно это обстоятельство повлекло за собой ряд политических следствий, знаменующих собой последний современный нам фазис Восточного вопроса.

Присматриваясь к участию отдельных стран в Константинопольском торговом движении, мы наблюдаем другие необычайно важные процессы. Совершенно неопровержимо цифры доказывают, что за последние годы до мировой войны английский тоннаж падает (за пять лет с 41,7—до 37,5) и, наоборот, значительно повышается австро-германский (с 13,2—17,4). Еще яснее этот двойной процесс мы могли бы увидеть из сопоставления цифр, характеризующих торговлю европейских держав с Турцией; так, мы увидели бы, что за период с 1910—1914 г.г. Германия в сфере экспорта в Турцию перешла из 4-го во 2-е место, в то время как доля Англии значительно понизилась в абсолютных и в относительных цифрах.

Вместе с уменьшением участия в константинопольском транзите должна была автоматически понизиться заинтересованность Англии в защите старой догмы всей ближневосточной политики, а именно — неприкосновенности Турецкой империи. Наоборот, рыцарем этой догмы становится Германия, крайне заинтересованная в сохранении и дальнейшем развитии своих экономических связей с Турцией. Так мы нащупываем экономический фундамент международной ситуации, складывающейся на Ближнем Востоке.

Какую же роль играл вопрос о проливах для империалистической России? Мы уже видели, что обуславливать стремление к захвату их,—экономической необходимостью является заведомым искажением фактов, несмотря на все огромное значение, которое имели проливы для ее экспортной торговли. Объяснить поэтому ее заветное стремление чисто локальными причинами, связанными с Константинополем и проливами не представляется возможным. Они расценивались ею не с точки зрения экономической, а стратегической, вытекающей из той международной ситуации, которая сложилась незадолго до мировой войны на Ближнем Востоке.

III.

С конца 90-х годов прошлого века Германия начинает политико-экономическое завоевание Турции, которое и создает новую ситуацию на Ближнем Востоке.

*) В 1909 г. торговый оборот Константинополя равнялся около 1.560 милл. пиастров, Смирны—952 милл. п., Бейрута—535 милл. п. А. Рунгин. Современ. Сирия и Палестина. II. 1919 г. Стр. 180.

Отдельные этапы этого проникновения немецкого капитала в Турцию уже много раз отмечались и разрабатывались в русской литературе, а потому совершенно излишне останавливаться на них *). Монополизация крупных предприятий государственного масштаба (устройство портов, орошение целых районов и т. д.), финансирование Турции банковскими консорциумами, доводящее германскую долю государственного долга Османской Империи до 21%, и, наконец, как венце всего — постройка великого Багдадского пути, долженствующего соединить сплошной колесой Берлин—Багдад, — таковы наиболее крупные этапы экономической экспансии Германии в Турции.

Для нас гораздо важнее отметить здесь ту общую политическую тенденцию, которую начинает проводить Германия на Ближнем Востоке. В противоположность английской догме нерасчленения Турции, при невозможном ослаблении ее государственного и народно-хозяйственного организма, в непримиримом противоречии с русской ликвидационной программой, Германия начинает преследовать цель сохранения интегральной Турции и максимального повышения ее производительных сил, но, конечно, исключительно в интересах немецкого капитализма. Достаточно бросить беглый взгляд на карту, чтобы убедиться, что Германия, отделенная от Турции барьером балканских государств (особенно после 1913 года), не имела никакого интереса стремиться к территориальной аннексии наследства «большого человека», к получению на свой чай каких-либо долей или отрезков.

Наоборот, единая нераздельная Турция, находящаяся под неформальным протекторатом германского империализма, постепенно превращающаяся в чисто немецкую колонию, притом представляющую совершенно неслыханные возможности в смысле добывания всех видов сырья и сбыта всевозможных фабрикатов по стальной немецкой же артерии—Багдадской ж. д., такова была грандиозная концепция, четверть столетия осуществляемая германским империализмом.

Но и это была лишь трезвая политика; еще дальше шла империалистическая романтика. За экономическим завоеванием Турции немецким империалистам мерещилось создание «Немецкой Индии», дальнейшее проникновение в глубины Центральной Азии: в Персию, Афганистан, Туркестан и Индию для образования среднеазиатского мощного союза мусульманских народов, объединенных политически и экономически со средне-европейским немецким блоком.

Политико-экономическое проникновение Германии приводило к крушению старую английскую систему сохранения во что бы то ни стало status quo на Ближнем Востоке. Уничтожилась основная предпосылка этой системы, а именно: поддержание Турции в состоянии постоянной политико-хозяйственной прострации. Мла-

*) Основными являются труды М. Павловича: „Борьба за Азию и Африку“. Изд. Всеросс. Научной Ассоциации Востоковедения и „Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего“.

дотурецкий переворот, суливший обновление Османской Империи и превращение ее в централизованное государство, конечно, должен был в особенности усилить эти опасения.

Но окончательный удар английской системе на Ближнем Востоке был нанесен с другой стороны. Все противоречие англо-русских интересов в Турции, как бы оно ни было важно, являлось лишь эпизодом в истории англо-русского соперничества в Азии, заполнившего всю последнюю четверть 19-го века. Географический же фокус этого грандиозного империалистического соперничества находился не на берегах Босфора, а гораздо восточнее, на «крыше мира», — в Памирах. Россия пугала Великобританию не как наследница византийских базилевсов и халифов, а как претендент на престол Великого Могола. Усиление России на Ближнем Востоке автоматически увеличивало натиск на Индию, и здесь были скрыты сокровенные корни всей английской системы.

Правда, в течение XIX-го века Англия тщательно заколотила и замуровала все морские пути, ведущие к Индии: через Персидский залив, Красное море и мимо мыса Доброй Надежды. Но оставалась открытой сухопутная дорога, старинный путь завоевателей, по которому шли когда-то Александр Македонский, Селевк Никатор и все мусульманские полководцы от Махмуда Газневида до Надир-шаха. И вот, на этом пути, вместо живописного, но не опасного курда, вместо мифического русского казака с пикой, стала ясно вырисовываться вполне реальная фигура померанского гренадера, уже не боящегося более бисмарковских заклятий. В самом деле, после 1900 года, когда Россия забронировала от ж. д. концессий всю северную Апатолью и Курдистан, немецкая стальная змея начинает ползти к югу и своим жалом обращается к Персидскому заливу.

Мало того, не забудем, что, продвигаясь от Багдада на Восток, она должна была превратиться уже в трансперсидскую колею, подходящую к западным границам Индии; смыкаясь же на юге с сирийскими путями, она подходила к самым границам Египта. Итак, на территории Турции Германия угрожала перерывом коммуникационных путей, ведущих к двум колониальным жемчужинам Англии — Индии и Египту.

Исходя из этих фактов, мы понимаем почему проливы, потерявшие для Англии преобладающее экономическое значение уже в 90-х годах прошлого века, теперь теряют для нее и свое прежнее политическое значение.

Что касается до России, то, конечно, совершенно ясно, что все аннексионистические проекты захвата проливов, Армении и Курдистана буквально аннулировались германской ближневосточной программой. И вот мы видим, как тотчас же после русско-японской войны, с необычайной стремительностью развивается конфликт между Россией и Германией из-за турецкого наследства, который для России составляет все содержание мировой войны. Смысл этого конфликта прекрасно

был сформулирован на заседании Особого Совещания 31 декабря 1913 года Кожковцевым, указавшим, что все меры военного и дипломатического характера со стороны России «хотя и имеют своим непосредственным объектом Турцию, однако, конечной целью их является уничтожение контракта Парты с Германией» *).

При наличии этого конфликта совершенно новое, можно сказать, политико-стратегическое значение приобретает вопрос об обладании проливами. Как известно, России три раза была необычайно близка к захвату Константинополя: при Екатерине II, Николае I (1833 г.) и, наконец, при Александре II (в 1878 году). Однако, характерно, что все три раза стремление русского империализма к Царьграду отличались какой-то неуверенностью и нерешительностью. Что касается до «греческого проекта» Екатерины II, то прав Н. Рожков, указывая, что это было скорее «пышным украшением, блестящим фейерверком, нежели политическим проектом» **).

Достигнув при Николае I полной гегемонии в проливах, поставив свой военный флот под самые окна султанского дворца, русское правительство как бы не знает, как ему использовать достигнутые успехи, и вскоре без боя отказывается от них из одного нежелания вызвать европейские осложнения. Той же нерешительностью и противоречивостью пронизаны действия русского империализма и в 1878 году. Имея буквально у своих ног турецкую столицу, победоносное военное командование умышленно не захватывает даже высот, командующих над Дарданеллами, и торопится заключить перемирие с турками, точно боясь поддаться соблазну захвата Константинополя.

Совершенно иначе обстояло дело накануне мировой войны.

К вопросу о захвате проливов подходят теперь совершенно презво и вместе с тем необычайно решительно. Для русских правящих кругов становится совершенно ясным, что Константинополь образует как бы скрепу, соединяющую Австро-Германию с Турцией, которую и надо разрушить. Ведь не случайно, что именно в Константинополе находится голова гигантского стального змея, висящего над Батдадским путем!

В атмосфере надвигающейся европейской войны, обладание проливами приобретает а другой вполне реальный смысл. Ведь это не только отрезает Германию от Ближнего Востока, но одновременно открывает доступ союзным флотам в Черное море. Война показала, насколько правильны были эти соображения и расчеты. Она же впервые раз необычайно ярко продемонстрировала огромное стратегическое значение проливов при всех европейских конфликтах.

*) Вестник НКВД, 1919 г., № 1. М. Покровский: «Три совещания». Стр. 30.

***) Н. Рожков. Константинополь и проливы. Современный мир. 1915 г., № 5. Стр. 45.

IV.

Как уже указывалось выше, несомненно, что 1908 год является поворотным пунктом, отмечающим вступление Восточного вопроса в новую фазу. В самом деле, именно в этом году впервые окристаллизовалась новая перегруппировка держав в ближневосточном вопросе, и одновременно июльский переворот младотурок открыл новую эру в истории Турции. Нити для дальнейшей эволюции Восточного вопроса были завязаны впервые именно в этом году. К сожалению, изучая события, падающие на этот год, мы чувствуем, что попадаем в атмосферу дипломатических тайн, тончайших интриг и ловких закулисных ходов, переносащих нас в обстановку Франции времен Ришелье, или же Испании эпохи Филиппа IV.

Сигнал к разрушению старой системы равновесия на Ближнем Востоке был подан Австрией, которая, несомненно, при поддержке Германии, объявила об устройстве непрерывного жел.-дор. пути от Вены до Салоник. Трудно было, конечно, преувеличивать значение проектируемой дороги: — создавался мировой путь, соединявший Среднюю Европу с Египтом, Индией и Сирией.

Через несколько месяцев, происходит, как бы в ответ на австрийский выпад — ревельское свидание английского и русского императоров (апрель 1908 г.); правда, переговоры, происходившие там, отличались довольно расплывчатым характером, за исключением одного вопроса, — об устройстве нового административного режима для Македонии. Относительно прочих вопросов английский король высказал лишь надежду, что они будут разрешаться «в духе взаимного согласия и доверия». И вместе с тем ревельское свидание совершенно определенно отметило окончание русско-австрийского сотрудничества на Балканах и одновременно поворот английской политики в ближневосточном вопросе в сторону России. Как мы знаем, уже за год до того, между двумя державами было заключено соглашение (1907 г.), размежевывавшее их интересы в Средней Азии (Персия, Афганистан, Тибет). Недаром на совещании по делам Ближнего Востока в 1908 г. было указано, что английский посол в беседах с А. Извольским «намекал» на возможность более тесного сближения с Англией в виду общности интересов обеих держав в делах Ближнего Востока.

После этого мы видим, как русские дипломаты торопятся вновь поставить вопрос о проливах, лежавший под спудом в течение нескольких десятков лет. В сложной дипломатической борьбе, которая велась в это время, руководитель русской политики А. Извольский выдвигает, в обмен за разного рода компенсации, вопрос об отмене 63 параграфа Берлинского трактата, предусматривавшего закрытие проливов для русского военного флота.

Изменявшаяся после младотурецкого переворота международная ситуация обрекла на неудачу это, пока еще робкое, русское предложение. Англиче, правда,

в крайне осторожной форме, высказывается за отклонение его, после чего русской дипломатии приходится в этом вопросе отступить.

Политики, вроде П. Милокова *) сильно нападали на А. Извольского за постигший русскую дипломатию крах, обвиняя его в «неумении найти и твердо защищать компромиссную позицию» и т. д. Однако, опубликованные после Октябрьской революции документы из секретного архива министерства иностранных дел рисуют дело несколько в ином свете. Как оказывается, русские правящие круги уже в 1908 году были заняты вопросом об активном военном вмешательстве в дела Турции (впервые после 1896 года), для каковой цели в Ленинграде было созвано специальное совещание (24 января 1908 года **). Из протокола заседания мы ясно видим, чем был обусловлен успех русской дипломатии: заканчивая совещание, Столыпин категорически заявил, что «в настоящее время министр иностранных дел ни на какую поддержку для решительной политики рассчитывать не может. Новая мобилизация в России придаст бы силы революции, из которой мы только что начинаем выходить... Иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства, и она повлекла бы за собой опасность для династии».

Итак, внутреннее состояние России, потрясенной революцией 1905/6 г делало невозможным какие либо авантюры на Ближнем Востоке. В руках русской дипломатии, по меткому выражению того же Столыпина, был «рычаг без точки опоры», которым ей предлагалось искусно оперировать. Как мы видим, рычаг этот встретил в 1908 г. серьезное сопротивление со стороны Австро-Германии и отчасти Англии, и его пришлось поспешно отдернуть.

Три года спустя, Россия опять пытается путем дипломатического налета разрешить вопрос о проливах. Воспользовавшись разгромившейся итало-турецкой войной, русский посол в Константинополе предъявил Высокой Порте ноту (9/ХП 1911 г.), в которой заключалось требование открытия проливов исключительно для русского военного флота. Дипломатический «удар» опять, однако, оказался нанесенным преждевременно. Англия и Франция, запрошенные Турцией, ответили в высшей степени уклончиво, что же касается до Австрии и Германии, то они, наоборот, всячески побуждали к сопротивлению младотурецкое правительство. В результате русский дипломатический рычаг вторично повис в воздухе, не найдя на этот раз международной точки опоры, и Сазонову пришлось заявить, что переговоры о проливах носили не политический, а чисто «академический» характер.

Международная политическая ситуация становится, однако, все более и более благоприятной для России, и вот, накануне мировой войны, мы видим, как

*) П. Милоков. Балканский кризис и политика А. Н. Извольского. П. 1916 г. Стр. 7 и др.

**) Вестник НКВД. 1919 г. № 1.

стремление к захвату проливов получает не только дипломатическую формулировку, но и детальную военно-стратегическую разработку.

В самом деле, какие позиции в ближневосточном вопросе занимали к началу мировой войны Англия и Франция? Целый ряд фактов позволяют нам установить, что Англия, хотя и упираясь, хотя и нехотя, но принуждена была капитулировать перед русской империалистической программой. В сущности говоря, уже ревельское свидание означало начало расчленения Турции, так как режим, выработанный на нем для Македонии (христианин губернатор, — независимый от Порты, и т. д.), делал ее почти независимой областью, под контролем европейских держав. Конечно, Англия крайне нехотя шла на уступки и за спиной у дружественной России устраивала ряд осложнений. Так, уже после ревельского свидания она побуждала турок укреплять Босфор, чтобы затруднить проникновение туда русскому флоту *). Мы уже видели, какую уклончивую позицию она заняла во время дипломатической кампании в пользу открытия проливов, настойчиво, хотя и безуспешно проводимой Извольским.

И все же логика событий, все более и более обостряющийся антагонизм между ней и Германией заставляли Англию идти на самые серьезные уступки русскому империализму. Так, она осталась совершенно пассивной, когда Россия, по акту 26 января 1914 года, добилась от Порты официального признания единоличного русского покровительства над турецкими армянами; при ее поддержке Россия заставила Турцию вернуть Персии пограничную территорию, захваченную у ней после 1905 года, и т. д. Достаточно сказать, что на втором совещании о ближневосточных делах, о котором мы будем говорить ниже, Сазонов указал, что является невыясненным лишь, «насколько энергично готова была действовать Англия» в случае конфликта России с Турцией и Германией.

Что касается до Франции, то положение ее тут было гораздо более затруднительным. Дело в том, что Франция, побуждаемая, впрочем, совершенно иными мотивами, нежели Англия, всегда являлась защитницей территориальной неприкосновенности Турции. Почти накануне войны, в середине 1911 г., министр иностранных дел Пиншон в заседании Палаты Депутатов подчеркнул, что Франция будет всеми силами отстаивать нераздельность и территориальную неприкосновенность Турции, будет «щадить несчастную страну и содействовать ее экономическому возрождению». Можно было бы привести десятки подобных же заявлений, принадлежавших французским политическим деятелям, буржуазным писателям и др.

Разгадка этого заботливого отношения к Турции чрезвычайно проста. Начиная с 90 годов торговля Франции с Турцией резко повышается, и в настоящее время по тоннажу она равняется 3—4% всего турецкого грузооборота. Зато с

*) Сборник секретных документов из архива 6. Мин. Ип. Дел. II. 1917. № 1.

этого же времени, как мы видели, необычайно усиливается финансовое значение Франции. Турция становится, на подобие России, полем приложения для французских капиталов, которые проливаются буквально во все уголки ее хозяйственной жизни.

Совершенно понятно, что Франция должна была всеми силами противиться проектам ликвидации Турции; ведь только нерасчлененная Османская Империя могла гарантировать ей оплату по всем государственным обязательствам, в которые была как раз вложена львиная доля французского капитала.

Ленинградские совещания по Ближнему Востоку, — немногочисленные участники которых при обсуждении заменили обычные трафареты более реалистическими соображениями, прекрасно отметили специфические интересы Франции и Турции. Когда был поднят вопрос о финансовом бойкоте Турции, председатель Коконцев дважды подчеркнул, что французское правительство может оказаться не в силах «воздействовать в надлежащем смысле на французские финансовые круги», так как материальный ущерб (держателей османских бумаг), при прекращении платежей Турцией по купонам, способен охладить самые пылкие патристические стремления французов *).

И все же, несмотря на все эти факты, Франция еще более, нежели Англия, принуждена была идти на буксире у русского империализма при его устремлении на Константинополь. Огромная зависимость от России, при назревавшем мировом конфликте, заставляла французских держателей мириться хотя бы до поры до времени с неминуемыми убытками в Турции. И недаром на том же Особом Совещании Сазонов заявил, что в конфликте с Османской Империей «русское правительство может рассчитывать на деятельную поддержку (Франции) до крайних пределов».

При таких благоприятных условиях русские империалисты вплотную приступают к осуществлению исконной «исторической задачи России», т. е. к овладению проливами.

В ноябре 1913 г. в Константинополе водворяется миссия ген. Лимана фон Сандера, который становится фактическим руководителем турецкой армии, в особенности при поддержке вновь назначенного военного министра Эйверланги, как известно, яркого германофила. Появление на берегах Мраморного моря немецкого генерала в сопровождении целого штаба, состоящего из десятков лучших германских офицеров, необычайно подчеркивало стратегическое значение проливов. После этого русские империалисты начинают совершенно определенно готовиться к войне с Турцией и стоящей за ее спиной Германией.

8 февраля 1914 года происходит Третье Особое Совещание, на котором из «штатских» участвует лишь министр иностранных дел Сазонов. Заседание

*) Вестник НКВД. № 1. Стр. 23 и 30.

это резко отличается от всех предшествующих. Вопросы общеполитического характера на нем почти не затрагиваются. В начале заседания Сазонов просто читает нечто вроде декларации, получившей уже кстати высочайшее одобрение, о том, что «если бы в силу событий проливы должны будут уйти из под власти Турции, то Россия не может допустить укрепления на берегах их какой либо иной державы и может поэтому оказаться вынужденной завладеть ими, дабы затем в той или иной форме установить соответствующий ее интересам порядок вещей на Босфоре и в Дарданеллах».

После этой декларации совещание, без каких либо прений, переходит к деловой части заседания, т. е. к вопросу о военной подготовке захвата проливов, о десантной армии, ее мобилизации, о транспортных средствах и т. п. и т. п. *)

Заметим вскользь, что устроители и участники совещания отдавали себе совершенно ясный отчет, что попытка захвата проливов неминуемо повлечет за собой общеввропейский вооруженный конфликт. Но крайней мере Сазонов совершенно спокойно констатировал, что «нельзя предполагать, чтобы наши действия против проливов происходили без общеввропейской войны». Впрочем, уже на предыдущем совещании участники его услышали циническую фанфаронаду Сухомлинова, что «Россия вполне готова к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией».

21 октября 1914 г. началась война с Турцией. Манифест, вышедший от Николаем II-м, указывал, что война откроет России путь к разрешению «завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря». Несколько дней спустя руководитель тогдашней английской политики Аскит не менее категорически заявил: «Раздался похоронный звон по оттоманскому господству не только в Европе, но и в Азии, и не мы, а само оттоманское правительство в этом виновато. С исчезновением турецкого владычества исчезает та язва, которая сведает прекраснейшие области земного шара».

Лишь только началась война, как русские буржуазные партии и пресса начали с необычайной энергией расшифровывать смысл «завещанных предками исторических задач» на Ближнем Востоке. Ряд статей и лекций П. Милокова, Е. Трубецкого, М. Ковалевского и десятков других, педвусмысленные заявления в Государственной Думе, все это имело целью форсировать положение и принудить министерство иностранных дел более энергично требовать от союзников предоставления России Константинополя и Дарданелл.

Недавно опубликованные секретные документы из архива бывшего министерства иностранных дел знакомит нас с деталями тех закулисных переговоров, то-

*) Стратегические проекты захвата Константинополя, конечно, выработывались уже много раньше. См. Вестник НКВД. 1919 г. № 3. К проектам захвата Константинополя в 1912—14 г.г. Стр. 24—28.

го дипломатического торга, перемежаемого с угрозами, которые завершились в конце-концов соглашениями о разделе Османской Империи *).

Несомненно, что и английское, и французское правительства весьма неохотно шли на уступки русскому империализму, как доказывает расхолаживающее разъяснение Э. Грея, приведенное выше.

Однако, неудачный ход военных операций на франко-бельгийском фронте делал и Францию и Англию сговорчивыми по отношению к царской России. Через каких-нибудь три месяца после заявления Э. Грея английское правительство принуждено было, по словам Сазонова, дать «полное и окончательное согласие» на передачу России Константинополя и проливов при условии успешного окончания войны. По соглашению, заключенному в марте 1915 г., Россия получила следующую территорию: Константинополь, западное побережье Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, южную Фракию, по линии Энос-Мидия, побережье М. Азии, между Босфором, р. Сакарин, и подлежащим последнему определению пунктом Измидского залива; острова Мраморного моря, а также Имброс и Тенедос.

Союзники выговорили права свободного транзита для товаров, не следующих в Россию и не идущих оттуда, кроме того, Россия гарантировала свободу коммерческого мореплавания.

Уступка России Царьграда и проливов повлекла за собой полный раздел всей Азиатской Турции, с которым мы уже познакомились выше. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не оставляют сомнения в том, что Англия и Франция пошли на эту сделку, буквально, срыну зубы. Что касается до Англии, то мы уже видели, какие колебания были у нее накануне соглашения. Так же обстояло дело и с Францией. Во всеподданнейшей записке Погровского от 21 февраля 1917 г. указывается на то, что «более чем сдержанное отношение нашей старой союзницы Франции к вопросу о предоставлении нам Константинополя должно послужить нам уроком, и предостеречь от опасных в этом деле иллюзий» **).

Царское правительство, впрочем, прекрасно знало, что союзники воспользуются первым же случаем, чтобы не сдержать этого вынужденного обещания. Уже накануне войны военные начинают пропагандировать непосредственный захват Константинополя нашими войсками, который должен поставить союзников перед лицом «совершившегося факта». Так, на Третьем Особом Советании (8 февраля 1914 г.) капитан Немитц указывает, что «на пути к проливам мы имеем серьезных противников в лице не только Германии, или Австрии. Как бы ни были успешны наши действия на Западном фронте, они не дадут нам проливов

*) „Раздел Азиатской Турции“ по секретным документам быв. мин. ин. дел. Изд. НКВД. М. 1924 г.

**) Вестник НКВД. № 1. 1919 г. Стр. 43.

и Константинополя. Их могут занять чужие флоты и армии, пока будет происходить борьба на нашей западной границе».

Еще более откровенно высказывается в указанной записке Покровский. Соглашение о проливах он считает лишь «векселем, выданным нам Великобританией, Францией и Италией». Решающее значение для проведения в жизнь заключающихся в нем политических проектов, по мнению Покровского, будет иметь состояние географической карты войны к моменту открытия мирных переговоров. «Отсюда вытекает необходимость для России завладеть проливами, без чего соглашение превратится в «простой ключок бумаги» *)».

В своем дипломатическом скептицизме Покровский буквально доходит до пророчества. По его мнению: «конечно, трудно предполагать, каковы будут итоги мировой войны, но во всяком случае нельзя ручаться за то, что среди теперешних союзников не произойдет переоценки политических отношений, и не возникнет новая группировка держав, могущая помешать нашему водворению в проливах. Тогда нам пришлось бы снова ожидать вспышки европейского пожара для осуществления задачи, которая, как показывает наша 1000-летняя история, не может быть разрешена в рамках повседневной политической жизни» **).

Я парочно привел целиком это замечательное место, так как помимо глубочайшего цинизма, заключающегося в последней фразе, она дает ясное представление о тех противоречиях, которые в вопросе о Ближнем Востоке резко отчуждали союзников еще во время войны. При наличии этих антагонизмов только изумительной близорукостью можно объяснить то, что уже после февральской революции заправила нашей внешней политики, во главе с Терещенко, воображали, что Англия и Франция все же подарят России Константинополь. Не имея никакой реальной силы для защиты своих империалистических претензий, Терещенко думает, что эту важнейшую проблему мирового империализма можно разрешить в плоскости дипломатических разъяснений и чисто юридических препирательств.

Октябрьская революция положила конец этой постыдной игре в вымысленный империализм. Первый декрет Советского правительства (от 28/X—17) предлагал всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире без аннексий и контрибуций. Этот декрет не только открыл новую страницу в истории проливов, но ознаменовал выступление нового мощного фактора на Ближнем Востоке—антиимпериалистической России.

V.

Мало кто отдает себе ясный отчет в тех огромных изменениях, которые претерпел восточный вопрос после мировой войны. До нее центр тяжести восточ-

*) Там же. Стр. 35, 42.

**) Там же. Стр. 42.

ного вопроса лежал в проливах, к которым упорно и безостановочно, в течение ста лет, стремилась Россия. Босфор и Дарданеллы имели двойное значение для последней. С одной стороны, владея проливами, она открывала свободный проход для своего военного флота в Средиземное море и, таким образом, получала возможность вести «активную» политику в странах Леванта. С другой стороны, утвердившись на берегах Мраморного моря, Россия неминуемо подчиняла себе балканские государства, контролируя их стратегические и торговые пути. Итак, в течение всего XIX в. восточный вопрос для России схематически сводился к борьбе за проливы. Необычайно важно отметить, что, разгромив Россию в 1854—6 г. г. и отбросив ее на 20 лет от проливов, европейские державы ограничились тем, что лишь демилитаризовали Черное море, вовсе не стремясь открыть доступ в последнее для своих военных флотов. Мировая война и Октябрьская революция передвинула географический фокус восточного вопроса на пять градусов к северу—на берега Черного моря.

Действительно, Советская Россия, отказавшись раз навсегда от Константинополя и проливов, — першла от нападения к обороне. К захвату Константинополя стремятся теперь англичане, мечтающие превратить его в ближневосточный Гибралтар и замкнуть, таким образом, Черное море. История оккупации англичанами Константинополя в течение 4-х лет с очевидностью доказывает, что здесь в равной мере преследовались две цели: борьба с анатолийскими националистами и с Советской Россией. Утвердившись в проливах, Англия и Франция тем самым получали господство в Черном море. Неудивительно, что русская Вандея возникла и процветала как раз на берегах последнего: в Украине, Крыму, в Донские и Кубанские. Лишь военно-финансовая поддержка, оказываемая в течение трех лет морем—англо-французами—придавала новые и новые силы южно-русской контр-революции. Как мы видим, восточный вопрос после мировой войны в значительной степени сводится к борьбе за Черное море. Подробная история этой борьбы будет написана впоследствии—здесь же необходимо отметить один важный факт. Потерпев полное крушение на северном побережье Черного моря, эвакуировав Врангелевские банды в Константинополь, англичане одновременно пробуют закрепиться на юго-восточном — кавказском побережье. Если они пытались превратить Константинополь в Гибралтар, то в Батуме им мерещилось создание Порт Саида, конечно, с соответствующей «египтизацией» всего Закавказья. Несомненно, что в 1918—21 г. г. англичане вели «большую игру» на Ближнем Востоке. Если мы вспомним оккупацию южной Сев. Персии, Закаспийской области, Баку и Батума, мы увидим, что они пытались сколотить огромный барьер, который отделил бы Россию от источников сырья (нефть, хлопок и т. д.) и отгородил бы ее от борющейся Турции и Персии.

После заключения мирного договора между РСФСР и меньшевистской

Грузией, англичане принуждены были ликвидировать полуторагодичную оккупацию Батума (в июле 1920 г.) и торжественно передать его грузинам. Любопытно, что при сей okazji они вывезли батумский арсенал, а также замки с крепостных орудий, так что меньшевикам не из чего было салютовать дружественному британскому флоту.

Но вот в Грузии начинается внутренний развал, усугубленный, после разгрома Эриванского правительства, турецкой опасностью и соседством советской Армении. Тотчас же возникают закулисные переговоры между грузинским правительством и державами Антанты относительно оказания военной помощи против РСФСР. Несомненно, что в центре этих переговоров стоял вопрос об оккупации англичанами Батума. Поводом к энергичному протесту советского правительства, чтобы сорвать этот план. В ноте РСФСР от 16/XI-20 г. указывалось, что «официально обсуждаемый план занятия Батума вооруженными силами держав Согласия не мог бы быть рассматриваемым иначе, как попытка создания для нас нового фронта». Грузинскому правительству было предложено отказаться от этого «решительного шага», как неминуемо влекающего его в войну с РСФСР.

Грузинское правительство и Антанта принуждены были отступить. Но характерно, что несколько месяцев спустя, буквально накануне советского переворота в Грузии, — французы пробуют, правда, в довольно комичной форме, захватить Батум: французский адмирал Дюмениль обращается к меньшевистскому правительству с просьбой — разрешить высадку морской пехоты, чтобы дать ей возможность «размять ноги». Этот французский пробный шар, конечно, остался совершенно безрезультатным, три же месяца спустя Батум был с боя присоединен к Советской Грузии. Эпизод с Батумом доказывает, насколько упорно пытались англичане приобрести базу на Черном море, вообще, насколько упорно велась борьба из-за последнего. В эту борьбу были последовательно втянуты все области, смыаемые Черным морем, а именно: Украина, Сев. Кавказ и, наконец, Грузия. Немудрено, что для них события, происходившие на Ближнем Востоке, вплоть до окончания Лозаннской конференции, действительно сводились к борьбе за безопасность черноморских границ и морских путей, ведущих через проливы на запад.

VI.

Для того, чтобы оценить важность этой борьбы, необходимо, хотя бы вкратце, уяснить экономическое значение Черного моря для перечисленных прибрежных территорий.

Выше уже было разобрано огромное значение Черного моря и проливов для довоенного экспорта России.

Мировая война, революция и гражданская война, конечно, внесли огромные изменения в эти цифры. Разрушение транспорта (ж.-д. и морского), порча портовых сооружений, необычайный развал народного хозяйства, наконец, экономическая блокада, — все это, как известно, вызвало сильнейший упадок внешней торговли России, которая только сейчас начинает оправдаться. И, тем не менее, мы видим, что и сейчас сохранились те же соотношения, которые были отмечены нами для до-военного периода. Если мы рассмотрим цифры внешней торговли для 1922 г., мы увидим следующее соотношение между нашей сухопутной и морской торговлей *).

Вывоз по морской границе	41.563.336 пуд.
„ „ сухопутн. „	14.782.804 „
Привоз по морской границе	102.927.139 „
„ „ сухопутн. „	62.864.606 „

Как видно из приведенных цифр, морская торговля в настоящее время даже более значительно преобладает над сухопутной, нежели в до-военное время. Объясняется это, конечно, теми политическими осложнениями, которые до сих пор существуют на сухопутной польско-румынской границе, заменившей прежнюю прусско-австрийскую.

Обращаясь к товарообороту, происходящему по Черному и Азовскому морям, мы получаем следующую таблицу (для 10 месяцев 1923 г. **):

	1922 г.		1923 г.	
	Колич. в тыс. пуд	Стоим в тыс. руб.	Колич. в тыс. пуд.	Стоим. в тыс. руб.
Вывоз из С. С. С. Р. по Черному и Азовскому морям	6.615	19.469	49.327	49.233
Общий вывоз С. С. С. Р.	44.278	65.795	149.860	132.028
Ввоз С. С. С. Р. по Черному и Азовскому морям	34.735	65.463	1.865	13.610
Общий ввоз С. С. С. Р.	154.454	416.903	43.275	149.965

*) Г. И. Именитов. К вопросу о передаче портов и торгового мореплавания НКВТ. Внешняя торговля. № 35-36, стр. 4.

**) При вычислении стоимости взяты за основу цены 1923 г. Цифры общего ввоза и вывоза не включают товарооборота Закавказья. Все нижеприведенные данные взяты из НКВТ.

Рассматривая эту таблицу, мы можем сделать несколько любопытных выводов. Прежде всего, мы убеждаемся, что в общем вывозе С.С.С.Р., Черное море продолжает сохранять важное значение, при том увеличивающееся с каждым годом. Если в 1922 г. вывоз по Черному и Азовскому морям равнялся 14,9% общего экспорта, то в 1923 г. он достиг уже 32,9%, т.-е. почти трети общего вывоза С.С.С.Р. Мало того, черноморский экспорт увеличился не только относительно, но и абсолютно; в 1923 г. вывоз через порты Черного и Азовского морей увеличился в 7½ раз сравнительно с предыдущим годом. Причины этого роста экспорта указать, конечно, не трудно; это, во-первых, благоприятный урожай 1923 г. и, во-вторых, общий подъем нашей добывающей промышленности. Вполне понятно, что, поскольку Украина и Сев. Кавказ были и остаются главными производителями зерна, — отмеченные благоприятные явления должны были особенно ярко сказаться в черноморском вывозе.

Что касается до черноморского ввоза, то мы имеем здесь определенное суживение, обуславливаемое, конечно, общей торговой политикой С.С.С.Р., стремящейся, начиная с 1922 г., добиться благоприятного торгового баланса. Благодаря ряду мероприятий, ограничивающих импорт (запретительные таможенные ставки и т. д.), а также естественному уменьшению его в результате отмеченной благоприятной экономической конъюнктуры, — мы видим, как черноморский ввоз за последние два года падает в 18½ раз, при чем участие его в общесоюзном уменьшается с 22,5% до 4,3% в 1923 году. Итак, черноморская торговля особенно ярко подчеркивает тенденцию, наметившуюся в общем товарообороте Союза, а именно: установление благоприятного торгового баланса.

Вышеприведенную картину черноморской торговли необходимо дополнить некоторыми данными, относящимися к Закавказью.

Внешняя торговля последнего (включая транзит) за два последние года выражается в следующих цифрах (в тысячах зол. руб.):

	1922 г. (за 9 мес.)	1923 г. (за 9 мес.)
Вывоз	14.713,6	15.227,0
Привоз	58.610,2	17.435,3
Товарооборот	73.323,8	32.662,3

При первом взгляде на эту таблицу мы как будто можем установить и для торговли Закавказья те же явления, что и для всей торговли С.С.С.Р., т.-е. постепенное увеличение вывоза при падающем ввозе, что устанавливает благоприятный торговый баланс. Однако, мы должны ввести сюда один очень существенный корректив, а именно: значительный транзит (как для ввоза, так и для вывоза), проходящий по территории Закавказья и связанный, главным образом, конечно,

---

с Персией. Если мы утнем этот транзит, достигающий всего 9.349,9 тыс. золот. руб., мы увидим, что торговый баланс Закавказья пока все еще остается неблагоприятным (—2.208,3 тыс. зол. руб.).

В этом нет, конечно, ничего удивительного. В отличие от Украины или Кубанщины—Закавказье является земледельчески мало производящей страной. Благодаря этому оно не только не в состоянии развить экспорта продуктов питания, но даже принуждено ввозить их из-за границы, на значительную сумму 2.367,6 т. зол. руб. (24% всего импорта). Наиболее ценные отрасли промышленности Закавказья (напр., нефтяная) не могут сейчас дать прежних излишков для заграничного экспорта. Они нуждаются в восстановлении и в техническом переоборудовании; это диктует необходимость ввоза из-за границы машин, металлургических изделий, химических материалов и пр. Действительно, мы видим, что эти категории товаров — составляют 31,5% всего импорта.

Заканчивая наш беглый обзор торговли причерноморских стран, мы можем констатировать, что она, как и до мировой войны, продолжает занимать чрезвычайно крупное место в общесоюзном товарообороте. Мало того, как мы убедились, значение черноморского транспорта неминуемо будет увеличиваться, с восстановлением экономической мощи С.С.С.Р., так как именно причерноморские территории являются производителями и экспортерами зерна, других с.-х. продуктов, а также нефти, каменного угля и др. руд и минералов.

VII.

Исходя из этих экономических данных, мы понимаем то железное упорство, с которым Р.С.Ф.С.Р., Украина и Закавказские республики боролись за свое Черное море. Борьба эта свелась к разрешению проблемы проливов, к захвату которых, как мы указывали, не менее упорно стремились англичане, прикрываясь туманной формулой «свободы проливов».

Именно России пришлось на кровавом опыте узнать действительный смысл этой формулы, выдвигаемой западными империалистами. Мы уже указывали, что англо-французская оккупация Константинополя означала непрерывную союзническую интервенцию на юге России и в Закавказье. Однако, и после прекращения блокады советские республики продолжали страдать от англо-французской «свободы проливов». В момент наступления М. Кемали на Константинополь (в к. 1922 г.) Великобритания объявила блокаду проливов и запретила проход всем торговым судам, как идущим в Черное море, так и направляющимся оттуда. Военным властям был даже дан приказ открывать огонь по всем судам, нарушающим это требование. Советские республики, только что начавшие получать ряд товаров и продуктов, заказанных за границей, очутились в чрезвычайно тяжелом

положении. Правительство Р.С.Ф.С.Р. резко протестовало против блокады, требовало немедленной отмены ее и подчеркивало, что «объявленная ныне блокада проливов подтверждает, что державы, незаинтересованные в плавании по Черному морю, но контролирующие своими военными силами проливы будут всегда угрозой мирной хозяйственной жизни черноморских государств».

Эту же точку зрения поддерживала объединенная делегация Р.С.Ф.С.Р., Украины и Грузии (РУГ) и на Лозанской конференции. Англии в вопросе о проливах и о Черном море, как известно, удалось одержать в Лозанне победу. Конвенция о проливах, подписанная Турцией и (с оговорками) советскими республиками, открывала доступ для военных флотов европейских держав в Черное море. Подписывая конвенцию, советское правительство сделало следующую существенную оговорку: если практика применения конвенции обнаружит, что ею недостаточно гарантированы интересы торговли советских республик и всеобщего мира, они принуждены будут поднять вопрос о прекращении ее (конвенции) действия.

Как мы видим, в настоящее время в проливах и на Черном море установилось весьма шаткое положение вещей. Черноморская проблема будет, несомненно, разрешена лишь в том случае, если будет уничтожена всякая военная угроза для безопасности границ и свободы торговых сношений, которые, как мы видели, имеют такое огромное значение для всей хозяйственной жизни С.С.С.Р.

Национально-освободительное движение в Турции.

§ 1. РАСПАД ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРИИ.

30 октября 1918 г. Турция заключает перемирие с Антантой, и буквально в тот же день совершается та перегруппировка держав, которую многие прощительные политики предвидели еще во время мировой войны. Англия и Франция, четыре года сражавшиеся против Германии, едва вступив в Константинополь, превращаются в ожесточенных непримиримых врагов. Антагонизм этот нельзя объяснить какими-либо частными причинами: соперничеством из-за Мосульской нефти, столкновением в проливах, борьбой за влияние среди арабов и т. п. Несомненно, что причины его залегли гораздо глубже. После разгрома германского империализма, после временного удаления с Ближнего Востока России, там остаются лишь две первоклассные державы—Англия и Франция, которые и вступают в борьбу не из-за каких-либо частных интересов, а из-за гегемонии во всей Передней Азии.

Франция, тесно связанная, как мы видели, экономически с Турцией, заинтересованная в ее целостности, представляется Англии в виде преемницы Германии, которую необходимо всячески ослабить и обезвредить, прежде чем она успела развить широкую политико-экономическую экспансию.

В послевоенной французской прессе мы часто встречаем утверждение, что для Франции крайне невыгодно расчленение Турции. Почти тотчас после конференции в Сан-Ремо «Temps» меланхолически замечает: «Надо было пощадить национальное чувство турок... Единственным исходом было оставить независимую и жизнеспособную Турцию».

В период сильнейшего обострения англо-французских отношений, после единоличной оккупации англичанами Константинополя, в разгар конфликта и за-за Мосульской нефти в том же «Temps» (17—22/VI—20 г.) появились сенсационные разоблачения Э. Тардьё, в которых суммировались те опасности, которые вытекают для Франции из британской политики на Востоке: 1) Отбрасывая турок к востоку, их делают более опасными. «Когда Турция дремала на берегах Босфора,

---

достаточно было морской демонстрации, чтобы заставить слушаться губернаторов и генералов самих отдаленных провинций. Теперь же «больной человек» предельно трудный курс лечения на высотах, и, прислонившись к скале, защищается с энергией отчаяния. 2) Силы Востока, которые раньше противостояли друг другу, теперь объединились против союзников. Отсюда понятен тот вывод, который делает Тардье, «всякая другая политика, в особенности политика соглашений с обновленной Турцией, несравненно была бы выгоднее для всех».

И вот мы видим, как во Франции борются две тенденции: одна, только что охарактеризованная, стоит за немедленное соглашение и даже союз с Турцией; другая, представленная колониальной военной и, несомненно, стимулируемая Англией, пытается округлить владения Франции за счет турецкой территории в Виликии, из-за которой приходится вести жесточенную и дорогую войну с националистами. В течение долгого времени победа оставалась за первым течением.

Послевоенные политические события на Ближнем Востоке и в ряду их англо-французская борьба—распадается на два периода, из которых первый падает на 1919—1920 г.г., а второй продолжается до Лозаннской конференции.

После того, как английский адмирал Кальворт подписал на борту «Агамемнона» перемирие с турками, англичане водворяются в Константинополе и делают его своей оперативной базой на Ближнем Востоке. Для складывающихся англо-французских отношений необычайно характерен тот факт, что турецкий уполномоченный, посланный к командующему союзными войсками на Ближнем Востоке ген. Франше д'Эспре, был задержан в течение нескольких дней на английских аванпостах, а в это время договор о перемирии был уже подписан англичанами.

После этого начинается стремительный распад Турецкой империи. Месопотамия и Сирия, завоеванные союзниками, продолжают оставаться в их оккупации; английский флот бросает якорь в Золотом Роге и тотчас же, вопреки перемирию, приступает к частичной оккупации Константинополя. Десятитысячный английский отряд, вскоре усиленный французскими и итальянскими подкреплениями, захватывает казармы и жилища частных лиц. Греко-армянская буржуазия радостно встречает «избавителей» союзников и организует жандармские и полицейские отряды под командой английских инструкторов. Отчаявшееся турецкое население отвечает на насилие—насилием, и вот повсюду вспыхивает резня: в Бруссе мусульмане громят армян; в Смирне турецкие солдаты нападают на греков. Армяно-греческая пресса раздувает все эти события и призывает к полному уничтожению Турции. Под предлогом «восстановления порядка» французы оккупируют Виликию и смежные санджаки Урфу и Мараш; итальянцы высаживают войска в Адалии; англичане, под предлогом разоружения турецкой армии, проникают в самую глубь Малой Азии и захватывают Сумелун, Мерзифон, Эскишехр и др. пункты.

Христианская пресса каждый день публикует сведения о дальнейших пере-

---

делах Турции, об образовании республики Понта, о создании Великой Армении от моря и до моря и т. д. Антантовская пресса с удовлетворением замечает, что Турции будет оставлена одна пятая часть ее прежней территории.

Последним шагом в сторону расчленения Турции был внезапный захват греками Смирны (15-го мая 1919 г.), обещанной им в силу тайного соглашения за выступление против Германии и ее союзников.

Как показывают документы, опубликованные в Англии, греческая экспедиция в Смирну была решена в Париже на заседании Верховного Совета четырех великих держав (так наз. Big Four). Любопытно, что представитель Италии на заседании отсутствовал хотя эта мера была специально направлена против нее.

Заняв Смирну, греки начали немедленно оккупировать весь Смирнский (или Айдинский) вилайет, и вскоре Венизелос мог с удовлетворением заявить, что Греция вышла из войны, увеличив свое население на 2 миллиона человек.

Турецкое правительство превратилось фактически в заложников англо-французов. Тотчас же после перемирия наиболее крупные члены партии «Единение и Прогресс» (Эйвер, Тазаат и др.) последили эмигрировать в Германию. Остатки партии объявили официально о ее ликвидации и создали новые группировки, возрождавшие «Единение и Прогресс», но под новыми именами. Так, образовались партии «Обновления» (Тэджедод), «Благоденствия оттоманов», «Мира и благоденствия» и некоторые другие группировки.

Впрочем, первостепенная роль принадлежала уже не им, а партии «Свобода и Согласие» (Хурриет вэ Иттиляф, по французски *Entente Liberale*). Партия эта существовала с первых лет младотурецкого переворота, явившись наследницей партии ахраров (либералов)). По своему составу она воплощала всегда интересы греческой и армянской, вообще не турецкой буржуазии; главным программным пунктом ее была децентрализация Турции.

Когда либералы после перемирия вернулись из-за границы в Константинополь, состав их значительно передел. Албанская и греческая буржуазия покинула их ряды, так как вместо децентрализации она получила уже полную автономию своих областей. Армяне, обуреваемые мыслью о создании, при помощи союзников, Великой Армении, не считали нужным являться с турками и давно работали в злосчастной Дашнакцутюн. Таким образом, в составе Хурриет вэ Иттиляф осталось лишь несколько турецких бюрократов, политических деятелей, имеющих личные счета с младотурками, и более всего всяких аферистов и политических проходимцев, которые мечтали, опираясь на англо-французские штыки, устроить свои собственные делишки. Возглавлял эту партию беспринципнейший из турецких политиков Ферид, носящий титул Дамада, т. е. зятя султана.

В течение ряда месяцев все стремления англичан были направлены к тому, чтобы обеспечить всю полноту власти Дамад Фериду, ставшему послушным орудием

британского империализма, после того как он верой и правдой служил Германии. И вот в Константинополе происходит форменная министерская чехарда: за какие-нибудь 10 месяцев сменяется 6 министерств: кабинет маршала Пазета, три кабинета Тевфик-паши с калейдоскопической быстротой сменяют друг друга.

Тем временем в Константинополе частью стихийно происходят, частью провоцируются англичанами народные волнения, пожары и, наконец, убийства часовых. Англо-французы требуют все более и более энергично—водворения порядка, грозя репрессиями—и вот султан назначает великим везирем Ферид Дамада. Последний выполняет английскую программу-максимум: он водворяет порядок, организует смешанную турко-английскую полицию, громит остатки партии «Единение и Прогресс», и подготавливает почву для заключения мирного договора, т. е. для окончательной передачи территории Турции союзникам.

План, проводимый в это время англичанами, довольно ясен. Они науськивали французов, греков и итальянцев на оккупацию Киликии, Смирны, Адалии и др. районов, выставляя в то же время себя туркофилами и грекофобами. По словам Э. Тардье, британские агенты в это время ведут деятельную пропаганду против французов, которых они выставляют «расчленителями» и грекофилами.

Каков же был реальный смысл этой неожиданной защиты Англией целостности Османской Империи? Несомненно, что англичане мечтали получить мандат на Анатолию, при чем инициатива в этом отношении должна была принадлежать самим туркам. Именно с этой целью английские войска оккупировали после перемирия как раз города центральной Анатолии—Эскишехр, Мерзифон и Ангору в то время, как французам и грекам была предоставлена периферия.

Проводником этих скрытых замыслов английского империализма и явился Ферид и его сподвижники, вроде пресловутого редактора Пейям-и-Саббах Али-Кемали. Что касается до султанского двора, то он определенно высказывался за английский протекторат.

Характерно, что даже после Севрского мира, англичане не оставляли мысли о получении мандата на Турцию. Так, в июне 1920 г. в Константинополе состоялась манифестация, устроенная якобы для протеста против мирного договора, на самом же деле долженствующая продемонстрировать желание населения получения Англией мандата на Турцию. Сострапанная переодетыми полицейскими манифестация эта, конечно, не удалась; однако, через некоторое время англичане начали намекать турецким делегатам на мирной конференции, что при помощи Англии можно добиться изменения Севрского договора, но, конечно, при условии полного подчинения Турции—Великобритании.

§ 2. НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Циничный захват турецких территорий союзниками, сопровождавшийся убийствами, грабежами и всевозможными насилиями, вызвал взрыв негодования

во всех слоях турецкого населения. Волнения начались прежде всего среди демобилизуемых солдат. Благодаря злоупотреблениям чиновников, нажиму союзников и общим тяжелым продовольственным условиям, солдаты по неделям голодали в ожидании отпуска по домам. Почти в таком же положении находилось, впрочем, и крестьянское население Анатолии. Страна была совершенно разорена войной, реквизициями и пр., количество рабочих рук и вследствие этого размеры запашки сократились почти наполовину. А тут союзники захватили весь турецкий торговый флот и затруднили снабжение хлебом извне. Остатки запасов поедались англо-французскими оккупационными отрядами, население же принуждено было голодать. Немудрено, что по всей Анатолии начались крестьянские волнения, при чем ненависть народа направлена была почти исключительно против Константинопольского правительства, бессильного оказать какое-либо противодействие иностранной оккупации. «Мусульманское крестьянство определенно вооружилось против правительства Турции», тревожно замечает буржуазная газета Саббах. «Для нас совершенно непонятно, откуда исходят эти большевистские идеи, кто ведет эту вредную агитацию в трудовых массах, почему пропаганда, под флагом недоверия союзникам, направлена против турецкого правительства».

Организаторами этих революционных фрасеянных сил выступили, как и при перевороте 1908 года—интеллигенция, буржуазия и офицерство.

Первые попытки организовать революционное движение произошло в Константинополе. После роспуска младотурецкого парламента был создан национальный конгресс (Миллие Конгресс), якобы для предвыборной агитации в будущий парламент. Конгресс этот по внешности носил совершенно мирный характер и составлен был из представителей различных благотворительных и патриотических учреждений, возникших в связи с войной. Члены конгресса выступали против территориальных притязаний греков и армян и впервые пустили в оборот лозунги «Обороны отечества» (Мудафа-и-миллие) и возрождения «национальной мощи» (Кувва-и-миллие).

Этот конгресс, руководимый Сулейман Назифом, Реуф-беем, а также различные тайные организации (вроде Ай Ылдыз—«полумесяц и звезда») начали устанавливать связь с недовольными элементами Анатолии, которым угрожала опасность со стороны греков или армян. Под предлогом оказания медицинской помощи, в Анатолию посылались целые экспедиции, которые и занимались организацией революционных сил. С этой целью созываются конгрессы на местах: первый конгресс, под лозунгом «дезаннекси Смирны», собрался в Айдинском вилайете; второй—в Трапезунде для «защиты прав Трапезунда». В результате этих конгрессов вся Анатолия начинает покрываться сетью патриотических ячеек, так называемыми «комитетами защиты национальных прав». Позвоночным столбом организации являлись части старой армии, командиры которых (Кязим-Карабекир—в Эрзеруме, Салах-Эдлин бей в Сивасе и Али Фуад-паша в Ангоре) всячески замедляли демобилизацию и укрывали подлежащее сдаче оружие.

Следующим этапом должно было явиться объединение крупных провинциальных организаций и создание общего революционного аппарата. Заслуга совершения этой работы принадлежит Мустафе Кемалю, который в мае 1919 года был отправлен правительством Ферид Дамада в Восточную Анатолию для успокоения находящихся там частей 3-й армии, распропагандированной националистами.

В июле 1919 г. в Эрзеруме состоялся конгресс «защиты прав восточных вилайетов», который и создал основу организации миллистов. Руководил съездом Кемаль, который эффектным жестом отрекся от звания паши и поклялся работать простым рядовым для освобождения родины.

Конгресс постановил бороться против притязаний греков и армян на Трапезунд, Эрзерум, Сивас, Битлис и Диярбекир, так как эти территории являются составной частью Османской Империи; в случае, если турецкое (константинопольское) правительство вынуждено будет отказаться от восточных вилайетов и подпишет мир в этом духе, т. е. для сохранения этих земель и связи их с турецким правительством, объявить в означенных вилайетах временное правительство и довести об этом до сведения иностранных держав, чтобы не дать возможности грекам и армянам завладеть ими. С этой целью съезд должен выделить из своей среды представительный орган для составления временного правительства.

Во исполнение последнего постановления, конгресс создал временный центр, облеченный секретными широчайшими полномочиями. Все противящиеся решениям конгресса были объявлены врагами отечества, при чем решения эти были сообщены константинопольскому правительству и союзникам.

Национальное движение разрасталось с каждым днем. В восточных вилайетах, даже в окрестностях Смирны, вспыхивали местные, неорганизованные восстания.

В сентябре 1919 года был созван первый общетурецкий национальный конгресс. На нем присутствовали делегаты всех провинций Анатолии, Европейской Турции, а также представители Сев. Месопотамии, Аджарии и др. областей. Конгресс в общем принял почти без изменения программу, выработанную в Эрзеруме, лишь несколько дополнив ее. В состав неотчуждаемой турецкой территории были включены Мосул, представляющий огромную ценность, благодаря своим нефтяным источникам, и Александретта; правительство султана лишилось права подписать мир без согласия страны в лице ее представителей; провозглашался отказ от политики насильственного отуречивания всех неоттоманских народностей, проводимой младотурками.

Главным пунктом программы, принятой Сивасским конгрессом, было признание навсегда суверенитета народа, являющегося единой законной властью, и «продвижение борьбы на всех фронтах против бесчестных захватов врагов, впредь до полного освобождения всей страны».

Необходимо отметить, что большинство членов конгресса (во главе с М. Кемалем) стремились избежать окончательного разрыва с константинопольским правительством. Они настояли, чтобы султану была послана телеграмма, проникнутая лояльностью, из которой наиболее интересны следующие пункты:

4) «Европейские державы должны немедленно удалить свои контингенты с территорий, которые принадлежат нам, как Адава, Смирна и т. д.»

5) «Если Ваше Величество желает, чтобы империя избежала разложения и раздела, необходимо, чтобы было призвано к власти правительство, составленное из уважаемых лиц, опытных и достойных доверия всей оттоманской нации, и чтобы выборы были ускорены, так чтобы парламент мог собраться в возможно короткий срок».

6) «Настоящие постановления равно должны быть представлены державам Антанты, к гуманным чувствам которых следует обратиться прежде, чем принять окончательное решение».

Пред'явив эту программу кабинету Дамад Фериды, а также потребовав от него немедленного созыва меджлиса (парламента), конгресс разошелся, выбрав исполнительный комитет, в который вошли по два представителя от каждого вилайета.

Требования конгресса были обойдены полным молчанием со стороны султанского правительства, уютно устроившегося за спиной у англичан. Тогда комитет объявил о своем неподчинении Константинополю и начал энергичную вооруженную борьбу против правительственных войск и против англо-французских оккупационных отрядов.

Вместе с тем комитет пригласил все восточные провинции приступить к выборам депутатов в новый меджлис.

В Киликии, Урфе и Айнтабе добровольческие дружины успешно атакуют французов, в Месопотамии вспыхивает восстание курдов, английские гарнизоны принуждены очистить Самсун и Мерзифон, итальянские — Конюю. Со своей стороны, англичане провоцируют сильное восстание курдов (Сев. Месопотамия и Деремма), докатившееся до Сиваса. Что касается до правительственных отрядов, то они или целиком переходят на сторону повстанцев, или же бегут к Константинополю под защиту английских дредноутов.

Однако, в самой столице вспыхивают волнения: сто тысяч человек собираются на площади султана Ахмеда и демонстрируют по всему городу, выкинув знамена с надписями: «Мы хотим жить, 2 миллиона турок не могут быть принесены в жертву 200.000 греков».

Под влиянием этих грозных событий, константинопольское правительство принуждено капитулировать. Султан выпустил воззвание к народу о том, что Дамад Ферид обманывал его, и назначил премьером Али Риза-пашу. Последний объявил себя нейтральным и вступил в переговоры с националистами. После долгих перегово-

---

воров, кабинет Али Риза принял программу Сивасского конгресса и подписал соглашение с националистами в Амасии.

Вслед за этим началась оживленная работа по созыву парламента, был проведен избирательный закон, значительно расширивший избирательное право. Греки и армяне, впрочем, или бойкотировали выборы, или не были допущены к ним.

12 января 1920 года состоялось официальное открытие парламента, при чем султан, по удивительной случайности, внезапно заболел и не мог присутствовать на открытии. Состав парламента обманул все ожидания султанской клики и союзников. Из 120 съехавшихся депутатов, 95 принадлежало к национальному блоку Феллах-и-Ватан и лишь 25—к партии Хурриет во Иттиляф.

Парламенту, конечно, пришлось работать в самой тревожной обстановке; подкупленная константинопольская пресса подняла травлю против него, указывая на подтасованность выборов и на большевистские тенденции большинства депутатов. Английские патрули разгуливали ежедневно по всем мусульманским кварталам, под рукой распространялись провокационные слухи о предстоящих погромах... Вместе с тем, однако, парламента получил телеграмму от М. Кемале, в которой он признавался единым полномочным представителем страны, располагающим всеми вооруженными силами Анатолии.

Работа парламента свелась к выработке, так называемого, «Национального Обета», по-турецки Мисак-и-Миллие, который, по виду его важности, необходимо привести целиком.

«Члены турецкого парламента верят, что независимость их страны может обеспечить только принятие изложенных в настоящем обете принципов, заключающих в себе, по их мнению, максимум жертв, на которые они могут пойти во имя достижения прочного и справедливого мира, и что только при соблюдении этих принципов возможно существование Турции, как независимого государства.

«Статья 1. Судьба той части оттоманской территории, которая в момент заключения перемирия, — в октябре месяце 1918 года, — была занята неприятелем, будет, в силу необходимости, урегулирована путем плебисцита в виду того, что означенная территория населена арабским большинством. Части оттоманской территории, расположенные по обе стороны линии, установленной договором перемирия и населенные турецко - мусульманским большинством, связанным между собою, как узлами единой религии, расы и общего идеала, так и чувством взаимного уважения, составляют неделимое целое, расчленение коего невозможно ни в теории, ни на практике».

«Статья 2. В случае необходимости мы принимаем новый плебисцит для трех санджаков (округов)—Карса, Ардагана и Батума,—которые сами воссоединились с матерью-отчиной по воле своего населения, как только последнее обрело свою свободу».

«Статья 3. Урегулирование судьбы Западной Фракии, отсрачиваемое до

заклучения мира, должно быть произведено на основе плебисцита, который будет проведен при соблюдении полной свободы голосования».

«Статья 4. Безопасность Константинополя, этого местопребывания мусульманского халифата и столицы Оттоманской Империи, равно как и Мраморного моря, должна быть обеспечена. По выполнении этого условия, Турция сговорится с державами по вопросу об открытии проливов для мировой торговли».

«Статья 5. Мы обеспечим права меньшинств в надежде на предоставление таких же прав мусульманскому населению в пограничных странах. Этот вопрос об обеспечении прав меньшинств будет урегулирован на основе тех же законов и принципов, которые установлены между Антантой и ее противниками, а также между Антантой и некоторыми из союзников».

«Статья 6. Наш самый высокий и самый жизненный принцип, — это принцип нашей полной независимости, обеспечивающий нам возможность, подобно всем другим странам, развиваться экономически и социально. Поэтому, мы противимся всякому ограничению, которое явится только препятствием нашему политическому, юридическому и экономическому развитию. Условия для уплаты наших долгов, которые, конечно, будут вышлочены, не должны противоречить духу этого принципа».

Эта программа, разумеется, являлась совершенно неприемлемой для союзников, которые стремились к полному политическому и экономическому порабощению Турции. И, вот, они начинают открыто готовиться к государственному перевороту. В Константинополь прибывают новые военно-морские единицы, под давлением союзников кабинет Али Риза, обвиняемый в невыполнении условий перемирия, падает, для всех становится очевидным, что дни парламента сочтены.

Петерпев к тому времени, как мы увидим ниже, форменное поражение в вопросе о будущей судьбе Константинополя, английское правительство решается, наконец, предпринять решительные шаги и предписывает ген. Мильну произвести государственный переворот.

16 марта 1920 года английская пехота спускается на берег и оккупирует Константинополь. Десятки националистов подвергаются арестам, после чего их ссылают на Мальту. После этого англичане врываются в парламент и штыками разгоняют его. Лишь около 60 депутатов с огромными опасностями и лишениями бегут из Константинополя и достигают Анатолии. «Юнион Джек» заменяет в Стамбуле зеленое знамя с звездой и полумесяцем.

§ 3. СЕВРСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР.

Судьбу Турции решали не только английские моряки в Константинополе, но еще более того союзные дипломаты на конференции в Сан-Ремо. Вопрос о дележке турецкого наследства, как мы видели, был в общих чертах решен еще задолго до

окончания мировой войны, путем переговоров между Великобританией, Францией и Россией.

Выход России из войны и военная обстановка, создавшаяся к моменту заключения перемирия, почти совершенно опрокинули все эти предварительные планы и расчеты. Возникали вопросы о судьбе проливов, о дележке нефтяных районов Северной Месопотамии, о будущем устройстве Палестины, разрешенные соглашениями 1916 года, понятно, без учета той военно-политической обстановки, которая сложилась после перемирия.

Столкнувшись с победоносно развивающимся национальным движением в Анатолии, англичане решают нанести лобовой удар. Точно в мгновение ока прекращаются все разговоры о нерасчленении Турции. Ллойд-Джордж, который в январе 1918 года утверждал, что «Англия воюет не из-за Константинополя», теперь грозно заявляет: «Можем ли мы оставить эти ворота (проливы) под надзором того же противника, который захлопнул их перед нашим носом? Нет, не можем!».

В начале 1920 года идет усиленная подготовка к конференции в Сан-Ремо, долженствующей выработать условия мира для Турции. И вот в прессе и в парламенте подымается сильнейшая агитация в пользу отнятия от турок Константинополя, который в этом случае, конечно, должен превратиться в британскую гавань, во второй Гибралтар, принимая во внимание огромный перевес английского флота над французским, не говоря уже об итальянском.

Самые разнообразные общественные группы, а именно: клерикалы (епископы Норкский, Кентерберийский и др.), рабочая партия, во главе с известным Хайндманом, консервативные профессора (Тойнби и др.), либеральная партия и, наконец, империалисты всех мастей, имеющие своим лейб-органом «Таймс», составляют петиции, выпускают воззвания и подымают бешеную кампанию в пользу лишения турок Константинополя. Эта агитация вызвала, однако, сильный протест, прежде всего, в самой же Англии. Фритредерская буржуазия, часть консерваторов и влиятельные колониальные круги резко протестовали против вивисекции, которую Англия собиралась проделать над Турцией. Англо-оттоманское общество (Anglo ottoman Society) выпустило воззвание, подписанное видными общественными и научными деятелями, вроде ген. Брайя, проф. Брауна, лорда Моубрея и др., в котором напоминало Ллойд-Джорджу его торжественное обещание оставить Константинополь Турции.

Однако, гораздо более влиятельным, нежели эта туземная оппозиция, оказалось решительное противодействие Франции и Италии, которое вылилось в реальные формы на происшедшей вскоре конференции.

Правительство Клемансо было панически испугано английскими планами. Офицюз министерства иностранных дел «Temps» писал: «Ни для кого не тайна, что Франция, в лице ее ответственных представителей, предпочитала оставить

султана и турецкое правительство в Константинополе. Иначе рассуждала Англия». Чем же обуславливается французская точка зрения? На этот щекотливый вопрос «Temps» дает совершенно недвусмысленный ответ: в случае удаления турок, «охрану Константинополя со стороны моря, повидимому, возьмут на себя союзники. Но не все союзные державы одинаково сильны на море. И не случится ли так, что неравенство в силах, несмотря на всю взаимную лояльность союзников, все же выразится в неравенстве преимуществ?» (передовица от 1 января 1920 года). Эта оппозиция со стороны Франции вызвала буквально бешенство у английских империалистов. Так, например, лорд Сесиль писал в «Ивнинг Стандарт» (27 февраля 1920 г.), что с точки зрения французских финансовых интересов, конечно, для Франции выгодно, чтобы Константинополь остался тем, чем он был, т.-е. «областью, предоставленной охотникам за концессиями». Английское правительство, повидимому, грозило открытым разрывом, непримиримому Клемансо пришлось уйти в отставку, но и более гибкий Мильеран, уступив в вопросе о Мосуле, все же продолжал упорно отстаивать французскую точку зрения на проливы.

Неизвестно, чем бы кончилась эта борьба, если бы французы неожиданно не встретили себе союзников в лице мусульман Индии. Известие о том, что Англия собирается изгнать турок и халифа из Константинополя, вызвало среди них бурю негодования. Образовавшееся общество защиты халифата начало собирать сотни тысяч подписей под протестующими петициями. Целый ряд влиятельных индийских принцев, вроде Ага-Хана, указывали Верховному Совету и британскому правительству на крайнюю опасность этого шага. Любопытно, что даже не мусульманские полунезависимые царьки (вроде магараджи Биканира), преданность которых Англии была вне всякого сомнения, также настойчиво предостерегали британское правительство. Наконец, англо-индийская администрация, со своей стороны, подтвердила серьезность положения, складывающегося в Индии.

Под влиянием этой разношерстной оппозиции, английские империалисты должны были отказаться от заманчивого плана захвата Константинополя. Ллойд-Джордж заявил в палате общин, что основным мотивом к оставлению Константинополя под турецким управлением послужило то обстоятельство, что «две великие державы из трех, от которых, главным образом, зависело решение вопроса, именно Франция и Италия, высказались в пользу турок».

Хотя, по мнению английского премьера, Великобритания должна была бы иметь здесь решающий голос, протест допущенных на конференцию представителей Индии заставил ее идти на уступки.

Благодаря этим империалистическим противоречиям Англии и Франции, в течение полутора лет после заключения перемирия державы Антанты не могли согласовать своих интересов и выработать проект мирного договора с Турцией. Лишь в апреле и мае 1920 года конференция в Сан-Ремо составила последний и передала его турецкой делегации (12 мая), заявив, что, в случае промедления

с подписанием его, Константинополь будет окончательно отнят от Турции. Нечего, конечно, и говорить, что турецкая делегация (во главе с Тевфик-пашей) не была совершенно допущена на конференцию, и ей было предложено все замечания на проект договора представлять исключительно в письменной форме. В течение двух лет Севрский мирный договор, как тяжелый кошмар, давил борющихся и страдающую Турцию, пока он не был в клочья разорван штыками националистов.

Договор этот представляет из себя единственную во всей мировой истории программу политического и экономического закабаления целого народа, рассчитанную при этом не на годы и не на десятилетия, а буквально на столетия.

Прежде всего, Турция лишилась почти двух третей своей территории, переходящих под разными благозвучными названиями в руки союзников.

Сирия и Месопотамия признавались «временно независимыми государствами, подчиненными решениям и советам носителей мандатов», т.е. Франции и Англии: в Палестине предусматривалось создание еврейского национального центра, причем управление его также возлагалось на будущего носителя мандата, т.е. фактически опять-таки на Англию. Геджас объявлялся независимым государством. Кроме того, Турция окончательно отказывалась от всех своих прав на Египет, Судан и Кипр в пользу Великобритании, Марокко и Туниса — в пользу Франции, Ливии и Эгейских островов (Додеканеза) — Италии. Так, одним ударом были осуществлены все империалистические вождедения, которые в течение полутора столетий питали западные державы на Ближнем Востоке. Хорошую поживу получил и более мелкий империалистический хищник, а именно, Греция. Помимо Восточной Фракии и ряда островов на Эгейском море (Имброс, Тенелос, Хиос и др.), она приобрела второй по значению порт в Турции, — Смирну. Правда, здесь были соблюдены некоторые дипломатические условности: турецкое правительство «соглашалось» передать Греции свои суверенные права над областью Смирны; Турции разрешалось даже в доказательство своего суверенитета поднять оттоманский флаг на одном из фортов... вне Смирны.

Что касается до армян, то в Сан-Ремо они были по обыкновению, обмануты.

Определение границ будущей территории Армении договор передавал на благожелательное разрешение президента Соединенных Штатов. В случае отказа последнего выполнить эту почетную, но дорого стоящую миссию, от всех великодержавных планов армянских патриотов-дашнакцаканов оставалась лишь одна пустая скорлупа; как мы увидим ниже, так оно и получилось. Но вполне понятно, что, захватив лучшие куски турецкой территории, англичане и французы всячески открещивались от бесплодных плоскогорий Армении, населенных, вдобавок, полудикими курдами. Последним, между прочим, было обещано создание автономного и в будущем независимого Кудистана, но, конечно, под надзором великих держав.

Наконец, не довольствуясь этими огромными аннексиями, великие державы

заклучили особое соглашение (подписанное в Севре 16 июля 1920 г.), определявшее зоны влияния каждой державы в Анатолии.

В результате этого грандиозного территориального передела, Турция лишилась 438.750 кв. миль и около 12 мил. жителей; территория Оттоманской Империи после Севрского договора ограничивалась 174.900 кв. милями, с населением в 8 мил. человек.

В отношении Константинополя и проливов, английское правительство предпринимает все меры, чтобы владение ими турок получило чисто номинальный характер. Франции и Италии, в свою очередь, приходится идти на уступки, и Севрский мирный договор, как известно, фактически отнял у Турции всякий суверенитет не только над проливами, но и над Константинополем. Не входя в детали Севрского договора, укажу лишь, что Константинополь был лишен всякого гинтерлянда. Благодаря проектируемой передаче грекам большей части побережья Галлипольского полуострова и Мраморного моря, наибольший радиус турецких владений в Европе равнялся 80 километрам, на севере же он уменьшался до 15 километров.

Что касается до проливов, то они подвергались особому режиму, открывающему их для плавания, как в мирное, так и в военное время, безразлично для коммерческого и военного флота. Для контроля над проливами учреждалась Международная «Комиссия проливов». Комиссия имела свою администрацию, свой флаг, бюджет и полицейские силы. Зона, контролируемая комиссией, охватывала оба берега проливов, а также острова: Лемвос, Имброс, Тенедос и Митилену.

Функции комиссии проливов состояли в производстве всяческих работ, которые облегчают плавание: устройство и поддержание маяков, портов, причалов и т. д.

В случае угрозы «свободе плавания» в проливах, комиссия должна была обращаться к представителям Франции, Англии и Италии в Константинополе для принятия нужных мер защиты. Для действительной охраны Дарданелл и Мраморного моря, отряды перечисленных государств получали право находиться в вышеуказанной зоне проливов.

Таким образом, Севрский договор, хотя и оставлял Константинополь за Турцией, но при этом с суши блокировал его греческими владениями, оба же его берега, и азиатский, и европейский, он отрезал от моря, путем устройства международной зоны проливов. Если бы турецкое правительство действительно желало устроиться в Константинополе, то при этих условиях оно очутилось бы в роли почетного заложника европейских держав, и в первую очередь, разумеется, морской владычицы — Англии.

Авторы Севрского договора решили установить свой всецелый контроль над всей экономической жизнью Турции и превратить ее в такую же колонию, какой, например, является Индия или Алжир. Достигалось это учреждением «финансовой комиссии» (в составе представителей Англии, Франции и Италии), которая обладала

бы диктаторскими полномочиями по отношению к турецким финансам и народному хозяйству.

Утверждение бюджетов, надзор за выполнением их, издание новых финансовых законов, введение новых налогов, изменение таможенных ставок, заключение внутренних и внешних займов, предоставление концессий, распоряжение золотым запасом, — все это могло осуществляться лишь с согласия и утверждения комиссии. Привилегии эти являются буквально беспримерными, так как, благодаря им, финансовая комиссия сосредоточивает в своих руках функции, которые в других государствах принадлежат различным министерствам и представительным учреждениям.

Какую же роль призвано было при этом играть турецкое правительство? Оно имело одного представителя в комиссии и притом лишь с совещательным голосом.

Приобретая эти новые неслыханные права и возможности, союзники не желали поступаться ни одним из старых; так, они сохраняли режим капитуляций, все довоенные концессии (разумеется, кроме австро-германских), а также благоприятные тарифные ограничения (тариф 1907 г. не свыше 11,6% *ad valorem*).

Если мы вспомним, что эти привилегии как раз тормозили все экономическое развитие Турции, мы убедимся, что в результате Севрского договора должен был наступить полный упадок и обнищание населения.

Для того, чтобы обеспечить за собой на вечные времена все эти финансово-экономические привилегии, державы Согласия проектируют почти полное уничтожение военной мощи Турции.

Регулярная армия вообще упраздняется, так как набор базируется не на обязательной воинской повинности, а на добровольчестве. Армия состоит из жандармерии и специальных частей (горная артиллерия и саперы), общее число которых фиксируется в 50.000 человек. Султан, правда, получает подарок, в виде 700 человек стражи. Мало того, даже эти ничтожные военные силы внушают опасение союзникам, и вот предусмотрено участие офицеров союзных и нейтральных держав в командовании и обучении жандармерии. Образование резервов, учреждение офицерских школ (кроме одной), — все это не допускается. Наконец, Турция лишается права иметь военный, морской и воздушный флоты.

Надзор над осуществлением всех этих военных мероприятий возлагается на междусоюзнические комиссии, которые получают в своей области такие же диктаторские права, как рассмотренная выше финансовая комиссия.

Нет никакой возможности рассмотреть, хотя бы вкратце, даже наиболее важные постановления Севрского договора; не забудем, что он состоит из 15 частей, включающих десятки и сотни пунктов. Отметим, в заключение, лишь один параграф, по которому Турция обязывалась отменить все договоры, конвенции и соглашения, которые были заключены ею с большевистским правительством России.

Как мы видим, союзные дипломаты в Сан-Ремо оказались весьма пресмотрительными.

Вряд ли этот договор нуждается в какой-либо общей характеристике и в подробной оценке. Из вышесказанного достаточно ясно видно, что его целью было «индустриализирование» Турции, т. е. превращение ее в общую колонию Франции, Англии и Италии, в которой они монополично распоряжались бы всей ее политической, финансовой и экономической жизнью.

Характерно, что, кроме Англии, Севрский договор никого не удовлетворил. Франция слишком хорошо понимала, что она лишается всех своих финансовых привилегий, завоеванных в течение полувека в Турции, ради многообещающих, но довольно проблематических параграфов договора: государственный долг, табачная монополия, железнодорожные концессии, — все это исчезало или составляло предмет «совладения» с Англией.

Недаром «*Matin*» констатировал: «по отношению к Турции у нас две политики: одна стремится сохранить ее, другая толкает нас к захвату наиболее важных и богатых ее областей... Обе эти политики вредят одна другой» (3 февраля 1920 года).

Греция была недовольна тем, что острова Додеканеза попали в руки Италии. Еще в 1919 году она заключила с последней конвенцию, по которой получала все острова, за исключением Родоса и трех зависящих от него островков. И вот Греция заявляет, что она не подпишет Севрского договора, если Италия не откажется в ее пользу от Додеканеза. Наконец, характерно, что «опротестовали» договор и русские белогвардейские сановники. Маклаков, Сазонов и Львов представили конференции обемистый меморандум, в котором они устанавливали права на Константинополь и Армению России, конечно, после того, как она перестанет быть большевистской.

Вся эта империалистическая склока характерна в том отношении, что она показывает беспочвенность и непрочность Севрского договора. И Франция, и Италия принуждены были его подписать, находясь в тот момент на пике у английского империализма. Воспользовавшись первым же удобным случаем, они вошли в переговоры с действительным турецким правительством в Ангоре и тем самым превратили документ, изготовленный Сан-Ремо, в клочок бумаги.

§ 4. ВЕЛИКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И БОРЬБА С КОНСТАНТИНОПОЛЕМ.

После разгона английскими штыками парламента, в Турции образовалось два правительства: одно «законное», в Константинополе, и другое революционное, в Ангаре; страна превратилась в «туловище с двух головах».

Правительство султана, конечно, обладало совершенно призрачной властью.

к тому же у него отсутствовали вооруженные силы и денежные средства; но за ним стояли союзники, главным образом, англичане, которым оно было нужно для подписания Севрского мирного договора, и как ширма для подавления националистического движения.

И вот мы видим, как власть опять переходит в руки Хурриет во Иттиляф, поторно исполняющей все приказы военного командования союзников.

Манифест султана торжественно объявляет, что «новый кабинет принял решение, какой бы то ни было ценой, восстановить порядок в Анатолии; кабинет ставит себе задачей охрану существующей империи и спасение населения Анатолии от грабежей и уничтожения бандами повстанцев».

Для того, чтобы символизировать этот новый поворот в политике, несколько вождей национального движения: М. Кемаль, Али Фуад, Ахмед Рустем, Халиде Эдиб Ханум и др. заочно были приговорены к смертной казни и преданы халифом церковному «отлучению». В Константинополе водворяется англо-султанский террор: тюрьмы наполняются арестованными по подозрению в сочувствии националистам; совершаются казни нескольких офицеров.

Военные действия против ангорского правительства оказываются, однако, менее успешными. В константинопольских военных складах все время вспыхивают пожары, суда с аммуницией идут ко дну у самого Галатского моста, отряды, посылаемые против войск М. Кемали, переходят на его сторону.

Англичане грозят, что в случае, если в течение 3 месяцев не будет восстановлен порядок, они навсегда оккупируют Константинополь. Под влиянием этой угрозы осенью 1920 г. формируется новое активистическое правительство, возглавляемое, конечно, Феридом. Последний с чисто хлестаковской развязностью делает англичанам предложение в случае, если они помогут ему занять М. Азию, выставить 200.000 армию для операций против большевиков.

Спыт сформирования карательных отрядов против националистов терпит, однако, позорный крах, и к концу 1920 г. константинопольское правительство прекращает вооруженную борьбу против ангорского правительства. Перепуганная константинопольская буржуазия обращается с просьбой (впрочем, безуспешной) к французскому генералу Жюлю организовать отборные полки для защиты Константинополя в случае изменения политической ситуации. Для этой цели она соглашается положить в банк 2 миллиона франков, и это ярко обнажает классовый характер происходящей в Турции борьбы.

Одновременно с организацией сопротивления ангорскому правительству англичане производят сильнейший нажим на султана, требуя подписания Севрского договора. В виду разногласия, обнаруживавшегося по этому поводу среди членов правительства, созывается коронный совет (6 июля 1920 г.) в составе 50 представителей высшей бюрократии и членов царствующего дома. Угроза англичан

лишить Турцию Константинополя заставляет совет высказаться за подписание договора большинством всех против одного Риза-паши.

Султан объявляет в манифесте о состоявшемся постановлении принять условия мирного договора и все же не решается подписать его. Хищнические условия трактата пугают даже привыкшую к лакействованию перед западными державами султанскую котирию. Она чувствует, что принятие договора выроет непроходимую пропасть между нею и остальной страной. И вот константинопольское правительство прибегает к тактике оттяжек, к выклянчиванию уступок у Англии относительно Фракии и проливов и пока что нащупывает почву для соглашения с Ангорой.

В конце 1920 г. оно завязывает с последней уже полуофициальные отношения, и М. Кемаль посылает в Константинополь своего представителя для «информации».

С этого момента правительство султана фактически сходит со сцены; англичане изверились в помощи этого бутафорского правительства против националистов и перестали поддерживать его: мавр сделал свое дело, мавр может удалиться.

Выше уже указывалось, что после разгрома парламента, части депутатов (около 60 чел.) удалось бежать в Ангору. Было решено пополнить их состав и создать новое революционное правительство в противовес предавшемуся союзникам константинопольскому. Выборы проходили по довольно запутанной системе: к выборщикам второй ступени присоединялись муниципальные и провинциальные советы, а также «Комитеты защиты прав Анатолии и Румелии», и они-то сообща выбрали депутатов. Согласно нормам, уже примененным при выборах на Сивасский и Эрзерумский конгресс, каждый санджак (губерния) посылал пять депутатов. Необходимо отметить, что в выборах участвовали лишь лица, обладающие некоторым имущественным цензом. В результате было избрано от 250 до 300 депутатов, которые и составили Верховное Собрание, открытое 23 апреля 1920 года.

Довольно трудно по имеющимся данным установить социальный состав собрания. Больше половины его обыкновенно работало на местах, так что в Ангоре находилось не более 150—200 депутатов. Если мы разобьем их по профессиям, то получим следующую таблицу:

Бунцов	70—75
Мулл	50
Адвокатов	10—15
Офицеров	12—15
Полупролетариев	2—3

Как мы видим, состав В. Н. С. отличался ярко буржуазным характером, что, как мы увидим ниже, вполне согласуется с общим характером национального движения.

Первое заседание В. Н. С. отличалось чрезвычайно торжественным характером. Была выработана декларация, которая объявляла о непризнании константинопольского правительства в виду того, что султан-халиф стал английским заложником; все действия, фирманы, договоры и соглашения, исходящие от этого правительства, объявлялись аннулированными.

Единственной законной народной властью Великое Национальное Собрание Турции признало себя. Определив по закону «об основных организациях», что полномочия депутатов продолжают в течение двух лет, Собрание постановило, что оно не разойдется до достижения основных поставленных им задач. После этого были произведены выборы исполнителей власти: М. Кемаль одновременно был избран председателем В. Н. С. Т. и главой исполнительной власти*).

Первое время положение ангорского правительства казалось почти безнадежным. На западе греки повели широкое наступление, захватили Бруссу и шли на перерез железнодорожных путей, ведущих к Ангоре и к Конии. На юге в Киликии велась с переменным успехом борьба с французскими и армянскими отрядами. На востоке дашнакцарское правительство Армении предприняло наступление на Эрзерум и заняло Ольты. Наконец, на территории, принадлежащей националистам, не прекращаясь, происходили восстания черкесов, греков и курдов, несомненно провоцируемых константинопольским правительством.

Наиболее опасными для ангорского правительства оказались как раз эти внутренние контр-революционные движения.

Черкесы, участвовавшие в них, всегда получали от султанов специальные привилегии, на манер наших казаков, при переселении их из Кавказа в Анатолию. Благодаря этому, они образовали крайне зажиточный класс земледельцев, необычайно консервативный в религиозном и политическом отношении. На английское золото некоему Анзабур-паше удалось поднять их против ангорского правительства, причем движение оказалось настолько сильным, что банды повстанцев приблизились на расстояние 8 часов пути к Ангоре. В целом ряде городов и местечек были подняты восстания бывшими губернаторами, реакционными пашами и вообще агентами константинопольского правительства. Измид, Ади Базар, Юзгат, Сивас, Кония, короче говоря, вся западная и центральная Анатолия были обхвачены пламенем восстания.

Лишь путем жесточайших репрессий удалось подавить эти последние и приступить к планомерной организации сопротивления грекам и армянам.

---

*) Председателем Великого Правительственного Совета скоро преобразованного в постоянный кабинет. (10—V 1920 г.)

Греки были настроены чрезвычайно империалистически. Им удалось сконцентрировать в М. Азии около 70.000 человек, и главнокомандующий генерал Параскевуполос заявил в беседе с сотрудником «Daily Chronicle» (июль 1920 г.): «Армия Кемали не организована, плохо вооружена, без снаряжения и без воинского духа. Если бы державы Антанты позволили нам, мы шута прорвали бы их фронт. Мы раздавим Кемали в два дня».

Под влиянием этой военной фанфаронады, Грецию обуревали великодержавные планы: она требовала присоединения Кипра, Понтийских греков и т. п. С Турцией, казалось, уже все было покончено: «как государство, Турция перестанет существовать, заявила Неа Эллас (9 августа 1920 г.), как племя составит меньшинство, как религиозная сила будет раздавлена и не в состоянии будет угрожать панисламистским восстанием».

И вот мы видим, как в течение 1920 года греческая армия несколько раз предпринимает наступление, стремясь прорвать турецкий фронт в двух узловых железнодорожных и стратегических пунктах, у Ушала и Афиун Карахиссара. Для отражения греков английское правительство вначале принуждено было пользоваться партизанскими отрядами, которые, при несомненной храбрости, часто вели себя, как разбойники, и грабили мирное население. На западном фронте оперировали три крупных четацких отряда под начальством бывших офицеров и одна чета под названием «голубое знамя». Все эти предводители, по словам самого Кемали, «вели себя, как отчаянные грабители»: они похищали детей и брали за них выкуп, собирали деньги на народную милицию и присваивали их, наконец, просто отбирали от крестьян скот и пожитки. Однако, несомненно, что при всех своих недостатках эти партизанские отряды выполнили положительную задачу: они сумели остановить наступление греков и даже, под командой Эдхема, разбить их.

По мере ликвидации реакционных повстанческих движений и укрепления центральной власти, М. Кемаль приступил к созданию регулярной армии, при чем обнаружил огромный организаторский талант.

Деньги он нашел путем ликвидации провинциальных отделений Оттоманского земельного банка, а также при помощи специальных налогов и даже контрибуций, налагаемых на наиболее зажиточные классы.

Оружие он достал, внезапно захватив те склады, в которых англичане собирали боевые припасы, отбираемые, согласно перемирия, у демобилизованных армий. Осенью В. Н. С. Т. назначает его диктатором, причем первой же его мерой было объявление всеобщей мобилизации. После того, как были созданы первые регулярные кадры, М. Кемаль, совместно с генеральным штабом, приступил к расформированию партизанских отрядов и включению их в заново сформированную армию. Мелкие четы были быстро раскассированы. Но когда приступили к расформированию больших отрядов, последние оказали сопротивление, и в меджлисе (В. Н. С. Т.)

поднялась оппозиция. Партизан-черкес Эдхем, составивший себе известность в борьбе против греков, нашел поддержку в лице нескольких депутатов, которые заявили, что «народу надо позволить действовать свободно».

Оппозиция эта была сломлена Кемалем, и тогда Эдхем с товарищами отказался подчиниться и выставил следующие ультимативные требования: примирение с константинопольским правительством, демобилизация армии, «в виду ее неспособности продолжать войну» и организация новой армии на началах добровольчества, наконец, роспуск незаконного парламента.

Переговоры с Эдхемом остались безрезультатными, после чего был отдан приказ об обезоружении его: часть чет была разгромлена, остатки же во главе с самим Эдхемом перешли на сторону греков.

Этот эпизод имеет огромное значение в истории национального движения: он ознаменовал бесповоротную ликвидацию партизанщины и создание регулярной армии.

§ 5. СНОШЕНИЯ МЕЖДУ НАЦИОНАЛИСТАМИ И РСФСР.

Героическая борьба, которую вел турецкий народ против империалистических поползновений Англии и Франции, не могла не сблизить его с Советской Россией. В сущности говоря, и Россия и Турция имели одних и тех же врагов, и натиск греко-англичан на Ангорю также ослаблял положение РСФСР, как и операции англо-французов в Закавказьи и Закаспийской области колебали положение ангорского правительства. Недаром англичане в 1918 и 1919 г. пытались сделать из Закавказья огромный барьер, который окончательно отделил бы борющуюся Турцию от России. Оккупация английскими отрядами Асхабада, Баку и Батума, эмерная поддержка мелкобуржуазных или прямо-таки контр-революционных правительств Азербейджана, Грузии, Армении, Закаспия и Дагестана — все это являлось последовательными звеньями ближневосточной программы, проводимой союзниками после окончания мировой войны.

Не только английские или французские политики, но даже рядовые публицисты прекрасно понимали эту взаимную связанность России, Закавказья и всего Ближнего и Среднего Востока. За несколько месяцев до советского переворота в Грузии видный французский публицист Жантисон писал в «Temps» следующее: «Значение этого народа (грузин), с чаяниями которого мы мало знакомы, в настоящее время таково, что заслуживает особого внимания со стороны западных демократий. Прежде всего потому, что, благодаря своему географическому положению, Грузия имеет огромное значение для мирового равновесия. Грузия и ее естественное продолжение Азербейджан образуют между Черным и Каспийским морями нечто вроде моста, соединяющего Азию с Европой. С точки зрения торговли — это кратчайший

путь между бассейном Средиземного моря и Центральной Азией; это самая легкая дорога, ведущая в Персию и одновременно в такие плодородные и богатые лаком-области, как Туркестан, Хива и Бухара. С точки зрения политической, новое государство, расположенное между двумя континентами, препятствует сближению борющихся против Антанты сил. Уже теперь Грузия на большей части кавказского фронта затрудняет прямые сообщения большевиков с турецкими националистами, которые, хотя и преследуют различные цели, но одинаково стремятся саботировать победу союзных демократий».

Прочитанная выдержка статьи одного из редакторов официоза французского министерства иностранных дел доказывает, насколько ясно и трезво последнее учитывало значение Грузии в ближневосточном вопросе.

Действительно, в силу своего географического положения, Грузия играет очень значительную роль в экономической жизни Востока. Благодаря транскавказской железнодорожной магистрали, узел которой находится в Тифлисе, а также своим двум портам: Батуму и Поти—она является транзитным путем для торговли Турции, Персии и Туркестана, с одной стороны, России и Закавказья, с другой.

Лишь в 1920 году Красной армии удалось прорвать эту платину, сооруженную империалистами Антанты между ней и Ближним Востоком. После разгрома Деникина, с молниеносной быстротой происходит освобождение от белогвардейцев всего Северного Кавказа и установление советской власти в Баку и во всем Азербейджане. Красная армия подходит вплотную к последнему оплоту Антанты в Закавказьи — к меньшевистской Грузии и соприкасается с войсками националистов. Почти одновременно с этим начинаются попытки со стороны националистов завязать дипломатические сношения с РСФСР.

Уже в апреле 1920 года в Москву выезжает делегация ВНСТ, состоящая из Халил-паша, д-ра Фуада и других. В результате предварительных переговоров, происшедших между ними, Г. Чичерин публикует письмо к президенту ВНСТ, М. Кемалю, намечающее основу будущего соглашения между Турцией и РСФСР. Привожу наиболее существенные выдержки из этого письма: «Советское правительство с удовлетворением приняло к сведению основные принципы внешней политики нового турецкого правительства, возглавляемого Большим Национальным Собранием в Ангоре, кои гласят:

1. Провозглашение независимости Турции.
2. Включение в состав турецкого государства беспорочно-турецких территорий.
3. Провозглашение Аравии и Сирии независимыми государствами.
4. Решение, принятое Большим Национальным Собранием, предоставить турецкой Армении, Курдистану, Лазистану, Батумской области, восточной Фракии и населению в пределах территории со смешанным турецко-арабским элементом

высказаться самими о своей собственной судьбе. Само собой разумеется, что свободный референдум будет произведен в этих местностях при участии беженцев и эмигрантов, вынужденных в свое время оставить свою родину по причинам, от них независимым, и по их возвращении на родину.

5. Признание за национальными меньшинствами в пределах нового турецкого государства, возглавляемого Большим Национальным Собранием, всех прав, предоставляемых национальным меньшинствам государств Европы с наиболее свободным строем.

6. Передача вопроса о проливах конференции государств, прибрежных к Черному морю.

7. Уничтожение капитуляций и иностранного экономического контроля.

8. Аннулирование сфер влияния иностранных государств, какого бы то ни было рода.

Советское правительство принимает к сведению решение Большого Национального Собрания сообразовать наши работы и наши военные операции против империалистических правительств с возвышенным идеалом освобождения угнетенных народов. Советское правительство надеется, что дипломатические переговоры позволят Большому Национальному Собранию Турции, с одной стороны, и Армении и Персии — с другой, установить точные границы на основах справедливости и самоопределения народов. Советское правительство готово по приглашению заинтересованных сторон принять на себя обязанности посредника.

Письму заканчивается предложением немедленно установить консульское и дипломатическое представительства для установления дружественных отношений и тесной дружбы между Турцией и Россией.

Для нас не представляет здесь интереса следить за всеми перипетиями этих переговоров. Главное препятствие, которое приходилось преодолевать — это отсутствие удобной связи между Россией и войсками националистов. Правда, после советизации Азербейджана, можно было использовать узкий коридор, ведущий к Нахичевани, через Маку, вглубь Анатолии. Но помимо технических неудобств этого пути (длительность, отсутствие хороших дорог), он все время находился под угрозой дашиджских банд, действовавших со стороны Занзегура и Карабаха. И, действительно, начиная с сентября, отряды Нажде и других ханкаетов начинают блокировать эту дорогу; одновременно ведутся самые усиленные интриги в Макинском ханстве, и, с целью откинуть турок от границ Закавказья, готовится армянское наступление на Ольты.

Нахичеванский коридор оказывается наглухо заколоченным, и Советская Россия непроходимой стеной опять отгораживается от революционной Турции.

Эта неблагоприятная военная ситуация, а также некоторые несогласия по

вопросу об армянских вилайетах замедлили дружеские переговоры между Россией и правительством националистов.

Положение вещей резко изменилось, когда на почве этих событий, а также под давлением непрекращающегося выселения, погромов, а часто и просто уничтожения мусульманского населения Карской области, Багызманского и Сурмалинского уездов — маузерятами, в сентябре вспыхнула армяно-турецкая война, столь роковым образом окончившаяся для даншаков.

В следующей главе мы подробно рассмотрим эту эпопею, жертвой которой стал несчастный армянский народ.

Здесь достаточно сказать, что после разгрома даншаковских отрядов войска Карабекира взяли Александрополь и заставили Эриванское правительство принять мирный договор, лишивший Армению двух третей ее территории.

Продвижение турецких войск почти к самым границам Азербейджана сопровождалось провокационными слухами, распускаемыми агентами Антанты о том, что последняя обещала националистам Азербейджан, взамен создания фронта против большевиков в Закавказьи. Слухи эти породили известную тревогу, которая была рассеяна официальными опровержениями Ангорского правительства. Циркулярная телеграмма министра иностранных дел Ахмед Мухтара (30/XI—20 г.) категорически опровергала слухи о мирных переговорах между националистами и державами Антанты, разоблачала «провокационные попытки, имеющие целью посорить нас и мусульманский мир с большевиками», и указывала, что «турецкий народ не может» пойти рука об руку с империалистами, которые покушаются на его существование».

Для окончательного оформления дружественных отношений, наметившихся между Россией и Турцией, была назначена конференция в Москве, в программу работ которой входил вопрос о границах Армении, к этому времени ставшей советской.

К моменту открытия конференции положение в Закавказьи еще более осложнилось, благодаря обстоятельствам, сопровождавшим советизацию Грузии (в феврале и марте 1921 года).

Последняя, логикой событий очутившись в центре международного узла, завязавшегося на Ближнем Востоке, мечтала сохранить нейтралитет, как это неоднократно заявлял глава правительства — Ной Жордания, а также и прочие грузинские лидеры и вся меньшевистская пресса.

Но был ли осуществлен этот преследуемый нейтралитет в условиях той гигантской схватки, которая завязалась у самых границ Грузии? Конечно, нет, и вот мы видим, как Антапта пользуется территорией Грузии, как базой для борьбы против Советской России. Она организует здесь контр-революционные движения горцев, мусаватистов, пытается оккупировать Батум, и лишь энергичный протест РСФСР заставляет ее отказаться от этого плана.

Армяно-турецкая война ставит меньшевиков в чрезвычайно затруднительное положение. После молниеносных турецких побед и стремительного занятия Сарыкамьша, Карса и Александрополя, турецкие националисты оказываются в слишком близком соседстве с Грузией. Вторично, после 1918 г., возникает угроза брестских притязаний со стороны Турции, сводящихся к передаче ей Батумского и Ардаганского округов. Недаром представитель Ангорского правительства в Тифлисе Кязим бей заговаривает о «спорных вопросах с Грузией», которые, по его оптимистическому убеждению, будут разрешены мирным путем.

Как мы видим, политика своеобразного, одностороннего нейтралитета, неизменно проводимого правительством Грузии в ближневосточном вопросе, лишь безнадежно запутала последний и превратила в какой-то огромный клубок, в котором причудливо были перепутаны нити антантовских интриг, турецких домогательств и, наконец, чисто местных интересов и стремлений.

Этот узел был разрублен самим же восставшим грузинским народом, взявшим на себя разрешение ближневосточной проблемы.

Накануне своей полной ликвидации меньшевики, с целью вызвать прямое вооруженное столкновение советских войск с турками, пытались сыграть на ва-банк. Как известно 11 марта в Батум отряд войск командующего восточной турецкой армией Кязим Карабеккира. Любопытно, что даже здесь меньшевики пытались продолжать свою излюбленную игру в нейтралитет, отрицая, казалось бы, очевидный факт добровольной передачи Батума туркам. По классическому заявлению Лордкипанидзе, «никакой оккупации Батума не было, хотя имелся факт допущения в город ангорских войск; в городе, крепости и области сохранилась полная доминация грузинского правительства, хотя несомненно, что присутствие турецких войск угрожало целостности грузинской территории» и т. д.

Одновременно с попыткой оккупации Батума, войска националистов захватывают значительную территорию южной и западной Грузии (с городами Ахалцих и Ахалкалаки) и тем создают чрезвычайно напряженную политическую ситуацию.

Спустя несколько дней и эта последняя ставка меньшевиков была бита. Согласно постановления Московской русско-турецкой конференции, Кязим Карабеккир очистил занятые им Ахалцих, Ахалкалаки и Батумскую область, после чего была предотвращена возможность столкновения между Красной армией и войсками Ангорского правительства.

Работа русско-турецкой конференции в Москве привела к заключению договора «о дружбе и братстве» (16/III—21), окончательно устанавливающего союзные отношения между РСФСР и Турцией.

Наиболее существенным территориальным пунктом этого договора был отказ Турции от Батума и прилегающей к нему территории, а также от Александрополя. Взамен этого, Советская Россия признавала за Турцией территории, включенные в Национальный Турецкий Обет, с которым мы уже познакомились выше.

Россия аннулировала все договоры, заключенные при царском правительстве, и, в частности, освободила Турцию от всех прежних обязательств. Режим капитуляций упразднялся и заменялся принципом наибольшего благоприятствования для граждан обеих договаривающихся стран.

Нельзя, конечно, преуменьшать значение московского договора для Турции и России. В течение почти двух столетий их отношения нормировались взаимной враждой и империалистическими стремлениями. Недаром в турецкой публицистике и даже в историографии так популярна ссылка на апокрифическое «завещание Петра Великого», в котором последний якобы начертал для своих преемников программу полного порабощения и даже уничтожения Османской Империи.

Иногда приходила туркам мысль о возможности союза с Россией, так, например, историку Абу Фаруху Мурад бейу, но она всегда считалась несуществимой и еретической. И вот на наших глазах Советская Россия ломает эту двухвековую политическую традицию России на Ближнем Востоке и вступает в дружественные отношения с Турцией, на почве общей борьбы против наступающего на них империализма.

На двух конференциях в Карсе (в октябре 1921 г. и в июле 1922 г.) представителями Турции, Закавказских республик и РСФСР были окончательно оформлены все территориальные вопросы, а также заключены конвенции: железнодорожная, почтово-телеграфная и консульская.

Заключение договора вызвало буквально взрыв энтузиазма во всех слоях населения Анатолии. И недаром М. Кемаль в программной речи в ВНСТ, произнесенной в марте 1922 г., предложил всю политику Турции строить на дружбе с Советской Россией.

§ 6. ВОЙНА С АРМЕНИЕЙ.

Когда, после Октябрьской революции, Закавказье отделилось от остальной России и разбилось (в 1918 г.) на три республики: Грузию, Азербейджан и Армению, то в последней тотчас же укрепилось правительство дашнакцаканов. Впервые была как будто найдена территориальная исходная база для создания будущей Армении, и десятки зарубежных националистических организаций, возглавляемых лидерами, вроде Логос Нубар-паша, начали осаждать правительства Антанты просьбами предоставить возможность армянам осуществить их национальный идеал.

Несмотря на все прошлые испытания, армянские патриоты все же продолжали делить мысль о создании «Великой Армении» из 6-ти восточных вилайетов, в которых после операции младотурок почти совершенно не осталось армянского населения.

Эти иллюзии поддерживались в них державами Антанты, которые, несомненно, надеялись таким путем заручиться в лице армян верными помощниками при осу-

ществлении своей империалистической программы на Ближнем Востоке по окончании войны.

Действительно, они вполне использовали армян при проведении своих империалистических задач. Французы, оккупировав Киликию, поручили все карательные действия по отношению к мусульманам армянским дружинам, которым они посулили взамен создание в будущем независимой Киликии под протекторатом Франции.

Однако, когда войска националистов оттеснили французов к морю, они, по выражению «Manchester Guardian» (16/6—20), «удалились под покровительство судовых пушек, оставив армян под покровительство турецких империалистов». Покинутые на произвол судьбы французами армяне были осаждены в Хаджине и Зейтуне и после многомесячного сопротивления истреблены. Лишь часть армянского населения успела бежать на Кипр, в Египет или в Сирию.

Аналогичную поддержку, как мы видели, получили от армян—англичане в Константинополе, формируя из них полицейские отряды.

Но, когда дело дошло до реализации всех широковещательных обещаний, щедро раздаваемых армянам во время войны, то союзники оказались весьма осторожными и сдержанными. Выше были приведены пункты Севрского договора, определяющие организацию будущей Армении, путем передачи всего вопроса на благоусмотрение «защитника угнетенных наций» президента Вильсона. Здесь была допущена лишь одна маленькая ошибка, оказавшаяся роковой для проектируемой Великой Армении: союзники забыли предварительно спросить у американского народа — желает ли он брать на себя ответственность за будущность Армении.

Практические янки взглянули на этот вопрос, как говорится, «в корень», т.-е. с денежной стороны. Была образована специальная комиссия под председательством ген. Харборда, которая должна была вычислить, во сколько обойдется Соединенным Штатам принятие мандата на Армению. Американцы, ведь, прекрасно понимали, что создание Великой Армении, в составе чисто турецких территорий, вовлечет их в неминуемую борьбу с националистами и вызовет необходимость содержания значительной оккупационной армии, притом в разоренной стране, почти лишенной путей сообщения.

Комиссия исчислила, что эти расходы в течение первого же года достигнут суммы в 275 милл. долларов, пять же лет оккупации обойдутся в 151.200.000 фунтов стерлингов.

Эти итоги предрешили вопрос о принятии Америкой мандата; сенатская комиссия отклонила его большинством 11 голосов против 4; сенат 52 против 23. На исторические призывы Вильсона трезвые янки ответили, что они не желают отказываться от доктрины Монро, т.-е. ввязываться в европейские дела, хотя бы этого и требовали соображения гуманности.

По выражению *New Statesman*, американцы доказали, что они «не чужды священного эгоизма».

Казалось бы, Эриванскому правительству приходилось отказаться от всех своих великодержавных программ и замкнуться в границах той территории, которую армяне заняли после распада Закавказья. Ведь, они не получали от союзников даже той военной поддержки, которая им по праву принадлежала: по крайней мере, меморандум Британского Комитета защиты армян констатирует, что, «несмотря на все обещания, оружие, аэропланы и пр., закупленные армянским правительством, задерживаются в Батуме британскими властями» (*Manchester Guardian* 15/VI—20 г.). И вот, несмотря на все эти неблагоприятные условия, мы видим, как армянские империалисты все же не покидают своей мечты создать Великую Армению, воспользовавшись тем смутным положением, которое создалось в Анатолии после разгона парламента англичанами.

С этой целью они производят, прежде всего, «чистку населения». Все мусульманское население Карской области, Эриванской губернии или уничтожается, или принудительно выселяется на территорию Турции и Персии. Районы Шурагел, Кагызмана, Каракурта, Сарыкамыш, Сурманли — превращаются в пепелища, население же десятками тысяч убегает, куда глаза глядят.

После этой предварительной операции войска дашнаков движутся на Ольты (в сторону Эрзерума), и на Кагызман; они заручаются поддержкой Макинского сардара и перерезают связь ангорских войск с нашей Красной армией (сентябрь, октябрь 1920 г.).

В ответ на это восточная турецкая армия, под предводительством Карабекира и Халил-паши, начинает войну с Арменией, заканчивающуюся ее полным разгромом. Войска Эриванского правительства, уставшие от бесконечной резни, давно уже ткнувшиеся к Советской России, не в состоянии оказать сколько-нибудь упорного сопротивления. Турки берут Каре (2 ноября), Александрополь и заставляют армянское правительство заключить неслыханно тяжелый мир. Армения не только теряет почти все оккупированные турками территории, но лишается права держать армию, превышающую 1.500 человек, при 8 полевых орудиях и 8 минометах.

Население Армении, конечно, не может существовать при этих условиях, и вот в декабре 1920 г. в ней происходит советский переворот, навсегда освобождающий несчастное и обманутое население от власти дашнакцаканов.

Любопытно, что задолго до этой кровавой развязки даже русская эмиграция прекрасно поняла, где лежит залог спасения Армении: «Россия, даже большевистская, пишет П. Миллюков в «Новой России» (в июле 1920 г.) — является лучшей защитой для Армении против Турции, чем ее официальные покровители из Антанты. Армения, несомненно, воспользуется этим уроком, она, кажется, поняла его раньше, чем опыт осуществил на практике. Поймет ли его Антанта?»

§ 7. КРИЗИС АНТАНТЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.

К началу 1921 года политика Антанты на Ближнем Востоке переживает глубочайший кризис.

Победоносная война Ангорского правительства с Арменией, союз с Россией, крах греческого наступления, неуспехи в Сирии и Месопотамии, растущая оппозиция в парламентах против дорогостоящих колониальных авантюр, все это заставляет Францию, Италию и Англию пересмотреть свою ближневосточную программу.

И в Италии, и во Франции начинают все громче и громче раздаваться голоса, что Севрский договор невыполним, и что его надо основательно пересмотреть. «Севрский договор невыполним, так как нет русского жандарма, который один мог бы провести его в жизнь», меланхолически замечает Эрве и «Виктуар».

Несомненно, что в ряде причин, толкавших Антанту на сближение, хотя бы относительное, с Ангорским правительством, был страх за намечающееся сотрудничество его с Советской Россией.

Условия Кемали, как бы ни были они тяжелы, все же надо принять, замечает тот же Эрве, так как «лучшим оплотом против русского большевизма в Азии является соглашение с националистической Турцией» (Виктуар 8/II—21 г.).

Эта обозначившаяся неблагоприятная политическая ситуация и заставила Антанту сделать попытку на Лондонской конференции сговориться с Турцией и Грецией для ликвидации безнадежно затянувшегося ближневосточного конфликта.

Правительство М. Кемали, еще недавно объявленного Ллойд-Джорджем «бунтовщиком», получило приглашение через Константинопольский кабинет послать делегацию на конференцию. Однако, Ангорское правительство довольно грубо и дипломатически-невежливо заявило, что лишь оно является «единственной независимой и законной властью Турции», почему приглашение и должно быть послано непосредственно к нему. Союзная дипломатия поморщилась, но выполнила это требование.

Какую же программу выставили кемалисты на Лондонской конференции? Они потребовали плебисцита для Фракии и Смирны и признания полной неприкосновенности Константинополя и проливов. Лишь при соблюдении последнего условия они соглашались путем договора с заинтересованными народами предоставить право свободного прохода через проливы коммерческим судам.

Что касается до ограничений политических, финансовых и юридических, мешающих экономическому развитию Турции, то они должны быть безусловно отброшены.

Союзники могли предложить, разумеется, лишь кучную программу уступок: они соглашались вернуть Константинополь, несколько сократить зону оккупаций, аннулировать военные и изменить финансовые статьи Севрского договора. Но во-

просьбы о Фракии и Смирне вызвали упорнейшую оппозицию со стороны греков. Они брали оружием и не шли абсолютно ни на какие уступки. Благодаря этому, Лондонская конференция не привела ни к каким практическим результатам.

Однако, националисты достигли на ней двух огромных моральных успехов: прежде всего, они изолировали Грецию, которая, благодаря своей неуступчивости, превратилась как бы в единственного виновника продолжения войны; далее они усилили в значительной степени свой престиж, поскольку Антанта принуждена была считаться с ними, как с законным правительством Турции.

Около того же времени в Греции происходит переворот: правительство Венизелоса падает, и на греческий престол в результате плебисцита вновь возвращается изгнанный за свое германофильство Константин.

Несомненно, что этот переворот возник на почве глубочайшей усталости от войны греческого населения. Уже к концу 1920 г. на фронте началось сильнейшее разложение и дезертирство. Программа Константина для голосующих за него масс сводилась к одному лишь слову «демобилизация».

Ожидания греческих народных масс были, однако, жестоко обмануты. Если ярко милитаристический Венизелос держался у власти, благодаря поддержке Франции, то за «пацифиста» Константина стояла Англия, заставлявшая его воевать за свои интересы на Ближнем Востоке. В самом деле, возвращение на престол Константина вызвало, как известно, бурю негодования и протестов среди держав Антанты. И вот мы видим, как Англия, опротестовав из солидарности его возвращение, тотчас же торопится опубликовать следующее предложение по греческому вопросу: указав, что Константину можно разрешить возвратиться, если того желает народ, она прибавляет, что а) Великобритания не может устранить греческой армии, как фактора на Ближнем Востоке, и б) возвращение туркам какой-либо части утраченной ими территории вызовет серьезные возражения».

При таком отношении Великобритании, не мудрено, что начальник английской морской миссии, прибыв в Афины, получил от Константина орден «Спасителя».

Новая политическая ориентация Греции на практике означала, таким образом, еще более ожесточенное продолжение войны против националистов.

Уже в марте 1921 года греки начинают наступление на Эски Шехр и Афиун Карахиссар, но, потерпев поражение под Инь Огю и Думлу Пинаром, возвращаются на исходные позиции. По словам быв. греческого премьера Гувариса, наступление было произведено по личному настоянию Ллойд-Джорджа.

В июле они организуют решительное наступление, целью которого является окончательная ликвидация Ангорского правительства. При деятельной и щедрой поддержке англичан они предпринимают широкую подготовку к этому наступлению. Состав армии доводится до 200.000 пистолетов и сабель; впервые появляются в значительном количестве танки (около 100 штук), английская эскадра входит в проливы в составе 2 крейсеров, 2 контр-миноносцев и 1 транспорта...

Не ограничиваясь этой военной подготовкой, англичане, как и всегда, стараются создать соответствующую политическую ситуацию в тылу у врага. В Сивасском вилайете (в округе Заре) вспыхивает крупное курдское восстание; в самой Ангоре орудуют британские шпионы, арест одного из которых Мустафа Сагира обнаружил целую шпионскую организацию, раскинутую англичанами по Индии, Афганистану, Персии и Турции.

После этих предварительных шагов греки начинают на фронте в 300 миль наступление на Ангору. Сначала они достигают крупных успехов: Ушак, Эски Шехр, Афиун Карахиссар попадают в их руки, и они вплотную подходят в Ангоре. М. Кемаль, назначенный главнокомандующим всех турецких армий, однако, отступает на восток, не принимая сражения. Недаром *Morning Post* скептически замечает, что «греческие победы никому не приносят пользы, кроме газет, а драма все падат и падает на бирже».

На реке Саккарля наступление греческой армии находит себе предел: здесь она терпит поражение и откатывается до линии Эски Шехр и Афиун Карахиссар. Общие потери греков и турок исчисляются приблизительно в 40.000 человек.

После краха этого наступления, в военных действиях наступает затишье, которое продолжается более года. Греческая армия за это время испытывает процесс все большего разложения, пока в конце 1922 г. удар турок не сбрасывает ее в море и не прекращает войну на территории Анатолии.

Переворот в Греции, вместе с целым рядом других международных событий, произвел окончательный сдвиг в политике Франции по отношению к Турции. Почти тотчас же после Лондонской конференции, она заключает договор с ангорской делегацией, согласно которому обязуется очистить всю Киликию, получая взамен ряд концессий (на медные рудники Архана Мааден и др.), а также сохраняя другие привилегии. Затем, не дожидаясь даже ратификации договора В. Н. С. Т., Франция начинает эвакуировать войска из Киликии.

Договор этот, заключенный главой турецкой делегации Бекир Сами беом, встретил самую резкую оппозицию в Ангоре. Непримириемые националисты, в особенности восставали против двух пунктов: неприкосновенности прежней администрации и назначения французских инструкторов при турецкой жандармерии, виды в этом сохранение за Францией в скрытом виде протектората над Киликией. Договор этот был В. Н. С. Т. отвергнут, Бекир Сами бею пришлось уйти в отставку.

Борьба двух ориентаций — русской-восточной и западнической, которая происходила и раньше, заканчивается победой первой. Кабинет реформируется (май 1921 г.); в Москве заключается русско-турецкий договор; в тот же период В. Н. С. Т. заключает соглашение с Афганистаном и Персией; видный лидер младотурок, быв. морской министр Джемаль-паша, получает приглашение реорганизовать афганскую армию. Наиболее радикальный публицист, ред. Неви Гюв-Юсуф Нади

пшет программную статью под характерным заглавием «Восток или Запад?» (11/V—1921 г.).

«Властолюбие и вождедения Западной Европы, заявляет он, несовместимы с целью, которую преследует Турция. Несмотря на нищенское состояние, до которого она доведена, Запад отказывается признать ее независимость, и он будет упорствовать и отрицать действительность до тех пор, пока не будет загнан в глухой тупик. Всякая другая политика есть политика восточная, зародившаяся на другой день после великой русской революции. Она медленно проникает в среду мусульманских национальностей, самых несчастных жертв европейского империализма. Может ли колебаться Турция между Востоком и Западом? Запад не признает ее прав и силится раздавить ее; Восток протягивает ей руки и предлагает сражаться с ней против общего врага».

Однако, ясно было, что Франция все равно должна будет поступиться неприемлемыми для националистов параграфами договора. Действительно, зимой 1921 года было подписано Франклиновым Буйном окончательное соглашение с Ангорским правительством, полностью удовлетворяющее все требования его. Франция отказывалась от каких-бы то ни было прав в Киликии и вдобавок признавала Ангорское правительство суверенной властью Турции. Последней предоставлялся ряд льгот, а именно: исправление границы между Нисибисом и Тигром, право перевозить свои войска по Багдадской ж. д. на сирийской территории и т. д. Франции взамен был обещан ряд концессий и серьезных экономических привилегий:

Заключение этого договора вызвало, как и надо было ожидать, взрыв негодования в Англии. В ряде статей, в нотках и речах руководители английской политики обвиняли Францию в том, что она провоцирует разрыв с Великобританией, осложняет и без того запутанное положение на Ближнем Востоке и тому подобное.

Французы, шедшие в течение трех лет на поводу у английского империализма, однако, хорошо знали цену всем этим обвинениям и угрозам. «Каждому ясно, замечает «Тан», что Франции нет расчета держать французские батальоны в Киликии только для того, чтобы Файсал спокойно спал в Багдаде, а Мосульская нефть беспрепятственно текла в резервуары его друзей» (9 ноября 1921 года).

Приблизительно к тому же времени Италия объявила, что она не хочет «ни одного квадратного сантиметра турецкой территории» и эвакуировала Адално.

Англия казалась совершенно изолированной на Ближнем Востоке, если не считать разгромленных националистами греков. При таком положении вещей открытая интервенция союзников в дела Турции фактически прекращается, и начинается длительный период дипломатической переписки и переговоров, имеющих целью как-нибудь ликвидировать ближневосточный кризис. То в Париже,

---

то в Лондоне происходят бесчисленные конференции, на которых совершенно бесцельно сколько-нибудь подробно останавливаться. И Турция, и Греция принимают посредничество союзников для превращения длившейся уже 4-й год войны. Анатолийское правительство при этом выставляет одно и то же требование: вступлению в мирные переговоры должна предшествовать эвакуация Малой Азии. На всех конференциях происходит одна и та же картина: в то время, как Италия и Франция склоняются к уступкам по отношению к Турции, Англия переходит к угрозам и ультимативным требованиям, которые не дают возможности притти к какому-либо практическому решению. Редко когда так сказывалось полное бессилие империалистических держав согласовать свои интересы и создать приемлемый для всех порядок вещей на Ближнем Востоке.

В течение полутора лет длилось это неопределенное подожжение вещей, пока не наступил момент, когда «заговорили пушки», и разом ликвидировали последние остатки злосчастного Севрского договора.

§ 8. НАЦИОНАЛИСТЫ.

После окончания мировой войны партия «Единение и Прогресс» перестала существовать, ее место заняли националисты, сплотившиеся в «комитетах защиты национальных прав». Лидеры младотурок принуждены были эмигрировать, причем в изгнании их настигла беспощадная Немезида, в лице дашнаков, убивших Джемали, Талаата, Беха-Эддина и др. Что касается рядовых младотурок, то они растворились в массе националистов и приняли энергичное участие в борьбе против греков и вдохновляющего их английского империализма.

Каков же социальный состав националистов, и какова их политическая идеология?

Несомненно, что все анатолийское движение носит ярко буржуазный характер. Уже младотурецкий переворот 1908 года явился первым выступлением туземной турецкой буржуазии, которая задыхалась в условиях деспотического режима Абдул Гамида и капиталистического гнета со стороны западных держав. Последующие годы еще более укрепили социальную базу турецкой буржуазии и тесно примыкающей к ней служилой интеллигенции. Мировая война, вызвавшая огромные казенные подряды и временно изолировавшая Турцию от западной промышленности и торговли, ознаменовала последний шаг в этом направлении. Турецкий купец и промышленник, с корнем уничтожившие греко-армянскую конкурирующую буржуазию, отныне завоевали себе прочное место в хозяйственной жизни страны.

В течение четырех лет войны турецкой буржуазии пришлось иметь дело лишь с австро-германской промышленностью. Однако, последняя более, чем когда-

либо, видела в Османской Империи лишь поставщика сырья и военных континентов. Благодаря этому, немцы энергично развивали угольную и нефтяную промышленность Малой Азии, создали производство серы и, наконец, произвели ряд успешных изысканий для добычи всевозможных руд и минералов. Одновременно они продолжали безостановочным, форсированным темпом постройку Багдадской ж. д., которая должна была служить исключительно военным целям; для удовлетворения последних немцы развивали также и военную индустрию: оружейные заводы и фабрики аммуниции.

Общий кризис австро-германской промышленности в связи, главным образом, с поголовной милитаризацией ее, почти целиком уничтожил значение Турции, как рынка для сбыта немецких фабрикатов. Нижеследующая табличка показывает, каким радикальным изменениям подверглась торговля Австро-Германии с Турцией во время войны (в фунт. стерл.).

	Импорт.		Экспорт.	
	1913—14	1916—17 втор. пол.	1913—14	1916—17 втор. пол.
Австро-Венгрия	6.146.720	9.551.923	2.231.150	7.548.633
Германия	4.688.740	6.138.347	1.227.160	24.787.966

Как мы видим из этой таблички, ввоз Австро-Венгрии в Турцию, превышавший в 1913—14 г.г. в три раза вывоз, во время войны почти сравнялся с последним. Что касается Германии, то ее вывоз из Турции во время войны в четыре раза превышал ввоз, тогда как до войны было совершенно обратное соотношение. Поставленная в такие исключительно благоприятные обстоятельства, турецкая промышленность действительно начала заметно развиваться. Обнаружились заметные успехи в таких отраслях, как производство обуви, белья, мебели, дешевых тканей и т. п. Конечно, не надо преувеличивать размеров этого процесса. Общий кризис народного хозяйства, вызванный войной, отсутствие значительных туземных капиталов и технического оборудования, все это создавало довольно узкие рамки для развивающейся турецкой промышленности. Но тем не менее, последняя все же развивалась, и лучшим показателем этого является новый таможенный тариф, проведенный младотурками во время войны в 1917 г. и имеющий ядро протекционистский характер.

Вышеуказанное развитие туземной промышленности, увеличение посреднического торгового аппарата, в связи с государственными продовольственными операциями, военными порядками, все это способствовало зарождению класса турецкой буржуазии, которая до мировой войны подавала лишь слабые признаки существования.

Приблизительно аналогичный процесс наблюдался и в области сельского хозяйства. До войны крупное помещичье хозяйство в Турции не могло развиваться вследствие нешосильной конкуренции с американским и русским хлебом. Война разом освободила турецких аграриев от иностранного хлеба. Одновременно, благодаря огромной убыли живого инвентаря и усилившейся тяжести налогов, мы видим стремительный процесс пролетаризации мелкого и среднего крестьянства и концентрации земель в руках сельских ростовщиков — ага, а кое-где (Килкия, Айдинский вилайет) — крупных помещиков — чифтликчи. Таким образом, образовалась группа аграриев, скупщиков зерна и т. п., опирающаяся притом, главным образом, на свои связи с младотурецким военно-бюрократическим аппаратом.

Конечно, и этот процесс надо представлять в весьма скромных масштабах. Огромное обеднение и обезлюдение страны, нехватка скота и сельско-хозяйственных машин, всегдашнее отсутствие сколько-нибудь удобных дорог — все это, попятно, вызывало непрекращающееся падение производительности Анатолии. И все же, произведя все эти вычеты, мы можем отметить, что ко времени перемирия в Анатолии образовалась довольно влиятельная сельская буржуазия, состоящая из разбогатевших кулаков — ростовщиков (ага), молл — управляющих богатыми вакуфными имениями, и, наконец, скупщиков зерна, работавших, главным образом, по подрядам на армию.

Севрский договор, вновь устанавливавший гегемонию европейского капитала в Турции, выдвигавший, в роли своих коммерческих агентов — армян и греков, конечно, должен был вызвать самое яростное сопротивление со стороны турецкой, только что окрепшей, городской и сельской буржуазии. В этом заключается разгадка того живейшего участия, которое она приняла в национальном движении. Состав национальных конгрессов и Ангорского Собрания, вполне определенно рисует нам социальную физиономию националистов: на первом плане мы видим купцов (47%), далее идет служилая интеллигенция (20%), затем моллы (31%) и, наконец, в мизерном количестве, полупролетарские слои (2%).

Это же объясняет нам политическую расплывчатость и партийную неопределенность национального движения. «Комитеты защиты национальных прав» (мудафа-и-хукуки миллие джамieti), покрывшие всю Анатолию, являлись, несомненно, сильной организацией, осуществляющей при том диктатуру буржуазии и примыкающих к ней социальных слоев. Но никоим образом не сформировавшаяся политическая партия, а временный блок, образованный из нескольких политических группировок, без исключения, чисто-буржуазного характера.

У «комитетов защиты прав» отсутствует сколько-нибудь разработанная, законченная программа: ее заменяет в сущности «Национальный обет». Возглавляет

националистический блок — парламентская фракция В. Н. С. Т., являющаяся одновременно центральным комитетом организации. Поскольку председателем ЦК долгое время состоял Мустафа Кемаль, комитеты защиты прав являлись чисто-правительственной организацией, выполняющей ряд административных, полицейских и др. функций.

Очень важно отметить, что лидеры В. Н. С. Т. и, в особенности, М. Кемаль всегда всеми силами боролись против какого бы то ни было политического раскола. «Деление сейчас на партии будет гибельно» — таков лейтмотив всех их речей. Всякую партийную дифференциацию они тотчас же парализовали указанием, что это ослабляет способность страны к обороне и составляет чуть ли не государственную измену.

Участие в комитетах защиты прав таких во многом взаимно враждебных социальных групп, как торговая буржуазия, земельная аристократия и реакционное духовенство, уже предопределяет наличие различных политических взглядов и устремлений.

Однако, благодаря расплывчатости, аморфности комитетов защиты прав, все эти разногласия вели не к появлению фракций, а к существованию различных ориентаций, почти исключительно по вопросам внешней политики. Наиболее влиятельная группа националистов состояла из умеренных политиков, стремившихся, как только представится возможность, к соглашению с западными державами. Для характеристики этой оппортунистической группы, очень интересен ответ вождя ее, М. Кемала, данный одному французскому, упрекавшему его за связи с Россией и Германией (?!). «В этом маленькая ошибка союзников; я принимаю точку опоры там, где я ее нахожу» *). Другая группа, очень разнокалиберная, состоит из радикальных элементов (Юсуф Нади и др.), быв. иттихадистов и крайних националистов пан-исламистского, пантюркистского и др. оттенков. Она заявляет, что будущее Турции — в Азии и проповедует бесповоротную борьбу с Западом, при поддержке Советской России, а в будущем, Персии, Афганистана и др. стран Востока. Заключение Московского договора, переговоры с Францией, Лондонская конференция — все эти события вызвали ожесточенную борьбу между двумя группировками.

Под железным прессом Антанты все эти разнокалиберные элементы как бы сливались и слились в один военно-политический блок. Можно было, однако, заранее предугадать, что, лишь только окончится война, начнется распад блока и выделение отдельных социальных элементов, входивших в состав его. Как мы увидим ниже, так оно и случилось.

Проследим, конечно, в общих чертах, политическую эволюцию националистов с момента заключения перемирия и до поражения греков.

*) M. Pernot. La question turque

В начале движения националисты придерживались весьма умеренных взглядов и в сущности мало чем отличались от младотурок, несмотря на свое торжественное отречение от последних. Любопытные сведения в этом отношении дает книжка «Турция перед мировым трибуналом», («La Turquie devant le Tribunal Mondiale»), изданная Национальным конгрессом в 1919 году. Авторы этой книги находят, например, что излюбленная идея младотурок оттоманизировать все немусульманское население,—явилась «благородной и совершенно законной концепцией, которая сочетала широкий либерализм с правильно понятыми интересами государства. Недостатком ее было лишь то, что она не подходила к немусульманским элементам, сепаратистские тенденции которых лишь усилились с введением либерального режима» (стр. 144). В чем же заключается вина или ошибка младотурок? На это мы получаем довольно неопределенный ответ, что они были лишены «чувства пропорции» и слишком часто базировались на голом произволе.

Взгляды этой официальной публикации националистов на внешнюю политику проникнуты такой же умеренностью, как и в области внутренних отношений. Они мечтают о том, чтобы какая-либо незаинтересованная великая держава пришла на помощь Турции и установила на 15—25 лет свой контроль над ее администрацией, не нарушая при том ее суверенитета. Такой державой являются лишь Соединенные Штаты, на великодушное покровительство которых и надеются националисты.

Как мы видим, на первых порах политические взгляды националистов отличались значительной умеренностью и сводились к ориентации на Америку и к реабилитации худших сторон деятельности младотурок.

Разгон константинопольского парламента и необходимость поднять на защиту Турции народные массы, заставили националистов значительно полеветь. Лидеры их охотно говорят о неотложных реформах во всех областях народной жизни и даже об устройстве социального переворота. В прессе часто подчеркивается сходство «комитета защиты прав» с русскими советами; лидеры националистов охотно вступают в блоки с возникающими группировками народнического характера, вроде Халь-Зюмраси и Иешиль Орду (Зеленая армия).

Обе эти группировки, в сущности, представляли из себя одно целое. Возникли они в 1919 году, причем, в состав их входили: крестьяне, ремесленники, представители интеллигенции, а также крупные помещики. Благодаря этой мешалине — партия народников, понятно, не могла выработать ясно очерченной и социально-обоснованной программы.

Хотя партия «Халкчи» и стремилась официально к улучшению социального положения и быта трудового крестьянства, но в ней совершенно невозможно усматривать каких-либо социалистических тенденций. Эта партия, прежде всего, национальная и даже монархическая, имеющая тесные связи с мусульманской религией и султаном. Доказательством этого служит хотя бы то, что во главе ее стоял из-

---

вестный панисламист Хамдулла Субхи, который ожесточенно полемизировал со своим бывшим другом и единомышленником Али Фукалем (министр внутренних дел в кабинете Ферид-паши и редактор «Нейям-и Сабах»), видящим спасение Турции в англичанах.

Программа партии «Халкчи» очень характерна и интересна в том отношении, что в ней причудливо перемешиваются и национально-исламистские, и демократические, и даже, с большими оговорками, социалистические тенденции. Социальные воззрения выражены в 4, 5, 6 пунктах программы... «Главная цель партии — служение народу во имя достижения всеобщего, равного благосостояния и для завоевания им заслуженных прав. Живущие физическим и умственным трудом — крестьянин, рабочий, интеллигент, ремесленник, учитель («мюддерис»), чиновник и низший служащий — все эти элементы являются действительными служителями человечества»... Любопытно отношение «Халк Зюмраси» к вопросам внешней экономической политики Турции. Она признает, что «внешние долги, концессии на счет несчастного безвольного народа являются для него жестокими цепями и служат для эксплуатации капиталистов и предлогом для вмешательства и господства над ним».

Политическая программа партии «Халкчи» предусматривает широкое самоуправление.

В вопросах экономических цель партии — упорядочение и справедливое распределение общественных тягот. Безземельные будут безвозмездно наделены со стороны правительства достаточным количеством земли (§ 19 и 20). Прочие пункты программы проникнуты социально-филантропическим духом.

Любопытно, что, по мнению организаторов партии, эта программа «опирается на священные основы ислама и вполне согласуется с предначертаниями аллаха»...

Практическая деятельность пародников в В. Н. С. Т. сводилась к чисто персональной оппозиции, правительственной группировке и, в особенности, лидеру ее — М. Кемалю.

Одно время партия «Халкчи» имела как будто некоторое влияние в меджлисе, несмотря на то, что власть все время находилась в руках беспартийных националистов.

В вопросах политических в широком смысле эта партия преследовала задачи, так называемого, панисламистского движения. Она ставила своей целью объединение мусульман всего Востока и даже всего мира.

Для характеристики вождей партии «Халкчи» очень любопытен следующий факт, имевший место в Великом Национальном Собрании: лидер партии Хамдулла Субхи, при встрече с председателем константинопольской мирной делегации Иззет-пашой, поднялся со своего места и, подойдя к нему, поцеловал его в лоб, сказав:

«Я целую вас, уважаемый паша, так как на вашем лице еще свежа священная тень падишаха»...

Несомненно, что левое крыло националистов использовало партию «Халкчи», как противовес против реакционных стремлений правых националистов. Одновременно они пробовали ассимилировать и обезвредить коммунистов, с успехом ведших свою пропаганду среди пролетариата больших фабричных и железнодорожных центров, вроде Эски Шехра, Ушака, Ангоры и т. д.

Турецкая коммунистическая партия возникла среди военнопленных турок, сосланных царским правительством в Сибирь. Окончательно она сформировалась в 1920 г. (14 июля), причем программа ее, кроме минимальных изменений, совпала с программой РКП. Благодаря тому, что дашнаки отрезали в 1920 г. Россию от Турции, бюро Т. К. П. долгое время оставалось в Баку*).

Националисты сначала определенно заигрывали с турецкими коммунистами. Так, Мустафа Кемаль обратился к лидеру последних М. Субхи с письмом, в котором он заявлял, что «во имя спасения нужно предупреждать преждевременные и лишние выступления, могущие разбить единство и сопротивление нации. Исходя из этого, В. Н. С. Т. осуществляет социальную революцию осторожно и медленно». Несмотря на это «различие» тактики, М. Кемаль предлагал Т. К. П. послать делегацию в президиум В. Н. С. Т. и поддерживать постоянную связь «для получения реальной и материальной помощи» от Т. К. П., «всецело солидарной с нами как принципиально, так и во взглядах».

Попутно с этим, с целью, очевидно, дискредитировать коммунистическую партию, националисты создали в Ангоре чисто административным порядком правительственную коммунистическую партию. Последняя, правда, объявила, что она стоит на платформе III Интернационала, но «с распространением и признанием принципов ислама, воплощающих вполне основы социализма, чем будет доказано, что коммунизм является религиозной и нравственной добродетелью» (§ 99). Состав этой партии, пародирующей коммунизм, был подобран из бывших ярых иттихадистов, крупных кушцов и промышленников и публицистов типа Мухаэддин-бея (б. сотр. младотурецкого офицера «Тавин»), еще недавно писавшего, что «в Турции нет земельного и финансового вопроса».

Это лкшание националистов с пародниками и коммунистами продолжается, однако, вплоть до того времени, пока их положение не укрепляется и на фронте, и внутри страны.

Победа над греками, ликвидация контр-революционных восстаний и намечающееся соглашение с Антантой (на Лондонской конференции) — все это сразу охлаждает симпатии националистов. Они начинают искать удобного случая для

*) Подробность о турецкой коммунистической партии см. в книге М. Павловича „Революционная Турция“ М. 1921 г.

ликвидации своих недавних друзей. В начале 1921 г. народники «Халкчи», считая свое положение достаточно упрочившимся, пытаются завоевать места в правительстве. М. Кемаль пользуется удобным случаем, создает дело о «заговоре», якобы устроенном народниками, и окончательно ликвидирует их, как политическую организацию.

Одновременно поднимается гонение, конечно, и на коммунистов. Несчастный М. Субхи, выехавший с женой и с несколькими товарищами в Анатолию, попадает в западню и погибает при трагических обстоятельствах: по видимому, он и его спутники утоплены в море...

Повсюду производятся аресты коммунистов, закрываются все народнические и социалистические органы, и в Анатолии остаются лишь официозы, если не считать журналов.

Националисты делают после этого крутой поворот вправо, управление страной принимает военный характер, ибо во главе его ставится ген. Февзи, назначенный премьером. Секрет этого назначения мы узнаем из беседы одного офицера кемалиста с сотрудником газеты «Reveil» (май 1921 г.). Гражданская администрация Анатолии и даже В. Н. С. Т., по мнению офицера, «до сих пор еще не дисциплинированы и не сознают общности государственных интересов... Вот почему М. Кемаль счел необходимым вверить председательствование в совете министров Ангоры военному лицу, обладающему необыкновенной энергией»... Одновременно М. Кемаль делает доклад В. Н. С. Т. о том, что в Турции «невозможно осуществить программу большевиков в социально-экономической области, в виду отсталости нашей страны, в чем и заключается наше расхождение с большевиками».

Вместо социализма, националистическое движение начинает пропитываться старыми тенденциями оттоманизма и панисламизма. Боевую роль в этом процессе сыграли иттихадисты, возвращенные англичанами с острова Мальты. Ангорское правительство, правда, запретило им жить в Ангоре, но они расселись по всей стране, организуя клубы, газеты и проч. Агитация их оказалась настолько сильной, что правительство закрыло даже их клуб в Трапезунде. Однако, они уже успели создать себе, или, вернее, вернуть большее количество партизанов в В. Н. С. Т.

Вновь оживают старые пантюристские бредни: Ахмед Джемал-бей (ред. Икдама) совершенно серьезно доказывает, что в этническом отношении анатолийские греки и армяне являются теми же турками, так как они являются потомками сельджуцких турок, лишь принявшими христианство. Одновременно Анатолия становится обетованной страной для всех апостолов панисламизма. Шейх Сенусси выступает в Сивасе и в Конии со следующими проповедями: «Война за заповеди аллаха — это сокровище, которое небо дарует своим возлюбленным сынам, и бойцы этой войны будут вознаграждены аллахом превыше всего. О, избранный народ! Господь зовет тебя к величию и славе! Величайшим заветом ко-

---

рана является независимость мусульманского мира — вот почему аллах держит свой народ готовым к борьбе. О, доблестные герои Анатолии! Вам одним обязано спасением великодушное здание ислама, вы вновь воскресили заветы корана, вы беззаветно защищали ислам, не думая об окружающих вас бесчисленных врагах!» («The Orient News», Константинополь, № 275).

Необычайно характерно, что даже в союзном оборонительном договоре, заключенном (в начале 1921 г.) между Турцией и Афганистаном, содержатся эти панисламистские тенденции; так, в статье 4-й договора Афганистан признает, что Турция оказала большие услуги всему исламизму.

Положение дел, установившееся в Анатолии в результате этого сдвига вправо, совершенного националистами, прекрасно формулирует заявление, сделанное одним из участников Московской конференции Риза Нури-беем (в беседе с сотрудником Грукавроста 16 мая 1921 г.).

«Наше внутреннее положение больше чем устойчиво, все турецкие партии ныне совершенно единодушны и считают своей главной задачей доведение до конца борьбы за национальное освобождение. Наша политика демократична и социалистична, но в Турции невозможно уничтожить собственность и вести борьбу против мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия и торговля всегда были и будут в Турции... Все лица, пытавшиеся разложить армию, арестованы и преданы суду».

Переход от управления страной при помощи «комитетов защиты прав» и других самочинно возникших общественных организаций к режиму военной диктатуры; замена прежних туманных лозунгов с примесью революционно-народнических элементов откровенно буржуазной программой. — таков смысл политической эволюции, проделанной националистами к моменту ликвидации греческой интервенции.

Как и надо ожидать, внутренняя деятельность Ангорского правительства за первые 3 года его существования отличалась крайней решительностью, умеренностью в социальной сфере и, вдобавок, исключительным военным уклоном.

Правда, В. Н. С. Т. выставило широкую программу реформ: тут мы находим и секуляризацию вакуфных (духовно-благотворительных) земель, и национализацию ж. д., и устройство первичных школ и т. п. и т. п.

Однако, на практике законодательная деятельность В. Н. С. Т. ограничилась созданием административного аппарата и выработкой нескольких законов: об измене, о народном здравии, о запрещении спиртных напитков, о кассационном суде, об аннулировании деятельности Константинопольского правительства и т. п. В социальной области, как мы видим, не было сделано решительно ничего серьезного, несмотря на то, что уже за первый год своего существования В. Н. С. Т. успело издать 380 законов.

Единственная серьезная работа была проделана в области создания государ-

ственного аппарата. «Закон об основных организациях» (20/XI—1920 г.) окончательно устанавливал передачу всей власти самой нации. «Законодательные права и компетенция объявления их сосредоточиваются в единственном действительном представительстве нации—в Великом Национальном Собрании». Необычайно ревнивое отношение к своим верховным правам заставило В. Н. С. Т. чрезвычайно урезать права исполнительной власти. Благодаря этому, совет комиссаров не имеет ничего общего с обычным парламентским кабинетом, функционирующим на принципе единичного подбора и коллективной ответственности. «Закон о выборе комиссаров» (8/VII—1922 г.) устанавливает, что «Председатель Совета Комиссаров и комиссары выбираются непосредственно В. Н. С. Т. абсолютным большинством членов по способу тайного голосования *). Деятельность В. Н. С. Т. показала, что сплошь и рядом отзывается тот или иной комиссар, без того, чтобы это поколебало положение всего кабинета. Наконец, наряду с Советом Комиссаров, функции исполнительной власти принадлежали и Президиуму В. Н. С. Т. Как мы видим дальше, эта неуклюжая конституция, после окончания интервенции, вызвала сильную оппозицию и после ожесточенной борьбы была целиком реформирована.

Наконец, «основные законы» (21/I—1921 г.) регулировали местное управление, построенное на принципах строжайшей централизации.

После этой реформы значение «комитетов защиты прав» должно было совершенно уничтожиться. И, действительно, заведующий информбюро РСФСР в Трапезунде дает им следующую характеристику (май 1921 г.).

«Мудафа-и-Хукуки Миллие—их роль и влияние в настоящее время незначительны. Они имели значение в прошлом году, в период организации власти в Анатолии, когда не было ни войска, ни финансов, когда власть на местах находилась во многих вилайетах в руках губернаторов, враждебно настроенных к правительству Кемала. Тогда они играли большую роль. Они организовывали власть на местах, собирали средства для продолжения войны, организовывали армию. Но теперь, когда власть правительства окрепла, когда на местах находятся губернаторы, преданные новому правительству; когда налажен финансовый и военный аппарат—теперь влияние и роль Хукуки Миллие свелась почти к нулю, и сообщать что-либо об их деятельности попросту нечего».

Кто же получил власть на местах в результате этой административной реформы? Разумеется, буржуазия. И в провинциальных советах, и в городских управлениях—повсюду укрепились крупные коммерсанты, являющиеся позвоночным столбом всего национального движения.

В других областях: финансовой, экономической и т. д., деятельность националистов отличалась поразительным бесплодием **). К разрешению основного вопроса

*) Подробности о конструкции государственной власти см. у Н. Сокольского «Очерки современной Турции», Тифлис 1923 г. очерк шестой.

**) Подробности о внутренней деятельности националистов см. у В. Кряжина «История революции в Турции» М. 1923 г., стр. 159—170.

современной Турции—аграрного—они и не приступали, заявляя, подобно младотуркам, что в Турции вовсе нет аграрного вопроса, как социальной проблемы, и что «этот щекотливый вопрос почти улажен в Турции в том смысле, в каком это допускает коммунизм».

Верное этому взгляду на существо аграрного вопроса в Турции, В. Н. С. Т., хотя оно и признало анатолийского крестьянина «хозяином Турции», пока ограничилось в этой области полумерами. Так, оно издало декрет о засеивании, согласно которому каждый имеет право засеять любую свободную землю, при чем все доходы поступают в его пользу без всякой уплаты владельцу земли. Затем была кой в чем изменена юридическая система владения недвижимостями. Наконец, был издан закон, разрешающий беднякам бесплатно рубить лес для собственной надобности и в государственных имениях.

Таковы паллиативы, путем которых В. Н. С. Т. пыталось не разрешить, а попросту обойти аграрный вопрос, от разрешения которого зависит вся будущность крестьянской Турции.

Если же мы укажем, что налог на скот (агхнам) увеличен в пять раз, гербовый сбор так же, как ряд косвенных налогов—в 3 раза, что по закону о волостном самоуправлении к каждой волости (нагиз) прикреплено достаточное количество жапдармов—мы легко убедимся, что интересы деревни систематически приносились в жертву господствующей городской буржуазии.

Недаром вождь и идеолог прогрессивной буржуазии М. Кемаль недавно вынужден был публично заявить, что «большинство нашего народа—земледельцы и пастухи. Они являются основными силами нашей страны. Однако, по многим причинам, народ не мог развить ни земледелия, ни скотоводства». (Речь М. Кемала в Брюсселе 23/1—1923).

Каковы были причины этого поразительного бесплодия националистов в социально-экономической сфере? Несомненно, что его нельзя объяснить одной лишь войной, хотя и потребовавшей действительно напряжения сил всей Анатолии. Много объясняется здесь поразительной культурно-политической отсталостью нарождающейся турецкой буржуазии, которая, благодаря этому, с трудом становится на уровень той исторической задачи, которая выпала на ее долю, а именно: осуществления буржуазной революции в стране полунатурального хозяйства и теократических отношений, какой до сих пор являлась Турция. Главной же причиной, мешавшей проведению каких бы то ни было серьезных социальных реформ, являлась недифференцированность национального блока, благодаря чему в нем все время существовали взаимно парализующиеся социально-политические течения.

§ 9. РАЗГРОМ ГРЕКОВ. БОРЬБА ЗА ПРОЛИВЫ.

Молниеносный разгром националистами греческой армии привел их к стенам Константинополя и необычайно обострил вопрос о проливах.

Любопытно, что за полтора месяца до наступления М. Кемали, греки в предвидении краха сами пытаются форсировать положение и захватить Константинополь. Правда, уже и раньше, стремясь сделать греков орудием своей ближневосточной политики, Англия под рукой распускала слухи о том, что она не прочь передать им Константинополь. Насколько это было серьезно, трудно сказать, но характерно, что французские газеты и в том числе «Temps» горячо протестовали против стремлений греков «воссоздать Византийскую империю».

В начале августа начинают появляться тревожные известия о том, что греческое командование концентрирует войска во Фракии и собирается переходить нейтральную зону. Было очевидно, что греки намеревались предпринять наступление на Константинополь со стороны Чатаджи. Несомненно, что греческое командование действовало с ведома и молчаливого согласия англичан. По крайней мере, именно в британской прессе около того времени появляются явно инспирированные известия об энтузиазме, царящем во фракийской армии, о том, что при таком настроении солдат греческому командованию, пожалуй, не удастся удержать их от похода на Константинополь.

Французы и итальянцы перепугались не на шутку. Итальянцы решили даже послать в Мраморное море броненосец «Чезаре» с 1.000 солдат; французы произвели сильное давление на своих английских коллег и заставили их установить пограничную линию между войсками союзников и греков. Великобритания, очевидно, не решилась идти вторично на *coup d'état* и принуждена была уступить, после чего греческое наступление сошло на нет.

27 августа начинается турецкое наступление; Ушак, Афиун, Карахиссар, Брусса и, наконец, Смирна — попадают в руки националистов.

Вопрос о судьбе проливов очутившихся под ударом националистов, вновь становится в центре всей ближневосточной политики. Английские империалисты с обычной широтой понимания разворачивающихся событий тотчас же начинают указывать, что вопрос идет уже не о судьбе проливов, а об английской гегемонии на всем Востоке.

Военные обозреватели (Репингтон и др.), специалисты по колониальным вопросам (вроде полковника Кенворти) предупреждают парламент и общественное мнение, что успехи кемалистов угрожают серьезной опасностью Палестине, Персии и Месопотамии. Их опасения подтверждаются тем необычайным взрывом энтузиазма, который вызвали турецкие победы в Египте, Афганистане и даже в Индии.

Как надлежало ожидать, события эти вызвали вновь кризис в англо-французских отношениях и вынесли на поверхность то, что до сих пор пряталось в тайниках министерства иностранных дел и лишь изредка в нарочито-завуалированной форме делалось достоянием печати. Английские империалисты начинают открыто обвинять Францию в том, что именно она обусловила победу турок, передав им значительные запасы вооружения, аммуниции и т. п. В «Sunday Times» (10/IX) появляется

необычайно откровенное интервью б. посла Соед. Штатов Моргентгау, в котором он заявляет, что турки нанесли смертельный удар Греции, «снабженные французской аммуницией, орудиями, а также, возможно, руководимые французскими офицерами, лучшими стратегами в мире». В «Дейли Телеграф», «Таймс» и других органах появляются статьи, указывающие, что целью тех «маневров», которые сейчас проделываются в проливах, является изгнание оттуда англичан и т. д.

Французская печать, которая, приветствуя победы турок, сперва обходила молчанием вопросы о проливах и Фракии, горячо задетая этой английской агитацией, выступила теперь с рядом разоблачений, обвиняя целиком Англию в том, что она сама оттолкнула от себя Францию. «Journal des Debats», в статье «Восточный кризис» (13/IX) заявляет: «Нельзя отрицать, что лондонский кабинет, начиная с весны 1918 года, проводил в Азии и прилегающих странах политику, устанавливающую британскую гегемонию, оттирающую на задний план Францию даже в тех областях, где ей были формально предоставлены специальные права». Контрастируя далее крах английской политики на всем Востоке, от Афганистана и до Эгейского и Красного морей, статья делает следующее заключение: «Британское правительство слишком переоценило силы империи, воображая, что оно способно установить новый порядок вещей на Востоке, без сердечного сотрудничества со своими союзниками». Аналогичные статьи, быть может, лишь несколько менее резкие по форме, печатались и в других французских газетах.

Английское правительство, придерживаясь своей обычной тактики, пробует сперва прибегнуть к агрессивным действиям против турок. Желая добиться помощи Франции, оно пытается запугать ее указаниями, что Франции и Италии придется уйти из Черного моря, если оно превратится в «русско-турецкое озеро», что турецкие победы составляют угрозу для французских владений в Африке и т. д. Орган Ллойд-Джорджа, «Дейли Кроникль», желая форсировать положение, доходит до ультимативного требования: «Если французская официальная политика выскажется против обеспечения свободы проливов, то Антанте наступит конец. Франция должна сделать выбор между дружбой с Англией и дружбой с Турцией» (12/IX).

Не особенно надеясь в то же время на «изменившую общему делу» Францию, Англия пытается завербовать новых сподвижников для защиты «английской идеи» на Ближнем Востоке. В Бухаресте и в Белграде английские дипломатические агенты ведут энергичную агитацию в пользу выступления Румынии и Юго-Славии против Турции. Однако, пример Греции, цинично брошенной на произвол судьбы английским империализмом, после того как она не смогла более защищать его интересы, действовал слишком предостерегающим образом на все балканские государства.

Своей кульминационной точки эта агрессивность Англии достигла в официальном сообщении британского правительства по ближневосточному вопросу от 16/IX 22 г. Указывая на опасность, «грозящую Европе» от стремительного и враж-

лебного наступления турок, на возможность осложнений на Балканах и т. д., это сообщение делает следующее грозное предупреждение: «Британское правительство снеслось по ближневосточному вопросу с доминионами, которых поставило в известность о создавшемся положении, и предложило им принять участие в военной защите интересов, за которые они уже принесли столько жертв, и территорий, прославленных подвигами австралийских и новозеландских войск. Британское правительство намерено, в случае необходимости, значительно усилить войска, находящиеся в распоряжении командующего союзными силами в Константинополе ген. Харрингтона. Британскому флоту в Средиземном море отдан приказ не допускать попытки турок нарушить неприкосновенность нейтральной зоны и перейти на европейское побережье».

Эта попытка со стороны Англии перейти к решительным действиям и, в сущности говоря, открыто объявить войну Турции, окончилась, однако, позорной неудачей.

Прежде всего, совершенно провалилась ее ставка на военную помощь со стороны доминионов, которые отнеслись чрезвычайно прохладно к боевому кличу, брошенному им Ллойд-Джорджем. Канада и Южно-Африканский союз открыто отказались участвовать в новой восточной аванюре. Канадский «Таймс» совершенно определенно заявил, что для Южно-Африканского союза вовсе не является вопросом необходимости послать свои контингенты в Дарданеллы (17/IX с. г.). Австралия и Новая Зеландия, правда, дали неспределенное согласие, но затем они поспешили прикнуть к предложению Ф. Нансена передать разрешение конфликта Лиге Наций. Наконец, что касается до Индии, то, конечно, все мусульманское население ее резко реагировало на новое нападение Англии на мусульманский мир.

Наряду с этим, в рабочих массах Англии наметился резкий протест против политики Ллойд-Джорджа. Представители трад-юнионов, английская независимая партия, исполнительный комитет федерации углекопов и десятки других рабочих организаций резко протестовали против новой империалистической кровавой затеи.

Немаловажное значение сыграла здесь и те волнения, которые точно в мгновение ока вспыхнули в Месопотамии.

Турецкий представитель в Париже Ферид-бей многозначительно намекнул, что, в случае непризнания прав Турции на Фракию, англичане должны вспомнить, что в Адрианополь ведет дорога не только через Константинополь, но и через Месопотамию. И, действительно, как бы в виде предупреждающего сигнала, данного английскому империализму, разом вспыхнули волнения в Северной Месопотамии, направляемые вождями повстанцев из Керманшаха.

Но, конечно, решающее значение получила здесь позиция, занятая Францией, Италией и группирующимися вокруг них государствами.

Какую же позицию заняла Франция в назревающем ближневосточном конфликте? Прежде всего, правительство Пуанкаре открыто заявило, что нечего

и думать сейчас о новой интервенции на Ближнем Востоке: все споры с кемалистами должны быть разрешены исключительно дипломатическим путем.

Но значит ли это, что Франция решила отказаться от интернационализации проливов, т.е. от изъятия их из турецкого суверенитета? Конечно, нет. Мы имеем целый ряд правительственных и полуофициальных заявлений, в которых определенно указывается, что Франция продолжает защищать свободу проливов, что в этом отношении турецкой дипломатии придется отказаться от своих «проблематических и чрезмерных требований»; несколько позже «Temps» открыто заявляет, «что Франция согласна дать туркам Фракию взамен ограничения их власти в проливах и, если М. Кемаль не согласится на эти условия, то Франция перейдет на сторону Англии» (25/IX).

Как бы для того, чтобы иллюстрировать этот тезис, французское правительство посылает в проливы броненосцы «Страсбург» и «Мец» и заключает соглашение (11/IX) с Англией и Италией о недопустимости нарушения турками нейтральной зоны.

Позиция, занятая Францией в вопросе о проливах, является вполне понятной. Смешно было бы думать, чтобы ее «дружественные отношения» с Турцией, обусловленные исключительно ее финансовыми интересами, заходили бы так далеко, чтобы она целиком отказалась от всех империалистических тенденций. Военный контроль над проливами попрежнему имел для нее огромное значение, для защиты ее сирийских владений от усилившейся Турции и для возможности и впрямь блокировать ненавистную ей Советскую Россию. Недаром англичане, прекрасно знакомые с настроением своих парижских друзей, постоянно пугали их завоеванием большевиками Константинополя, в случае если он лишится охраны со стороны Антанты. Вопрос для них шел лишь об изменении формы контроля над проливами. Вместо фактически установившегося (с 1920 г.) английского единовластия, они хотели установить добросовестный англо-французский condominium.

Что касается до Италии, то ее политика предопределялась двумя обстоятельствами: боязнью английской гегемонии и невозможностью участвовать в какой бы то ни было военной авантюре, в виду внутренней слабости. Она примкнула поэтому целиком к французской точке зрения, и «Трибуна» опубликовала полуофициальное заявление об отказе Италии от каких бы то ни было военных операций на Ближнем Востоке и о сохранении политики «бдительного нейтралитета». Компромисс с Турцией в смысле передачи ей Фракии, устраивал Италию еще и в том отношении, что, таким образом, он ослаблял Юго-Славию и Румынию, на возможное усиление которых весьма косо поглядывал итальянский империализм.

Наконец, что касается до балканских государств, то они примкнули к французской точке зрения, боясь, что военные осложнения поставят их перед лицом союзных Турции и Болгарии, упорно требующей выхода к Эгейскому морю у Дедеагача.

Перед лицом такой коалиции, под угрозой остаться изолированным в ближневосточном конфликте, — английский империализм принужден бить отбой.

Ген. Тоунсенд, известный по месопотамской кампании во время мировой войны, делает с солдатской прямоотой следующее заявление: «Если мы будем продолжать оккупацию Константинополя, то мы вызовем священную войну. Эта оккупация была бессмысленным, сумасшедшим шагом. Нелепо думать, что мы сможем превратить Константинополь в Суэц или Гибралтар; мир с турками мы сможем установить только путем эвакуации его и путем установления границы по Марице, как это было до войны. Таким путем Великобритания может водворить мир в Индия, Месопотамии, Египте и Палестине. Я могу заявить британскому обществу, что Франция, не даст ни одного человека, ни одного орудия, ни одного судна, чтобы поддержать политику Ллойд-Джорджа, помогающего грекам и пренебрегающего туркам занять принадлежащий им Константинополь, при условии, что будет гарантирована свобода проливов. Италия совершенно согласна в этом вопросе с Францией так же, как и Сербия. Что касается до Румынии, границы которой находятся под угрозой русской армии, готовой двинуться на Константинополь, если румынские войска обратятся против турок, то она, несомненно, станет на сторону Италии и Сербии» («Таймс», 21 сентября 1922 г.).

Английская пресса сразу меняет свой фронт, и, вместо призывов к единоличным агрессивным действиям против Турции, начинает на все лады говорить о необходимости самого тесного сотрудничества на Ближнем Востоке с Францией. «Таймс» утверждает, что «согласие с Францией должно являться целью всей английской политики на Ближнем Востоке».

Консервативные круги начинают вести ожесточенную кампанию против Ллойд-Джорджа, обвиняя его в крахе всей английской политики в Азии. «Морнинг Пост» заявляет: «В результате фанатизма Ллойд-Джорджа, серьезная опасность угрожает самым основам нашей империи... Консерваторы должны искать всевозможных способов, находящихся в их распоряжении, усилить и расширить Антанту и превратить ее из умирающего соединения в живой союз. Первым шагом к этому является прекращение борьбы между Великобританией и Турцией. Таков путь к настоящему миру, но для того, чтобы сделать этот шаг, Ллойд-Джордж не имеет нужных паспортов» (19/IX с. г.).

Английское правительство принуждено капитулировать, и вот оно посылает лорда Керзона на Парижскую конференцию, которая и вырабатывает общую линию действий союзников по отношению к Турции.

Трехдневное совещание Керзона, Пуанкаре и Сфорца закончилось полным соглашением, при чем Англия принуждена была отказаться от всех своих наиболее далеко выдвинутых империалистических позиций. Результаты конференции выразились в посылке Ангорскому правительству коллективной ноты (от 23/IX) с предложением решить все спорные вопросы на общей конференции. В виде аванса,

---

союзники обещали вернуть Турции Фракию при условии, что она не двинет своих войск в нейтральную зону. Затем ей было великодушно обещано, что «три правительства охотно будут поддерживать предложение о принятии Турции в Лигу Наций». Что касается до вопроса о проливах, то он получил в ноте нарочито туманную формулировку. Чрезвычайно неопределенно было указано, что при установлении границ Турции будет предпринята «демилитаризация, в целях сохранения мира, некоторых подлежащих определению зон», а также приняты меры «к обеспечению, при содействии Лиги Наций, свободы Дарданелл, Мраморного моря и Босфора»...

Как мы видим, английским империалистам пришлось совершенно расстаться, по крайней мере, на ближайшее время, с мыслью об открытой борьбе с Турцией. Идея конференции, еще недавно отвергаемая английским правительством, была проведена в жизнь. Угрозы, расточаемые по адресу кемалистов, сменились великодушным обещанием подарить Турции Фракию и даже допустить ее в Лигу Наций, конечно, при условии хорошего поведения с ее стороны.

Но, конечно, было бы ошибочно предполагать, что Англия совершенно отказалась от своей насильственной тактики по отношению к Турции. Тотчас же после Парижской конференции Ллойд-Джордж делает заявления в интервью с представителями прессы (23/IX 22 г.), находящиеся в резчайшем противоречии с постановлением последней. «Мы не стремимся к созданию нового британского Гибралтара, — заявляет он, — но для действительного обеспечения свободы проливов недостаточно только статей договора, часть которого могла бы зависеть от каприза того или иного правительства в Константинополе». Исходя из этих соображений, Керзон на конференции решительно отказался эвакуировать Чанак, который, по мнению итало-французов, не представлялось желательным удерживать долее ни с военной, ни с политической точек зрения.

Как же объясняется это противоречие? Несомненно, вынужденная, под давлением ряда рассмотренных выше причин, отказаться от первоначально намечавшихся агрессивных действий, Англия просто старается выиграть время для военного усиления в проливах. Вычисления ген. Фоша, приведенные в статье тов. Радека в «Изн. ВЦИК» (от 22/IX 22 г.)^{*}, доказывают, что союзники имели в проливах совершенно недостаточные силы. В то время, как для охраны их, по авторитетному мнению Фоша, надо не менее 100.000 человек, оккупационный корпус союзников состоит всего из 12.000 англичан и 15.000 французов. Британский флот, при наличии преобладающих сил у М. Кемаля в 70.000 чел., не только не может сыграть здесь решающей роли, но ему даже грозит опасность быть закупоренным, благодаря своеобразным географическим особенностям проливов. Англичане иногда, впрочем, даже сами проговариваются относительно сокровенных целей своей уклон-

^{*}) Перемена английской политики на Востоке или перемена тактики.

чивой политики по отношению к Турции. Так, английский журнал «Экономист» совершенно открыто заявляет (в № от 23/IX 22 г.): «Каждый день отсрочки соглашения будет усиливать положение нашей армии и флота; наша временная значительная слабость, по сравнению с силами националистов, превратится сначала в равенство, а потом в превосходство сил, и, таким образом, мы добьемся положения, при котором мы сможем не только ввести любой желательный нам режим в проливах (whatever regime we think good in the Straits), но и отказать Турции во Фракии, оставив эту провинцию под суверенитетом Греции, если мы предпочтем так поступить. Время целиком против кемалистов, а в военных вопросах несколько дней могут быть решающими». Впрочем, эта тактика англичан вовсе не является какой-то тайной для самих турок. Так, английская «Нени Гюн» пишет, что союзники пытаются просто выиграть время и удержать в своих руках Стамбул, как залог, накануне мирной конференции.

Ангорское правительство, действующее с большой осторожностью, сошло для себя возможным пойти навстречу предложениям союзников. Не желая вызывать, очевидно, излишних военно-политических осложнений, турки с самого начала решили не идти ни на какую провокацию и временно соблюдать навязанную им нейтральную зону. М. Кемаль еще в разгар наступления заявил, что хотя он и не признает никакой нейтральной зоны, так как он не принял условий Севрского мирного договора, но для настоящего момента он готов считаться с фактическим присутствием союзников в Дарданеллах.

Однако, преследование греческой армии и необходимость занять некоторые стратегические пункты, заставили азиатскую армию перейти нейтральную зону около Чанака, который, кстати, после ухода франко-итальянских войск, остался исключительно в английской оккупации.

Это тревожное и неопределенное положение вещей прекратилось после того, как Ангорское правительство приняло предложение Антанты об участии на мирной конференции. Нейтральная зона была целиком эвакуирована, для разрешения же срочных военных вопросов была созвана конференция в Мудании.

Последней несколько раз угрожал срыв, благодаря неуступчивости англичан в вопросе о немедленной передаче Турции Восточной Фракии. Правительству Ллойд-Джорджа, однако, в этом вопросе пришлось идти на капитуляцию. Военное соглашение, заключенное с Турцией, предусматривало эвакуацию греческих войск за линию Марицы, очищение Восточной Фракии греками и передачу ее азиатскому правительству.

Поражение, понесенное Ллойд-Джорджем, как мы видим, не было прикрито даже подобием фигового листка. Премьер, однако, не утратил от этого своей ответственности, хотя последняя логикой фактов могла выражаться лишь в словах. И вот мы видим, как он произносит горячую речь в Манчестере, в которой он довольно неосторожно клеймит «измену» союзников Англии и трактует кемалистов, как

«хищных зверей». Речь эта вызвала жгучее негодование не только в Турции, но и в Афганистане, Индии и Персии, где усмотрели в ней оскорбление, нанесенное всему мусульманскому миру.

Это ближневосточное выступление Ллойд-Джорджа имело, впрочем, лишь чисто симптоматическое значение. Несомненно, что бурно разыгравшийся ближневосточный конфликт и обозначившаяся в связи с ним перегруппировка держав, явственно показали англичанам, что воинственный премьер перестал быть «подходящим человеком для подходящего места». Отсюда с железной необходимостью вытекла отставка Ллойд-Джорджа и замена его лидером консерваторов, не так скомпрометированным в ближневосточном вопросе, как ушедший премьер.

Политика Великобритании по отношению к Турции, понятно, отнюдь не изменилась от того в своих существенных чертах. Она стала лишь менее шумной, милитаристически откровенной. Недаром проводником внешней политики Англии остался тот же лорд Керзон, политические взгляды которого на восточную политику слишком хорошо известны, чтобы здесь останавливаться на них.

Какова же была позиция, занятая в этом ближневосточном конфликте РСФСР? В противоположность тем колебаниям, изменам и противоречиям, которые, как мы видели, отмечают действия всех империалистических держав на Ближнем Востоке, политический курс, принятый здесь РСФСР, остается с самого начала совершенно ясным и твердым. Будущий режим проливов определяется следующим образом статьей V-ой заключенного в Москве (16/III 21 г.) русско-турецкого договора: «Дабы обеспечить открытие проливов и свободное прохождение через них для торговых сношений судов всех народов, обе договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статута Черного моря и проливов особой конференцией из делегатов прибрежных стран при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столицы — Константинополя».

Три ноты, путем которых реагировал наш народный комиссариат по иностранным делам на события, развертывающиеся на Ближнем Востоке, и представляют из себя как бы развитие и выявление тех принципов, которые в суммарном виде содержатся в приведенном параграфе русско-турецкого договора.

В самом деле, правительство РСФСР, прежде всего, категорически утверждает, что, в виду ее исключительных экономических интересов в Черном море, оно не признает ни одного решения в вопросе о проливах, которое будет принято без ее участия. Что касается далее до будущего политического устройства проливов, то оно должно быть выработано на базе признания за турецким народом его полного суверенитета над турецкими территориями и в первую очередь над Константинопо-

---

лем и проливами. Наконец, правительство РСФСР также стоит за свободу проливов, но такую свободу, которая предоставляется только торговым судам и освобождает проливы и Черное море от всякого присутствия чужих военно-морских сил.

Именно России пришлось на тяжелом опыте узнать действительное значение той «свободы проливов», которую без устали прокламируют французские и английские империалисты, тщательно избегая раскрывать смысл этой достаточно неопределенной формулы.

Как известно, тотчас же после того, как разразился конфликт у берегов Мраморного моря, Великобритания объявила блокаду проливов и запретила проход всем торговым судам, идущим из Черного моря или направляющимся туда. С обычной прямолинейностью, британское командование отдало даже приказ открывать огонь по всем судам, нарушающим это требование.

Россия, получающая через проливы ряд товаров и продуктов, заказанных в Европе и в Америке, и крайне нужных для восстановления ее расшатанного народного хозяйства, простым приказом английского адмирала была обречена на чрезвычайно тяжелое положение. Правительство РСФСР, конечно, тотчас же потребовало отмены блокады и всех ограничений, установленных для коммерческого плавания. В ноте, посланной правительствам Англии, Франции и Италии (30/IX 22 г.), она подчеркнула, что «объявленная ныне блокада проливов подтверждает, что державы, не заинтересованные в плавании по Черному морю, но контролирующее своими военными силами проливы, будут всегда угрозой мирной хозяйственной жизни черноморских государств».

Энергичное дипломатическое вмешательство России поставило Англию и Францию в необходимость решить вопрос: какое участие будет иметь Россия в разрешении ближневосточного вопроса? И тут мы видим колебания и молниеносную перемену тактики, обычные для всех империалистических государств. Необычайно характерно, что еще до турецкого наступления, когда обсуждался вопрос о конференции по ближневосточным делам, Англия решила изолировать Россию от всякого участия в последней. Наоборот, французские политические круги высказывались за привлечение России. Даже «Temps» проницательно заявлял, что «вопрос о проливах представляет для России жизненный интерес, а, между тем, Керзон думает его разрешить без предварительных сношений с московским правительством» (26/III с. г.).

Когда разразился конфликт, первое время правительственная пресса предпочитала хранить о России полное молчание, и лишь некоторые органы, вроде «Windzor Gazette» и «Manchester Guardian» заявляли, что после приглашения России на Генуэзскую конференцию отпадают все основания для игнорирования ее по ближневосточным делам.

В согласии с этой тактикой умалчивания, коллективная нота Франции, Англии и Италии, посланная Ангорскому правительству (15/IX), намечая состав

конференции по ближневосточным делам, включила туда представителей Румынии и Юго-Славии, обходя вопрос об участии России.

Однако, с дальнейшим ходом событий, когда ясно наметилось, что Турция все равно потребует участия России на будущей конференции, английская пресса с обычным оппортунизмом начинает повторять на все лады, что нет никаких причин, по которым Англия должна противиться участию России на конференции: «Manchester Guardian», «Daily News», «Westminster Gazette», даже «Daily Telegraph» наперебой указывают, что «всякое решение вопроса о проливах без участия России будет несправедливым», «что после приглашения Сербии и Румынии нет никаких оснований обходить Россию» и т. д. И лишь «Morning Post» и «Times» продолжают угрожать, что России нечего делать на мирной конференции.

Наконец, даже орган Ллойд-Джорджа «Daily Chronicle» заявляет, что Россия имеет право быть выслушанной на конференции, так как она крайне заинтересована в судьбе проливов (25/IX 22 г.).

Желая, очевидно, продемонстрировать за чужой счет свою широту политического понимания, английская пресса начинает в то же время распускать слухи, что именно Франция противится участию России на конференции.

Ответ Ангорского правительства на предложение союзников (3/X 22 г.), несомненно, подтвердил, для английских политических кругов, правильность того курса, который они заблаговременно приняли по отношению к России. Турецкое правительство «с удивлением констатировало, что Россия, Украина и Грузия, которые уже, в силу значительного протяжения их береговой линии у Черного моря, весьма заинтересованы в определении режима проливов, были, повидному, забыты в этом приглашении». Указывая дальше, что лишь при участии России статут о проливах приобретает нужную прочность, правительство Национального Собрания Турции «особенно предлагало» заблаговременно пригласить на конференцию Россию.

Твердая позиция, занятая Россией и Турцией, заставила державы Антанты пойти на компромисс.

Застрельщиком выступает Италия, которая совершенно открыто заявляет, что на будущей конференции по делам Ближнего Востока ей необходимо ослабить Румынию и Юго-Славию, могущих слишком усилиться на Балканах; достигнуть же этого легче всего путем привлечения к работам конференции России.

Дипломатическая подготовка, сопровождавшаяся соответствующей обработкой общественного мнения прессой, закончилась официальным приглашением Советской России на конференцию по ближневосточным делам в Лозанне.

Так как включение России в состав участников конференции носило вынужденный характер, то были приняты все меры, чтобы всячески сузить и ограничить ту роль, которую она будет играть на ней. Для этого прибегли к следующему компромиссу: конференция, по мысли устроителей ее (Англии,

---

Франции и Италии), должна распасться на две части: в выработке общего мирного договора с Турцией приглашены участвовать: Греция, Япония, Юго-Славия и Румыния. Вопрос о проливах будет подвергнут специальному обсуждению, в котором приглашена участвовать Советская Россия, и будет «выслушана» Болгария.

Еще до получения официального приглашения наш народный комиссариат по иностранным делам энергично протестовал против подобного ограничения роли России на будущей конференции.

Нота тов. Чичерина (опубликованная 20/X 22 г.) совершенно правильно указывала, что «вопрос о проливах нельзя выделитъ из совокупности ближневосточных проблем». Безопасность проливов зависит от общего политического положения на Ближнем Востоке, а потому участие России на конференции не должно сопровождаться никакими ограничениями.

Несомненно, что эта хитроумная планировка работ предстоящей конференции и вытекающие из нее «разъяснения» по адресу России представляла из себя лишь новый зигзаг ближневосточной политики империалистических держав. Ведь, они прекрасно сознавали, что участие на конференции России, вполне ясно и точно сформулировавшей свою точку зрения на проблему проливов, в значительной степени парализует ту империалистическую программу, которую они проводили в Дарданеллах и Золотом Рогe с самого начала перемирия. Однако, наличие совершенно неоспоримых интересов России, связанных с проливами, а также нажим со стороны победоносной Турции заставил их идти на уступки из боязни ухудшить свое и без того сильно пошатнувшееся положение. Кроме того, мы достаточно видели в предыдущем, какие глубочайшие противоречия существуют в недрах самой Антанты, и как трудно ей выступать именно на Ближнем Востоке сомкнутым фронтом.

Новая Турция.

§ 1. ЛОЗАННСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР.

Лозаннский мирный договор (24/ VIII 1923 г.), несомненно, составляет поворотный пункт в истории Новой Турции. Отмечая конец интервенции и признание революционной Турции европейскими державами, он, прежде всего, проводит резкий рубеж в ее политическом развитии. Одновременно с этим, отмечая в сторону все пути: экономические, финансовые и юридические, которые накладываются державами на Турцию в течение последних ста лет, он буквально открывает новую страницу в жизни османского народа. Начиная с Крымской кампании, Турция, как мы видели, почти целиком утратила самостоятельное политико-экономическое бытие. Опутанная старинными капитуляциями, долговыми обязательствами, концессионными договорами, она постепенно превратилась в полуколонию империалистических держав. Севрский мирный договор, устанавливая всепроникающий контроль западного капитала над финансами и народным хозяйством Турции, имел своей основной задачей — на вечные времена закрепить это положение вещей. Лозаннский мирный договор, родившийся, конечно, не в дипломатических канцеляриях, а на полях сражений в Анатолии, почти целиком ликвидировал эту затянувшуюся фазу «Восточного вопроса». Лишь после него Турция получает возможность действительно самостоятельного политико-экономического развития.

В территориальном отношении Лозаннский мирный договор не принес Турции каких-либо особых приращений в сравнении с Севрским трактатом. После отказа от Месопотамии, Сирии, Палестины и Аравии, ее азиатские владения ограничились лишь Анатолией и Турецкой Арменией. Восточные границы этих территорий были уже ранее определены договорами с РСФСР (в марте 1921 г.) и с Францией (в октябре 1921 г.). Сомнительным остался лишь вопрос о Мосульском вилайете, вызвавший на конференции страстную борьбу между Турцией и Англией, на которой мы подробно остановимся ниже.

Если Турция не сделала в Лозанне территориальных приобретений на востоке, то зато она вновь присоединила Смирнскую область, в течение 4-х лет оккупированную греками, и уничтожила французскую и итальянскую зоны влияния в Малой Азии, предусмотренные Севрским трактатом. Необходимо отметить, что за малыми исключениями указанные новые границы Турции были определены Национальным

Обетом; и, таким образом, они представляют осуществление максимальной территориальной программы националистов.

В Европе турки добились, наоборот, чрезвычайно важных территориальных приращений. Им удалось вернуть обратно Восточную Фракию и, таким образом, восстановить ту границу по р.р. Марице и Резвой, которая существовала после Балканских войн. Область эта имеет для Турции огромное стратегическое и экономическое значение. Она составляет естественный гинтерланд для Константинополя, обеспечивающий ему защиту от нападений с суши. Значение это особенно усиливается тем, что, в противоположность другим балканским территориям, Восточная Фракия имеет крупное турецкое ядро ¹⁾.

Население Фракии в 1913 г.

Турок	—	434.782 ч.	—	67,5%
Греков	—	168.076 »	—	26,1%
Болгар	—	2.714 »	—	6,4%
Евреев	—	21.624 »	—	
Армян	—	16.459 »	—	
ВСЕГО:				643.655 ч. — 100%.

Чрезвычайно важно отметить, что, получив Восточную Фракию с границей по тальвегу, т. е. по течению р. Марицы, турки в одном месте вышли на ее правый берег: они получили городок Карагач, имеющий огромное стратегическое значение, как заслон для Адрианополя с запада.

Экономическое значение Фракии состоит в том, что она является житницей для Константинополя. Ее плодородные поля, огороды, пастбища, леса всегда снабжали опломный город хлебом, овощами, молочными продуктами, мясом, углем, дровами и т. п. Не владея этой областью, Константинополь целиком зависит от морского привоза, а это всегда угрожает, как показал опыт последних 4-х лет, его населению страшной дороговизной или даже голодом.

Острова Эгейского моря по Севрскому мирному договору были закреплены за Италией (Додеканез и Кастеллориццо) и Грецией. Но Турция сохранила за собой острова Имброс, Тенедос и Кроличьи о-ва, замыкающие вход в Дарданеллы, и затем договор устанавливал демилитаризацию Эгейских островов ^{**)}.

Крупнейшим территориально-политическим поражением Турции является подписанная ею конвенция о проливах. Несомненно, что, осуществив пресловутую

¹⁾ Цифры взяты из меморандума, направленного в Лигу Наций турецким комитетом Фракии, ЗЭ IV. Цифры эти согласуются с другими источниками.

^{**)} Так же, как и турецких, болгарских и греческих территорий Вост. Фракии, расположенных по обе стороны границы (см. карту проливов и В. Фракии).

«свободу проливов», Англия и, в меньшей степени, другие державы создали постоянную военную угрозу для Турции. Но, составляя одновременно угрозу для СССР, это соглашение носит, поэтому, весьма недолговечный характер. Бесспорным выигрышем Турции, по сравнению с Севрским трактатом, является то, что она окончательно получила в действительное владение и Константинополь, и проливы, уничтожив все следы иностранной оккупации на их европейских и азиатских берегах.

Как мы видим, и на западе туркам удалось, за некоторыми исключениями, реализовать территориальную программу Национального Обета.

В настоящий момент Турция обладает целевой территорией, имеющей по большей части естественные рубежи и простирающейся в виде прямоугольника от Франкских гор и до границ СССР и Персии.

Если в вопросах территориально-политических новой Турции удалось достичь Лозанне крупных успехов, то буквально блестящие победы были одержаны ею в сфере финансово-экономической. Три основные категории вопросов разрешались на Лозаннской конференции: капитуляционный режим, Османский долг и иностранные концессии, и повсюду туркам удалось достичь блестящих результатов.

Режим капитуляций, в течение четырехсот лет обеспечивавший иностранцам привилегированное положение и тормозивший нормальное хозяйственное развитие Турции, был полностью ликвидирован (§ 28). Всеземельность иностранцев, т. е. их неподсудность турецким судам, в настоящее время уничтожена. От юридических капитуляций сохранились, и то на время, лишь жалкие остатки. Так, согласно конвенции, заключенной на 7 лет, дела о личном состоянии и наследовании иностранцев могут быть перенесены на родину этих иностранцев; в тех же случаях, когда заинтересованные стороны соглашаются на передачу дела турецкому суду, последний применяет к иностранцам законы их страны. После ожесточенной борьбы, угрожавшей несколько раз срывом конференции, державам удалось навязать Турции на 5 лет иностранных юридических советников. Но последние будут находиться лишь в Константинополе и в Смирне, и, вдобавок, функции их будут иметь лишь чисто консультативный характер.

Серьезнейшее поражение было понесено державами в вопросе о дальнейшем существовании их благотворительных, религиозных и школьных учреждений. В течение столетий все эти многочисленные религиозно-культурные организации приобрели огромное значение для политики держав на Ближнем Востоке. Через посредство католических и протестантских школ и институтов проходило просачивание европейской культуры в Турцию, и невольно создавались кадры убежденных партизанов Франции, Италии и т. д. Чисто религиозные элементы здесь играли настолько малую роль, что например, французское правительство, ведя дома ожесточенную борьбу с клерикализмом, в то же время в Сирии оказало энергичную политико-финансовую поддержку иезуитским и доминиканским школам. Во время мировой

войны большинство этих учреждений было закрыто, но на Лозаннской конференции державы, в особенности Франция, прилагали все усилия для обеспечения их существования в будущем. Турки пошли здесь, однако, на минимальные уступки. Параграфы, легализующие существование этих учреждений, были выброшены из окончательного текста мирного договора; их заменила декларация Немег Паши, обеспечивающая существование всех религиозно-культурных учреждений, принадлежавших Франции, Англии и Италии до вступления Турции в мировую войну, но всего на срок в 7 лет.

На слом пошли также и экономические капитуляции, устанавливавшие для иностранцев полную свободу от налогов, всевозможные льготы в области таможенных пошлин и т. п. Во всех этих отношениях иностранцы отныне подчинены нормальному турецкому законодательству.

Чуть ли не наиболее ожесточенную борьбу на конференции пришлось вести Турции по вопросу об Османском долге. Турецкая делегация с самого начала выставила положение, что государственный долг должен быть пропорционально разверстан между всеми частями быв. Османской Империи, отнятыми или отошедшими от нее, в результате балканской и мировой войны. Франция, наиболее заинтересованная в этом вопросе, конечно, никак не хотела согласиться на турецкое предложение. При принятии последнего, она, прежде всего, теряла значительную часть долга, падающую на оккупированную ею Сирию, и затем, вместо одного должника, ей приходилось иметь дело с дюжиной должников, большинство из которых (Балканские государства, Ирак и др.) были уже злостными банкротами. Принужденная после долгой и безуспешной борьбы принять турецкое предложение, Франция пыталась внести сюда одну маленькую поправку: долг распределяется между территориями, отошедшими от Турции, но с неизменного согласия кредиторов. Ясно, конечно, что эта оговорка являлась простой уловкой, чтобы аннулировать весь турецкий план. И в этом вопросе, однако, Франции так же, как и другим державам, пришлось пойти на полную капитуляцию. Лозаннский договор (§ 46) устанавливает, что Османский долг распределяется между государствами, аннексировавшими территории Турции в результате балканских войн 1912—13 г. г., между державами, получившими острова Эгейского моря, и, наконец, между государствами, возникшими из частей Империи в результате мировой войны (Сирия, Ирак, Палестина *). Устанавливается взаимный отказ от всех убытков и возмещений, связанных с мировой войной и с интервенцией **. Чрезвычайно важно отметить, что по § 59 это постановление не распространяется на Грецию, которая обязуется оплатить все

*) Распределение долга базируется на пропорциональности доходов от соответствующих территорий за 1911—13 г. г.

***) В силу этого пункта Турция теряет 5.000.000 тур. фунтов, депонированных на ее имя в немецкие банки Германией и Австро-Венгрией во время мировой войны, а также стоимость 2-х броненосцев, захваченных английским правительством. Союзники также теряют 12 милл. тур. ф., первоначально требуемых от Турции.

разрушения, причиненные в Анатолии ее армией и администрацией и противоречие законам войны. Как мы видим, великие державы, натравившие Грецию на Турцию, цинично перекладывают на нее и все расходы по интервенции.

Один из наиболее острых вопросов, дебатировавшихся на конференции, а именно о золотом или бумажном способе оплаты процентов по Османскому долгу, остался не разрешенным. Турецкая делегация естественно настаивала на том, чтобы оплата процентов впредь происходила не в золотых, а в бумажных франках (или в лирах). Благодаря значительному падению бумажных денег и во Франции, и в Турции, эта система погашения долга обоилась бы Турции в несколько раз дешевле, нежели в довоенное время. Французы и здесь оказывали ожесточенное, но мало-успешное противодействие. Хотя вопрос этот остался формально не разрешенным, но после уничтожения казначейств и бывшего контроля над финансами Турции, в распоряжении держав не осталось действительных средств к понуждению ее оплачивать купоны непременно в золоте.

Более компромиссный характер носят постановления, вынесенные по вопросу о концессиях. Последние делятся на две большие категории: все концессии, заключенные до 1914 г., сохраняют свою силу, хотя должны быть предприняты шаги для согласования их с новым экономическим строем Турции. Особым пунктом оговорены те концессии, которые должны получить Armstrong-Whitworth—Vickers за концессию на постройку арсеналов, доков и т. п. и Regie générale des chemins de fer за концессию на постройку ж. д. Сивас-Самсун, которые предположено аннулировать. Концессии второй категории, а именно заключенные Константинопольским правительством после перемирия и до ноября 1922 г., остаются в силе, если они будут утверждены ангорским правительством. Однако, эти постановления не распространяются, по видимому, на концессии, полученные после апреля 1920 г., когда Константинопольское правительство было объявлено изложенным ВНСТ. *).

§ 2. «СВОБОДА ПРОЛИВОВ». БОРЬБА ДЕРЖАВ В ЛОЗАННЕ.

Чем же объясняются эти огромные успехи, достигнутые турками в Лозанне? Несомненно, что крупнейшую роль здесь сыграла не дипломатическая ловкость Исмет Паша и его коллег, а те победы, которые были одержаны националистами над греческими войсками. Но для объяснения Лозаннского трактата одних военных аргументов, как бы ни были они убедительны—мало. Ведь союзные державы знали не

*) И опускаю второстепенные статьи Лозаннского трактата, так, напр., регулирующие каботажное плавание и рыбную ловлю и пр., а также многочисленные дополнительные конвенции и декларации. Чрезвычайно существенные статьи, посвященные режиму национальных меньшинств, будут рассмотрены в дальнейшем. Полный текст Лозаннского договора помещен в L'Europe Nouvelle (№№ от 24 II и 4/VIII—1923 г.). Сокращенное изложение трактата дано в ж. „Международная Жизнь“. Изд. НКВД. М. 1923 г. № 2. Стр. 123—124.

хуже турок, что, прорвав греческий фронт и пробившись к проливам, армия националистов находилась в последней стадии истощения. Продолжать дальнейшую борьбу на этот раз непосредственно с Англией и Францией она, конечно, была совершенно не в состоянии. Победы националистов, таким образом, лишь расчистили путь к Лозанне, но они были недостаточны, чтобы заставить союзников пойти на те решительные уступки, которые ими были сделаны.

Лозаннский мирный договор стал возможен лишь благодаря тем непримиримым противоречиям, которые раздирают сейчас все империалистические державы и которые чрезвычайно ловко были использованы турками для достижения своих целей. Основным фактом современной международной жизни является беспощадное соперничество между Англией и Францией, которое фактически привело к крушению Антанты. После окончания мировой войны интересы этих двух империалистических колоссов сталкиваются буквально во всех областях: в вопросе об европейской гегемонии, связанном с попыткой Франции захватить каменноугольные и металлургические районы Германии, в сфере вооружений, главным образом, воздушных, угрожающих безопасности британских островов и, наконец, в восточном вопросе *). Борьба за политические и экономические интересы на Ближнем Востоке является, пожалуй, главной причиной кризиса в отношениях между Францией и Англией, и под знаком ее прошла вся Лозаннская конференция. Накануне конференции Франция принуждена была капитулировать перед Англией на Ближнем Востоке. Как раз в это время она готовилась к оккупации Рура, и вот на Парижском Советании, предшествовавшем конференции, Англия предоставила Пуанкаре, впрочем, временно, свободу действий в Европе, получив в виде компенсации свободу рук по отношению к Турции. Благодаря этой международной комбинации, в течение всей конференции именно Англия играла руководящую роль, предъявляя туркам свою империалистическую программу-максимум. Франция использовала эту ситуацию для оказания туркам кажущейся поддержки, целю борясь в то же время за сохранение своих преобладающих финансово-экономических интересов в Турции.

Третьим политическим фактором, притом огромного значения, была Советская Россия. «Призраком Советской России — указывает Г. В. Чичерин — витал над этим зеленым столом... Почему в моменты величайшего напряжения отношений между Турцией и Западом, в особенности в момент перерыва Лозаннской конференции, не была возобновлена война, и громадные силы Англии не были брошены на маленькую Турцию? — Из-за Советской России». **).

Необычайно сложное сплетение на конференции интересов политических и экономических, военных и финансовых придало ей крайне своеобразный, чисто

*) Подробности см. в книге: В. Гурко-Кряжнев. Послевоенные конфликты великих держав. Изд. Московский Рабочий. М. 1924 г.

***) Лозаннская конференция и мировое положение. Ж. „Международная Жизнь“. 1923 г. № 2.

«современный» характер. Помимо официальных дипломатов сюда съехались всевозможные крупные дельцы, также имеющие мандаты, но выданные: Standard Oil, Turkish Petroleum, Régie Générale и др.

Благодаря этому, наиболее важные вопросы часто обсуждались не на заседаниях конференции, а за кулисами ее, и не даром ультраконсервативная «Journal des Débats» саркастически заявляла: «Велух говорят о мире, цивилизации, а втихомолку обсуждают нефтяные дела». Последних мы коснемся несколько дальше.

Англия, оказавшаяся на конференции в необычайно благоприятном положении, провела две основные задачи: открытие проливов для военных судов и включение нефтеносного Мосульского вилайета в состав королевства Ирака, находящегося под ее протекторатом.

Центральным вопросом первой сессии конференции, вокруг которого развернулась ожесточенная борьба между Англией и Россией, был вопрос о статуте для проливов.

Спустя приблизительно две недели после открытия конференции (8/XII) державы Антанты выработали свой проект «конвенции о проливах» и внесли его на рассмотрение «Комиссии по территориальным и военным вопросам», в работах которой была приглашена участвовать Россия. *) Конвенция эта в том окончательном виде, в котором она была принята на конференции, содержит следующие основные пункты: 1) Устанавливается полная свобода прохода днем и ночью военных судов всех держав, лишь с одним ограничением: максимальная морская сила одной державы в Черном море не может превышать силы самого сильного флота прибрежных государств Черного моря, существующего в момент прохода. Но Антанта прибавила сюда еще одну существенную оговорку, которая фактически аннулирует вышеуказанное ограничение: «Однако, державы оставляют за собой право посылать в Черное море во всякое время и при всяких обстоятельствах силу, не превышающую трех кораблей, из которых ни один не должен превышать десяти тысяч тонн». Характерно, что эта же свобода прохода военных судов сохраняется и во время войны на Ближнем Востоке, конечно, для держав, не воюющих с Турцией. 2) Оба берега Босфора и Дарданелл демилитаризуются на протяжении точно намеченных зон, так же как все (кроме одного) острова Мраморного моря и некоторые острова Эгейского моря (Самофракия, Лемнос, Имброс, Тенедос, Кроличьи острова). В пределах указанной зоны не допускаются никакие укрепления, артиллерийские или авиационные установки; воспрещается пребывание здесь турецких вооруженных сил, кроме отрядов полиции и жандармерии и 12.000 гарнизона в Константинополе с окрестностями. В Константинополе может содержаться военная

*) Сжатый очерк работы нашей дипломатии на Лозаннской конференции дан в годовом отчете НКИ Даа 1923 г. Конвенция о Проливах вместе с проектом Российской Делегации помещена в ж. «Международная Жизнь». 1924 г. № 1.

и морская база. 3) Для регулирования нового режима проливов в Константинополе учреждается международная «Комиссия проливов», из представителей Франции, Великобритании, Италии, Японии, Болгарии, Греции, Румынии, России и Сербско-Хорватско-Словении, поскольку эти державы подпишут конвенцию *).

Как мы легко убеждаемся, эта конвенция весьма мало отличается от статута проливов, выработанного в Сан-Ремо: ее отличительная черта — это то, что она устанавливает полную гегемонию Англии в проливах. В этом отношении чрезвычайно характерно указание, что Турция не несет ответственности за соблюдение указанных ограничений, т. е. фактически отказывается от применения своего суверенитета в этой зоне, за невозможностью осуществлять таковой.

Вместо Турции охрану проливов берут на себя державы Антанты, что предусмотрено следующим, чрезвычайно важным параграфом (18-м): «Если нарушение постановлений о свободе прохода, неожиданное нападение или какое-либо военное действие или угроза войны поставит свободу судоходства в проливах или безопасность демилитаризованных зон под угрозу, — то высокие договаривающиеся стороны, и во всяком случае — Франция, Великобритания, Италия и Япония, тому совместно воспрепятствуют всеми теми способами, которые Совет Лиги Наций признает для этой цели нужными».

Конвенция настолько, очевидно, устанавливала преобладающую роль в проливах и в Черном море Англии, являющейся сильнейшей морской державой, что даже французы весьма сдержанно отнеслись к ней. «Тан» и др. органы единогогласно указывали, что при реализации ее столица Турции станет совершенно беззащитной, и, кроме того, Турцию необыкновенно легко будет вовлечь в войну.

Весь этот проект, конечно, встретил самую резкую оппозицию со стороны русско-украинско-грузинской делегации (РУГ). Тов. Чичерин, повторяя уже вышеприведенные аргументы, указывал, что «свобода проливов» будет прежде всего направлена против России, которая при всех условиях будет иметь флот в 3 раза слабее, нежели, в совокупности, у Англии, Франции и Италии.

Турция, будучи разоружена в проливах, превратится в игрушку в руках этих держав, могущих в любой момент произвести на нее военное давление.

Не ограничиваясь этими конкретными указаниями, РУГ подала обширный меморандум (20/ХП—22), содержащий исчерпывающую программу советской политики на Ближнем Востоке. Меморандум указывает, что на конференции дело идет не о судьбах отдельных территорий, а о всей «великой проблеме Востока». Указав, что РСФСР противится новому применению здесь империалистических методов, меморандум дает интересный анализ восточного вопроса в прошлом, проблемы раздела Турции в эпоху мировой войны, Севрского мирного договора и т. п.

*) Присоединение к настоящей конвенции даст Соединенным Штатам право иметь равн. обр. представителя в Комиссии.

Практическая часть меморандума сведется к следующим пунктам: 1) РУГ должна принимать участие решительно во всех работах конференции; 2) Турция должна быть полновластной распорядительницей своих экономических, судебных и финансовых учреждений; 3) РУГ поддерживает турецкий Национальный Обет; 4) вопрос о национальных меньшинствах должен быть подвергнут обсуждению на специальной конференции.

Заканчивается этот ярво антиимпериалистический и беспримерный в дипломатической истории документ следующими словами: «РУГ делегация исполняет свой долг перед всеми народами, предлагая другим делегациям внимательно изучить настоящий меморандум».

Ясно, разумеется, что меморандум этот имел в виду не официальные делегации, состоящие из ярых империалистов, вроде лорда Керзона и др., а стоящие за ними народы, и в первую очередь поработанные массы Востока.

Не останавливаясь на перипетиях исторической борьбы за проливы, происходившей в Лозанне, отмечу лишь, что положение русской делегации было здесь необычайно затруднительным. С самого начала работ конференции выяснилось, что в вопросе о проливах русская делегация оказалась изолированной. Турки, интересы которых терпели наибольший ущерб от осуществляемой союзниками «свободы проливов», как обнаружилось, заранее обязались уступить в этом вопросе.

В чем же заключалась причина этой уступчивости? Конечно, в тех факторах, которые уже указывались выше, а именно, в невозможности для истощенной Турции продолжать вооруженную борьбу с Антантой, которая стала бы неизбежной, в случае ее упорства в вопросе о проливах.

Благодаря этим обстоятельствам турки решили поступиться в пользу Англии своим суверенитетом в проливах с тем, чтобы добиться максимальных уступок в других вопросах.

Находясь, таким образом, в полном одиночестве, русская делегация, тем не менее, мужественно продолжала борьбу за действительную свободу проливов и за безопасность Черного моря. Когда на конференции выяснилось, что выступления руководителя русской делегации Г. В. Чичерина оказывают огромное агитационное значение на европейское и, в особенности, турецкое общественное мнение, хозяева конференции прибегли к совершенно циническому трюку. Они взяли обсуждение вопроса о проливах из ведения «Комиссии по территориальным и военным вопросам» и передали его на рассмотрение подкомиссии экспертов; последняя, ведя закулисный торг с турками, выработала окончательную редакцию конвенции без участия русских представителей, принужденных демонстративно уйти из подкомиссии экспертов, в виду систематического игнорирования всех их требований. Несмотря на эти дипломатические махинации, на грубое нарушение своих прав, русская делегация, пытаясь достичь соглашения с другими державами

по вопросу о проливах, — пошла на значительные уступки. В измененном проекте, представляемом ею конференции (18/ХП), допускался даже доступ в проливы легких военных судов, правда, лишь в отдельных и совершенно исключительных случаях, для специально определенных целей и с разрешения турецкого правительства. Наряду с этим, наш проект, идя навстречу желаниям союзников, предусматривал создание международной комиссии из представителей черноморских государств и шести, так наз., великих держав, включая сюда и Германию. Конечно, и здесь была сделана оговорка, что предлагаемый план должен проводиться «без ущерба для суверенитета Турции и дабы обеспечить интересы торгового мореплавания».

Для Керзона и его сателлитов все эти уступки, впрочем, уже не представляли никакого интереса. Имея во внутреннем кармане уже подписанный Турцией свой проект конвенции, они не шли абсолютно ни на какие уступки. На последнем заседании конференции с участием русских делегатов (1 февр. 1923 г.), тов. Чичерину пришлось сделать декларацию, высказывающую непримиримое несогласие (РУГ) со всей политикой угнетения и насилия, выраженном которой является настоящий проект... Декларация констатировала далее, что на конференции, вообще не было переговоров, не было даже попыток к переговорам. В этих условиях не может быть решения по вопросу о проливах.

Руководители конференции после перерыва ее работ, как известно, умышленно сделали вид, будто русская делегация категорически отказалась подписать выработанную ими конвенцию о проливах. Исходя из этого, несмотря на энергичные протесты НКВД и на просьбы турецкой делегации, они не допустили представителей РУГ на вторую сессию конференции. Трагическая смерть тов. Воровского лишь подчеркнула насильственный характер удаления последних с Лозаннской конференции..

Лишь накануне формального заключения мирного договора, державы обратились к России (17/ХП—23) с предложением подписать конвенцию о проливах, рассмотренную выше. Советское правительство согласилось подписать эту конвенцию, несмотря на ее явную неудовлетворительность, исходя из двух предпосылок: 1) желания так или иначе ликвидировать ближневосточный конфликт и 2) намерения, путем участия в проведении в жизнь конвенции, сделать попытку «устранить, по мере возможности, угрозу безопасности советских республик». (Нота Г. В. Чичерина от 19 июля 23 г.). Однако, свое согласие на опыт сотрудничества с державами на Ближнем Востоке советское правительство обуславливает рядом существенных оговорок. Прежде всего, оно оговаривает свое право внесения в будущем изменений в конвенцию; далее оно категорически заявляет от имени советских республик, что «если практика применения конвенции обнаружит, что ею недостаточно гарантированы интересы торговли советских республик и всеобщего мира, они принуждены будут поднять вопрос о прекращении ее (конвенции) действия».

Ожесточенная и необычайно поучительная борьба за проливы и за Черное море, почти непрерывно продолжавшаяся в течение 4 лет, после Лозаннской конференции вступила в полосу затишья. Несомненно, что в Лозанне Англии удалось одержать крупнейшую со времени Крымской кампании победу на Ближнем Востоке. Если 70 л. тому назад ей удалось окончательно закупорить и даже временно уничтожить русский флот в Черном море, то теперь, переходя от обороны к нападению, она смогла «отомкнуть» проливы для своих судов и тем создать военную угрозу границам СССР и безопасности ее торговых путей. Однако, именно самая широта империалистических достижений Англии, противоречащих наиболее жизненным интересам СССР и Турции, делает их недолговечными. Проблема проливов, несмотря на ту поразительную трансформацию, которую она пережила со времени мировой войны, сейчас так же мало разрешена после Лозаннской конференции, как 70 лет тому назад после Парижской или 50 л. назад после Берлинской конференции.

**

Второй задачей, к разрешению которой стремится английский империализм на Ближнем Востоке, — это исключение Мосульского вилайета из территории Турции и присоединение его к вассальному королевству Ирака. Мосульский вопрос, составляющий одну из самых жгучих проблем английского империализма, будет подробно рассмотрен в следующей главе. Ограничусь здесь лишь указанием, что он вызвал резкое обострение отношений между Англией и Турцией на конференции и несколько раз угрожал срывом последней. Борьба за капитуляцию и за финансово-экономические статьи на этот раз между Турцией и Францией составила другой камень преткновения, о который чуть было не разбилась окончательно Лозаннская конференция.

Председатель турецкой делегации Исмет-паша заявил, что он может подписать лишь конвенцию о проливах и о границах Фракии, но категорически отклоняет юридические и финансово-экономические статьи мирного договора. После этого конференция временно закрылась (4 февраля 1923 г.).

Вторая сессия Лозаннской конференции открылась лишь спустя 2½ месяца (23/IV). Необходимо отметить, что обще-политическая ситуация резко изменилась за короткий срок, протекший между двумя сессиями.

Тотчас же после перерыва конференции Г. В. Чичерин в двух интервью («Известия ВЦИК» 15/II и «Vossische Zeitung» 9/II) дал блестящий анализ складывающейся на Ближнем Востоке общеполитической ситуации, который вкратце сводился к следующему:

1. Возможность сепаратного мира между Турцией и Англией: Англия, по мнению Г. В. Чичерина, вновь получила свободу действий по отношению к Турции, благодаря двойной игре Франции в Лозанне, где официально французская политика

заявляла об едином фронте союзников, между тем как неофициально стремилась добиться привилегированных позиций для Франции в Турции.

2. Политическое и экономическое сближение Англии с Америкой, которое, по словам Г. В. Чичерина, «составляет один из важнейших факторов современной политики».

Текущие события, повидимому, вполне оправдывают оба блестящих прогноза руководителя иностранной политики СССР.

Если на первой сессии Лозаннской конференции Англия наступала на Турцию, которую отчасти поддерживала Франция, усвоившая роль медиатора, то после перерыва, положение вещей круто изменилось.

Действительно, за время перерыва Англия сумела найти компромисс по спорным вопросам с Турцией. Важнейший для Англии вопрос о проливах, как мы видели, уже был урегулирован в желательном для нее смысле.

Что касается до вопроса о Мосуле, то он был, в сущности, исключен из повестки работ конференции и предоставлен целиком на разрешение двух заинтересованных сторон — Англии и Турции. Достигнув, таким образом, своих основных целей, Англия проявила значительную уступчивость по отношению к турецким финансово-экономическим требованиям. Несомненно, что она решила, путем интенсивного чисто экономического внедрения, возместить ущерб, понесенный в результате отмены капитуляционного режима. Что касается до оттоманского долга, то, как мы видели, Англия никогда не была в нем заинтересована; немногочисленные же концессии, которыми она обладала в Турции, были признаны действительными.

Чрезвычайно показателью, что неутомимый Лесли Эркарт, работая, по обыкновению, на широкую ногу, уже стремится образовать большое «Общество для экономического развития Турции», имеющее целью разработку медных копей Арганы, ж.-д. строительство, водные и электрические предприятия и т. п.

При таких условиях неудивительно, что, развязав себе руки на конференции, Англия начала чрезвычайно искусно натравливать Турцию на Францию и взаимно, в то же время раздвигая, когда являлась необходимость, благородную роль примирителя.

Франция оказалась совершенно изолированной на конференции; ее печать уже усвоила определенно антитурецкий и англофобский тон. Заурвейн восклицал в «Matin» о необходимости для Франции немедленно вступить в непосредственные переговоры с Турцией, так как «в противном случае вся работа конференции сведется к темным сделкам на наш счет». Пертинакс заявлял о необходимости «показать Ангоры, что Франция не боится конфликта и готова принять вызов» (4/V) и т. д.

Лишенная действительных союзников, торгуясь из-за каждой акции, из-за каждого купона, ведя колеблющуюся политику, переходя от угроз к сентименталь-

---

ным воспоминаниям об «исторической дружбе», связывающей ее с Турцией, Франция принуждена была в финансово-экономических вопросах пойти на те уступки, которые были отмечены выше. Но именно эта лавочная дипломатия, эти сентиментальные lamentации парижской прессы, прикрывающие испуг, переживаемый держателями турецких бумаг, способствовали сильнейшему охлаждению отношений между Францией и новой Турцией. Тем самым была достигнута одна из коренных задач английской дипломатии.

Роль империалистического штрейкбрехера на конференции сыграли Соединенные Штаты. В течение первой сессии ее представители заняли чрезвычайно своеобразную выжидательную позицию. Дело в том, что после мировой войны Соединенные Штаты в значительной степени усилили свои экономические интересы в Турции. До войны их торговля с Турцией занимала 9-е место, теперь же она достигла до уровня английской, стоявшей всегда на первом месте. Однако, с обычным хладнокровием янки выжидали удобного момента для активной политики, пока же заняли на конференции роль беспристрастных «наблюдателей», ведя в то же время оживленные закулисные переговоры о концессиях с турками и о нефти с англичанами.

На второй сессии картина уже резко меняется. Уже отмеченное сближение Соединенных Штатов с Англией, наряду с боязнью упустить свою «законную» долю турецкой нефти, заставляет их перейти от роли «наблюдателя» к более активному участию в ближневосточном вопросе. Ярким показателем этой новой роли Америки в экономической жизни Турции является хотя бы пресловутая концессия Честера. Неудивительно, что на первом же, после перерыва, заседании Лозаннской конференции представитель Соединенных Штатов Брю делает сенсационное заявление, что он «будет участвовать в качестве полномочного представителя американского правительства и отстаивать на конференции интересы Америки и Турции».

Как мы видим, ближневосточный вопрос осложнился теперь новым фактором огромного значения, а именно, политическим и финансово-экономическим участием Соединенных Штатов.

Для Турции выступление Соединенных Штатов имело ту выгоду, что оно значительно усилило уступчивость со стороны Англии и, особенно, Франции, встревоженных появлением нового конкурента на Ближнем Востоке. Сложная, перекрещивающаяся борьба трех империалистических держав, имеющих у себя в тылу Советскую Россию, и создала тот дипломатический станок, на котором был соткан Лозаннский мирный договор.

§ 3. БОРЬБА ЗА НЕФТЬ И МОСУЛЬСКИЙ ВОПРОС.

Борьба за Мосул, происходящая на наших глазах, носит не узко-ближневосточный, но, можно смело сказать, мировой характер. Объясняется это, конечно,

тем обстоятельством, что Мосул лежит в центре богатейшего нефтеносного района. Борьба же за нефть составляет, как известно, наиболее характерную черту ожесточенного соревнования империалистических держав в послевоенный период. Уже до мировой войны изобретение двигателей внутреннего сгорания в необычайной степени усилило значение нефти, в сравнении с другими видами топлива (напр., углем), для промышленности, военного флота и т. п. Мировая война, вызвавшая необычайный рост автомобилизма и авиации, лишь ярко подчеркнула неопределимые военные достоинства жидкого топлива. Недаром, на одном торжественном банкете лорд Керзон заявил, что «союзников принесли к победе потоки нефти».

Запасы этого драгоценного топлива на земном шаре являются не только не неисчерпаемыми, но их даже нельзя назвать особенно значительными. Таблица, составленная инженерами американского Geological Survey, дает следующую картину мировых запасов и добычи нефти в 1920 г.

Страны.	Запасы.	Добыча.
С-ные Штаты и Аляска	8.500 мил. баррелей*)	450 мил. бар.
Мексика	5.000 " "	165 " "
Канада	1.000 " "	2 " "
Кавказ	6.500 " "	25 " "
Ост-Индия	3.500 " "	17 " "
Персия и Месопотамия	6.500 " "	12,5 " "
Румыния и Галиция	1.500 " "	13 " "
Центр. и Южная Америка	10.500 " "	5 " "
Япония, Формоза, Сахалин	1.500 " "	2,5 " "
Другие страны	500 " "	4,5 " "
Всего ок.	45.000 мил. барр.	ок. 700 мил. бар.

При тех размерах добычи, которая была в 1920 г., мировых запасов нефти (кроме Соед. Штатов) могло бы хватить на 250 лет **). Но Соед. Штаты, которые необычайно интенсивно разрабатывают свои залежи, должны истощить их уже через какие-нибудь 20 лет. Таким образом, именно американцам, производящим сейчас около 70% мировой добычи нефти, раньше других угрожает нефтяной голод. Все эти цифры достаточно объясняют тот ожесточенный мировой характер, который приняла за последние десятилетия борьба за нефть.

Вполне понятно, что наиболее ожесточенное соревнование происходит между двумя первоклассными индустриальными и морскими державами: Великобританией и Соединенными Штатами. Остальные державы (Франция, Голландия и др.) играют при этом лишь роль секундантов. Борьба ведется при помощи самых усовершенствованных аппаратов современного капитализма. Ведут ее, конечно, не отдельные

*) Баррель=145 литров=125 кгр.

***) E. Rigot „Мировые запасы нефти“. Ст. в Nation. № 2575, от II/VIII—1923 г.

предприниматели, а несколько мощных трестов, вроде американских: Standard Oil, Сликлеровской группы, английских: Royal Dutch Shell, Англо-Персидской Компании и др. Взглянув на вышкприведенную табличку, мы легко нащупаем общий характер и направление этой борьбы. Откинув «нейтральную нефть» России, Японии и др. государств, мы увидим, что Соединенные Штаты уже контролируют или могут поставить под свой контроль около 66% мировых запасов нефти (в северной, экваториальной и Южной Америке). На долю Великобритании в лучшем случае остается всего лишь половина этого количества. Отсюда вытекает стремление Англии «заблокировать» от Соединенных Штатов все нефтяные запасы Старого Света, которое и составляет сокровенную пружину ее политики за последние 10 лет *).

С другой стороны, мы уже видели, что при огромном расходе жидкого топлива Соединенными Штатами, покрывающими при беспощадной эксплуатации своих источников лишь 75% своих потребностей, даже указанных огромных резервов им хватит сравнительно на короткое время. Результатом этого является проводимая ими повсюду политика «открытых дверей», сводящаяся, в сущности, к допущению американских трестов к эксплуатации нефтяных богатств.

Не останавливаясь на деталях, укажу лишь, что вплоть до Вашингтонской конференции Англии удалось почти полностью провести план «нефтяного окружения Америки». На конференциях Сан-Ремо (в 1920 г.) она заставила Францию подписать знаменитую нефтяную конвенцию, устанавливающую ее контроль над нефтяными богатствами Мосула, Французск. Африки, М. Азии и Средней Европы. Франция соглашается исполнять роль верного сателлита Англии, взамен чего она получает подачку в виде 25% необработанной нефти Месопотамии, а также известное, правда, довольно скромное, участие в других английских компаниях. После этого Англия, действительно, блокирует перед Соединенными Штатами нефть Палестины, Месопотамии, Голландской Индии (территорию Джамби) и др. **).

Соединенные Штаты весьма скоро перешли от обороны к наступлению. В течение всего 1920—21 г.г. Государственный департамент Штатов энергично протестует против конвенции, заключенной в Сан-Ремо; употребляя методы

---

*) Подробности англо-американского нефтяного конфликта приведены в увлекательной книге Ф. Делези: Нефть. М. 1923 г.

**) Чрезвычайно характерны некоторые эпизоды этой борьбы. Так, напр., в Палестине англичане арестовали одного американского нефтяного разведчика, несмотря на то, что Standard Oil в свое время получил концессию на палестинскую нефть. В районе Джамби (Голл. Ост-Индия) Standard Oil сначала был допущен к разработке нефтяных залежей, но затем, по наущению Англии, исключен, после чего концессии были переданы Батовской Компании, являющейся фактически филиалом английской Royal Dutch Shell. (R. L. Bull. Oil interests in the fight for Mossul. Current History Magazine. 1923, III).

англичан, американцы блокируют от последних нефть Филиппинских островов, Центральной Америки и т. д.

На Вашингтонской конференции обе стороны принуждены были пойти на известные уступки,—и весьма правдоподобно, что между ними было заключено даже секретное соглашение по нефтяным вопросам. По крайней мере, после конференции мы наблюдаем такие факты, как: попытку создания комбинированной компании (из Standard Oil и Anglo-Persian Oil Co) для эксплуатации сев. персидской нефти, допущение американцев к нефтяным разведкам в Палестине, Чехо-Словакии и т. п. Благодаря этому англичане приобретают без особых протестов со стороны Америки монополию на добычу нефти в Македонии (авг. 1922 г.).

Последний акт этой «нефтяной драмы», как известно, разыгрывался за кулисами Генуэзской и Гаагской конференций, где главную роль играла уже русская нефть. После этого, как мы увидим ниже, между двумя борющимися партиями было заключено перемирие, и конвенция, заключенная в Сан-Ремо, была фактически аннулирована (в конце 1922 г.).

**

На фоне этой бегло очерченной мировой борьбы за нефть мы и должны рассматривать вопрос о Мосуле.

Необычайно характерным фактом для политики западных держав является то, что нефтяные богатства Месопотамии, из-за которых происходит до сих пор столь ожесточенная борьба, остаются, в сущности, почти не изученными.

Нефтеносный бассейн Мосула не является изолированным. Он составляет часть месопотамско-персидского нефтеносного района, который простирается на протяжении 2.000 км. с сев.-зап. на юго-восток параллельно горным цепям Загроша от Мосула до Персидского залива. «Северная оконечность нефтяных месторождений Месопотамии находится близ Мосула. В 32 км. к юго-вост. от Мосула находятся нефтяные источники Амман Али. Здесь правый берег Тигра образует отвесную стену в 25—30 метров, откуда бьют сильные серные источники. Вблизи находятся нефтяные и асфальтовые месторождения. В 86 километрах к юго-западу расположены исключительные по богатству месторождения эль-хадр, особенно в равнине Гафдара. К северу от караванного пути Багдад — Мосул расположены обильные источники Керкука. Здесь, на склоне невысокой горы, в долине, расположено не менее 10-ти нефтяных источников Баба Гургур, известных в древности. Весьма обильные источники используются туземцами близ Туз-Хурмати *). По приблизительным подсчетам английского

*) См. статью А. Сакетти: „Борьба за нефть в Передней Азии“ (жур. „Новый Восток“, № 4), представляющую краткое изложение книги W. Schweer: Der Tigrisch-persische Erdölvorkommen. 1919.

нефтяного департамента общая площадь нефтяного района равна 26.000 кв. миль. Многие из этих источников были известны в глубокой древности. Сведения о них мы получаем от старинных путешественников — Марко Поло, Шардена и др. С середины прошлого века мы имеем уже научные описания нефтяных богатств Месопотамии. В 60-х годах они были, по поручению турецкого правительства, обследованы Мейснером, а затем и другими учеными и путешественниками. С 90 г.г., в связи с увлечением Багдадским ж.-д. проектом, мы находим восторженные и необычайно преувеличенные отзывы о Месопотамской нефти у П. Рорбаха, Фреха и у др. апостолов пангерманизма. Во время войны, по просьбе турок, была отправлена австрийская экспедиция, достигшая крупных научных и практических результатов.

Благодаря малой изученности Месопотамской нефти, сказать о ней что-либо определенное сейчас чрезвычайно трудно. Наряду с восторженными отзывами, мы наблюдаем, поэтому, и довольно скептические суждения. На основании имеющихся данных, мы можем установить, что геологические условия благоприятны для присутствия нефти. Однако, добыча эксплуатируемых туземцами колодцев довольно невелика. Самый большой суточный дебет источника равняется 1000 клгр., обычно же он не превышает 150—200 граммов. Эта весьма умеренная добыча нефти, конечно, не является показателем особого богатства залежей. Однако, окончательно решить вопрос может здесь лишь надлежащим образом организованное пробное бурение.

При отсутствии сколько-нибудь точных данных о нефтяных находениях Мосула, тем ярче проявляется авантюризм политики великих держав, готовых пойти на любой конфликт, на любую военно-политическую авантюру, во имя совершенно проблематической нефти.

Но огромное значение Мосульского района совершенно не исчерпывается его нефтяными «богатствами». Мосульский вилайет даже в теперешнем запущенном состоянии является одной из богатейших провинций Месопотамии. Благодаря хорошему осадкам и плодородию долин, он прекрасно приспособлен для земледелия. В 1905 г. вилайет произвел 134 мил. клгр. пшеницы, 73 мил. клгр. ячменя и 175.000 клгр. риса *). Правильно организованное орошение, а также древонасаждений, могли бы во много раз увеличить культурную площадь. Благодаря обилию горных пастбищ, скотоводство в Мосульском вилайете достигло чрезвычайно крупных размеров: в 1906 г. насчитывалось всего 2½ милл. голов крупного и мелкого скота. Немудрено, что англичане стремятся включить Мосульский район в состав Ирака, утверждая, что экономически он всегда был связан с торговыми центрами последнего.

---

*) Подробности см. В. А. Гурко-Крякин: „Национально-освободительное движение на Бл. Востоке“. М. 1923.—Глава о Месопотамии.

Пожалуй, еще более значительным является политико-стратегическое значение Мосула. Караванные дороги из Малой Азии и Армении через плато Эрзерум—Битлис—Ван в Багдад и Тавриз, тропы мулов через цепи Загроша—все они

пересекают район Мосула. Особенно важным пунктом в этом отношении является г. Ревандуз, где пересекаются 4 дороги: первая—ведущая на север к Вану, вторая—на запад к Мосулу, третья—на юг к Сулеймание и оттуда в Южную Персию и, наконец, четвертая—к персидской границе, к Соудж-Булаку, Урмии и Тавризу. Турция, лишившаяся Мосульского вилайета, таким образом, будет почти совсем отрезана от Персии и экономически попадет в зависимость от Ирака, иными словами, от Англии *).

Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в огромном стратегическом значении Мосульского района. Он представляет переход от Месопотамской низмен-

*) Главный путь из Турции в Сев. Персию, пригодный для колесного сообщения, идет от г. Вава к Тавризу. Дороги, пересекающие район Мосула, имеют, гл. обр., стратегическое значение.

ности к горным массивам Курдистана, охватывающим его с севера и с востока. Не владея этим естественным горным барьером, королевство Ирака всегда открыто для нападения со стороны Турции. Горная цепь, окаймляющая с севера долину Амадиа, населенную дружественными англичанам горцами айсорами, является стратегически обоснованной границей Месопотамии. И здесь перво-степенное значение имеет Ревандуз, защищающий узкое, трудно-проходимое, ущелье (ок 10 миль длины), открывающее доступ с севера и с северо-востока к Мосулу. Естественные условия здесь настолько благоприятны, что небольшой отряд может защищать это знаменитое ущелье от нападения целой армии.

Стремясь к получению во что бы то ни стало Мосульского вилайета, англичане отнюдь не исходят от одного лишь желания обеспечить себя от турецкой опасности. Их планы отличаются гораздо более широким размахом. По утверждению «Таймса», которое стоит привести целиком, «именно здесь морская империя входит в прямое соприкосновение с великой полуазиатской сухопутной империей. Ревандуз был последовательно занят русскими и английскими войсками; горы Ревандуза, подобно Памирам, образуют водораздел между двумя сферами влияния»... Морская империя, ищущая сильного барьера для охраны арабской федерации, должна неизбежно оказывать поддержку курдам. Также будет поступать и северный медведь, если он будет попрежнему стремиться к теплему морю» *). Как мы видим, английский империализм является необычайно предусмотрительным. Решив захватить нефтяные источники Мосула, ценой какой угодно политической авантюры, он для обработки общественного мнения воскрешает старый призрак русского империализма. Расходуя миллионы фунтов на «обработку» курдских вождей, он предпочитает при этом исходить не из реальной, но мало импозантной «турецкой опасности», а из гораздо более эффективной, пусть даже не существующей, русской опасности.

§ 4. АНГЛИЯ, ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И МОСУЛ.

Происходящая в течение 10 лет упорная военно-дипломатическая борьба за Мосул имеет несколько последовательных стадий. Инициативная роль в этом вопросе почти непрерывно принадлежит Англии. Четыре раза английский атлет выступал на арену для состязания с другими великодержавными борцами, и каждый раз одерживал более или менее решительную победу.

Первая схватка из-за месопотамской нефти разыгралась между Англией и Германией. Знаменитый «Немецкий банк», одновременно с концессией на Багдадскую жел. дор., приобрел также право на разработку минеральных богатств, согласно

*) „The Future of Mossul“. Статья в Times от 11/XII—1923 г.

неопубликованного соглашения. Английские компании, главным образом, работающая по соседству с Месопотамией Англо-персидская К-о, тотчас же вступили в борьбу с немцами. В результате продолжительных переговоров состоялась сделка по этому вопросу, составившая часть англо-германского соглашения 1914 г. о Багдадской жел. дор., о судоходстве по Тигру и Евфрату и по другим спорным вопросам. Для эксплуатации месопотамской нефти была образована «Турецкая нефтяная К-о» (Türkisch Petroleum), 75% акций которой принадлежали англичанам и 25% — немцам. Концессия, испрашиваемая этой компанией, была одобрена турецким министерством финансов, но начавшаяся вскоре война помешала ратификации ее парламентом.

Мировая война означала новую фазу состязания за месопотамскую нефть. Теперь на арене оказалась новая пара борцов: Англия и Россия. Последняя, вступив в войну с Турцией, как известно, домогалась Константинополя с проливами и Турецкой Армении. Однако, в 1916—17 г.г. кавказская армия ведет успешное наступление в месопотамском направлении, одновременно со стороны Муша и Битлиса и через территории Персии. Захватив Ревандуз и Каср-и-Ширин, русские войска угрожали и Мосулу, и Багдаду.

Внезапно появившаяся русская опасность заставила Англию принять меры самообороны, как дипломатического, так и чисто военного характера. Чтобы ликвидировать возможные притязания России на Мосул, она торопится заключить соглашение с Францией о разделе Азиатской Турции; по так называемому, соглашению Сайкс—Пико *) Мосульский вилайет входил в зону, предназначенную для образования самостоятельного арабского государства или федерации таковых. Северная часть зоны (с Мосулом) входила в сферу влияния Франции, которая приобретала здесь преобладающие экономические и политические права (назначение советников, устройство займов и т. п.).

Не ограничиваясь этой двойной арабско-французской страховкой месульской нефти, англичане принимают меры чисто военной защиты ее. С начала 1917 г. они предпринимает энергичное наступление в Месопотамии, приводящее их скоро в Багдад и в Самарру. В марте 1917 г. произошло знаменательное соединение русских и английских передовых отрядов в Кизиль Робаате (на главном пути из Персии в Багдад). Однако, начавшееся разложение русской армии скоро аннулировало все эти успехи, достигнутые в Месопотамии. Русская армия откатилась к границам Закавказья, англичане же прекратили наступление и получили Мосул от турок по договору о перемирии (1918 г.).

После окончания мировой войны начинается третья стадия борьбы за нефть, в которой ожесточенным конкурентом Англии является Франция. Захватив всю

---

*) См. выше главу „Раздел Азиатской Турции“.

Месопотамию, англичане вовсе не были склонны выполнять некоторые пункты соглашения 1916 г., как мы видели, в значительной степени обусловленного угрозой со стороны царской России. Борьба за нефть носила, как известно, чрезвычайно острый характер и привела к падению неуступчивого Клемансо. В конце концов, удалось достигнуть соглашения, по которому Франция получала Сирию и Киликию с Александреттой, англичане взамен удерживали за собой Мосульский вилайет.

Выше уже отмечалось, что по конвенции, заключенной в Сан-Ремо (апрель 1920 г.), Франция получала 25% всей необработанной нефти, добываемой правительством; в случае разработки нефти частной компанией, Франция получала 25% всех ее акций *). Взамен она давала согласие на устройство двух нефтепроводов и жел. дороги в отведенной ей зоне, соглашалась установить беспощадный провоз нефти и, наконец, обязывалась оказывать помощь для оборудования тех портов Средиземного моря, где будут кончаться нефтепроводы **). В территориальном отношении, как мы видим, Франция была совершенно вытеснена из Месопотамии.

После этого начинается четвертая, и самая тяжелая для англичан, фаза борьбы из-за Мосула, продолжающаяся вплоть до настоящего времени. Англичанам приходится иметь теперь дело одновременно с двумя противниками: турками и американцами.

Анатолийские националисты, понимая не хуже англичан несравненные экономические и политико-стратегические преимущества Мосула, всегда категорически требовали сохранения его за Турцией. В составе Ангорского меджлиса находилось даже несколько депутатов из трех северных округов Месопотамии, избранных еще до войны или же делегированных туркофильскими группами населения. Национальный Обет определенно требовал включения Мосульского района в территорию Турции.

Благодаря этим обстоятельствам, англичанам, начиная с 1919 г., приходилось вести упорную борьбу с турецкими партизанскими отрядами, опиравшимися на курдские племена, беспрестанно переходящими то на одну, то на другую сторону. Во время большого восстания арабов против англичан турецко-курдские отряды, оперировавшие в Сев. Месопотамии, захватили такие важные пункты, как Керкук, Ревандуз и серьезно угрожали Мосулу. В течение всего 1922 г. этот стратегический узел всей Сев. Месопотамии оставался в руках турок, которые сделали его центром для анти-британской пропаганды, а также базой для налетов вглубь страны.

*) Остальные акции *Türkisch Petroleum* распределены между *Anglo-Persian oil Co* (50 %) и *Royal Dutch Shell* (25 %).

**) Подробности см. В. Гурко—Крижин. Указ. соч., стр. 88—90.

Не будучи в силах бороться одними лишь собственными силами в этой исключительно гористой стране, вдобавок чрезвычайно отдаленной от всех баз снабжения, англичане прибегают к своему излюбленному средству: использованию различных групп населения для борьбы против турок.

Первыми попадают в сферу английского влияния айсоры (ассиро-халдейцы), составляющие значительный элемент населения Сев. Месопотамии и особенно Мосульского вилайета *). Это небольшое воинственное племя горцев-христиан было цинично спровоцировано союзниками (Россией и Англией), втянувшими их в мировую войну, а затем оставившими на произвол судьбы **). Восставшие против турок, от которых они всегда терпели притеснения, айсоры Хезкари и Урмии не получили обещанной им поддержки русско-английских войск, и в течение 3-х лет принуждены были вести героическую оборону против турок и курдов. В результате этой непосильной борьбы, племя айсор сократилось равно наполовину, потеряв 275.000 зарезанными и павшими на поле битвы.

После окончания мировой войны, англичане также умело используют айсор в борьбе против турок, как и во время ее. Когда (летом 1918 г.) сопротивление айсор было сломлено, они направили поток беженцев в Месопотамию, главным образом, для заселения бесплодных районов Мосульского вилайета. Чтобы осуществить эту задачу, они прибегли к из ряду вон выходящим циничным приемам. Часть айсор решила возвратиться на родину в Персию (в район Урмии). И вот, чтобы заставить их вернуться назад, а также для напугивания остальных, англичане командируют в Урмию своего политического агента кап. Хирта, который разжигает национальный антагонизм и натравливает на айсор местное персидское население.

Помимо заселения айсорами Мосульского вилайета, англичане стремятся использовать их для военной защиты последнего. Для этого они формируют, главным образом, из турецких айсор несколько батальонов (всего около 6000 чел.), которые, по признанию самих же англичан, оказывают им неоценимую услугу, защищая северные горные подступы к Мосулу. Айсорская интеллигенция до сих пор целиком ориентируется на англичан. На Лозаннской конференции «Национальным ассиро-халдейским комитетом» было представлено несколько меморандумов, в которых он протестует против передачи Мосульского вилайета туркам или арабам и требует создания автономного ассиро-курдского государства. «Если территория Мосула останется под властью Ирака, указывают они, то шесть тысяч ассирийских солдат, которые ныне защищают его, не желая служить иностранному господину и чужому делу, вторично уже не поступят на службу,

*) Айсоры-горцы заселяют, по преимуществу, следующие районы: Синджарские горы, Мосульскую долину и самый город, Горные районы к сев. вост. вплоть до персидской границы (Ревандуз, Эрбиль и т. д.).

***) Подробности жуткой трагедии ассиро-халдейского народа см. в статье Думбиса. „Айсоры“. Жур. „Новый Восток“, № 3.

и тогда северные границы Месопотамии будут открыты со всех сторон неприятельскому нападению». Кто от этого больше всего потеряет? По мнению авторов меморандума, — Великобритания. «Если эта территория останется во власти арабов Ирака, от Великобритании потребуются крупная поддержка, потому что это самое уязвимое место Месопотамии; это обстоятельство значительно отяготит британский бюджет, уже столь обремененный».

Что касается до массы айсорского населения, то она также ориентируется на англичан, ибо прекрасно знает, что, в случае передачи Мосульской территории шовинистически настроенным туркам, айсорам придется или бежать, или подвергнуться на этот раз полному уничтожению.

В дальнейшем мы увидим, какую роль играют эти настроения айсорской интеллигенции и народных масс в сложной игре английской дипломатии.

Но ставка на айсор является для англичан явно недостаточной, в виду хотя бы крайней малочисленности их. В виду этого неудивительно, что англичане главным рычагом своей политики в Сев. Месопотамии пытаются сделать курдов, составляющих основное ядро местного населения.

Курды, до сих пор живущие в условиях полуфеодального—полупатриархального быта, играли во время мировой войны ту же роль, которая им принадлежала во всех без исключения предыдущих войнах на турецко-кавказской границе. Ненавидя турок, практикующих исключительно методы насилия для подчинения их, они легко переходили на сторону англичан и русских, в особенности, после получения соответствующих «субсидий». Однако, при каждой неудаче союзников, они с необычайной легкостью переходили на сторону турок, предаваясь отчаянным грабежам и мародерству.

Тотчас же после окончания мировой войны англичане принимаются за энергичную обработку курдской интеллигенции и аристократии, прививая им идею национальной автономии, которая, в условиях племенного раздробления и необычайной отсталости социальных форм, почти полностью отсутствовала среди курдов.

В Константинополе организуется несколько младо-курдских комитетов, одновременно в самом Курдистане английские агенты (особенно м-р Сооп) агитируют среди вождей; издают газеты на курдском языке *) и т. п.

События в Сев. Месопотамии носят, вследствие уже указанных причин, чрезвычайно запутанный характер. Влиятельные вожди, вроде Измаил Ага Симжо, Абдул Кадера, Шейха Махмуда и др., опираясь на английскую поддержку, от времени до времени объявляют о создании «независимого Курдистана», иногда даже присваивают себе имя «маликов», т. е. королей. Благодаря разделяющей

*) Очерк курдского движения, к сожалению, в слишком суммарном виде, дан в статье Лахути: «Курдистан и курды». Ж. «Новый Восток», № 4. См. также В. Гурко—Кряжин. Указ. соч., § 11. Политическое положение королевства Ирака, стр. 108—111.

ориентируются на Турцию, при чем в числе их находится и пресловутый Ага Измаил Симко, еще недавно, по поручению англичан, создававший из частей персидской и турецкой территории «независимый Курдистан». В Южном Курдистане (иначе Сев. Месопотамии) существуют сейчас две группировки. В районе Сулейманше засел шейх Махмуд, еще недавно (в конце 1922 г.) коронованный англичанами в повелители всего Курдистана (Малек о Курдестан). Сейчас он поддерживает оживленные сношения с турками и будирует против англичан. Однако, последние спокойно выжидают момента, «когда истощатся его средства, после чего можно будет легко разрешить эту маленькую проблему» («Times» 1/XII, 1923 г.). Вторая группа курдов, англофильская, возглавляемая Сейдом Таха, занимает стратегический центр страны — Ревандуз, вместе с британским отрядом. Впрочем, сами же англичане весьма скептически относятся к лояльности своих сегодняшних клиентов и заявляют, что «Сейд Таха и его друзья примут тот образ действий, который будет показан обстоятельствами». Что касается до турок, то они после потери Ревандуза занимают выжидательную позицию; они стараются упрочить свое влияние среди курдских вождей, в то же время концентрируя войска и боевое снаряжение на границах Сев. Месопотамии.

Как мы видим, политическая конъюнктура в Сев. Месопотамии, действительно, является крайне сложной. Опираясь одновременно на айсор и на отдельные группы курдов, англичанам удастся пока сохранять барьер, защищающий Мосульскую нефть от турок. Однако, их попытки оформить это шаткое положение вещей, путем создания буферного государства, пока оканчиваются неудачно и нет никаких данных ожидать, что они увенчаются успехом, по крайней мере, в ближайшее время. На Лозаннской конференции англичане побудили айсор требовать создания курдо-ассиро-халдейского автономного государства, которое вступило бы в конфедеративную связь с Ираком. Но для практического осуществления этого плана курды, как мы видели, оказываются слишком неподатливым материалом, предпочитая по несколько раз в году менять «ориентации», получая взамен от обеих враждующих сторон податки и занимаясь обычными грабежами и вымогательствами.

На Лозаннской конференции борьба за Мосульскую нефть стала для Англии особенно тяжелой, так как появился новый могучий претендент — Соединенные Штаты. Последние давно интересовались месопотамской нефтью. Еще до младотурецкого переворота, адмирал Честер, как уже отмечалось, вел переговоры о получении различных концессий, в том числе и на разработку турецкой нефти. Как мы уже видели, с образованием *Türkisch Petroleum*, в особенности после заключения соглашения о нефти в Сан-Ремо, американцы оказались совершенно вытесненными из Месопотамии. На неоднократные протесты их, лорд Керзон неизменно отвечал, что концессии на месопотамскую нефть были получены англичанами

накануне мировой войны, а поэтому не подлежат никакому пересмотру. В лихорадочной обстановке, предшествовавшей Лозаннской конференции, Англия принуждена была, однако, пойти в этом вопросе на серьезные уступки. Она согласилась изменить конвенцию, заключенную в Сан-Ремо, и обещала уступить американцам 20% мессопотамской нефти.

На Лозаннской конференции вопрос о нефти играл огромнейшую роль, хотя и не отразившись ни в одном из официальных протоколов. Сехавшиеся в Лозанну представители различных трестов (вроде сенатора Гамильтона Леви, защищавшего интересы Standard Oil, Честера и др.) начали ожесточенный закулисный торг одновременно с англичанами и с турками. На одном из первых заседаний американский «наблюдатель» Чайльд прочел декларацию, в которой указывалось, что соглашение 1920 г. о мосульской нефти «не отвечает требованиям экономического равенства и противоречит принципу открытых дверей». Есть основание предполагать, что американцы за кулисами конференции требовали для себя равной доли, т.е. 33% мосульской нефти... Необычайно характерно, что группа американских капиталистов, делегировавшая своих представителей в Лозанну, выступала от имени 22 наследников Абдул Гамида, доказывавших, что мосульские нефтеносные территории были приобретены на собственные средства Абдул Гамидом, а потому составили его личную собственность, подлежащую передаче по наследству. Предприимчивые американские делцы потерпели здесь, однако, фиаско: турецкий суд признал юридически необоснованными притязания родственников «кровавого султана».

В связи со смягчением англо-американского нефтяного соперничества, наблюдаемого со времени Вашингтонской конференции а также в результате уступок, сделанных англичанами, американские представители в Лозанне оказывали в вопросе о Мосуле систематическую поддержку Англии, подавая турецкой делегации советы «умеренности». Одновременно с этим, впрочем, Соединенные Штаты пытаются самостоятельно пробиться к мосульской нефти, мшируя все концессии, которые уже были приобретены на них англичанами. Именно такой смысл имела, как мы увидим далее, концессия Честера, вызвавшая на конференции эффект разорвавшейся бомбы.

Необычайно усложнившаяся борьба вокруг мосульской нефти, в которую оказались втянутыми решительно все державы, побуждает Англию до открытия конференции выключить из повестки ее работ вопрос о Мосуле. В обмен за всякого рода компенсации она заручается соответствующим согласием Франции и Италии. Однако, турки вовсе не намеревались отказаться от притязаний на Мосул, выразивших свое выражение в Национальном Обете. На конференции они требуют возвращения Мосульского района (в дек. 1922 г.) на том основании, что население его не состоит из арабов и отнюдь не относится враждебно к турецкой власти.

Английская делегация сначала пытается опровергнуть турецкие притязания путем детальных «объективных» аргументов. В длинной ноте она указывает, что Мосул экономически тяготеет к Месопотамии, что турки составляют лишь $\frac{1}{12}$ часть населения его, арабы $\frac{3}{12}$ и, наконец, курды, протестующие против турецкой власти, $\frac{6}{12}$ и т. п. На новые настойчивые представления турецкой делегации Керзон отвечает, что вопрос о Мосуле должен быть решен в результате непосредственных переговоров между Турцией и королевством Ирака. Скоро, впрочем, он отбрасывает этот чисто фиктивный аргумент в сторону и твердо и определенно заявляет, что Англия Мосула ни в коем случае не вернет. Благодаря неуступчивости обеих сторон, переговоры экспертов по мосульскому вопросу оказались совершенно безрезультатными. Лозаннский трактат, в сущности, лишь зафиксировал это неопределенное положение вещей и отсрочил его окончательное решение. Было постановлено, что «граница между Турцией и Ираком будет дружески определена Турцией и Великобританией в течение 9 месяцев. При невозможности для двух правительств прийти к соглашению в указанный срок, вопрос передается на разрешение Совета Лиги Наций. Турецкое и британское правительства взаимно обязуются до принятия решения о границе не производить никаких военных перемещений, вообще ничего, что могло бы внести изменения в существующее положение тех территорий, окончательная судьба которых зависит от указанного решения» (§ 3, 2).

Как мы видим, на конференции сложная проблема Мосула осталась неразрешенной. При желании, мы можем видеть здесь либо победу английской дипломатии, передавшей разрешение мосульского спора Лиге Наций (т. е. послушному инструменту той же Англии), либо победу турок, выгадывающих, благодаря отсрочке решения, время для военной подготовки на границах Сев. Месопотамии. Неоспоримым остается одно: вопрос о Мосуле — эта сложнейшая проблема мирового империализма, не могла быть разрешена чисто дипломатическим путем.

В 1924 г., после долгих проволочек, споров из-за того, где должна происходить конференция по Мосульскому вопросу, последняя открылась в Константинополе. Английская делегация, возглавляемая создателем королевства Ирака Перси Коксом, заняла совершенно непримиримую позицию. Она не только отказалась эвакуировать Мосул, но выставила даже притязания на смежные районы, входящие в турецкий санджак Хаккиари. Правда, взамен оставления в своих руках Мосульского вилайета, она шла на некоторые компенсации. Так, по слухам, англичане обещали предоставить Турции заем, принять на себя падающую на Ирак часть Османского долга, оказать поддержку Турции в вопросе о способе оплаты купонов Османского долга, в определении Сирийской границы и т. п.

Что касается до турок, то они не менее решительно требовали оставления Мосула за Турцией и установления естественных границ с Месопотамией, придерживаясь полностью той точки зрения, которую развивал на Лозаннской конференции Исмет Паша.

Неуступчивость англичан в вопросе о Мосуле совершенно понятна. Согласно Лозаннского трактата, в случае безуспешности непосредственных переговоров между Англией и Турцией по Мосульскому вопросу последний должен быть передан на разрешение Лиги Наций, являющейся, как известно, послушным инструментом в руках Англии.

Вступив в переговоры, англичане выполняли, поэтому, в сущности лишь необходимую дипломатическую формальность, не имеющую никакого реально-политического значения. Недаром, как только обнаружилась позиция турецкой делегации, англичане поспешили ликвидировать конференцию, заявив о передаче вопроса о Мосуле на арбитраж Лиги Наций.

Отмечу кстати, что с целью усилить свое положение англичане, почти одновременно с Константинопольской конференцией, угрозами заставили Народное Собрание Ирака ратифицировать заключенное в 1922 г. соглашение (10 июня 1924 г.), устанавливавшее неофициальный протекторат Англии над этой страной. Приняв, с протестующими оговорками этот договор, Народное Собрание Ирака вместе с тем подтвердило, что договор потеряет свою силу, если Англия перестанет защищать права Ирака на Мосульский вилайет. Что касается до отношения других держав, то нейтралитет Франции, имеющей массу осложнений с Турцией, был заранее обеспечен: Италия же весьма «кстати», как раз в момент конференции, произвела концентрацию сил на Родосе, вызвавшую сильную тревогу в Турции.

Последней ничего не оставалось, как резко протестовать против тактики англичан, проводящих при рабочем правительстве ту же империалистическую политику, как при Керзоне и консерваторах. Предложение английской делегации передать конфликт на разрешение Лиги Наций—было турецким правительством отклонено на том основании, что в своих территориальных притязаниях англичане вышли за рамки, намеченные в Лозанне. Ввиду этого, вопрос об арбитраже Лиги Наций, по мнению турок, может быть решен только путем новых непосредственных переговоров между обеими сторонами.

Как мы видим, проблема Мосула сулит новые серьезнейшие осложнения на Ближнем Востоке. Можно без преувеличения сказать, что она является сейчас таким же ключом ко всей ближневосточной политике Англии, каким еще недавно был вопрос о Константинополе и проливах.

§ 5. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ КОНЦЕССИИ В ВОСТОЧНОЙ АНАТОЛИИ. КОНЦЕССИЯ ЧЕСТЕРА.

При взгляде на карту Анатолии мы можем сделать следующее интересное наблюдение: немногочисленные железнодорожные пути, которыми располагает эта

страна, все сконцентрированы в ее западной и южной частях. Лишь одна жел.-дор. колея, идущая от Мраморного моря до Ангоры, воззается вглубь страны, но, достигнув этого пункта, неожиданно обрывается. Произошло это, конечно, не случайно. В период ожесточенных столкновений из-за начатой немцами Багдадской жел. дор., царская Россия, испугавшись, что она создаст стратегическую угрозу для Закавказья, забаррикадировала для жел.-дор. строительства всю Восточную Анатолию *). В 1900 г. русский посланник в Константинополе, Зиновьев, навязывает Турции соглашение, по которому она обязуется не допускать сооружения какой-либо третьей державой жел. дор. в Эрзерумском и Трапезундском вилайетатах. Право сооружения жел. дор. в этом районе было предоставлено одной лишь России, которая воспользовалась им для того, чтобы в течение 15 лет не построить ни одного километра пути. В Сивасском вилайете Турция имела право сооружать жел. дор. лишь собственными средствами, без помощи какой-либо третьей державы.

Вся Восточная Анатолия, таким образом, оказалась забаррикадированной для немецкого жел.-дор. строительства, благодаря чему Багдадская дорога принуждена была изменить свое первоначальное восточное направление и поползла на юго-восток, через Конию и Киликию. Соглашение 1900 г., буквально вырванное у Турции царской Россией, оказалось, однако, не жизненным. Багдадская жел. дор. вызвала необычайный интерес у европейских капиталистов к турецкому жел.-дор. строительству, интерес, форсируемый из всех сил европейскими правительствами, выдавшими здесь великолепное орудие для борьбы с бурным немецким проникновением на Восток.

Уже в 1908 г. американский адмирал А. Честер нащупывает в Константинополе почву для получения концессии на сооружение сети жел. дор. в Восточной Анатолии, с правом эксплуатации рудников и нефтяных находений. Честер встречает поддержку со стороны президента Рузвельта, английского посла в Константинополе Картера и привлекает к участию в концессии мощную Нью-Йоркскую Торговую Палату (New-York Chamber of Commerce). В 1911 г. эта первая честерская концессия была подписана турецким министром общественных работ и представлена на утверждение парламента. Дело на этом, однако, так и застряло, ибо американцы нашли сильного соперника в лице французов.

Французские металлургические тресты, как всегда, инспирирующие правительство, выставляют план борьбы с преобладающим финансово-политическим влиянием Германии в Турции, путем широкого жел.-дор. строительства в Восточной Анатолии. План этот создавал противовес Багдадской жел. дор. и приводил к заключению франко-турецкого соглашения. Проект французской концессии на устройство жел. дор. в Северо-Восточной Анатолии был подписан турецким министром обще-

*) Подробная картина борьбы за Багдадскую ж. д. дана М. Павловичем „Борьба за Азию и Африку“. М. 1923.

ственных работ, но утверждение его замедлилось, вследствие упорного сопротивления царского правительства, защищавшего соглашение 1900 г. Французским металлургам и их правительственным агентам стоило чрезвычайно много усилий, чтобы побудить русское правительство к уступчивости. Пуанкаре во время своего

СХЕМА ВЗЯТА ИЗ „Bollettino del Lloyd Triestino“ 1923г. № 5.

пребывания в Петербурге угрожал Сазонову, что, в случае противодействия своей союзнице, России все равно придется столкнуться у границ Закавказья с гораздо более опасным противником в лице Америки. Вынужденная, в конце-концов, отступить, Россия настояла лишь на том, чтобы запретная зона была поделена на две части: на запад и на восток от Эрзерума. Соглашаясь на французское жел.-дор. строительство в западной части, Россия требовала, чтобы в восточной части применялось во всей силе соглашение 1900 года.

В начале 1914 года, за несколько месяцев до мировой войны, французскому обществу Régie générale des chemins de fer et des travaux publics была дана окончательная концессия на постройку 5 железнодорожных линий в Северо-Восточной

Анатолии *), причем концессия была скреплена подписью члена французского правительства, Думерга. Концессия не ограничилась, однако, этой жел.-дор. сетью в 2.100 километров; французы получали право на постройку 2-х портов в Северной Анатолии: в Гераклее и Инеболи, и 3-х портов в Сирии: в Яффе, Кайфе и Триполи.

Взамен этой огромной концессии, мало в чем уступавшей пресловутой Багдадской, французы пошли на ряд уступок по отношению к Турции. Они разрешили туркам ввести специальные пошлины и некоторые монополии: на папиросную бумагу, спички, нефть, сахар и игральные карты. Кроме того, они согласились на упразднение иностранных почт и обещали поддержать ходатайство Турции о повышении таможенных пошлин **).

Соглашаясь на все эти уступки, Франция, конечно, отнюдь не руководствовалась бескорыстным желанием улучшить финансовое положение Турции. Главной компенсацией, предоставленной ею Турции, было открытие займа в 800 миллионов франков. Все перечисленные новые сборы и налоги должны были дать турецкой казне около 60 мил. франков годового дохода, который и предназначался на уплату процентов по новому займу ***). Франция успела даже выдать Турции 500 мил. франков в счет займа и начать работы на первом концессионном участке Самсун-Сивас, но начавшаяся мировая война прервала все работы и фактически ликвидировала концессию.

После окончания мировой войны для железнодорожного строительства в Анатолии сложилась совершенно новая ситуация. Франция, истощенная беспримерной борьбой, конечно, абсолютно не в состоянии сейчас финансировать такое огромное предприятие, как полученная ею в 1914 году концессия. Очень характерно, что она не включила в Севрский мирный договор обязательства считать эту концессию сохранившей свою силу для обеих сторон ****). Ведь, несомненно, что если бы Турция попросила французов приступить к железнодорожным работам в наме-

*) Французы получили право на постройку следующих ж. д. линий: 1) Самсун-Сивас, 2) Сивас-Харгут-Аргана, 3) Аргана-Битлис-Ван, 4) Самсун-Гераклея-Болу 5) Чарлак-Эрзинган. В концессии была предусмотрена также возможность постройки линии Эрзинган-Эрзерум-Трапезунд.

***) Франция посоветовала, кроме того, Турции распространить на иностранцев налог на патенты и на движимое имущество, ввести городские и почтовые налоги. См. интересную статью Ю. Чезари. „Малая Азия и ее будущее“—в *Bolletino mensile del Lloyd Trestino*. № 5. 1923 г.

****) Для бесцеремонного хозяйничанья западных держав в Турции до войны необычайно характерно, что Франция точно определила, как нужно распорядиться восьмисотмиллионным займом: из первой части (500 миллионов) ни одного франка не разрешалось истратить на военные расходы; деньги должны были пойти на уплату жалования чиновникам, на ликвидацию необеспеченного долга и на разработку плана железной дороги в Армении (10 миллионов); из второй части (300 миллионов), которую Франция собиралась уплатить в декабре 1914 года, часть (120 миллионов) предназначалась на общественные работы.

*****) Лозанский трактат оговаривает права Турции заменить концессию на ж. д. Самсун—Сивас—другой равноценной концессией.

ченном масштабе, то они, за отсутствием средств, все равно должны были бы отказаться. Недаром в ВНСТ Велиб-бей совершенно основательно указывал:

«Все, и лучше всех Франция, знают, что в настоящее время не найдется ни одного французского капиталиста, который мог бы, например, немедленно выстроить линию Самсун — Сивас». И Велиб-бей прибавляет со злородством:

«Не думаю, чтобы французы, встречающие затруднения для восстановления собственной страны, разоренной войной, нашли бы деньги для восстановления Турции... Американцы, — это другое дело...».

**

Вполне естественно, что после вынужденного ухода французского конкурента, на сцену снова выступают американцы.

Уже в эпоху «первой честеровской концессии», в Америке было организовано (в 1909 г.) «Оттоманско-Американская К^о» (Ottoman American Development С^о), которая впоследствии превратилась в Ottoman American Exploration С^о, но при всех этих изменениях не имела самого главного, — солидных фондов. Накануне Лозаннской конференции (в 1922 г.) старая компания вновь оживает, при чем в нее входят две группы предпринимателей: американцы, во главе с Честером, и канадцы, во главе с полк. Клайтоном Кеннеди *).

Вновь, возродившаяся американо-канадская компания начинает хлопотать в Ангоре о получении концессии, которая отличается уже гораздо более широким характером, нежели «первая концессия Честера». Турки пошли с необычайной охотой навстречу американцам; без сколько-нибудь значительных затруднений Честер получил от ангорского правительства свою знаменитую концессию, которая была почти немедленно ратифицирована ВНСТ (9/IV 23 г.), большинством 185 голосов против 21.

В чем же заключался секрет этой уступчивости турок по отношению к притязаниям американцев? Как мы уже неоднократно указывали, национальное движение в Анатолии носит ярко буржуазный характер и выражает стремления нарождающейся турецкой буржуазии к полной эмансипации от почти столетнего гнета европейского капитала. Не будучи в то же время в состоянии обойтись без помощи западного капитала, турки предпочитают обратиться к американцам, которые не преследуют в Турции агрессивных политических целей, и вообще почти совершенно не связаны с предыдущими этапами восточного вопроса. Турки слишком хорошо помнят аннексионистские программы Франции и Англии и поэтому они предпочитают обращаться к финансовой помощи «нейтральной» трансатлантической республики. Мало того, облегчая внедрение американского капитала в Турцию

*) При реконструкции Ottoman American Development С^о, в 1922 г. председателем был избран ген. W. D. Goethals, секретарем А. Barnard (канадец).

с его принципом «свободных дверей», турки, тем самым, аннулируют целый ряд уже унаследованных ими от довоенного периода англо-французских концессий и, в том числе, в первую голову монопольные нефтяные концессии принадлежащие Türkisch Petroleum.

С другой стороны, американский капитал, раньше весьма мало интересовавшийся Турцией, со времени окончания мировой войны, достиг в последней больших успехов. Нижеприводимая табличка дает представление о роли различных держав в торговле Турцией за 9 месяцев 1922 года *):

	Ввоз в Турцию.		Вывоз из Турции.	
	1922.	1921.	1922.	1921.
Соедин. корол.	9.779.109	17.495.269	2.328.186	735.178
Америка	9.724.877	13.168.920	1.817.375	406.935
Италия	5.116.168	9.437.726	1.158.625	602.094
Франция	4.564.983	9.136.079	2.341.581	709.963
Германия	4.242.556	369.219	1.233.188	253.320
Россия	2.545.241	2.686.121	591.026	642.528
Прочие страны	23.368.637	32.964.926	13.784.346	6.490.091
ВСЕГО	59.341.571	85.258.260	23.254.327	9.841.109

Как мы видим, ввоз в Турцию за последний год значительно сократился при сильно возросшем вывозе. Объясняется это тем, что в 1922 г. много товаров, проходящих в Константинополь, поглощались Россией и Балканами. Увеличение же вывоза объясняется: 1) обесценением турецкой валюты, потерявшей за 1922 г. от 15—20% своей ценности, и 2) усилившимся спросом Запада на турецкое сырье (табак, шерсть, опий и т. п.).

Рассматривая табличку, мы видим, что из импортирующих держав Соединенные Штаты потеряли все же меньше других. Объясняется это тем, что, при отсутствии конкуренции со стороны России, американские хлебные фирмы и Standard Oil почти монополизировали ввоз зерна и нефти. Что касается до увеличения американского вывоза, то необходимо указать, что покупателями турецкого табака и шерсти как раз являются, по преимуществу, американцы. Как мы видим, Соединенные Штаты начинают играть крупную роль в экономике Турции. Предоставление им турками концессий имело целью: расширить деятельность американского капитала, до сих пор ограничивавшегося рамками торговли, дав ему новые финансово-предпринимательские задания.

*) Цифры даны в турецких лирах. Табличка так же, как и некоторые приводимые далее данные заимствованы из чрезвычайно содержательной статьи А. Александрова: О роли американского капитала в Турции. „Внешняя торговля“. Ежегод. НКВТ. М. 1924. № 4—5.

Концессия Честера отличается необычайно широким, чисто «американским» размахом и заставляет вспомнить о старинной концессии барона Рейтера в Персии. Концессия состоит из нескольких частей, при чем, по признанию одного из участников ее, из 6 заключенных договоров пока опубликован лишь один, содержащий, вдобавок, предварительные, впоследствии сильно измененные условия*).

Основная и наиболее важная часть концессии относится к постройке сети жел. дорог в Анатолии. Концессионеры взяли на себя обязательство построить следующие линии:

Магистрала.	Срок начала работ после ратификации или оптации концессии.	Срок окончания.
а) Сивас—Харпут—Аргана—Диарбекир—Битлис—Ван	6 мес.	3 года.
б) Харпут—Юмурталик	2 года	7 лет
в) От пункта на линии а,—через Мосул—Керзук—Сулейманне	2 года	7 лет
г) Самсун—Кавза—Амасия—Зиле—Сивас	7 мес.	3 года
д) От пункта на линии г,—через Мусса Кей—Ангора		
е) Чалта—Эрзерум	7 мес.	4 года
ж) От пункта линии е,—до Черного моря		

Общее протяжение всех намеченных линий равняется, приблизительно, 4.300 километр. Помимо этого, концессия предусматривает сооружение больших портов в Юмурталике—на Средиземном море, и Самсуне—на Черном море. В течение семи лет концессионеры имеют право приобрести концессии на сооружение следующих 5 линий:

- а) Эрзерум—Баязет;
- б) Сивас—Кайсария;
- в) Хаджи Чифсатли (на линии Ангора—Мусса Кей)—Кайсария;
- г) Кайсария—Улу Кишла (Киликия).

Чтобы облегчить американцам осуществление этого грандиозного строительного плана, концессия предоставляет им совершенно необычайные привилегии. Они получают право пользоваться водяной энергией для электрических установок, строить нефтепроводы, проводить по всем направлениям соединительные железнодорожные ветки и продолжения магистралей, устраивать вдоль них

*) В изложении содержания концессии я следую официальному тексту, опубликованному в ж. „L'Europe Nouvelle“. 1923. 12/V.

собственные телеграфы и телефоны, ввозить из-за границы беспошлинно материалы, машины, уголь и т. п. (§§ 19, 18, 31, 28, 10).

Самая же существенная привилегия, предоставляемая концессией, заключалась в монопольном праве эксплуатации всех минеральных богатств, в 20-километровой зоне по обе стороны железнодорожной колеи. Руды, минералы, минеральные масла, и воды, открытые самими концессионерами или третьими лицами *), эксплуатируемые государством или покинутые своими владельцами, все без исключения переходят в эксплуатацию американцев (II часть договора). Концессионеры получают также право устраивать заводы для обработки металлов и минералов.

Как мы видим, по своей широте, концессия Честера носит, действительно, из ряда вон выходящий характер **). Если мы нанесем на карту все спроектированные дороги, мы получим густую паутину путей, соединяющих Черное море с Средиземным, Армению и Курдистан — с Черным и Эгейским морями. Сивас превращается в центр огромного железнодорожного узла, от которого дороги расходятся к трем морям и границам Закавказья.

Еще импозантнее представится эта концессия, если мы укажем, что, при проектировании путей, учитывались, главным образом, подпочвенные богатства Азиатской Турции, почти монопольная разработка которых и составляет главную приманку для концессионеров. Действительно, нефть, каменный уголь, железо и медь, свинец, олово и бора Вана и Битлиса, серебряный свинец Кибан Маадена, каменный уголь Джебзирг Омара, нефть огромного, в 600 кв. миль, Беркукского района, — все эти богатства становятся достоянием американской рудокопной лопаты, которая:

«Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь»

в каменную грудь Анатолии и Армении. Помножим 40 километров полосы «экономического отчуждения» на общую длину пути, — мы получим 172.720 кв. килом. Таким образом, ни более, ни менее, как одна шестая часть всей Азиат. Турции, поступает в монопольную всестороннюю эксплуатацию американцев.

Остальные части концессии носят уже второстепенный характер. По одному договору Оттомано-Американское Об-во обязалось доставить из Америки на 500 тыс.

*) Лишь по истечении 21 года, по ратификации концессии, американцы теряют права на руды и минералы, открываемые посторонними лицами (§ 40).

***) Отмечу белло некоторые второстепенные пункты концессии. Продолжительность концессии—99 лет (§ 2). Ottoman American Development Co обязуется в течение 6 месяцев после ратификации договора сконструировать турецкое анонимное Об-во (§ 4). Концессионное Об-во обязано набирать своих служащих и рабочих исключительно из турецких подданных. Лишь высшая администрация и технический состав могут состоять из иностранцев (§ 24). По покрытии всех оперативных расходов акционеры получают 12% дивиденда, остаток делится между турецким правительством (30% и Об-вом (70%) (§ 42). Об-во получает право навигации по озеру Ван (§ 11 дополн. соглашения).

тур. лир. сельскохозяйственных машин в течение 3 месяцев и оборудовать почтовые пункты во всей стране. По другому — американцы брали обязательство превратить Ангору в столицу европейского типа, произведя ряд муниципальных и строительных работ на широкую ногу.

Несмотря на отмеченные общими штрихами, казалось бы необычайно выгодные перспективы, открываемые концессией, мы видим, как в течение последних месяцев она терпит крушение и в настоящее время может считаться ликвидированной. Первые месяцы после заключения концессии сопровождались необычайно шумной, чисто «американской» рекламой, имеющей несомненную целью «подогреть» интерес публики к жиденьким акциям Оттомано-Американской Компании. На страницах газет муссировались слухи, что за спиной об-ва стоят мощные финансовые группы вроде Standard Oil, Мексиканских ж. д. и т. п. Заправила об-ва публиковала отчеты (Reports of Committee), в которых они с цифрами в руках доказывали, что, по крайней мере, 12 крупнейших отраслей американской промышленности получают необычайные выгоды от концессии, почему они и приглашались вложить в предприятие от 20 до 50.000 долларов каждая, получая взамен право назначать своих директоров. Проектировалось создать целых 15 компаний с 210 субсидируемыми филиалами для выполнения всех частей концессии и т. д., и т. д. Весьма скоро, однако, сами заправила концессии перессорились и начали разоблачать истинную сущность ее. Честер, давший свое имя концессии, Шеридан — представитель фирмы Вибере, и некоторые другие вышли совершенно из компании, не согласившись с продажей акций на 1 миллион долларов, на чем настаивали другие, более смелые, директора*). Правительство Соединенных Штатов, которое устами своего «наблюдателя» в Лозанне подчеркивало, что «туда, куда проникает американский капитал, должен проникнуть также и наш флот», теперь всячески отпрещивается от какого бы то ни было участия в концессии.

После этого перессорившиеся концессионеры начали выводить друг друга на чистую воду. Честер поместил в газетах ряд интервью, в которых он обвинял компанию в публикации «фальшивых и тенденциозных данных» и предсказывал «быстрый и позорный крах всей этой авантюры». Один из главных руководителей компании — Барнер, по словам Честера, является авантюристом, арестованным за какие-то махинации; как он, так и Кеннеди, представляют из себя агентов Англии, намеревающихся или забрать концессию в свои руки, или сорвать ее. Концессия, действительно, оказалась «липовой». Договор о поставке сельско-хоз. орудий Кеннеди выполнить к сроку не смог, и потому он был аннулирован. Затем настала очередь для железных дорог: не будучи в состоянии начать к

*) Арбитражная комиссия, созданная для ликвидации конфликтов между Честером и Кеннеди (Канадск. группа), постановила, что Честер и его компаньоны, уходя из Ottoman American Development Co, сохраняют лишь 10% прибыли; канадская группа должна уплатить Честеру в течение 90 дней 300.000 долларов, в случае неисполнения этого — права на концессию остаются за Честером.

сроку работы по проведению ж. д., Кеннеди настойчиво хлопочет перед ангорским правительством об отсрочке начала работ до января 1924 г. Попутно он ведет переговоры, впрочем, безрезультатные, с французами, голландцами и Сливесом о продаже им концессии. Турецкое правительство, разгадав истинный характер этого дутого предприятия, оказывается весьма неподатливым и отказывает в просимой отсрочке. Официальное Анатолийское агентство констатирует, что компания не выполнила всех необходимых приготовлений, не основала анонимного турецкого об-ва и, самое главное, не сумела «подготовить в Америке необходимый капитал для эксплуатации этих предприятий».

Потерпев фиаско, Кеннеди принужден был начать работы на участке Самсун-Сивас, но эти последние носили чисто демонстративный характер: целью их было закрепить за компанией права на концессию и спасти залог в 70 тыс. тур. лпр, внесенный при заключении концессии. Недаром недоверчивое ангорское правительство потребовало недавно у Кеннеди внесения дополнительного залога в 1 милл. тур. лпр.

В чем же причина краха этой блестящей концессии? Главной причиной явилось, несомненно, отсутствие у предприятия сколько-нибудь солидной финансовой поддержки. В самом деле, даже по предварительным исчислениям, все задуманные работы требовали огромных сумм в 5—6 миллиардов франков. При отсутствии километрической гарантии, необходимые средства могли быть получены исключительно путем субсидирования предприятия какими-либо крупными финансовыми или промышленными группами. Но вся сила в том, что в настоящее время, как мы увидим далее, западный капитал с большой осторожностью относится к турецким предприятиям. Политическая неустойчивость, падение турецкой лиры, послевоенное обнищание страны и, главное, отмена капитуляций,—все это настраивает европейско-американский денежный рынок крайне скептически по отношению к турецким предприятиям.

Какова же была истинная подоплека этой концессии, встретившей на первых порах довольно явную поддержку со стороны правительства Соединенных Штатов? Несомненно, что концессия Честера явилась, прежде всего, ловким спекулятивно-биржевым маневром, на котором сильно нажились инициаторы ее. Но концессия имела и огромное политическое значение: настоящей подкладкой ее была нефть. Действительно, взглянув на карту, мы видим, что основная магистраль идет от Сиваса в Армению, Сев. Месопотамию и обхватывает своими стальными шпальцами нефтеносные районы Вана, Мосула, Керкука и Сулеймание. На запад от Харпута магистраль дает два ответвления: одно, идущее на север к Черному морю (Самсун), другое—на юг к Средиземному (Юмурталик). Мы уже отмечали параграфы концессии, предоставлявшие право на эксплуатацию нефти и на прокладку нефтепроводов. По договору, заключенному в Сан-Ремо в 1920 г., английские неф-

тепловоды из Мосула должны были прокладываться по французской территории до Средиземного моря. Франко-турецкий договор 1921 г., отодвигавший значительно на юг турецко-сирийскую границу, ставил английский керосинопровод под серьезную угрозу. По концессии Честера, нефть Сев. Месопотамии текла бы к Средиземному и Черному морям уже по турецкой территории, но в американских нефтепроводах.

Железная дорога от Сев. Месопотамии к Средиземному морю, по мнению *Information d'Orient*, «ничто иное, как огромный сифон, который, глубоко погрузившись в сердце мосульских нефтяных залежей, понесет затем керосин вдоль Тигра и спустит по долине Джихуна до Средиземного моря» (№ 147, от 3/XI 1923 г.).

Теперь мы понимаем роль, сыгранную концессией Честера в той сложной дипломатической борьбе, которая проходила на Лозаннской конференции, и была в значительной степени связана с вопросом о мосульской нефти. Независимо от того, будет ли осуществлена концессия или нет, самый факт утверждения ее турецким правительством уже аннулировал все старые нефтяные концессии, на которых базировалось *Türkisch Petroleum*. На Лозаннской конференции американцы вели определенно двойную игру; с одной стороны, они торговались с англичанами из-за разного участия в *Türkisch Petroleum*, оказывая им взамен некоторую поддержку в вопросе о Мосуле. С другой — путем получения Честеровской концессии, они практически осуществляли принцип «открытых дверей», бесповоротно уничтожавший английскую нефтяную монополию в Месопотамии. Благодаря этому, концессия Честера достигла своей главной цели: она пробила для американского капитала дорогу в Месопотамию и принудила англичан к большей стоворчивости в нефтяных вопросах.

После всего вышесказанного неудивительно, что концессия Честера вызвала буквально перелом в работах Лозаннской конференции.

Больше всего исполошились французы, которых напугали не американские жел.-дор. проекты, а предстоящее проникновение американского капитала в Турцию, подрывающее их финансовую монополию. Понятно, что Франция предприняла энергичные шаги для аннулирования концессии. Представитель ее ген. Пелле протестует от имени правительства против концессии Честера, указывая, что подобная же концессия была, взамен займа, предоставлена Франции в 1914 г. Мало того, французы указывали, что концессия противоречит даже франко-турецкому договору 1921 года, согласно которого право проведения отрезка Багдадской жел. дороги между Бозанти и Низибином, со всеми ответвлениями в Аданском вилайете, принадлежит французам. Протест их, как известно, не имел силы, и лишь еще сильнее обострил франко-турецкие отношения.

Что касается до англичан, то они оказались, как всегда, гораздо хладнокров-

нее растерявшихся французских ростовщиков. Официальное сообщение, сделанное министром иностранных дел, указывает, что Англия не возражает против концессии Честера. Лишь один пункт, как и надо было ожидать, смутил английских империалистов, — это выговоренное американцами право эксплуатировать мосульскую нефть. По замечанию одного английского политического деятеля, этот пункт равносильен тому, как если бы «градоначальник Нью-Йорка подарил кому-либо Лондонскую улицу».

Что касается до английских деловых кругов, то они с большим интересом отнеслись к концессии Честера. Знаменитый Лесли Эркарт (Lesly Urquhart) немедленно вступил в переговоры с Честером, оказавшиеся, впрочем, безрезультатными, повидимому, после того, как выяснился дутый характер концессии.

Концессия Честера, во всяком случае, сыграла на конференции свою политическую роль. Она напугала Англию и Францию и принудила их к большей уступчивости по отношению к турецким и американским требованиям.

§ 6. ЭКОНОМИКА НОВОЙ ТУРЦИИ.

Непрекращающиеся войны, которые пришлось вести Турции в течение почти 12 лет, чрезвычайно тяжело отразились на ее экономическом состоянии. Не говоря об общем обескровлении всей страны, целый ряд районов ее оказался совершенно разрушенным в результате военных операций. Так, Турецкая Армения была буквально разгромлена русскими и турецкими войсками во время кампании 1915—1917 г.г., Киликия тяжело пострадала от французской интервенции и, наконец, Западная Анатолия (Смирнский и Брусский районы) была разорена четырехлетней интервенцией греков. В Западной Анатолии по предварительным подсчетам было разрушено за 4 года около 73.000 домов в городах и около 88.000 в деревнях. Всего в Анатолии было разрушено не менее 300.000 домов. На почве военной разрухи среди сельского населения необычайно распространились сифилис и малярия.

Послевоенное разорение, конечно, особенно тяжело отразилось на сельском хозяйстве. Прежде всего, около 2 милл. рабочих рук было совершенно изъято из полевых работ. Благодаря узко националистической политике, проводимой ВНСТ и представляющей отрывку злополучного младо-турецкого паноттоманизма, около двух миллионов греков и армян были вырезаны или же выселены из страны. Между тем, эти «инородцы» как раз составляли наиболее культурный земледельческий элемент самых богатых районов Анатолии (Смирны, Брусы, Черноморья, Киликии и т. д.). Обладая техническими навыками и необходимыми материальными средствами, они возделывали высшие земледельческие культуры, напр., хлопок, фрукты, виноград и т. п., которые теперь обречены буквально на прозябанье.

Чрезвычайно сильно отразилась на народном хозяйстве Анатолии также огромная убыль в рабочем скоте, причиненная военными поставками, реквизициями и т. п. Количество скота уменьшилось до одной трети; число знаменитых ангорских коз, дававших тонкую, высоко-ценную на Западе шерсть, сократилось до одной четверти. Пострадали, и притом очень значительно, почти все отрасли хозяйства. Урожай опиума упал на 50%, и в 1923 г. было собрано вместо обычных 4.000 ящиков всего 2.000 ящиков; сбор фиг и винограда, составлявших наиболее ценные культуры Смирнского района, необычайно пострадал, благодаря изгнанию греческого крестьянского населения, завязого в этих отраслях. Полунищие турки-культураторы не в состоянии нести расходы на упаковку, на ж.-д. транспорт; турецкие же кушцы, не обладающие нужным техническим опытом, не смогли организовать экспорт этих продуктов, благодаря чему была вывезена лишь четверть урожая, а около половины погибло. Убытки на одних лишь фигах приблизительно исчисляются в 5½ милл. т. лир. То же произошло с урожаем маслин и орешков (Черноморского побережья), не могущим быть реализованным, несмотря на свое обилие. Пожалуй, сильнее всего пострадала культура шелка, на которой было основано процветание целых районов (Бруссы, Измида и др.). Эта цветущая статья хозяйства оказалась совершенно запущенной; тутовые деревья были порублены, добыча грены — заброшена. В результате добыча шелка уменьшилась в огромной степени.

Значительно понизилась также эксплуатация немногочисленных рудников и копей. Единственный в Анатолии крупный каменно-угольный бассейн — Гераклен — Зунгулдака — дает все более и более понижающуюся добычу *):

1911 г.	. . . . .	880.000 тонн
1913 г.	. . . . .	784.000 »
1919 г.	. . . . .	368.000 »
1920 г.	. . . . .	544.000 »
1921 г.	. . . . .	320.000 »

Тяжелое состояние, переживаемое турецким народным хозяйством, не могло не отразиться на торговом балансе страны.

Внешняя торговля Константинополя.

(в тур. фунтах).

	1920	1921	1922
Ввоз	169.500.000	121.300.000	73.000.000
Вывоз	26.500.000	18.300.000	33.000.000
Дефицит	143.000.000	103.000.000	40.000.000

*) Данные для этой главы взяты из: L'Economiste d'Orient, L'Information d'Orient, из бюллетеней Торгпредставительства СССР в Турции и из отчетов турецких министерств.

Дефицитный торговый баланс, существующий в течение ряда лет, поглощает все денежные ресурсы страны и мешает образованию туземных капиталов. За последний год, как мы видим, положение несколько улучшилось, но увеличение цифры вывоза является в значительной степени кажущимся, ибо оно объясняется обесценением тур. лиры, потерявшей за 1922 г., как уже отмечалось, от 15—20% своей ценности.

После окончания военных действий и без того подорванное хозяйство страны терпит новое бедствие. Благодаря демобилизации, общему разорению, приливу беженцев—в Анатолии в необычайной степени увеличился бандитизм. Большие шайки, действующие под руководством быв. офицеров, терроризируют целые районы (напр., Смирнский) и наносят огромный ущерб торговле и вообще хозяйственной жизни. Недаром один из бывших премьеров — Фетхи — сделал борьбу с бандитизмом основной задачей правительственной деятельности, официально заявляя в ВНСТ, что он «или уничтожит бандитизм, или уйдет с своего поста» *).

* * *

Турецкие финансы чутко отражают эту послевоенную разруху, хотя, в сравнении с периодом до мировой войны, они находятся сейчас в более благоприятном положении. Объясняется это уничтожением капитуляций, отсутствием назойливого иностранного финансового контроля и, главное, значительным сокращением, по Лозаннскому мирному договору, государственных долгов Турции.

Общая задолженность Турции до конференции выразалась в цифре — 155.263.360 тур. лир, по которым приходилось платить процентов на сумму 6.677.947 тур. лир **). По Лозаннскому договору, благодаря разверстке государственного долга между отошедшими частями бывш. Османской империи, он сократился прибл. на 34%, т.-е. до 90.608.000 т. л., по которым придется платить 10 мил. бумажн. лир процентов. Имея приходный бюджет в 100 мил. лир, Турция без особых усилий сможет оплачивать проценты по своим долгам. Недаром один турецкий экономист высчитал, что нищая, разоренная Турция в отношении своей задолженности находится сейчас в лучших условиях, нежели большинство запад-

*) Правительство своими неловкими действиями иногда увеличивает послевоенную разруху. Так, напр., преследуя цель „отуречить“ береговое плавание (в согласии с Лозаннским договором), оно дезорганизовало Константинопольский порт, упразднив все буксирные суда, принадлежащие иностранцам и разрушив организацию спасения на водах и лодманскую службу. Воспользовавшись этой временной дезорганизацией Константинопольского порта, греки выдвигают план, сильно встревоживший турок, превращение Пирея в большой транзитный порт, в противовес Константинополю. В прошлом году ВНСТ ассигновало кредиты на покупку семян, но операция затянулась и частично кончилась крахом, благодаря нежеланию правительства покупать иностранные семена. Внутри же страны достать их за сносную цену оказалось невозможным.

**) Унифицированный долг=46.762.596 т. л.; декретированные займы=84.188.193 т. л.; вместе с другими займами (военными, внутренними и пр.)=155.263.360 т. л.

ных держав: в то время, как в Турции на человека падает 50 долл. государственного долга, во Франции эта цифра возрастает до 520 долл., а в Англии до 750 долл. *).

Если Турции удастся добиться оплаты процентов по займам в бумажных франках или лирах, то это возлизит расходы в три раза **). Достоинством турецких финансов является также то, что, благодаря незначительной бумажной эмиссии, банкноты составляют всего 55% всего денежного обращения. Правда, скромные размеры турецкой эмиссии во многом объясняются полным застоєм в делах и огромной убылью населения, уменьшившими спрос на денежные знаки.

Благодаря всем указанным причинам, турецкому правительству удается составить довольно сносный бюджет ***). Первый мирный бюджет на 1924 г. предусматривает:

расходы	405.260.000 тур. лир.
доходы	107.590.000 „ „

Как мы видим, получается даже излишек доходов прибл. в 2 мил. т. л. Однако, необходимо отметить, что сюда не включена оплата процентов по государственным долгам, в виду того, что размер последних пока еще не установлен окончательно. Если учесть этот расход, то дефицит выразится прибл. в сумме — 8½ мил. тур. лир (около 1 мил. ф. стерл.). Министерство финансов думает, впрочем, покрыть этот дефицит путем сбережений по сметам, замены денежных пенсий — земельными дотациями, продажей части казенных земель и, главное, акцизом на спиртные напитки. Но удастся ли, действительно, правительству сбалансировать бюджет — сомнительно, так как проект акциза на спиртные напитки вызвал в меджлисе резкий отпор.

Все эти официальные данные, несомненно, грешащие излишним оптимизмом, конечно, не могут дать картины действительного финансового положения страны. Оно продолжает оставаться чрезвычайно тяжелым, несмотря на все военные и дипломатические победы. При отсутствии земельного базиса, туземная промышленность развивается чрезвычайно туго и не выходит из рамок мелких предприятий. В стране отсутствуют капиталы, отсутствует кредит. Даже в Константинополе средний процент на оборотный капитал достигает 25—30%; в провин-

*) Mufti Zadé: The turk as a business man. (Current History Magazine. 1923. XI.

***) В купонах турецк. госуд. долга оговорено, что уплата производится по желанию владельцев в фунт. стерл., франках или тур. лирах. Сейчас турки добиваются отмены оплаты в фунт. стерл., добиваясь замены их франками или лирами, после войны, как известно, сильно упавшими в цене.

****) Еще в 1923 г. Турция не имела нормального бюджета. Расходы ее в этом году равнялись прибл. 112.700.000 т. л. Дефицит достигал 9 милл. т. л. („Записка векила национальной экономики“).

ции же попрежнему процветает ростовщичество, только теперь не христианское (греческое и армянское), а мусульманское.

Прогрессивная турецкая буржуазия, составляющая главную движущую силу национального движения, впрочем, вполне отдает себе отчет в необычайно тяжелом финансово-экономическом положении страны. Едва закончив войну с греками, она объявляет, что начинается новая война — на экономическом фронте. Призыв к хозяйственной инициативе, к отуречению всей промышленности, к подъему производительных сил страны — отныне составляет пафос всех выступлений вождей националистов. Совершая буржуазную революцию, объективно выгодную для азиатского населения, националисты чувствуют, что сейчас за ними идут широкие народные массы. Этим объясняется их проповедь классовой солидарности, мирного сотрудничества всех групп населения, но, конечно, под всецелым идейным руководством крепнущей турецкой буржуазии.

Эти настроения особенно ярко проявились на Смирнской экономической конференции. Устроители ее стремились к тому, чтобы были представлены все классы населения. Каждая каза (волость) посылала 8 депутатов, из них 1 купца, 1 ремесленника, 1 рабочего, 3 крестьян, 1 представителя банья и 1 представителя обществ и товариществ. Но эта всеословность оказалась на деле в значительной степени фикцией. Дело в том, что правительство отказалось отпустить специальные средства на устройство конференции и, в частности, оплатить проезд участников в Смирну. Это обстоятельство отстранило от участия на конференции беднейшее крестьянство и пролетариат, в особенности, отдаленных восточных вилайетов.

Еще более подтасовка классовых интересов, нейтрализация их в интересах буржуазии сказалась в способе группировки депутатов. Последние были разбиты на четыре фракции: 1) ремесленников и промышленников; 2) помещиков и крестьян; 3) купцов, представителей банков, обществ и товариществ; 4) рабочих и предпринимателей. Табличка количественного соотношения между этими фракциями ясно демонстрирует преобладание на конференции чисто буржуазных элементов:

1. Рабочие	187 депутат.
2. Ремесленники и промышленники	99 »
3. Крестьяне и помещики	362 »
4. Купцы, представители банков и различн. организаций	286 »

ВСЕГО . . . . . 934 депутат.

Недаром газета «Бабалык» (от 23/1) прямо заявила, что «на конференцию должны быть выбраны достойнейшие, и что главную роль на ней должны играть купцы и капиталисты» *).

*) Табличка и цитата заимствованы из статьи Муссали: «Экономическая конференция в Смирне». Ж. «Новый Восток». № 3. 1923 г.

Необходимо отметить при этом, что инициативную роль играла именно национальная азиатская буржуазия. Связанная с западным капиталом, денационализированная константинопольская буржуазия бойкотировала съезд, что же касается до иностранных предприятий (напр., ж. д.), то они запрещали служащим и рабочим избирать депутатов на конференцию.

Приветствуя съезд, Мустафа Кемаль указывал: «Теперь мы начинаем борьбу крестьянской сохой. Эта борьба будет вернее борьбы оружием. Соха — это перо, которым пишется сейчас история Турции... Ошибочно ждать рай, живя на голых скалах». Эти тезисы М. Кемаль высказывал, впрочем, и накануне съезда. Так, предприняв после разгрома греков объезд завоеванных районов, он в своих речах неоднократно подчеркивал: «Большинство нашего народа — земледельцы и пастухи. Они являются основной силой нашей страны. Однако, по многим причинам народ не мог развить ни земледелия, ни скотоводства...» (23/1).

На съезде (февраль, март 1923 г.) наиболее сплоченной и влиятельной группой, действительно, явились купцы, банкиры, промышленники, инженеры. Запретительные или, наоборот, льготные пошлины на те или иные предметы, постройка ж. д., пристаней, реформа заводоуправления, организация профессионального образования, организация торгово-промышленных палат, бирж, ярмарок, выставок и т. п. — таковы были требования, выставленные новой турецкой буржуазией и принятые конгрессом.

Земледельцы требовали отмены десятины (ушра), этого послеподаточного блага турецкого сельского хозяйства, широкой постановки с.-х. обучения и вообще народного образования, организации с.-х. кредита, беспошлинного ввоза с.-х. орудий и племенного скота, развития ветеринарии и т. п.

Необходимо отметить, что, несмотря на тщательное мусслируемое «классовую солидарность», на конференции произошел ряд конфликтов между торгово-промышленной и земледельческой группами. Земледельческая фракция, опираясь на свое количественное преобладание, требовала, чтобы при голосованиях ей было предоставлено больше одного голоса, как всем прочим группам. Предложение это было, однако, конференцией решительно отклонено. Наиболее резкое столкновение произошло по основному для крестьянства вопросу об ушре (десятина). «Требование об отмене ушра было принято конгрессом, но требование «налога» на всех турецко-подданных», т.-е. иными словами на купцов и промышленников, было наотрез отклонено. Это отклонение обескровило и первый основной пункт, так как отменить ушр, дающий казне 20.000.000 годового дохода, не указав источников его замены, затруднительно. Этот жест буржуазных групп сильно озлобил земледельцев, которые, в свою очередь, отклонили один из основных пунктов купеческого меморандума об организации коммерческого банка на средства казны. В момент голо-

сования этого пункта из группы земледельцев, единодушно голосовавших против, раздавались голоса: «это вам за ушр» *).

Требования рабочей группы, состоящей, главным образом, из представителей фабрик и заводов Константинополь и Смирны, в том числе из 5 женщин—табачных работниц, сводились к следующему: восьмичасовой рабочий день, отмена закона против забастовок, законодательная регламентация женского и детского труда, минимум заработной платы, организация профессиональных союзов и т. п.

Наибольшим сокращением на съезде, как и следовало ожидать, подверглась рабочая программа: «Были отклонены такие требования, как 8-часовой рабочий день для с.-х. рабочих, участие рабочих в прибылях на основе коллективных договоров, национализация необработанных земель и имений; наконец, требование об отмене закона, запрещающего забастовки, было заменено тусклой формулой о «переработке» этого закона. Неудивительно, что на последнем заседании конгресса из рабочей группы слышались возгласы: «в будущем году мы будем умней и не дадим себя обмануть»... **).

«Экономический обет», принятый конференцией, носит чисто декларативный характер, намечая как бы программу той экономической пропаганды, которую необходимо вести среди отсталого населения Анатолии. Наряду с проповедью деревенских насаждений, гигиены и т. п., там содержится, поэтому, напр., такие тезисы: «Воровство, обман, лицемерие, лень — наши главные враги», «турок любит работать с открытой душой, свободно и не выносит ограничений», «турки любят друг друга от души без различия классов, убеждений» и т. п. и т. п. Чисто практическое значение имело образование на конференции «Общества турецких земледельцев».

Переходя от слов к делу, молодая турецкая буржуазия тотчас же, по окончании военных действий, приступает к организации промышленности и торговли страны. Присоединение наиболее развитых в экономическом отношении районов Смирны и Бруссы придало сильнейший импульс ее деятельности. Мы видим, как с начала 1923 г. быстро организуется ряд туземных торгово-промышленных предприятий: прядильные фабрики (Кайсария), купеческие банки (Нигде), экспортно-импортные об-ва (Смирна), компания купцов для покупки оставленного имущества (в Смирне, с капиталом в 400.000 лир), спичечные фабрики и т. п. В Мерсине даже ученики торговой школы открывают банк с капиталом в 250 лир, при подписной цене акции в 5 гурш... Форсируя поднятие производительных сил страны, правительство организует сел.-хоз. выставки: в Смирне (во время конференции), в Адане, а также открывает несколько с.-хоз. и технических школ.

**

*) Г. А. Астахов: «Итоги экономического конгресса в Смирне» (письма из Анатолии). Известия СЦИК, от 20/IV, 1923 г.

**) Г. Астахов. Указ. корреспонденция.

Несмотря на эту энергию, проявляемую анатолийской буржуазией, совершенно несомненно, что одними своими силами восстановить хозяйство, в конце подорванное многолетней войной и интервенцией, Турция не в состоянии. И вот перед ее правительством встает сложнейший вопрос о привлечении иностранного капитала, что, в случае непринятия надлежащих гарантий, грозит вторичным закабалением Турции западным державам.

«Я считаю необходимым открыто объявить здесь вам,—заявляет недавний премьер Фетхи в ВНСТ,—что наш кабинет мало расположен прибегать к иностранному займу лишь для покрытия дефицита по бюджету. С другой стороны, он согласен достать деньги за границей для того, чтобы обеспечить производство работ, о которых я вам только что говорил (устройство дорог, портов, мостов, ирригации и т. п.). Мы готовы предоставить величайшие льготы капиталу, который был бы привлечен в страну для производства общественных работ». Несомненно, что это декларативное заявление хорошо характеризует точку зрения турецкого правительства на роль иностранного капитала.

Последний, однако, весьма туго идет в Анатолию, благодаря указанным причинам: упразднению капикуляций, отсутствию необходимых, с его точки зрения, гарантий и сложности работы в разоренной и обезлюженной стране. За последний год в Ангору, правда, приезжает масса иностранных претендентов на концессии, но все переговоры, которые они ведут, имеют разведывательный или, просто, дутый характер, как это ярко продемонстрировала знаменитая концессия Честера.

В экономической работе участвуют попрежнему две соперничающие державы: Англия и Франция. Английские капиталисты недавно сделали попытку установить свой контроль над Анатолийской жел. дорогой (Константинополь—Адапа), акции которых были ими втихомолку скуплены *). Они предложили турецкому правительству (через своего представителя Хюгенена) или передать им эксплуатацию этой дороги, или выкупить ее, для чего они соглашались устроить заем. Несмотря на согласие англичан организовать эксплуатацию жел. дорог, сообразуясь с турецкими требованиями (употребляя местный уголь, обслуживая дорогу лишь турками и т. п.), бюджетная комиссия отвергла проект соглашения и рекомендовала правительству выкупить дорогу путем устройства внешнего займа.

Попытка англичан захватить важнейшую жел.-дор. магистраль Турции указывает на большую широту тех финансово-экономических планов, которые они, очевидно, намереваются осуществлять в Турции.

Что касается французов, то они пытаются попрежнему убедить турецкое правительство, что лишь они имеют «историческое» и «юридическое» право финансировать Турцию, монополично получая взамен концессии. В этом отношении инте-

*) Акции эти были переданы немцами Цюрихскому банку восточных ж. д. Воспользовавшись затруднениями банка, англичане скупили эти акции (8000 штук). Председателем англо-швейцарской группы является Ротшильд.

ресно стремление французских капиталистов переписать на свое имя отдельные части провалившейся концессии Честера. Невыполненная Кеннеди концессия на срочную поставку сел.-хоз. машин уже передана крупной машиностроительной лионской фирме Плиссон, возглавляющей 25 более мелких французских фирм. Не взирая на неудачу американцев, она также обязуется устроить районные починочные пункты, образцовые фермы и показательные мастерские, организовать ежегодную отставку за границу 10 молодых турок для изучения сел.-хоз. машиностроения и т. п. Несомненно, что мы видим здесь стремление со стороны французов вытеснить американский капитал из Турции, ценой принятия даже заведомо невыгодной концессии. Всем этим монополистическим грезам Франции наносит, однако, страшный удар решение ангорского правительства не возобновлять концессии об-ва *Régie des Tabacs*, как известно, одного из самых выгодных французских предприятий в Турции *).

Что касается Германии, то пока она выступает в сфере торговли. Здесь она достигла чрезвычайно крупных успехов. За какие-нибудь 4 месяца 1922 года она в турецком импорте успела перейти из 12 места в 3-е; в сфере экспорта за тот же промежуток времени она перешла из 14-го места в 4-е. Эти торговые успехи Германии представляются еще более поразительными, если мы учтем, что под голландским и швейцарским импортом скрываются по большей части немецкие товары. Оживление торговли с Турцией вызвало вновь появление турецко-немецких торгово-промышленных палат (так, например, во Франкфурте-на-Майне), и т. п.

Набонец, интересно отметить, что, ведя переговоры об Анатолийской жел. дороге, англичане встретили соперников в лице немецкой группы капиталистов, вновь пытающихся овладеть заветной багдадской железной дорогой.

Как мы видим, европейский капитал воздерживается сейчас от серьезной работы в Турции. После Лозаннского мирного договора, в последней создалась совершенно новая экономическая ситуация, и ему необходимо привыкнуть к ней. Нечего, конечно, и говорить, что на Турции эта пассивность западного капитала отражается очень тяжело. Затруднительное финансово-экономическое положение Турции во многом объясняет тот характер, который приняла внутренняя политическая борьба за последний год.

§ 7. МЕДЖЛИС ВТОРОГО СОЗЫВА. БОРЬБА ЗА РЕСПУБЛИКУ.

Разгром греков в конце 1922 года и последовавшее прекращение войны составляют поворотный пункт в истории национального движения. Национальный блок, до сих пор скрепленный железным обручем войны, распадается: буржуазная революция лишь теперь получает возможность выявить свое подлинное лицо.

*) Значительным успехом французов является получение Грюнблатом концессии на постройку Мерсинского порта, если только этот факт найдет подтверждение.

Распаду блока содействовал и острый общехозяйственный кризис, переживаемый Анатолией в течение 8 лет непрерывающейся войны с Антантой. Действительно, необычайное падение сельско-хозяйственной производительности, хронический финансовый кризис, — все это внесло разложение в только что созданную туземную индустрию и в окрепшее крупно-помещичье хозяйство. Возникает вполне реальная угроза, что доведенное до полной нищеты крестьянство и та же армия, могут потребовать уплаты по тем патриотическим векселям, которые националисты щедро раздавали им в течение 4 лет героической борьбы против Антанты и ее прислужников — греков.

Одним из способов предотвратить это была немедленная ликвидация Турецкой Коммунистической Партии — и вот мы видим, как националисты энергично осуществляют это, забыв на время все свои несогласия.

В октябре 1922 года происходит вторичное преследование коммунистов. В Эски-Шехре, Кайсари и в др. пунктах арестуют около 200 чел., принадлежащих к ТКП или лишь заподозренных в этом.

Арестованным было предъявлено обвинение в нелегальном устройстве партийного съезда с помощью «иностранцев». Обвинение это было, конечно, чистейшим вымыслом. С середины 1922 г. правительство разрешило коммунистам устройство съезда, при условии, чтобы на нем не затрагивались военные вопросы. В августе в Ангору съехался ряд делегатов, и началась обычная предсездовская работа. Как раз в этот момент совершенно неожиданно, глава правительства Реуф-бей предложил отложить съезд. Получив отказ, он объявил о запрещении съезда. Последний все же состоялся, но уже, конечно, на нелегальном положении, после же закрытия его правительство устроило разгром коммунистической партии, при чем всем арестованным было по обыкновению предъявлено обвинение в государственной измене и шпионаже. Чтобы не возвращаться более к этому эпизоду, укажу, что через четыре месяца состоялся суд над коммунистами, вскоре после которого большинство из них было освобождено.

Однако, эта «кооперация» правых и левых группировок ВНСТ уже не может спасти единства блока.

Поводом к расколу явилось постановление ВНСТ, в связи с изложением султана Вахид-Эддина, превратившегося в крестуру англичан, об уничтожении монархии (султаната) и оставлении за халифом лишь религиозных функций (1/XI — 1922 г.). Это постановление имело, несомненно, крупное революционное значение, являясь ударом по теократическим пережиткам, в плену у которых до сих пор находится $\frac{9}{10}$ населения Турции.

Единый, по крайней мере формально, национальный блок распался на 2 фракции, на правительственную прогрессивную «группу № 1 комитета национальных прав» и на реакционно-клерикальную «группу № 2». Правая группа националистов состоит из крупных аграриев (мерсинский помещик Салах-Эдин бей), клери-

калов (Зия Хоршид, Измаил Шукри), правых иттихадистов (Кара Васиф), крупных адвокатов, журналистов (ред. правой трапезундской газ. Истикбаль, вдохновитель захвата Батума турками в 1921 г. — Али Шукри, видный смирнский адвокат — Сырры бей) и своеобразных народников, представляющих интересы исключительно кулацких элементов (ага). Группа № 2 обзавелась даже собственным органом, сначала недолговечной газ. Шаркин Сысы, а затем газетой «Тан». Учитывая преобладающее прогрессивное настроение, как в меджлисе, так и в стране, реакционная группа весьма осторожно высказывает свои взгляды, придавая им нарочито туманную оболочку. «Основной нашей целью, — говорит передовица газ. «Тан», — является защита высоких интересов страны и нации. Наш путь — путь правды, путь нации, а помощь от бога». Драпируясь в революционную тогу, публицисты группы № 2 особенно обрушиваются на правительство за стеснение «свободы слова», под которой они, понятно, подразумевают свободу реакционной агитации. «В нашей стране можно устроить всевозможные научные учреждения и промышленные организации, — пессимистически замечает лидер группы полк. Салах-Эддин, — но пока не будет проведена идея свободной личности, народ будет находиться в руках деспотической группы». Программа реакционно-клерикальной группы, как мы видим, носит крайне расплывчатый характер и сводится к нападкам против правительственной группы, путем манипуляций с такими понятиями, как «свобода личности», «свобода слова» и т. п.

Борьба между двумя группировками велась как в меджлисе, так и вне его. Уже упомянутый Салах-Эддин пытался провести в ВНСТ новый избирательный закон, согласно которому избирателями могли быть лишь лица, имеющие 5-летнюю оседлость на территории, определенной национальным обетом. Чиновники и офицеры, в огромном большинстве пришедший элемент в Анатолии, лишались избирательных прав, наряду с «космополитическими элементами». Сам Мустафа Кемаль должен был потерять избирательные права, впрочем, на его протесты авторы законопроекта галантно указали, что «его оседлость — в сердцах нации».

Особенного обострения эта борьба достигла в связи с появлением брошюры «Мусульманский халифат и ВНСТ», принадлежащий Афиун-Карахиссарскому депутату и управляющему крупными вакуфами — Хаджи Измаил-Шукри. Несмотря на то, что самое постановление об уничтожении султаната было принято меджлисом единогласно, ему предшествовали, хотя и завуалированные, но достаточно оппозиционные выступления. Первоначально М. Кемаль не хотел оставлять халифата за Османской династией, и поэтому та редакция, которая была принята ВНСТ — явилась несомненной победой Салах-Эддина и его группы. Брошюра Измаила-Шукри ставила точки над и и пыталась реставрировать светскую власть халифа, обосновывая ее аргументами: юридическими, богословскими и историческими. По мнению автора, акт 1 ноября отнюдь не лишает халифа гражданских прав, и самым естественным положением было бы, чтобы халиф являлся одновременно и председате-

лем ВНСТ. Существующее положение вещей неестественно и вскоре должно прийти в нормальное положение. ВНСТ принадлежит халифу и халиф принадлежит ВНСТ. Суммируя все свои аргументы, автор делает следующий категорический вывод: «необходимо, чтобы халиф был главой нашего правительства и государства. Другой формы быть не может».

Брошюра эта так же, как и предшествующие выступления реакционно-клерикальной группы, вызвала ожесточенную полемику, возбуждение судебного преследования и т. д.

Угроза возможной реакции, заставила прогрессивную группировку прежде всего выправить свою политическую линию: М. Кемаль и другие лидеры этой правительственной группы № 1 начинают предостерегать против угрожающей реакции; публицисты, вроде Юсуф Нади, бросают даже чисто дантовскую фразу о том, что реакционерам, в случае их упорства, грозит «рубка голов».

Попутно с этим производится чистка кабинета от всех ярко-реакционных элементов, вроде бывшего министра народного просвещения Вехби, министра исповеданий Абдул Азми и др. В противовес реакционерам и клерикалам газ. «Ени Гюн» начинает втихомолку проповедывать бонапартистскую диктатуру, опирающуюся на зарождающуюся буржуазию. Она восхваляет Банапарту..., Пилсудского и М. Кемалья.

Вся эта борьба способствовала расслоению аморфного национального блока и окончательной кристаллизации прогрессивной группы националистов. Наступают выборы в новый меджлис, и М. Кемаль начинает организовать новую «народную партию», которая должна прийти на смену отжившим «Комитетам прав».

Какова программа этой партии? В зачаточных условиях турецкой общественно-политической жизни она носит крайне расплывчатый, часто черезчур абстрактный характер. Совершая накануне выборов обезд страны, М. Кемаль следующим образом характеризовал задачи народной партии: «Прежде некоторые инициаторы создавали программы с химерическими обещаниями, совершенно не выполнимыми и бесполезными. Программа народной партии должна воплощать в себе стремление всех членов нации...». Особенное ударение М. Кемаль делает на абсолютной независимости и суверенитете нации. Десятки раз он заявляет, что «основной дух такой партии заключается в безоговорочном признании суверенной власти нации...». «Она должна следить за тем, чтобы не было покушения на независимость нации» и т. п. и т. п. Отсюда вытекает отношение М. Кемалья к институту халифата, проникнутое антипатией и подозрительностью: «Признавая халифат, нельзя, однако, считать его институтом, нарушающим суверенитет турецкого народа... Могут появиться невежды, туземцы и авантюристы, которые могут вылетать в шариат свое личное мнение. Каждый член нации должен учитывать их внушения и вооружаться». Концентрируя свое внимание на вопросах организации правительственной власти, М. Кемаль слишком бегло и суммарно излагает основные вопросы внутренней жизни

Турции. Касаюсь требований устройства национального очага, выдвинутого армянами и ассиро-халдеями, он замечает: «Об этом мы даже не будем говорить. Ведь евреи живут в нашей стране, как истинные соотечественники и будут жить в безопасности и покое». По основному вопросу—аграрному, мы находим у него лишь чисто декларативные заявления, что «крестьянин является хозяином Турции», что «турецкий народ это народ пастухов и земледельцев», что «налоговая система действует сейчас очень несправедливо и является причиной бедности и угнетения нашего народа» и т. п., без попытки дать какую-либо программу серьезных социальных реформ. Как мы видим, прогрессивная буржуазия занята сейчас преимущественно вопросом правительственной власти, которая ей нужна для установления своего экономического господства.

Одновременно с «политической эмансипацией» происходит и «экономическое самоопределение» турецкой буржуазии. Как уже отмечалось, именно в первые месяцы по окончании войны развивается «буря и натиск» анатолийской буржуазии. Стремительно создаются туземные торгово-промышленные предприятия и об-ва, на Смирнской экономической конференции вырабатывается программа дальнейшего наступления турецкого капитала. Борьба, разыгрывающаяся в Лозанне вокруг капитуляций, иностранных концессий и государственного долга, в сильнейшей степени стимулирует анатолийских купцов и промышленников. Идеологическое оформление это движение получает в так наз. «турецких очагах» (тюрк оджагы), которые существовали и до мировой войны, но теперь получили особое развитие и общественное значение. В этих культурно-просветительных организациях группируется цвет турецкой интеллигенции (писатели Ага-Оглу-Ахмед-бей (Ахмед Агаев), Юсуф Акчурин, профессор-экономист Зия Гек Альп и др., ведущие пропаганду путем лекций и статей по истории, экономике и общественному развитию страны *). Задачей очагов является пропаганда ремесленного образования, развитие торгово-промышленной молодежи и т. д.; в сфере культурной они высказываются против космополитического панисламизма и призывают к созданию национальной культуры (уничтожение арабизмов, развитие народного искусства и т. п.); в политической области они защищают необходимость создания буржуазного демократического государства, которое уничтожило бы остатки феодализма.

Как мы видим, прогрессивная анатолийская буржуазия переходит в дружный натиск на всех фронтах: политическом, экономическом и культурном. Под этим натиском реакционно-клерикальная группа принуждена временно удалиться со сцены. Удаление это носило в известной степени насильственный характер: в мае редактор «Тан» Али Шукри-бей внезапно исчез, при чем задушенный труп его через несколько дней был найден в 3 верстах от Ангоры. Правительство, правда, приняло строгие меры против виновников преступления: организатор

*) Г. Астахов. «Кристаллизация турецкой революции». Известия СЦНК. 2/V. 1924 г.

убийства—быв. четник, а ныне полковник, лаз Осман Ага был после перестрелки убит и труп его повешен на площади. Однако, при наличии угрожающе складывающейся ситуации, группа № 2 решила, якобы временно, закрыть свой орган «Тан» и на выборах не участвовала в качестве организованной группы.

Выборы в меджлис происходили в обстановке, чрезвычайно невыгодной для оппозиции. Когда выявились разногласия по поводу уничтожения султаната, правительственная партия провела в меджлисе закон «об измене отечеству». Согласно последнему, «все, кто умышленно, словом или делом, агитируют против акта 1 ноября, провозгласившего уничтожение султаната и воплощение суверенной власти в лице национального собрания, или агитируют против законности национального собрания — рассматриваются, как изменники отечеству». Ясно конечно, что при наличии этого карательного закона, находящего, вдобавок, самое широкое применение, — всякая оппозиция, в особенности в провинции, была обречена на бездействие. Результатом этого было полное торжество на выборах «народной партии»: когда на первом заседании меджлиса (11/VIII происходили выборы председателя, М. Кемаль получил из 197—196 голосов; недостающий голос, поданный за Исмет-пашу, принадлежал ему самому. По подсчетам Мени Гюн, депутаты нового меджлиса распались на следующие основные группы*):

офицеров	— 56	представит. духовенства	— 25
пашей	— 17	финансистов	— 9
вали	— 21	юристов	— 10
докторов	— 15	представ. торговли и	
нотаблей	— 46	промышленности	— 14
поэтов	— 4	журналистов	— 14
послов	— 3		

Как мы видим из этой неполной таблички, большинство членов нового меджлиса принадлежит к высшей и средней бюрократии и к интеллигенции. Промыленно-торговой буржуазии принадлежит лишь около 2 десятков мест. В этом нет ничего удивительного: молодая анатолийская буржуазия политически еще слишком мало развита и, поэтому, она поручает защиту своих интересов интеллигенции и бюрократии, с которыми она, вдобавок, социально тесно связана. Как известно, подобное же явление наблюдалось и в представительных собраниях эпохи великой французской революции.

Однако, в первые же месяцы деятельности нового меджлиса оппозиция, загнанная во время выборов в подполье, вновь появляется на сцену. И состав и характер ее теперь, впрочем, значительно изменились. После утверждения власти

*) M. Macartney. The new Grand Assembly. (Fortnightly Review. 1923. XI).

Ангорского правительства в Константинополе, в особенности же после эвакуации его английскими войсками (2/X. 1923 г.) оппозиция теряет свой прежний провинциально-анатолийский отпечаток. Состав ее пополняется быв. членами комитета «Единения и Прогресс», развивающими в своих органах (в особенности в Талине) консервативную «западническую» программу. Они подчеркивают, что революционный период уже кончился, что теперь необходимо приступить к мирному конституционному строительству, которое нарушается «анатолийскими эксцессами». Другая более правая группа константинопольской оппозиции группируется вокруг придворно-клерикальных кругов, и ее тайной программой является реставрация светской власти халифа. В условиях турецкой политической жизни деятельность обеих групп проявляется, главным образом, в чисто персональных нападках на членов правительства, за их деспотические замашки, за их подозреваемую подкупленность и т. п. Совершенно аналогичный характер политическая борьба носила и в эпоху младотурок.

Новый премьер (баш векил) Фетхи бей, близкий друг и сотрудник М. Кемали, выдвинул следующую программу правительственной деятельности: 1) создание твердого бюджета путем сокращения всех расходов; правда, иди навстречу категорическим требованиям крестьянства, он обещал сокращение десятины с 12½%—до 10%; но вытекающую отсюда нехватку поступлений он предполагал покрыть увеличением косвенного обложения; 2) самая энергичная и беспощадная борьба с бандитизмом; 3) развитие народного просвещения, как первичного, так и вторичного; особенно подчеркивалось расширение женского образования; 4) проведение необходимых общественных работ, если потребуется, то с привлечением иностранного капитала. Программу эту весьма почтенную, как и все правительственные программы, кабинету Фетхи-бея за 10 недель его пребывания у власти совершенно не удалось осуществить. В значительной степени причина этого заключается в самой юридической конструкции правительственной власти. В борьбе с абсолютизмом националисты, как уже указывалось, слишком перегнули конституционную палку и сделали Национальное Собрание единым носителем не только законодательной, но и исполнительной власти. По «Органическому закону» (ноябрь 1922 г.), каждый министр отдельно избирается меджлисом и персонально несет ответственность перед последним, обладая, благодаря этому, весьма ограниченной сферой полномочий. Национальное Собрание имеет право сместить того или иного министра, от чего не колеблется положение всего кабинета. Эта своеобразная парламентская конструкция, исключая коллективную ответственность кабинета, на практике оказалась чрезвычайно неудобной. Она распыляла деятельность правительства и не давала возможности проводить единую политическую линию, необходимую для осуществления намеченных широких реформ.

Еще более неопределенными оказывались функции президента. Упразднив султанат, националисты остановились на полдороге—они не объявили превращения

Турции в республику. Благодаря этому, М. Кемаль оказался не главой государства, а лишь председателем Собрания. «В этой должности, как гласил Органический закон (§ 9), он получал полномочия скреплять и ратифицировать от имени Собрания все постановления Совета Комиссаров (векилей). Совет Комиссаров избирает одного из них в качестве председателя, но президент Великого Национального Собрания является естественным председателем Совета Министров».

Как легко убедиться, при этой неуклюжей и запутанной конструкции, права главы государства, а таким *de facto* являлся М. Кемаль, — значительно суживались и, самое главное, — он не получал реального контроля над деятельностью министров. Оппозиция, как вне меджлиса, так и внутри его, конечно, прекрасно использовала это положение вещей, с одной стороны, лишив кабинет свободы действий, с другой, — обвиняя М. Кемалья в деспотических замашках. Намотившиеся политические осложнения были усилены трениями, возникшими между М. Кемалем и премьером Фетхи беем. Последний главной своей задачей поставил, как указывалось, «сведение государственного баланса. Достичь этого он намеревался прежде всего сокращением расходов на армию, на флот, уменьшением срока военной службы и т. п. М. Кемаль, имеющий главную опору в армии, понятно, восстал против этих мероприятий и достиг того, что меджлис вотировал не уменьшение, а, наоборот, увеличение жалования офицерам. Этот конфликт, наряду с обнаружившимся бессилием Фетхи бея ликвидировать бандитизм, заставил его подать в отставку (27/X—23 г.). Мотивировал ее он необходимостью создания сильного кабинета, пользующегося всецелой поддержкой меджлиса *). Последний попытался составить новый кабинет, но при явной обструкции со стороны М. Кемалья и руководимой им народной партии, эти попытки были, понятно, обречены на неудачу. В конце концов, меджлис смиренно обратился к М. Кемалю, прося его ликвидировать затянувшийся правительственный кризис. Последний предъявил предварительно свои условия, которые после некоторого колебания и были приняты меджлисом **) (веч., 29/X — 1923 г.). В «Органический закон были внесены дополнения, согласно которым Турция объявлялась республикой. Президент ее избирается Великим Национальным Собранием на срок полномочий последнего, с правом вторичного избрания. Президент намечает премьера, который, в свою очередь, составляет кабинет, утверждаемый, по одобрению президента, Национальным Собранием. Чрезвычайно существенным является право президента председательствовать, во всех случаях, когда он найдет это нужным, в Собрании, а

*) Единственными крупными фактами, относящимися ко времени премьерства Фетхи бея, являются: ратификация Лозаннского договора и объявление Ангоры столицей Турции (13/X—1923 г.).

**) Заседанию меджлиса предшествовало заседание фракции народной партии, под председательством М. Кемалья, на котором и был решен вопрос о провозглашении республики.

также в Совете Министров *). На том же историческом заседании «его превосходительство Гази Мустафа Кемаль был единогласно выбран президентом республики».

Решение, принятое Национальным Собранием, имеет, несомненно, огромное политическое значение. После 600 лет монархического режима Турция превратилась в республику. Объявление последней имеет далеко не одно лишь формальное значение. Оно отменяет все пережитки абсолютизма и раз навсегда кладет конец всем попыткам реставрировать султанат, попыткам, которые всегда были возможны, при расплывчатости и двусмысленности прежней государственной конструкции.

С другой стороны, решение Национального Собрания в необычайной степени усиливало авторитет М. Кемали, который на 4 года получал высшую исполнительную власть. Недаром редактор известного французского журнала «L'Asie Française» Анри Фруадево подчеркивал сходство нового турецкого органического закона с конституцией наполеоновского консулата **). Первым актом нового президента было назначение премьером его ближайшего сотрудника, героя Лозаннской конференции, Исмет пашы. Ближайшая «программа действий» последнего сводилась к 1) борьбе с бандитизмом, 2) организации обмена населения и 3) распределению семян. Важно отметить тот тон, который был сразу принят новым премьером: он заявлял, что пресса, вообще говоря, не должна заниматься обсуждением правительственных актов и никоим образом—вопросом о халифате; чрезвычайно предупредительно Исмет-паша указывал, как на хорошую тему для газетной дискуссии—на проблему обмена народонаселения...

**

Несмотря на многочисленные советы, преподанные Исметом, оппозиция, конечно, не могла не реагировать на историческое постановление Национального Собрания. Она указывала, что по конституции М. Кемаль получил власть, превышающую права прежних султанов; иронически отмечалось, что он является «четвертым президентом», а именно: Турецкой республики, Национального Собрания, Совета министров и «Народной партии»; наконец, особенно охотно подчеркивалось, что на заседании меджлиса от 29/XI присутствовала лишь половина депутатов, а именно 153 из 286.

Чрезвычайного обострения эти антагонизмы достигли, в связи с выступлением крупного политического деятеля Реуф бей, бывшего премьера, а ныне второго председателя Национального Собрания. Реуф

*) Вся эта конструкция давно уже была принята народной партией. 7/VIII 23 г. состоялось заседание народной партии, на котором М. Кемаль развивал следующую программу: прямые (одноступенные выборы), коллективная ответственность кабинета, 4-летний срок полномочий меджлиса и т. д.

***) H. Froidevaux. Les responsabilités du président de la République de Turquie. L'Asie Française. 1923. XI.

бей-дал интервью (в начале ноября 1923 г.) газете «Ватан», в котором он указывал, что объявление республики было «преждевременным», и «неожиданным» действием со стороны «безответственных лиц». Заявление это, сделанное, вдобавок, членом Народной партии, вызвало бурю негодования среди правительственной группировки. Реуф-бей был вызван на секретное заседание парламентской фракции Народной партии, где он подвергся форменному разводу со стороны Исмет-паши, Ихсан-бея и др. лидеров правительственной группы. Исмет указывал собранию, что страна находится в состоянии анархии, что необходимо добиться сильного правительства» и т. п. Реуф-бей в своей защитительной речи, продолжавшейся четыре часа, указал, что он является искренним сторонником республики; однако, он придает особо важное значение сохранению народовластия. «Если республика обеспечивает демократию, то я согласен, чтобы у нас была республика».

Эта сомнительная защита была признана достаточной, и фракция опубликовала сообщение, что по вопросу о республике расхождений в партии нет.

Инцидент с Реуф-бей, несмотря на все успокоительные сообщения, ярко показал, что аморфная Народная партия переживает процесс распада, на консервативное (Реуф-бей, Аднан-бей, Рифет-паша, Измаил Джамбулат-бей, Фетхи-бей, Сабит-бей и др.) и либеральное, правительственное крыло. Действительно, за последние месяцы мы наблюдаем в межджисе непрерывающуюся борьбу этих двух группировок, при чем сплошь и рядом верх берут как раз консерваторы. Невыполнение правительством обещания уменьшить десятигу, разрешение министерством внутренних дел возвратиться в Константинополь 3-м бежавшим богатым армянкам-коммерсантам, различные карательные законопроекты,—все это является поводом для жесточайших конфликтов. При этом, как это ни противоречит парламентским традициям, правительство, оставаясь в явном меньшинстве (особенно в последнее время), тем не менее, не подает в отставку.

Пожалуй, наиболее бурное столкновение произошло (в январе 1924 г.) в связи с внесением законопроекта, предоставляющего правительству право запрещать отдельным лицам сноситься по телеграфу и телефону и сообщать сведения, «могущие принести вред общественной безопасности и противоречащие государственным законам и общественной нравственности». Все правое крыло обрушилось на этот законопроект, который и был значительным большинством отклонен.

Особенно яростные бои между консерваторами и либералами велись в связи с выработкой новой конституции.

Парламентская комиссия, стоящая на правительственной точке зрения, пыталась вслестически увеличить полномочия исполнительной власти и, в частности, президента. Так, в своем проекте она обусловила право президента распускать межджис, опросив кабинет министров и известив страну о мотивах роспуска. Оппозиция, однако, восстала против этой редакции и добилась принятия формулировки, по которой межджис сам себя распускает. По проекту комиссии, президент являлся

главой всех военных сил республики, как в мирное, так и в военное время. Оппозиция, особенно сильно возражавшая против этого пункта, добилась принятия следующего компромиссного решения: высшее командование принадлежит Национальному Собранию, представленному президентом республики. В мирное время оно находится в руках начальника генерального штаба; в военное время поручается лицу, назначенному президентом, по совету кабинета. Чрезвычайно существенные изменения были внесены оппозицией и в проект избирательного закона. Женщины получали лишь активное избирательное право, но были лишены пассивного. Аргументируя в пользу этого ограничения, один ходжа высказал следующий афоризм: «Когда этот момент наступит (избрание женщин депутатами), мужчины превратятся в женщин». Как известно, М. Кемаль является ярким поборником женского равноправия, находя усердного поборника в лице своей жены. Указанное ограничение, таким образом, должно чрезвычайно сильно задеть лично его. Между прочим, для социально-политической действительности Турции чрезвычайно характерен тот факт, что жена Кемала выставила на выборах в меджлис свою кандидатуру в нескольких избирательных округах, но, несмотря на огромное обаяние имени «Гази», она получила лишь горсть голосов.

Упорная борьба, которая в течение нескольких месяцев, пункт за пунктом, велась из-за проекта конституции *), позволяет нам приоткрыть завесу над страхами и опасениями, втайне переживаемыми консерваторами. Несомненно, что они боятся зарождения цезаризма; Мустафа Кемаль, окруженный ореолом побед, превратившийся буквально в национального героя, представляется им слишком подходящим кандидатом для совершения турецкого 18-го брюмера. Недаром, именно параграф конституции, определяющий верховное командование над всеми вооруженными силами, вызвал самые продолжительные прения и, как мы видели, был разрешен в компромиссном духе. С другой стороны, мы уже отмечали, что идея бонапартизма не чужда радикальным элементам Народной партии, видящим в военной диктатуре единственный путь для осуществления буржуазной революции в Турции. Вдобавок, в течение почти 4-х лет, военная диктатура или, по крайней мере, «диктатура военного» фактически существовала в Турции, ибо при старом меджлисе, М. Кемаль являлся одновременно главой правительства и в то же время главнокомандующим всеми военными силами.

Несмотря на все увлечение экономикой и политикой, армия и сейчас является любимым детищем М. Кемала. В момент наиболее ожесточенных боев в парламенте, большие маневренные бои происходили в окрестностях Смирны. Суммируя результаты этих маневров, М. Кемаль сделал следующее гордое заявление: «Турецкая армия способна противостоять сейчас любому врагу. Каждая единица ее настолько

*) В сер. апреля новая конституция была принята Национальным Собранием без голосования *par acclamation*.

сильна, что она, несомненно, осилит соответствующую единицу любой армии, с которой ей пришлось бы столкнуться. Более того, если одной нашей боевой единице придется противостоять двум неприятельским единицам, то, если мы не разобьем их окончательно, то так плотно прикуем к их территории, что они будут фактически лишены свободы движений»... Объясняя секрет этих успехов, достигнутых турецкой армией, М. Кемаль бросает чисто наполеоновскую фразу: «Товарищи, лишь путем наступления мы можем достигнуть окончательного успеха. Я вас прошу никогда не упускать этого из вида».

Любопытно отметить, что во время маневров, М. Кемаль имел ряд собеседований с редакторами оппозиционных газет: «Тапи», «Икдам», «Ватак», после которых они отказались от всякой оппозиции и принялись на все лады восхвалять личность М. Кемалья. Бонапартизм, как известно, заключается в крови у младотурок; наиболее яркий представитель их Энвер, на самом деле, считал себя турецким Наполеоном, благодаря некоторому сходству их карьеры. Большие военные маневры, пламенные речи Кемалья, крутой поворот младотурецкой прессы — все это является многозначительным явлением, особенно на фоне беспощадной парламентской склоки и повседневной тусклой борьбы, которая сейчас раз'едает меджлис *).

§ 8. УНИЧТОЖЕНИЕ ОСМАНСКОГО ХАЛИФАТА.

Акт 1 ноября 1922 г. об уничтожении султаната, создал чрезвычайно затруднительное положение для вновь избранного халифа Абдул Меджида. Постановление ВНСТ обескровило монархическую власть в Турции, оставив у нее лишь высшие религиозные прерогативы. Теоретически-создавшаяся политическая комбинация представляется вполне возможной. Ведь существует же уже в течение десятков лет «ватиканский узник», лишившийся после объединения Италии всех прав светского владыки. Постановление ВНСТ достаточно оформляло положение халифа, указывая, что он «избирается Национальным Собранием из числа наиболее достойных членов Османской династии», и что «турецкое государство является опорой халифата». Защитники этого института могли сослаться, при желании, и на национальный обет, который требовал обеспечения безопасности Константинополя, как «местонахождения мусульманского халифата и столицы Османской Империи».

На практике халиф оказался лишенным даже своей религиозной власти. Действительно, номинально он имел право самостоятельно сноситься со всем мусульманским миром, напр., с магометанами Индии, Сирии или Египта. Однако, при

*) Законодательная деятельность Собрания носит чрезвычайно убогий характер: проведен законопроект об увеличении количества жандармерии с 25000 до 50000 чел., введен обязательный пятничныи отдых, решено открыть около десятка новых полицейских школ, жалование депутатов увеличено до 100 тур. ф. в месяц и т. д. Любопытно, что этот бессильный меджлис распустил себя (22,IV 1924 г.) на необычайно долгий срок — на 6 месяцев.

наличии министерства иностранных дел в Ангоре, эти сношения халифа, конечно, становились невозможными. Теоретически халиф мог обращаться к населению Турции с различными религиозными фетвами, однако, и Национальное Собрание, и министерство внутренних дел, конечно, рассматривали бы подобные выступления халифа, как узурпацию своих прав.

Благодаря этому, халиф, действительно, превратился в «стамбульского узника», получающего скромное жалование в 30.000 тур. ф. и выполняющего лишь одну безобидную функцию — совершение еженедельного селямлика. Халиф, правда, получил во владение зеленое знамя и плащ пророка, но, к негодованию правоверных мусульман, ему даже не позволили опоясаться знаменитым мечом основателя династии Османа.

Несмотря на все эти ограничения, логикой событий халиф не мог не превратиться в центр политических интриг, в точку скрещения самых разнообразных оппозиционных течений.

Спор о халифате начался в турецкой прессе давно, уже с 1921 года. Уже тогда наметились по этому вопросу три основных течения: 1) реакционное и ультра-клерикальное, стоящее за передачу султану-халифу абсолютной власти; 2) умеренно-консервативное, стремящееся к превращению халифа в конституционного монарха, и 3) радикальное, настаивающее на полном уничтожении халифата. Акт 1 ноября, несмотря на весь свой радикализм, учитывая турецкую действительность, явился результатом компромисса. Левая группа меджлиса, возглавляемая М. Кемалем, стремилась лишить Османскую династию одновременно и султаната и халифата. Под сильным давлением правых элементов, они принуждены были пойти на уступки, приведшие к сохранению выморочного халифата. Однако, ни та, ни другая группа не хотели отказаться от раз начатой борьбы. Мы уже достаточно видели, что наиболее яркие выступления клерикально-реакционной группы № 2 комитета защиты прав преследовали скрытую цель реставрации светской власти халифа. После окончательного присоединения Константинополя к остальной Турции, борьба вокруг халифата приобретает особую страстность. Реакционеры всех мастей и оттенков, имеющие своими лейб-органами константинопольскую «Тевхид-и-Эфкияр» (т.-е. «Единомыслие») и анатолийскую «Себил ар Решад» (т.-е. «Путь Праведности»), помимо жесточайшей критики всех правительственных мероприятий, чрезвычайно осторожно и незаметно ведут агитацию в пользу конституционной монархии. Объявление республики, происшедшее по инициативе левой группы националистов, имело целью нанести сокрушительный удар всем этим клерикально-монархическим элементам. Недаром органы последних стали в определенную оппозицию к этому постановлению, указывая на преждевременность его, на ничем не оправдываемую стремительность в проведении столь важного вопроса и т. д. После этого буквально нет ни одного крупного политического конфликта, за которым не стояла бы в тени все та же проблема халифата. На политическом испытании, которому

подвергся Реуф бей, за свое выступление против объявления республики, его упрекали также и в том, что он посещал халифа. На это он отвечал, что ему неизвестно, чтобы Народная партия изменила свое отношение к халифу, избранному меджлисом. Перчатка была поднята Исет-пашой, заявившим, что при всем уважении к халифату, «мы тотчас же оторвем голову всякому халифу, который попытается вмешиваться в политические дела страны».

Неудивительно, что в этот период (к. 1923 г.) среди правительственных кругов возникает мысль о перенесении местопребывания халифа из Константинополя в Ангору, а в халифатских сферах муссируется слух о предстоящем отречении Абдул Меджида.

Это запутанное положение вещей, при котором обе стороны обменивались угрозами и обвинениями, одерживая маленькие победы и терпя мелкие поражения, продолжалось бы неопределенное время, если бы вмешательство извне не ускорило развязки. В к. ноября 1923 г. два лидера мусульман Индии, вожди халифатского движения и в то же время лояльные сторонники Англии: Ага-хан и эмир-Али, обратились к премьеру Исет-паше, с письмом по поводу положения халифа *). «Как верные друзья новой Турции», они обращали внимание ВНСТ на «чрезвычайно тревожное влияние, оказываемое настоящим неопределенным положением халифа-имамом на широкие массы, принадлежащие к суннитской общине». Отмечая заслуги мусульман Индии в деле защиты халифата и турецкой нации от нападений извне, авторы письма почтительнейше указывают ВНСТ что, по их мнению, «всякое уменьшение престижа халифа, или изолирование халифата, как чисто религиозного фактора, от турецкой государственности, означает расчленение ислама и практическое уничтожение его, как мировой моральной силы». Эти последствия, по убеждению Ага-хана и эмир-Али, — вряд ли «оставят равнодушными ВНСТ и президента его гази Мустафа Кемал-пашу».

Письмо, совершенно открыто преследующее цель усилить положение халифа и расширить его политические права — вызвало в Ангоре эффект взорвавшегося динамитного патрона. Правительственная группа, во главе с премьером, подымает буквально бурю негодования; они обвиняют вождей индийских мусульман в том, что те вмешиваются во внутренние дела Турции и, мало того, действуют по указке англичан, стремящихся вызвать в стране внутренние осложнения. Попавшие в просак защитники халифата пытаются спасти положение: они публикуют второе письмо (17/XII), в котором с негодованием отрицают всякую мысль о намерении вмешиваться во внутренние дела Турции, так же как подозрение в том, что они были инспирированы англичанами. Как оказывается, они не только не являются сторонниками монархии, но, наоборот, находят, «что республиканские учреждения особенно хорошо подходят к мусульманскому обществу». Англичане также чувствуют потребность оправдаться, и вот в «Times'e» появляется передовая статья,

*) Цитирую письмо по Times от 20/XII—1923 г.

доказывающая, что британского народа «так же мало касаются выбор и положение халифа, как и выбор и положение папы» *).

Однако, эти запоздалые оправдания и объяснения уже не могут спасти положения, и прав В. Чироль, который называет письмо Ага-хана и эмир-Али самым острым гвоздем, вбитым в гроб халифата» **). Можно с уверенностью сказать, что с этого момента судьба халифата была решена.

Приравнившись к случайному факту, а именно к опубликованию рокового письма в турецкой оппозиционной прессе, правительственная группа пытается нанести решительный удар клерикально-консервативным элементам. Правительство проводит в меджлисе законопроект, вызвавший неслыханно бурные прения, об организации «Судов Независимости» (в к. декабря 1923 г.) и устраивает в Константинополе несколько показательных политических процессов. Три редактора: Гуссейн Джахид бей (р. газ. Ташин), Ахмед Джедет (р. газ. Икдам) и Велид бей (р. газ. Тевхид—и—Эфиар) предстают перед трибуналом по обвинению в опубликовании, без ведома правительства, письма Ага хана и эмир Али, что приравнивается к государственной измене и призыву к восстанию. После того, как обвиняемые решительно отмежевались от всякой халифатской пропаганды и объяснили появление письма простой «невнимательностью», суд принужден был оправдать их. Одновременно происходит другой крупный политический процесс видного адвоката Лютфи Физри за агитацию в пользу конституционной монархии... Фокус борьбы лежит, однако, вне судебных стен. В меджлисе Имет паша недвусмысленно говорит «о тайных интригах, ведущихся вокруг вопроса о халифате», о том, что «сообщники» индийских лидеров и стоящих за их спиной англичан, находятся в самом Константинополе и т. д. В обвинительных актах содержатся прямые угрозы против халифа, если он будет вмешиваться в дела, находящиеся вне его религиозной компетенции; наконец, самые Суды Независимости были чрезвычайно метко охарактеризованы одним из членов правительства, заявившим, что они устроены были лишь для того, чтобы не вводить в стране военного положения.

Лишь 15 месяцев спустя после уничтожения султаната, прогрессивная группа националистов оказалась в силах ликвидировать уцелевший остаток монархической власти в Турции, а именно халифат. 3-го марта 1924 г., после предварительного обсуждения во фракции Народной партии, на рассмотрение меджлиса были представлены законопроекты: об уничтожении халифата, о ликвидации комиссариата по делам религий и вакуфов и о переходе всех школ, принадлежавших комиссариату религий, в ведение министерства народного просвещения. Все эти законопроекты не встретили в меджлисе особой оппозиции. Выступившие ораторы-консерваторы (Зекки, Халид) ограничились указанием, что ликвидация халифата невыгодно отразится на внешнем и внутреннем политическом поло-

*) Angora, kaliph and Islam Times. 15/XII 1923.

**) Письмо в Near East. 1/V. 1924.

жени страны, ибо халиф объединял всех мусульман; они настаивали на необходимости производства всенародного референдума для разрешения этого вопроса и, наконец, подчеркивал, что предлагаемые законопроекты противоречат конституции. Мемет паша прекрасно выразил точку зрения правительственной группы, указав что лишь уничтожение халифата «избавит страну от дуализма, как во внешней, так и во внутренней политике» *). В результате обсуждения, меджлис почти единогласно, лишь при нескольких воздержавшихся, принял все предложенные законопроекты. Любопытно, что даже депутаты-муллы заявили, что отделение церкви от государства и реформа халифата вовсе не противоречат основам ислама.

Первый законопроект гласит следующее: «Существование халифата в турецкой республике привело к двойственности, как во внутренней, так и во внешней политике, которая нарушает гармонию независимой народной жизни. Бывшая династия в течение веков являлась источником несчастий турецкой нации, а в дальнейшем явится еще большей угрозой, в случае сохранения халифата. В настоящее время нет никаких оснований к существованию отдельного халифата наряду с современным мусульманским правительством. Поэтому необходимо низложить халифа и уничтожить халифат. Низложенный халиф, а равно все члены Османской династии, как мужчины, так и женщины, навсегда лишаются права проживать в пределах Турции и обязаны в течение 10 дней с момента опубликования закона покинуть ее территорию. Вместе с тем они лишаются всех прав и преимуществ турецкого гражданства, а также права владения недвижимым имуществом в пределах Турции». Далее устанавливается порядок ликвидации имущества, принадлежащего членам династии.

Второй законопроект требует уничтожения комиссариата религии и вакуфов (церковно-благотворительные земли); последние передаются народу. В столице республики учреждается главный отдел по религиозным делам.

Третий законопроект устанавливает переход всех учебных и образовательных учреждений, в том числе и училищ, принадлежащих комиссариату религии, а также вакуфам, к комиссариату народного просвещения.

Большинство турецкой прессы восторженно отнеслось к уничтожению халифата. Лишь клерикальные органы хранили упорное молчание. Радикальный Иени Гюн многозначительно указывал, что все члены династии должны были бы собственно быть казнены в момент занятия Константинополя и спаслись лишь случайно...

Что касается до эке-халифа, то, получив от правительства аванс в размере 1.700 ф. стерл., он перебрался в Швейцарию и оттуда обратился со следующим любопытным посланием ко всему мусульманскому миру:

*) H. Froidevaux, Le suppression du Califat et l'attitude de la France. L'Asie Française. 1924. III.

«Безбожное решение нынешнего большинства Турецкого Национального Собрания несовместимо с духом ислама и его высокими интересами, а равно и с основными условиями, соблюдения которых благородный турецкий народ требовал от избранных им представителей...

Поэтому призываю полномочных вождей и представителей мусульманских общин всего мира к энергичному отпору и предлагаю им в кратчайший срок направить ко мне доказательства их сплочения для великого религиозного конгресса, который я предполагаю затем созвать в надлежащее время и в надлежащем месте. Лишенный всякого источника помощи, за исключением неоскудевающего источника могущественной мусульманской солидарности, благородные и трогательные изъявления которой волнуют мое сердце, я молю всевышнего благословить конечный исход нашего святого дела, дела веры».

Это религиозное послание, направленное не столько к «благородным сердцам», сколько к неоскудевающим кошелькам правоверных, нашло достойный отпор в Турции. Правительство лишило экс-халифа назначенного ему содержания, газеты же метко назвали его выступление «последней изменой Османской династии».

**

Каковы были действительные причины упразднения турецкого халифата? Было бы большой ошибкой видеть здесь одно лишь стремление уничтожить государственный институт, который явился центром скрещения всевозможных контр-революционных сил. Этот чисто политический импульс, несомненно, толкал прогрессивные группы националистов на уничтожение халифата, но его было недостаточно. Несомненно, что в этом же направлении действовали чисто экономические причины, поскольку религия и церковь в Турции связаны с вопросом о вакуфных имуществах. Под последними подразумевается особый вид религиозно-феодальной собственности, состоящей из земель, всевозможных построек, лавок и т. п., доходы с которых идут на содержание мечетей, религиозно-просветительных и общественно-благотворительных учреждений, религиозных сект (напр., монастырей сектантов мевлеви и др.) и т. п. *). Происхождение и юридическая природа вакуфных имуществ очень запутана и наполнена фикциями мусульманских законоведов-факихов. Здесь достаточно указать, что наиболее крупным видом вакуфов являются — основанные на «обычном» праве. Эти адатные вакуфы приобретались религиозными учреждениями следующим способом: они покупали их у собственников за часть действительной стоимости их (обычно за 10%); собственники, так же как и потомство их, продолжали владеть своим участком, лишь уплачивая мечети или монастырскую ренту, равную 15% с

*) M. D'Ohsson. Tableau générale de L'Empire Ottoman. V II. Dr. D. Arslania n. Das gesammte Recht des Grundeigentums und Erbrechtin der Türkei.

покупной суммы. Как мы видим, здесь была, в сущности, не запродажная операция, а, скорее, ссудная сделка; религиозное учреждение под залог недвижимости выдавало ссуду, на которую оно получало 15%. Эта операция оказывалась одинаково выгодной для обеих сторон. Религиозное учреждение выгодно помещало свои капиталы под верное обеспечение. Вдобавок, после прекращения прямого потомства владельца, оно становилось полным владельцем вакуфа. Владельцы, устраивая это, в сущности фиктивное, превращение своих земель в вакуф, обеспечивали себе безопасность от реквизиции, свободу от отбывания воинской и др. государственных повинностей. Неудивительно, что вплоть до первой четверти XIX в. мы видим стремительный рост вакуфов (гл. обр., адатных), и сейчас они составляют огромный земельный фонд, поглотивший, прил. $\frac{2}{3}$ самых плодородных земель Турции.

Государство терпело, конечно, огромный ущерб от существования этой колоссальной площади, ускользающей от государственного обложения, подобно землям средневековой Европы, на которые простиралась «мертвая рука» католической церкви. Борьба, начатая им против вакуфов, имела целью: прекратить дальнейшее образование их и подчинить существующие государству. Уже Махмуд II создает Высшее Управление вакуфами, которое превращается в 1871 г. в министерство вакуфов (Эвкаф-Назарети). После этих реформ духовенство получает лишь определенное содержание, а не доходы с вакуфов, и, таким образом, последние постепенно превращаются из духовной в государственную собственность. В 1876 г. государство даже обложило 15% налогом все вакуфные имущества. Однако, несмотря на все эти реформы, вакуфные имущества продолжали причинять огромную брешь в государственном бюджете. Благодаря тому, что запись (вакф—памэ) на адатные вакуфы составлялись часто несколько сот лет тому назад, доход, приносимый ими, находился в резком противоречии с реальной, текущей стоимостью имений. В XVII в. данный участок мог стоить, предположим, сто лир; продавая его почти за 10% стоимости, т. е. за 10 лир, владелец имения уплачивал ренту в 15% с продажной цены, т. е. 1½ лиры. С тех пор за триста лет цена этого вакуфа поднялась до 1000 лир, а между тем потомство владельцев его по прежнему уплачивает 1½ лиры. Благодаря этой архаической системе владения, государство, взявшее, как мы видели, в свое ведение вакуфные имущества, не только не извлекало из них дохода, но, наоборот, принуждено было приплачивать ежегодно около 50% на содержание школ, благотворительных учреждений и т. п.

Целиком разрешить сложную проблему вакуфов, т. е. секуляризовать их, в рамках старой турецкой государственности не представлялось возможным. Эта реформа означала бы, что государство берет на себя все расходы на содержание школ, больниц и прочих культурно-благотворительных учреждений, что было, конечно, совершенно невыполнимо при хаотическом состоянии турецких финансов.

Мало того, чрезвычайно трудно было ликвидировать права владельцев адатных вакуфов; секуляризуя последние, государство должно было выкупать их права, их «сервитуты», а на это у него опять таки совершенно не хватало ресурсов. Правда, оставался еще один способ разрешить эту проблему: это сломить сопротивление духовенства и аннулировать все вакуфные документы (хотя бы адатные), но для этого надо было произвести предварительно революцию. Абдул Гамид, ищущий поддержки у духовенства для усиления панисламистской пропаганды, конечно, меньше всех был способен на подобное разрешение вакуфного вопроса. Пришедшие к власти младотурки, несмотря на весь свой показной радикализм, также были внутренне неспособны осуществить такую героическую меру, как секуляризация вакуфов, хотя они и сознавали необходимость ее. Как известно, они весьма скоро вступили в блок с мусульманским духовенством, объявили официально, что при издании новых законов в основу будут полагаться начала шариата, и, наконец, даже пробовали оживить панисламистскую пропаганду. Единственная реформа, предпринятая ими в области вакуфного права, заключалась в расширении права наследования вакуфных земель, которое до сих пор принадлежало родственникам до 7 степени, на родственников до 12 степени.

Для националистов вопрос о вакуфных имуществах приобрел совершенно особую остроту, особенно после окончания греческой интервенции. Как уже указывалось, страна испытала полное разорение, и значение земельных налогов возросло в большей степени, чем раньше. При таких условиях, существование огромного вакуфного фонда, забронированного от налогового пресса, ощущалось особенно болезненно. Помимо того, правительство переживало хронический финансовый кризис, не будучи в состоянии покрыть неизбежный дефицит. Прекрасным выходом представлялась здесь продажа государством вакуфных земель, как отмечалось, кстати, наиболее плодородных и ценных. Мало того, после передачи их в государственный фонд, правительство могло распределить их между многочисленными ветеранами и инвалидами войны, а также 600.000-ми мухаджиров «переселенцев», направляющихся в Анатолию в обмен за греческое население и сильно обременяющих государственный бюджет. Секуляризуя вакуфные имущества, правительство, таким образом, сразу достигло двух целей: 1) оно снимало с турецкого землевладения путы, наложенные на него архаическим клерикальным законодательством и 2) путем продажи и распределения их, оно приобретало недостающие финансовые ресурсы. Как мы видим, турецкие националисты находились приблизительно в аналогичном положении с Национальным Собранием 1789 г., накануне секуляризации и продажи имущества французской церкви. При осуществлении этой программы, прогрессивные националисты паталивались, однако, на значительные препятствия, которые нельзя было отстранить, а надо было раз навсегда сломить. Секуляризация вакуфов подразуме-

вала отделение церкви от государства, т. к. лишь после этого правительство приобретало необходимую свободу действий. С другой стороны, подобное отделение было невозможно, поскольку в Константинополе оставался халиф, избранный самим же Национальным Собранием и de jure, имеющий «опорой» своей религиозной власти — турецкое государство.

Теперь нам становится понятна та страсть, с которой левые националисты стремились к уничтожению халифата: для них это было необходимой предпосылкой для возможности проведения важнейших реформ — секуляризации вакуфных имуществ, уничтожения духовной юрисдикции и изъятия дела народного образования (в особенности начального) из рук духовенства. Недаром М. Кемаль заявлял, что уничтожение халифата, это лишь часть обширного плана секуляризации старой теократической системы. Схема, намеченная им, заключала: уничтожение духовных школ, отмену религиозной юрисдикции, отделение церкви от государства.

Наряду с этим, мы понимаем теперь и те импульсы, которые заставляли правых националистов с такой яростью бороться за сохранение халифата. Значительная часть их была связана с администрацией или владельцами богатейших вакуфных имуществ и, поэтому, не столько религиозные мотивы, сколько чисто материальные соображения заставляли их защищать от «безбожных» покушений халифа-имама. Карга их была бита, ибо чисто социологическая закономерность императивно требовала уничтожения такого архаического, теократически-феодального института, каким оставалось вакуфное землевладение. И совершенно понятно, что на том же заседании ВНСТ, где было вынесено решение об уничтожении халифата, было декретировано и упразднение вакуфной собственности, ликвидации духовных школ и полное отделение церкви от государства.

§ 9. ПРОБЛЕМА ХАЛИФАТА, СТРАНЫ ИСЛАМА И ДЕРЖАВЫ.

Проблема халифата имеет огромное значение не только для Турции, но и для всего мусульманского мира. Когда Селим Грозный, по завоевании Египта, узурпировал права последнего аббасидского халифа, он стал «эмиром правоверных» не только Турции, но и всех стран ислама *). С тех пор, приблизительно в течение 400 лет, халифат принадлежал туркам лишь постольку, поскольку посетелем его была династия Османа.

С точки зрения мусульман, постановление ВНСТ уничтожило, поэтому, не самый институт халифата, а лишь принадлежность его указанной династии. История ислама знает много случаев, когда та или иная династия лишалась халифата, принадлежавшего ей в течение ряда веков. Так было с сирийскими Омейядами в 749 г..

*) В. В. Бартольд. „Халиф и Султан“. Мир Ислама. 1912 г. № 2, 3, 4.

с кордовскими Омейядами в 1031 г., с египетскими Фатимидами в 1171 г., с багдадскими Аббасидами в 1258 г. и с каирскими Аббасидами в 1538 г. Даже, если бы высший законодательный орган Турции упразднил всякий вообще халифат, в пределах страны, то этот турецкий «галликанизм» не мог бы воспрепятствовать мусульманам других стран избрать себе халифа.

В этом отношении вообще не надо преувеличивать религиозного единства мусульманского, точнее суннитского мира. В течение почти 300 лет султаны Марокко являются для своих подданных такими же «заместителями посланника божьего», как и константинопольские халифы. Мароккские халифы, с ортодоксальной точки зрения, являются даже более «законными», нежели турецкие, так как они ведут свое происхождение от Хассана (сына халифа Али и жены его, дочери пророка — Фатимы) и, будучи строгими суннитами, объявили себя эмирами правоверных в 1529 г. исключительно из оппозиции к узурпировавшим халифат туркам. Наконец, в Йемене находится третий халиф — имам Яхья, также претендующий на происхождение от пророка и признаваемый духовным повелителем сектантами зейдитами. Как мы видим, в сознании мусульман идея халифата вовсе не связана обязательно с турецкой династией Османа.

Лишь только произошло решение Национального Собрания, как началась «халифатская смута». Когда националисты, разгромив греков, наступали на Константинополь, султан Вахид-Эдди, в течение 4-х лет боровшийся с ними совместно с англичанами, счел за лучшее бежать из Константинополя на английском миноносце. В результате постановления ВНСТ—за границей оказался второй экс-халиф — Абдул Меджид. Теперь появился на сцену третий халиф — король (малик) Геджаса—Гусейн. Назначенный в 1908 г. великим шерифом Мекки, Гусейн сначала лояльно относился к турецкой власти, ведя в то же время закулисные переговоры с англичанами. С началом мировой войны, почуввав выгодно складывающуюся ситуацию, Гусейн вступает в оживленные переговоры с Англией, которые завершаются в 1915 г. заключением соглашения: Англия обязалась содействовать объединению всех арабских областей под главенством Геджаса, а Гусейн брал взамен обязательство выступить против турок. По окончании войны, Англия, в сущности, обманула Гусейна, уступив Сирию Франции, а себе оставив Палестину. Тем не менее, в результате сложной империалистической борьбы на Ближнем Востоке, отношения между маликом Геджаса и Англией стали еще более тесными. В двух «подмандатных» областях Великобритании—Ираке и Западнью—были посажены на престолы сыновья Гусейна—Файсал и Абдулала, сам же он начал получать ежегодную крупную субсидию. Эмиры Геджаса, владеющие двумя священными мусульманскими городами—Меккой и Мединой, принадлежащие к анрафам, т.е. к потомкам пророка, давно уже тяготились турецким халифатом и сами претендовали на последний. Честолюбивый Гусейн, выступающий в роли объединителя всех арабских территорий, конечно, не мог упустить случая, путем захвата халифата, уси-

лить свое религиозно-политическое влияние в Сирии, Ираке, Палестине и в других арабских областях.

Спешно инсценируется церемония избрания халифа. «Шейх и вожди, в частности шейхи двух знаменитых гробниц Геджаса и Иерусалима, указывает официальное оповещение Геджасского правительства,—уговаривали короли Геджаса принять на себя халифат, который был уже объявлен принадлежащим ему во всех мечетях, и, в частности, в трех священных городах: в Мекке, Медине и Иерусалиме, а также в Дамаске и во всей Сирии. Все вожди мусульманской религии приехали для того, чтобы непосредственно заявить ему об этом и на основе религиозного вероучения предложить ему принять халифат. Эта религиозная церемония, предложения халифата, убедила его исполнить эту просьбу».

Как мы видим, в избрании нового халифа участвовали вожди и улемы лишь тех областей, на которые распространяется политическое влияние самого Гусейна и его сыновей. Во всех остальных мусульманских странах самочинное принятие им халифата вызвало резкий отпор. В Египте чуть было не появился четвертый халиф в лице хедива Фуада, которого многие египтяне хотели бы видеть в качестве эмира всех правоверных. Однако, Фуад отказался и, опираясь на группу улемов, объявил о намерении созвать всемусульманский съезд (в марте 1925 г.), на котором и будет окончательно решен вопрос о халифате. Вообще, по этому вопросу мнения египетского высшего духовенства раскололись. Часть их продолжает признавать Абдул Меджида законным халифом, другая группа высказывается за созыв конгресса, третья поддерживает кандидатуру Фуада и т. п. Но при всех этих оттенках мнений, выступление Гусейна вызывает резко отрицательное отношение. Что касается до индийских мусульман, то они также высказываются за устройство всемусульманского конгресса. Аналогичную позицию заняли и сирийцы, за исключением духовенства Дамаска, признавшего Гусейна халифом. В самой Аравии большинство владетельных князей (султан Неджда, повелитель Йемена имам Яхья, владетель Ассира—шейх Идриси), уже давно враждовавшие с Гусейном, теперь открыто выступили против его притязаний и даже приступили к военным приготовлениям. Наконец, наиболее резко относятся к выступлению Гусейна—понятно, турки. Турецкая печать клеймит его, как английского шпиона, и призывает всех мусульман прекратить паломничество в Мекку и Медину, чтобы Гусейн «взвыл, как голодный шакал» (Алшам).

Халифатская смута, свирепствующая сейчас на всем мусульманском востоке, как мы видим, имеет характер совершенно не религиозный, а чисто политический. Участие в ней, конечно, замаскированное, великих держав, придает этой проблеме международный характер*). Английская печать, тотчас же после уничтожения ту-

*) Даже персы, казалось бы, незаинтересованные, как шииты, в судьбах суннитского халифата—также протестуют против предприятия Гусейна, опасаясь, что усилившиеся политически арабы отторгнут юго-западные провинции Персии, населенные гл. обр., их соотечественниками.

рецкого халифата, с плохо скрытым удовлетворением, начала подчеркивать, что этим актом Турция сильнейшим образом ослабила свой престиж, что отныне она не может стоять во главе мусульманских стран, а принуждена будет «опуститься до уровня третьеклассной татарской республики» и т. п. Если мы вспомним, сколько затруднений причинила Англии индийская Лига Защиты Халифата, систематически выступающая против ее политики в Турции, мы поймем удовлетворение, испытываемое англичанами от акта турецкого правительства. Что касается до отношения Англии к выступлению Гусейна, то оно не может не отличаться двойственным характером. С одной стороны, халифат Гусейна ей чрезвычайно выгоден, так как он усиливает арабские центристские тенденции, и тем ослабляет позицию Франции. С другой стороны, чрезмерное политическое усиление Гусейна представляет опасность для Палестины, на независимости которой открыто настаивает как арабское население самой страны, так и сам Гусейн *). Чрезвычайно показательно в этом отношении, что палестинское духовенство и интеллигенция признали Гусейна халифом лишь при условии создания им независимого арабского государства, со включением Палестины. Этой сложностью вопроса о халифате объясняется тон английской прессы, единодушно требующей здесь полного нейтралитета.

Не менее запутанной эта проблема представляется и для Франции. Ее политические круги и пресса отдают себе ясный отчет в тех опасностях, которыми угрожает халифат Гусейна французским интересам на Ближнем Востоке. Используя нового халифа в качестве своего орудия, Англия не только в огромной степени усиливает свое влияние в Аравии и во всех вообще арабских странах, но и создает прямую угрозу французской Сирии **). Прекрасным выходом из положения было бы создание в противовес «английскому халифату» своего «французского халифата». И, действительно, мы видим, что часть французской прессы принимает чрезвычайно близко к сердцу несчастье, постигшее Абдул Меджида. Французский офицер в Бейруте «La Syrie» заявляет, что Кемаль, бывший герой Азии, своим выступлением против халифа, потерял симпатии мусульман; «халиф признан всем мусульманским миром, и, поэтому, турецкое меньшинство не могло свергнуть его, опираясь на сабли кемалистов». Известный писатель туркофил—К. Фарер, защищая низложенного халифа, советует оказать ему всяческое гостеприимство, предоставив даже особый остров. Для этой тенденции французской политики очень показательно посещение сыном экс-халифа Сирии, в которой он выразил надежду «найти второе отечество».

*) Эти противоречивые тенденции английской политики в вопросе о халифате прекрасно проанализированы в статье Марко Поло «После упразднения халифата в Турции». Известия СЦИК. 20/III. 1924.

***) Ту же точку зрения проводит и итальянская пресса; Коррьере д'Италия, Нуово Паззе и др. указывают, что «революционный жест» Кемали открыл широкие перспективы для Англии, давно стремящейся к созданию арабского халифата.

Французское правительство для данного момента, впрочем, находит, очевидно, невозможной подобную авантюристическую политику. Официоз министерства иностранных дел «Тан» заявил, что в вопросе о халифате необходимо целиком стать на сторону турецкого правительства. Таков же взгляд руководящих политических кругов и большинства прессы *). Чем же объясняется эта позиция Франции? Дело в том, что у нее, как мы уже неоднократно указывали, чрезвычайно натянутые отношения с Турцией. Принять на себя поддержку экс-халифа, несомненно, означает вступить в открытый бой с последней. Франция на Ближнем Востоке находится под двойной угрозой: с севера—со стороны Турции, и с юга—со стороны арабских государств, политически руководимых Англией. Этим и объясняется ее колеблющаяся политика в вопросе о халифате.

Благодаря борьбе империалистических держав на Ближнем Востоке, как мы видим, халифат из чисто турецкой политической проблемы становится фактором обще-мусульманской и даже мировой жизни.

§ 10. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТУРЦИИ.

Международное положение Турции в течение года, прошедшего после окончания Лозаннской конференции, значительно усилилось. В первую половину этого периода мы видим ликвидацию остатков интервенции: удаление иностранных стационаров (по категорическому требованию турок) из Смирны, эвакуацию Константинополя английскими войсками (28/IX 23 г.) и т. п. Вторая половина указанного периода отмечена оформлением международного положения Турции путем ряда соглашений, политических и торговых. Договоры заключены со следующими государствами: Польшей, Албанией (18/X 23 г.), Австрией (12/XI 23 г.), Венгрией. Ведутся переговоры о заключении договоров с Германией и Соединенными Штатами, на основе равенства и взаимности. Турко-американский договор имеет целью урегулировать вопросы, оставшиеся открытыми на Лозаннской конференции, так, например, о компенсациях американским гражданам за убытки, причиненные войной, о положении американских культурно-просветительных учреждений в Турции и т. п. Все эти договоры указывают, что период неофициальных дипломатических и торговых сношений с Турцией кончился.

После общей ратификации договоров, — заявил недавно М. Кемаль в меджлисе, — возникает вопрос о вхождении Турецкой республики в Лигу Наций, но мы не хотим быть в Лиге объектом господства других сил...».

*) „Разумно ли и уместно, с нашей стороны, поддаться искушению создать халифа и предложить его, кем бы он ни был, нашим мусульманским подданным в качестве имама? Мы, не колеблясь, высказываемся против подобного предложения“. Н. Froidevaux. La suppression du Califat. (L'Asie Française. 1924. III).

Несмотря на это юридическое оформление международного положения Турции, политическая жизнь Ближнего Востока еще наполнена ствозвучами только что прошедших империалистических бурь и глухими раскатами надвигающихся новых конфликтов. Больше всего трений наблюдается сейчас в отношениях между Турцией и Францией; уже отмеченная двойственная политика последней, при наличии серьезных оснований для осложнений, породила в Турции форменную франкофобию. Сплоснь и рядом мы видим, как толпа разбивает вывески на французском языке, устраивает враждебные демонстрации перед зданиями французских банков, торговых контор и др. учреждений и т. п. Константинопольские власти недавно запретили даже изучение французского языка во всех школах, и понадобилось энергичное дипломатическое вмешательство, чтобы это распоряжение было отменено.

Главным конфликтным пунктом является вопрос об Александретте, в дипломатической переписке туманно сбозначаемый, как «вопрос об установлении северной границы Сирии». По франко-турецкому договору (1921 г.) турки принуждены были уступить этот первоклассный порт Франции, которая и включила его в состав Сирии*). Однако, после решительных военных успехов турок, среди населения Александреттского санджака, насчитывающего много турок, начинается сильное движение в пользу воссоединения с Турцией. Туркофильские элементы сначала прибегают к подаче петиций, а затем, при поддержке турок, переходят к партизанской борьбе. Во время Лозаннской конференции (в сер. апреля 1923 г.) конфликт из-за Александретты принял чрезвычайно угрожающий характер. Турки втихомолку сконцентрировали значительные военные силы недалеко от Александретты: дивизия в 14.000 была обнаружена в каких-нибудь 10 верстах от Сирийской границы. Несомненно, что националисты преследовали план, опираясь на местное население, внезапным ударом захватить Александретту. Лишь резкое предупреждение французского правительства и еще более посылка им двух дивизий в Сирию, заставила турок отказаться от намеченного смелого плана. Анатолийская пресса, впрочем, компенсировала себя похвалой и угрозами по адресу Франции. «Офицеры французской армии, — писала газ. «Euud» (июль 23 г.), — достигающей едва 25.000 чел., прекрасно знают, что они не смогут противостоять турецкой армии, в 10 раз превосходящей их числом».

Столкновения из-за Честеровской концессии, прекращение французской табачной монополии и ряд других вопросов — создают весьма натянутые отношения между Францией и Турцией. Чрезвычайно ярко это проявилось в недавнем закрытии католических школ, находящихся под покровительством Франции и, отчасти, Италии. По Лозаннскому договору, все иностранные учебно-благотворительные учреждения были сохранены на срок в 7 лет. Турецкое правительство потребовало,

*) В. Гурко - Кряжин. Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке, стр. 41.

однако, чтобы католические школы удалили с наружных стен все религиозные символы, вроде креста и т. п. Ввиду отказа выполнить это постановление, администрация объявила о закрытии этих школ, указав попутно, что существование религиозных школ — несовместимо с республикой. Акт этот имеет весьма крупное политическое значение. В одном Константинополе насчитывается 36 французских школ с 13.000 учащихся; в Анатолии находится около 25 школ с 3.000 учащихся; меньшее, но все же довольно значительное количество школ контролируется Италией. Несмотря на решительный протест французского правительства, а также Ватикана, турки отказались отменить принятое постановление. О серьезности этого конфликта мы можем судить по заявлению французского резидента в Константинополе, что «твердость турецкого правительства в вопросе о школах является одной из серьезнейших причин, почему французская Палата депутатов была распущена, не ратифицировав Лозаннский договор».

Отношения между Турцией и Англией являются гораздо более спокойными. Единственным конфликтным пунктом между ними является вопрос о Мосуле, как мы видели, до сих пор совершенно не разрешенный.

С целью расположить к себе турецкое общественное мнение, накануне неудачной конференции по вопросу о Мосуле, английский парламент ратифицировал Лозаннский договор (9/V—24 г.) *). Прения в парламенте по этому поводу носили весьма сдержанный характер, весьма далекий от энтузиазма. Макдональд заявил, что это «вынужденный документ», но без ратификации его не возможно прекратить состояние войны на Ближнем Востоке. Интересно отметить, что против ратификации чрезвычайно яростно, но совершенно безуспешно, выступил Ллойд-Джордж. Экс-премьер, потерпевший политическое крушение на Чанаке, указал на ряд вопиющих недостатков в трактате: уничтожение капитуляций, составление его на французском языке, что наносит «удар английскому престижу» и т. п. Наиболее сокрушительная критика была направлена на соглашение о режиме для проливов. Гарантии, которые оно дает, по словам Ллойд-Джорджа, чисто бумажного свойства. Правда, сейчас Россия держится мирно, но «революционеры вполне способны стать империалистами», — заявил он, обнаружив живую истинную подоплеку борьбы, которая в течение 5-ти лет ведется на Ближнем Востоке. Резюмируя свои замечания, Ллойд-Джордж квалифицировал трактат, как «трусливый», «унизительный», как «черную страницу в истории британской дипломатии». Другой экс-премьер, Болдуин, возражая Ллойд-Джорджу, меланхолически заметил, что турки одержали в Лозанне победу, так как союзники не были объединены, как в Версале и Севре, а преследовали совершенно различную политику на Ближнем Востоке.

*) Лозаннский договор ратифицирован пока (июнь 1924) Грецией, Румынией и Англией. В Соединенных Штатах ведется сильная агитация против ратификации.

Что касается до отношений между Турцией и СССР, то имевшиеся разногласия, по словам полн. представителя тов. Сурица, «происходили, главным образом, в плоскости экономических взаимоотношений, благодаря некоторой разности торговых систем обоих государств». Благодаря «дружескому» участию великих держав, эти разногласия одно время приняли чрезвычайно острый характер и выявились в форме «скрытой экономической войны». Действительно, еще в начале Лозаннской конференции, Турция сбъявила полную блокаду своих портов для товаров и продуктов, идущих из СССР. Благодаря этому товарному запрету, торговые связи между двумя республиками почти совершенно прекратились. Для ввоза русского хлеба или керосина приходилось доставать специальные разрешения, что, понятно, чрезвычайно удорожало их стоимость. При отсутствии на турецком рынке России, монополиями заняли Соединенные Штаты, одинаково в области ввоза нефтепродуктов и зерна. Интересно отметить, что Standard Oil и другие нефтяные фирмы покупали наш же керосин, заставляя, разумеется, турецкое население переплачивать за покупку из вторых рук. Фактическое запрещение ввозить русский керосин и зерно явилось своеобразным налогом на турецкое население в пользу американских фирм.

В конце 1923 г. торговая блокада была прорвана самим же населением Турции. Благодаря отсутствию в Константинополе русского зерна, цены на хлеб начали искусственно взвинчиваться, что, естественно, повлекло вздорожание всех продуктов питания. На этой почве произошел ряд рабочих стачек и волнений, вызвавших единодушную кампанию прессы и муниципалитета в пользу допущения русского зерна в Константинополь. Ангорское правительство принуждено было пойти на уступки, и 10 декабря прош. года разрешило ввоз хлеба и пр. продуктов из портов СССР. Но, конечно, одного снятия товарных запретов здесь мало. Коммерческие сношения между двумя странами будут урегулированы лишь после того, как будет заключен торговый договор, на основах наибольшего благоприятствования в области таможенного, морского и ж.-д. тарифов. Заключение этого договора и составляет основную проблему русско-турецких отношений.

§ 11. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Турецкие националисты новейшей формации в отношении нетерпимости к национальным меньшинствам почти не уступают младотуркам. Проповедуя «Турцию для турок», они, в сущности, воскрешают пантотеманизм последних, против которого они еще недавно протестовали. Одни и те же социально-экономические причины породили эти тождественные постановки национального вопроса. В другом месте я уже указывал, что пантотеманизм, т. е. «стремление переварить арабов, албанцев, греков и др., в огромной степени, конечно, объясняется

психологией младотурок, как представителей нарождающейся турецкой буржуазии. С этой точки зрения мы легко поймем ту агрессивную политику, которая проводилась младотурками по отношению к христианам: ведь... последние монополизировали всю внутреннюю и посредническую торговлю Османской империи. Желая сбить их с этих издавна завоеванных экономических позиций, младотурки старались аннулировать те старинные привилегии, которыми они издавна пользовались. Привилегии эти не только обуславливали экономическую мощь турецких христиан, но они всегда составляли точку опоры для вмешательства европейских держав под флагом защиты христианского населения империи. Однако, лишая их этих привилегий, младотурки ничего не давали взамен и даже не уравнивали христиан в правах с османами» *).

Но мы уже видели, что современные националисты являются представителями той же туземной буржуазии, лишь значительно укрепившей свои позиции в результате мировой войны и последовавшего национально-освободительного движения. Неудивительно поэтому, что при разрешении национального вопроса они проявляют ту же классовую психологию, ту же линию поведения, что и младотурки.

Национальные антипатии молодой турецкой буржуазии были в сильнейшей степени обострены тем участием, которое принимали в борьбе против них греки и армяне, первые совместно с англичанами, вторые с французами (в Киликии). Но великие державы не только хладнокровно использовали национальные меньшинства, сделав из них орудие для своей интервенции и тем самым вырыв непроходимую пропасть между ними и турками. Те же меньшинства пригласили империалистическим державам и на Лозаннской конференции, явившись объектами самого циничного торга.

Выставив в национальном вопросе сначала довольно широкую программу, державы, в конце концов, пошли на полную капитуляцию; они отказались от: 1) требования устроить национальный очаг для армян и 2) от специального надзора над жизнью меньшинств через посредство особых верховных уполномоченных. Мало того, они должны были согласиться даже на принудительный обмен всего греческого населения Малой Азии на мусульман Греции, означающий бесповоротный конец столетней панэллинской программы Греции.

Ценой этого отступничества от жертв своей политики: греков и армян — был, как известно, куплен целый ряд уступок в финансово-экономической области. Благодаря этой тактике держав, Лозаннский трактат не создавал специального режима для национальных меньшинств, а просто гарантировал им те гражданские

*) В. А. Гурко—Кряжик: История революции в Турции. М. 1923 г., стр. 51—52.

и религиозные права, которые существуют у самых передовых стран Европы (статьи 37—45) *).

Одной из самых, можно без преувеличения сказать, трагических статей Лозаннского договора была та, что устанавливала принудительный обмен греческого населения (Анатолии) на турецкое население (Македонии, Фессалии и островов). Ни нищая Греция, ни разоренная Турция не были совершенно подготовлены для выполнения сложной и дорогой стоящей операции переброски с одного места на другое около миллиона человек. Ангорское правительство организовало Национальный «Комиссариат обмена» с кучей комиссий и подкомиссий на местах. Переселенцев проектируется распределить, сообразуясь с их с.-х.-техническими привычками. Так, напр., садоводов, шелководов и т. п. — в Зап. Анатолию (Айдинский и Ходавенкиарский вилайеты), табаководов в район Черного моря и т. д. Однако, все это, к сожалению, является лишь красивым проектом. На практике первые же партии переселенцев, прибывших в Смирну, по месяцам остаются в окрестностях города, обреченные на полуголодное бесприютное существование. Еще хуже обстоит дело с греческим населением. Турецкая администрация, торопясь избавиться от греков, сконцентрировало их в ряде приморских пунктов, не согласовав действий с греческим правительством. Благодаря этому, в окрестностях Константинополя скопилось 14.000 греков, в Самсуне — 16.000, в Мерсине — 4.000 и т. д. Не сделано никаких приготовлений для того, чтоб они могли просуществовать до отбытия в Грецию. Несчастные ютятся в бараках, в разрушенных зданиях, они гибнут от голода, тифа и от других заразных болезней. Хладнокровное согласие на гибель сотен тысяч людей, данное в Лозанне, действительно составляет «черную страницу» в истории европейской дипломатии.

После окончания войны, мы видим стремительное нарастание в Турции шовинистической психологии. В Константинополе все «космополитические» названия улиц заменяются чисто турецкими, издается распоряжение об исключении (в течение месяца) всех не-турок, служащих на трамвае, телефоне и т. д. На конференции журналистов в Мерсине намечается, как основная задача: «борьба с вредными элементами, как-то турками, оставшимися на французской службе во время французской оккупации Киликии; особенно же греками и армянами, добивающимися замены существующего строя европейским протекторатом». Во все концессионные договоры вносится обязательная оговорка, что все служащие должны быть турками; исключение делается лишь для квалифицированного технического состава.

К чему же сводится максимальная программа анатолийской буржуазии в национальном вопросе? Насколько можно судить по прессе, она стремится к уничтоже-

*) Кроме того, статьи 30—36 устанавливали право оптации любого гражданства теми жителями (совершеннолетним), которые окажутся на территориях, отходящих от Турции.

нию греческого вселенского патриархата и великого раввина в Константинополе, закрытию греческих, армянских и европейских школ и вообще созданию однородной этнически территории. Действительно, путем разного рода комбинаций с авантюристическими элементами греческого духовенства, турецкое правительство пытается создать вместо константинопольского великого патриархата «турецкую православную церковь», исключительно обслуживающую ту горсточку греков, которая останется жить в Турции. Против евреев, с которыми турки жили всегда в исключительно хороших отношениях, пока никаких карательных шагов не предпринято, но некоторые газеты («Тевхид-и-Эфкиар» и др.) многозначительно предупреждают, что «турки не будут вперед терпеть опасный еврейский контроль над финансами страны».

Трагичнее всех сложилась, по обыкновению, судьба армян. После младотурецкого погрома, 1915 года, они остались на территории Турции лишь в областях Закавказья, переданных туркам по Московскому договору 1921 года *). Однако, опасаясь будущей экспансии армян в Турции, правительство уже сейчас пытается осуществить ряд предупредительных мер: так, великий внутренних дел Ферид-бей разработал план (март 1924 г.), по которому территория на восток от линии Самсун—Селевкия объявляется запрещенной зоной для армян. Для того, чтобы уничтожить самую идею «армянского отечества», он предлагает поделить имущество, оставленное армянами, между мусульманами **). Полезно напомнить здесь, что единственное государство, принявшее на Лозаннской конференции реальное участие в судьбе несчастного армянского народа, было СССР, объявившее о создании на своей территории «армянского очага».

Последний шаг в области агрессивной национальной политики был сделан турецкими правящими кругами в виде проекта создания «запретных зон».

Проект этот, оживленно комментировавшийся в турецкой прессе, сводился к воспрещению арабам жить в областях, програничных с Сирией и Ираком, а грузинам в районах Карса, Ризе и Артвина. Зону, определенную для армян, мы уже указывали. Проект предлагал далее, чтобы ни в одном городе, исключая Константинополя, число «иногородцев» не превышало 10% турецкого населения, а также чтобы национальные меньшинства не имели права строить себе самостоятельные поселки. После того, как раздались резкие протесты арабов, автор проекта Ферид-бей⁸ заявил, что он совершенно не осведомлен о проекте создания «запретных

---

*) Книги, недавно вышедшие за границей: „L'Extermination des chrétiens d'Orient“, „L'Arménie et la question arménienne avant, depuis et pendant la guerre“ рисуют жуткую картину гибели целого народа в результате предательства держав, жестокости турецкой шовинистической буржуазии и преступной политики дашнакцканов.

**) Любопытно отметить, что эти ограничения не распространяются на крупную армянскую буржуазию. Недавно вызвало большой скандал разрешение вернуться в Константинополь 3-м бежавшим богатым армянским купцам. Правительство было заподозрено в подкупе, и купцам пришлось эвакуироваться вторично.

зон»... Это показывает, что правительство принуждено отказаться от принятого плана.

Последний факт, ярко показывающий, как понимают турецкие политики «законодательство в области национального вопроса передовых европейских держав», связан с выработываемым проектом конституции. В первоначальном проекте было указано, что «все турецкие подданные, без различия расы и религии, должны именоваться турками, и пользоваться одинаковыми правами». Однако, эта редакция вызвала сильную оппозицию со стороны лидеров «турецких очагов». Председатель последних и быв. велик просвещения Хамдулла Субхи бей совершенно открыто заявил, что заветным желанием турок является: изгнание всех греков — армян из всех общественных предприятий, как-то трамваи, водопроводы и т. п. К указанному параграфу конституции (88) было сделано, поэтому, добавление: «они именуется турками, поскольку являются соотечественниками». Таким образом, полноправное турецкое гражданство будет уделом лишь тех инородцев, которые учились в турецких школах, говорят по-турецки и целиком пропитались турецкой культурой.

Эта бессмысленная агрессивная национальная политика, бесспорно, грозит Турции серьезнейшими опасностями. Она не только разрушительно отражается, как мы видели, на экономике страны, но чревата в будущем и чисто политическими осложнениями. Теперешняя, уменьшившаяся больше чем вдвое, Турция, конечно, более однородна этнически, нежели довоенная Османская империя. Но не забудем, что на территории Турции проживает более миллиона курдов (в районах Хеккари, Бохтап, Дарсим и др.), значительное количество арабов проживает в Киликии, и, наконец, по всей Анатолии разбросана такая влиятельная этническая группа, как черкесы.

Действительный прогресс Турции, несомненно, заключается не в военно-дипломатических победах, а в разрешении основных социально-экономических вопросов. В ряду последних одной из основных, конечно, является национальная проблема, имеющая такое первостепенное значение во всей истории Турции. Лишь разрешив ее в духе предоставления подлинного самоопределения всех национальностей, населяющих страну, Турция возродится к новой политико-экономической жизни. За примером туркам не надо обращаться далеко: на их восточной границе находится дружественный Союз Советских Республик, почерпнувший свою мощь, в значительной степени, благодаря правильному разрешению национального вопроса.

Арабский восток *).

I.

Одним из наиболее важных последствий мировой войны было, несомненно, политическое возрождение арабских областей, в течение веков входивших в состав Османской империи. Сирия, Палестина, Ирак, многие мелкие государства Аравии—впервые самоопределяются и начинают вести изолированное политическое существование. Это самоопределение, правда, носит по большей части чрезвычайно условный, часто даже фиктивный характер: реальная политическая власть принадлежит здесь Франции и Англии, которые по Севрскому договору получили мандаты на эти области, а еще до этого, во время мировой войны оккупировали их своими войсками. Но во всяком случае, хотя бы в качестве полуколоний западного империализма, арабские страны отныне окончательно выделены из состава Турецкой империи и тем самым создали совершенно новую фазу в восточном вопросе. Недаром, в западной политической литературе в последнее время все чаще и чаще встречаются указания на огромное значение для Европы—арабского вопроса. Для точного, отчетливого выяснения последнего, необходимо рассмотреть развитие его в течение всего XIX века, на фоне сложных международных отношений, созданных главным образом, английским империализмом, а также политикой старой и новой Турции.

Прежде всего каковы границы Арабского Востока? Если мы взглянем на восточный угол Средиземного моря, то мы увидим, что отсюда, как бы веером, расходятся ряд территорий по диагоналям, образуемым Нилом, Красным морем, Тигром, Евфратом и их продолжением—Персидским заливом. Эта группа тесно связанных областей, имеющих свое продолжение по сев. побережью Африки вплоть до Атлантического океана, и образует Арабский Восток. Доступ к нему с запада открывается побережьями Сирии и Египта, этими «ступенями Леванта» (по-турецки «Искеле»), по образному выражению местных жителей. Общая площадь всех этих областей, а именно: Ирака, Сирии, Палестины, Аравии, Египта, Триполи,

*) Статистические сведения взяты из: Statesman's Year Book 1909—1923 гг., публикаций Foreign Office за 1920 г. и др. справочных изданий.

Киренаики, Туниса, Алжира и Марокко) — достигает, приблизительно, $2\frac{1}{2}$ тысяч квадратных миль, т.е. почти равна площади Европейской России до мировой войны. Труднее вычислить количество народонаселения, принимая во внимание необычайную подвижность кочевых племен, а, главное, полное отсутствие у турок статистических данных. Комбинируя различные данные, мы можем с большой вероятностью установить для перечисленных областей — цифру в 40 миллионов жителей, т.е. в $3\frac{1}{2}$ раза меньшую, нежели для Европейск. России. Общегеографические условия объясняют нам причину этой необычайной разреженности населения. Почти $\frac{2}{3}$ всей территории Арабского Востока состоит из огромных песчаных пустынь, вроде Сахары, Ливийской пустыни, Сирийской, Нефуда и др., а также из солончаков, наконец, горных массивов, лишь в незначительной степени пригодных для оседлой или даже для кочевой жизни.

В политическом отношении весь Арабский Восток распадается на две части: западную и восточную, причем это деление издавна обуславливалось целым рядом экономических, этнических и исторических факторов. Западная часть включает территории Сев. Африки с Египтом, восточная — пояс переднеазиатских областей, а также Аравию. Уже задолго до начала XIX века, обе эти территориальные группы вели обособленное политическое существование, внешним выражением чего являлось исчезновение уже в XVIII в. власти Высокой Порты над государствами Магриба и Египтом, не считая призрачного суверенитета. Наоборот, восточная часть Арабистана (Ирак, Сирия, Аравия) жила общей жизнью вплоть до конца мировой войны, тесно связанная единством торговых путей, экономического быта и политических условий.

Площадь восточного Арабистана, составляющего предмет настоящей статьи, равняется приблизительно половине всей территории арабских областей (ок. 1.217.000 кв. миль); население его достигает цифры 12.000.000 чел., т.е. 1,6 ч. на 1 кв. милю. За исключением некоторых областей Центральной Азии, вроде Монголии или Тибета, нигде в мире мы не встречаем такого редкого населения *). Необходимо тут же отметить еще один демографический факт, который будет иметь огромное значение в политических судьбах Восточного Арабистана. Население его отличается необычайной пестротой, объясняемой тем, что и Сирия и Месопотамия являлись как бы огромной ареной, где уже за тысячи лет до нашей эры непрерывно сталкивались и смешивались народы трех материков. Благодаря этому здесь насчитывается по нескольку десятков национальных групп и вероисповеданий.

Но вместе с тем во всех этих областях имеется основное этническое ядро, а

*) Подробности по статистике народонаселения Ирака, Сирии и Палестины см. у В. Кряжина. Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке, М. 1923 г.

именно арабы *), составляющие ок. 60% всего населения. Этот факт уже сейчас кладет свой отпечаток на политическую жизнь и Сирии, и Палестины и др. стран, в будущем же он может послужить одной из предпосылок, по пути создания пан-арабской федерации.

Обрисовать вкратце исторические судьбы Арабского Востока является совершенно невыполнимой задачей. Человеческая культура зародилась как раз в бассейнах великих рек Евфрата, Тигра и Нила. Далее, в течение тысячелетий, мы видим здесь процесс скрещения всевозможных цивилизаций: эгейской, египетской, иранской, вавилонской, кавказской и северной—трипольской. Вместе с тем именно Междуречье и Сирия являются историческими перекрестками, где встречались и вступали в ожесточенную борьбу решительно все народы Переднего Востока: шумеры, аккадцы, халды, хетты, египтяне, арабы, киммерийцы, скифы, мидяне и т. д., и т. д. Холмы (телли), которыми усеяно все течение Тигра и Евфрата таит в своих недрах молчаливые памятники этой культурной и политической борьбы.

С VI века эти же области становятся центрами мировых империй, сначала персидской—Ахеменидов, затем эллинистической—Александра Великого и Селевкидов, опять персидской—Сасанидов, арабской—Халифатской и др. И вновь, как тысячелетия тому назад Месопотамия и Сирия оспариваются на этот раз народами запада и Центральной Азии—греками, римлянами, византийцами, франками, турками и монголами.

История арабских областей совпадает, как мы видим, с историей Древнего Востока и составляет значительную часть истории: Рима, Византии, Ирана и средневековой Европы.

Также немислимо проследить здесь и исторические судьбы арабского народа. До появления Мухаммеда, арабы не жили общей культурно-политической жизнью и дробились на десятки государств вроде: Хирского, Гасанидского, Химyarитского и других, а также на тысячи независимых племен. После же обращения в ислам их история сливается с историей мусульманства и далеко переходит за узкие географические рубежи Аравии, Сирии и Месопотамии. Ограничусь поэтому указанием на основные тенденции, присущие истории арабов на всем ее протяжении.

Одним из таких повторяющихся процессов является периодическое массовое переселение кочевников из степей Аравии в области оседлой культуры. Знаменитый ориенталист Г. Винклер насчитывает четыре крупных переселения **): первое произошло между 3500—2500 до нашей эры, когда семиты вавилоняне завоевали царство шумеров; второе ханзаанское (2500—1500) сопровождалось за-

*) Несомненно, что в ряде случаев мы встречаем лишь арабизированные, часто даже не семитические племена (напр., в Египте). Но такой основной признак, как язык, заставляет их принимать за одну нацию.

***) Н. Winckler. Die Völker Vorderasiens (Der Alte Orient).

воеванием номадами Палестины; за ним последовало арамейское—распространившее семитический язык и физический тип до крайних северных пределов Переднего Востока; наконец, четвертое переселение,—арабское,—началось в VII в. и в несколько десятилетий создало огромную империю, раскинувшуюся на трех материках.

Этот процесс постоянного передвижения кочевых племен в зоны земледельческой культуры необычайно характерен даже для современной Аравии. Еще в XVII и XVIII в. мы видим крупное движение бедуинских племен шаммаров и ашазехов (аназа), которые заново завоевывают Месопотамию и до сих пор составляют важный элемент ее населения. В конце XVIII и в начале XIX в. племена Неджа, воодушевленные новым религиозным учением—ваххабизмом, стремительно завоевывают почти всю Аравию и часть Ирака. Возможно, что они по примеру первых халифов, сумели бы утвердить свое влияние во всей Передней Азии, если бы не были разгромлены европейски обученной армией египтян.

Конечно, в настоящее время в Аравии невозможно передвижение и тем более выселение кочевых племен в таких крупных размерах, как это было в прошедшие века. Но во всяком случае для понимания даже текущей арабской действительности, мы должны всегда иметь в виду эту необычайную подвижность кочевых племен и их способность быстро образовывать значительные конфедерации племен, хотя бы и на короткое время.

Второй характерной чертой истории арабов является их способность ассимилировать другие народности. Действительно, мы не должны преувеличивать той колонизации из Аравии в страны Передней Азии, которая началась при Мухаммеде и продолжалась при первых «правверных» халифах. Некоторые цифры дают нам возможность приблизительно определить размеры арабского переселения в VII в. В битве при Кадесии, где решилась судьба Сасанидской Персии—участвовало всего около 30.000 арабов. А между тем Омар мобилизовал для этой операции чуть ли не все военные резервы Аравии. «Он не оставил в стране ни одного сколько-нибудь значительного человека, был ли это воин, поэт, оратор или вождь, ни одного владеющего конем или оружием; всех их он отправил в Ирак» *).

Когда после разгрома византийцев и персов, началось планомерное заселение Ирака, Сирийского побережья и отчасти Сев. Африки—оно происходило также в весьма скромных размерах. По мнению Muir'a общее количество выселившихся арабов не превышало к моменту смерти Омара полумиллиона. Если мы примем во внимание, что они были призваны утвердить арабское господство на территории равной Европейской России, населенной миллионами людей,—мы поймем, насколько была незначительна эта цифра.

И все же, эти малочисленные группы арабов блестяще сумели выпол-

*) Muir. *Annales of the Early Caliphate*. L. 1883, стр. 158.

нить свою задачу и не только политически подчинили миллионы греков, персов и берберов, но и арабизировали их, т.-е. привили свой язык, а впоследствии— сознание принадлежности к арабскому племени.

Как объясняется эта историческая загадка? Прежде всего арабы, как завоеватели, а позднее как господствующий общественный элемент, естественно, побуждали побежденных усваивать их язык и религию. Далее, процессу инфильтрации арабского этнического элемента, несомненно, способствовало многоженство, дававшее ему возможность быстро размножаться. Но одних этих факторов было, разумеется, недостаточно.

Историческая роль арабов именно в том и заключалась, что они не остались лишь завоевателями на подобие турок и монгол. Наоборот, они, не только сумели с необычайной быстротой усвоить, вобрать в себя высшую цивилизацию тех народов, которых они покорили, но и создать из обломков византийской и персидской культуры—новую арабскую культуру, представлявшую огромный шаг вперед по сравнению с последними.

Превосходство в материальной технике, находящее свое выражение в сфере права, искусства и науки, дало после этого арабам возможность без особого труда переваривать те чуждые этнические элементы, которые обрушивались на них в лице всевозможных завоевателей. Начиная с момента упадка Багдадского халифата (IX—X в.в.), точно проламываются стены, отторазивавшие Переднюю Азию с севера и с востока, а в образовавшиеся отверстия бурно вливаются новые орды завоевателей: турки, курды, черкесы, монголы и т. п. В XI и XII веках мы наблюдаем в Ираке и в Сирии буквально этнический хаос. Автобиографические записки деятеля той эпохи, мелкого эмира Усама-Ибн-Мункыза рисуют нам картину необычайной национальной череполомности: арабские княжества перемешаны с латинскими, повсюду разгуливают дружины турок и курдов, очень сильна инфильтрация персов и армян *). Казалось, арабский элемент должен раствориться, утонуть под этими чужеродными этническими волнами, без устали заливавшим Переднюю Азию и в последующие столетия. И, однако, случилось совершенно обратное: именно, арабам удалось ассимилировать все эти гетерогенные элементы, и в результате, как отмечалось выше, и в Ираке, и в Сирии, и в др. странах Арабистана не менее 60—80% населения признает себя арабами и говорит на различных диалектах единого арабского языка.

Высокая хозяйственная техника арабов в области земледелия, промышленности и особенно торговли, их разработанный строй социально-политических отношений восторжествовали, таким образом, над примитивными культурными навыками обрушившихся на них кочевников и полуномадов. Совершенно аналогичный про-

*) Усама ибн Мункыз. Книга наизаивий, пер. М. Салье. П. 1922 г.

цессе происходил, напр., на Балканах, где оседлые славяне, благодаря преимуществам своей земледельческой техники, сумели необычайно быстро ассимилировать тюркское племя болгар, вытеснив совершенно их родной язык и превратив их в славян по национальному самосознанию.

Эти основные черты, свойственные истории арабов, объясняют общий характер турецкого завоевания Передней Азии.

В начале XVI века Селим Грозный присоединяет к Османской Империи Сирию и Месопотамию. После завоевания Египта и низложения последнего халифа-аббасида, он присваивает халифат и оставляет его в своем роду. После этого в течение трех веков ни Ирак, ни Сирия не имеют собственной истории, переживая политические процессы, общие для всей Турецкой Империи.

С ослаблением военного могущества последней Месопотамия, правда, в течение XVIII века и части XIX в. фактически жила обособленной жизнью под властью независимых пашей, а также пришлых бедуинских племен шаммаров и аназехов; но в 60-х г.г. прошлого столетия турки вновь и на этот раз окончательно завоевали Междуречье.

Власть турок в арабских странах, однако, носила чрезвычайно поверхностный характер. Поскольку дело идет о бедуинах, то они так и остались вне рамок турецкой государственности, не платя налогов, не отбывая воинской повинности и продолжая вести старую пастушески-разбойничью жизнь. Что касается до оседлых арабов, то они с презрением и с враждой относились к грубым завоевателям туркам, стоящим неизмеримо ниже их в культурном отношении.

Так как главный поток турецкой колонизации хлынул в Анатолию и на Балканы, то в арабских областях турки вдобавок фигурировали исключительно в качестве солдат и чиновников. Благодаря этому турки, напр., в Месопотамии составляют лишь 5% всего населения, в то время как арабы 64,7% *).

Эта неспособность турок органически слить арабские области с остальной империей и, с другой стороны, отсутствие в этих областях значительного турецкого ядра—придали чрезвычайно шаткий характер их власти.

К сожалению, у нас отсутствуют последовательные данные о соотношении между турецким и арабским населением в составе всей Османской Империи **). Во всяком случае, несомненно, что благодаря вымиранию чисто турецкого населения, соотношение это изменилось не к выгоде для османов.

*) „Mesopotamia“. Изд. Foreign office (Historical Section). 1920.

***) Цифры, сообщаемые Убиччини, а именно 900.000 арабов и 210.000 сирийцев и халдеев на 42.800.000 турок в Европе и в Азии-безусловно не соответствуют действительности (Lettres sur la Turquie, 1853 г.).

Накануне мировой войны на 10 миллионов турок в Азии и в Европе приходилось уже 5 милл. арабов Сирии, Месопотамии и некоторых других районов *). Если же мы присоединим сюда население всего Аравийского полуострова (от 5 — 6 милл.), то количество арабского населения—уравновесит турецкое.

В свете этих статистических и культурно-исторических фактов, мы поймем, какое огромное значение имела для турок в течение всего XIX века арабская проблема, от разрешения которой в сущности зависели судьбы всей империи.

II.

Совершенно иначе, нежели в Сирии и в Месопотамии, сложились отношения между турками и арабами—в Аравии. Несмотря на все усилия османского правительства, власть его в Аравии распространялась лишь на немногие районы и притом обычно носила чисто фиктивный характер.

Произошло это в результате ряда естественных условий, на которых необходимо вкратце остановиться.

Огромный Аравийский полуостров, равняющийся $\frac{1}{3}$ Европы—самой природой разделен на несколько совершенно изолированных районов **). В геологическом отношении он представляет продолжение Сахары и на половину состоит из песчаных пустынь: Северной, так назыв. Сирийской (Бадият-эш-Шам ***), средней—Нефуда и великой южной пустыни—Дехна, занимающей почти четверть всего полуострова и состоящей из дюн и непроходимых жидких песков.

Эти моря песку, заполняющие всю внутренность полуострова, и разобили совершенно западную часть от восточной и от южной. За исключением центрального степного плоскогорья Неджда, население могло группироваться здесь лишь на береговой полосе, узкой лентой обвившей весь гигантский полуостров ****). Значительная часть этой береговой зоны пропадает для оседлого населения, так как она состоит из болот (в среднем в 50 кил. ширины) так наз. Тихамма, изобилующих мназмами.

Благодаря незначительной пригодной для культуры площади, полному отсутствию рек, которые существуют здесь лишь в виде дождевых пересыхающих потоков (так наз. уади), Аравия является одной из наименее населенных областей в мире. Эту негостеприимную страну населяют всего 5—6 миллионов арабов, и,

*) Encyclopaedia Britannica. 1910 г.

***) Если северн. границу Аравии ограничивать линией идущей от Акабского залива до устья Шатт эль Араба, то площадь ее равняется прил. 1 мил. кв. миль. По Э. Реклю площадь Аравии—3.100.000 кв. кил., по Banse—3.141.600 кв. кил.

****) Иначе Бадият эль Араб. В сущности, в значительной части это не пустыня, а степь, через которую в свое время прошел великий арабский полководец Халид.

*****) Эта береговая полоса со всех сторон как бы обнесена высоким правильным валом.

таким образом, плотность народонаселения равна 5—6 чел. на 1 кв. милю, т. е. в 38 раз меньше, чем во Франции *).

Население это состоит в огромной части из кочевников-бедуинов, тысячами пребывающих в состоянии племенной анархии и, благодаря ряду внутренних географических переборок, группирующихся в нескольких замкнутых районах. Экономическое состояние этих областей будет охарактеризовано в дальнейшем. Сейчас я ограничусь поэтому самыми общими указаниями.

Чуть ли не важнейшей, в политическом отношении, областью Аравии—является Геджас, гористая, почти непригодная для культуры страна, тянущаяся по побережью Красного моря от Акабского залива и до гористой страны—Ассир **).

Политическое значение Геджаса коренится в том, что на его территории расположены два священных города для мусульман, паломничество в которые (хадж) составляет одну из пяти основных обязанностей правоверных. Благодаря необходимости охранять десятки тысяч паломников, а также организовывать совершение хаджа, в Геджасе в XII в. возникло небольшое церковное государство, так наз. великое шерифство, основанное в Мекке династией Хасанидов ***).

После завоевания турками (при Селиме, в XVI в.) всей Передней Азии и присвоения халифата, они должны были стремиться подчинить себе и священную землю ислама—Аравию. И, действительно, почти одновременно с Египтом, османы захватывают Геджас, затем турецкий флот покоряет все арабское побережье Красного моря, и, наконец, в конце XVI в. турки оккупируют единственную плодородную область Аравии—Иемен.

В связи со стремительным падением военного могущества османов, начиная с XVII века, скоро они теряют почти всякую власть над покоренными областями Аравии.

Иемен открыто выходит из подчинения Турции, Геджас же сохраняет лишь чисто внешнюю вассальную зависимость. Султаны, как халифы всех правоверных, должны были той или иной ценой сохранять свое влияние в Мекке и Медине, так как иначе сильнеешим образом уменьшался их престиж в мусульманском мире.

И вот мы видим, как зависимость шерифа Мекки от султана сводится к тому, что он получает от последнего взамен вассалитета ежегодный подарок (так наз. сура), оставаясь в остальном совершенно независимым от Порты.

В конце XVIII века это установившееся положение вещей было в корне потрясено движением ваххабитов, которое и открыло новую эру в истории Аравии.

В середине XVIII века среди бедуинов Неджда начал свою проповедь Абд-эль-

*) Некоторые исследователи еще более уменьшают эту цифру, так по мнению Банзе в Аравии проживает всего 230000 жителей, и плотность народонаселения ее равна всего 0,7 чел. на 1 кв. кил.

**) Северную часть Геджаса иногда выделяют в особую область, так наз. Мириан. Границу между Геджасом и Мирианом составляет река Уади эль Хамд.

***) Эмир Мекки считается ашрафом т. е. потомком 4-го Халифа Али и Фатимы (дочери Мухаммеда). В Аравии насчитывают много других ашрафов.

Ваххаб, который хотел также реформировать ислам, как это сделал Лютер с христианством. Он проповедывал возвращение к чистому монотеизму, к первичной догме корана, которая была искажена суевием масс и своекорыстием духовенства в течение одиннадцати веков. Как и Лютер, он не призывал к мирной реформе: наоборот, он проповедывал беспощадную борьбу против всех отступников, уничтожение всех капищ, безразлично суннитских или шиитских, и обращение огнем и мечом в новую веру. Лишь таким путем, по мнению Абд-эль-Ваххаба, можно было возродить халифат, то-есть, религиозно-политическое единство всего многомиллионного мусульманского мира.

В сфере практической Ваххаб запрещал куренье табака, употребление дорогих тканей и духов и т. п. Эта пламенная проповедь, насыщенная настолько догматическим, сколько социальным содержанием, резко ополчающаяся против всемогущего духовенства и привилегированных классов, борющаяся против роскоши во имя аскетизма, имела огромный успех среди беднейших классов арабского населения.

Вновь, как во времена Мухаммеда, мы видим, что первыми последователями секты становятся рабы, разорившиеся мелкие арендаторы и беднейшие бедуины. Движение оказывается настолько сильным, что эмир Неджда Мухаммед Сеуд объявляет себя сторонником учения Ваххаба и начинает распространять его вооруженной рукой по всей Аравии. Благодаря сочувствию низших слоев населения, ваххабиты в течение нескольких десятилетий одерживают огромные успехи. Они распространяют свое влияние на Ирак, где они громят величайшие святыни шиитов, священные города Неджеф и Кербелу (1801 г.). Спусти два года они овладевают Меккой и затем Мединою, где также уничтожают все следы «идолопоклонства» и перерезают, таким образом, дороги для пилигримов. После этого две армии посылаются для завоевания Сирии и Багдадского вилайета.

Турецкое правительство было беспомощно предпринять что-либо против этого бурного натиска арабов, грозившего повторить события VII века.

На помощь Турции выступил основатель современного Египта—хедив Мехмед Али, который сам преследовал ту же задачу, что и ваххабиты, а именно возрождение обветшалой Османской Империи, но путем «египтизации» ее.

После продолжительной и ожесточенной борьбы египтянам удалось сломить могущество ваххабитов, эмир Сеуд был отослан в Константинополь и там казнен, столица его Дарайя захвачена и разрушена. После этого Неджд становится тем, чем он был и раньше, т.-е. одним из маленьких княжеств центральной Аравии. Гегемония в последней переходит после этого к племени шаммаров, которые занимают ряд оазисов на север от ваххабитов, и, что очень важно, контролируют караванные пути, ведущие из Аравии в Сирию и Ирак *).

*) Основателями эмирства шаммаров явились ар-Рашиды, имевшие свою резиденцию в городе Хайль и контролировавшие до 1902 новую столицу ваххабитов Риад, т.-е. „Сады“.

Вслед за ликвидацией ваххабизма, Турции пришлось почти тотчас же пережить второе потрясение на Арабском Востоке, которое чуть было не разрушило все здание империи (1831 г.).

Победитель ваххабитов, Мехмед Али поднял восстание против султана, завоевал Сирию, разгромил одну за другой все турецкие армии и угрожал Константинополю. Спасло турецкую власть от полного уничтожения лишь вмешательство великих держав (главным образом, Англии и России), которые боялись возрождения Передней Азии под властью энергичных египтян и стоящей за их спиной Франции.

Лишь после этих грозных событий начинается активная политика оттоманского правительства в арабских странах, имевшая целью органически связать их с остальными частями империи.

В Сирии осуществление этой задачи облегчили египтяне, которые во время десятилетней оккупации этой страны, почти окончательно уничтожили в ней все остатки феодализма *). Турецкая администрация работала после этого в двух направлениях: прежде всего, она обуздала разбойничьи племена (вроде курдов Гюлр Дага) путем карательных экспедиций и переселения их на новые места **); далее она заселяла наиболее беспокойные районы ***) , а также важные пункты больших караванных путей—надежными элементами, главным образом, черкесами, переселившимися в Турцию после завоевания Кавказа (так наз. мухаджирами), а также туркменами. Наконец, был предпринят ряд мер для того, чтобы побудить беспокойные бедуинские племена перейти на оседлое положение. С этой целью им давался ряд привилегий, были созданы новые административные центры и т. п. Благодаря этой систематической и умелой политике, туркам удалось превратить Сирию в обычную имперскую провинцию, хотя все попытки этнически ассимилировать ее—кончались полнейшим крахом.

Одновременно турецкое правительство предприняло энергичные меры для утверждения своей власти в Аравии. Не останавливаясь на деталях, укажу лишь, что оно прибегало здесь к двум испытанным методам: подкупу и посылке военных экспедиций. В результате полувековой работы, туркам удалось достигнуть весьма значительных успехов. Геджас и Йемен были организованы в имперские провинции, причем великий шериф Мекки превратился в игрушку в руках турецких губернаторов (вали). В 80-х годах, по почину основоположника турецкого конституционного движения, знаменитого Мидхад-паши, турецкие войска завоевывают до сих пор не принадлежавшее им побережье полуострова—Хассу и, наконец, устанавливают свое преобладающее влияние в южной и центральной Аравии, заклю-

*) Оккупация Сирии приемным сыном Мехмед Али—Ибрагимом пашой, продолжалась с 1831—1841 года.

**) В районы Мараша, Айнтаба и т. п. см. „Turkey in Asia“. Изд. Foreign office.

***) Напр. Джебель Ансарие, оазис Тадмор и др.

чив союз с шаммарами *). Политическое господство, с таким трудом насаждаемое в Аравии и в др. арабских странах, оказалось довольно прочным и сумело выдержать ряд восстаний (гл. обр., в Йемене), иногда пришивавших весьма крупные размеры.

Завершением этой централизаторской политики явилось проведение, по инициативе Абдул Гаида, Геджасской жел. дороги, которая в своем дальнейшем продолжении к Индийскому океану должна была окончательно связать Аравию с малоазиатским ядром Османской Империи.

План этот, однако, потерпел полный крах, благодаря, главным образом, политике Англии, империалистические интересы которой властью толкали ее в сторону Аравии, Палестины и Ирака.

III.

Сирия и Аравия, на которых обратилась империалистическая энергия Англии, а затем и других держав — представляли в противоположность Месопотамии незначительный интерес в хозяйственном отношении.

Сирия, являющаяся как бы западной гранью Аравийского полуострова — представляет, прежде всего, слишком незначительный простор для хозяйственной деятельности **). Зажатая между морем и пустыней, она представляет из себя известковое плато, перерезанное двумя параллельными цепями гор, земледелие возможно лишь на узкой прибрежной полосе, в долинах и в области, примыкающей к степи. Соотношение между гористыми участками, непригодными для культуры, и равнинами, крайне непропорционально. В Дамасском вилайете на 75% гористой поверхности приходится лишь 25% равнины, и приблиз. такое же соотношение наблюдается и в остальной Сирии. Неудивительно после этого, что лишь от 10% до 30% всей площади подвергается какой-либо обработке под пашню, сады, пастбища и т. п. Принимая во внимание, что Сирия является чрезвычайно отсталой страной, где господствует примитивное земледелие, мы видим, что ее экономическое значение буквально ничтожно.

Из промышленных культур, некоторое значение имеют хлопководство, шелководство и производство оливкового масла. Однако характерно, что эти три от-

*) Главные этапы турецкого проникновения в Аравию следующие: 1849 г. — возрождение турецкой власти в Йемене; 1870 г. — Мидхад паша, назначенный вали Багдада, утверждает турецкую власть в Ираке; 1871 — Мидхад паша завоевывает Хассу и полуостров Катр; 1872 — Мухтар паша овладевает столицей Йемена Сенаа и вскоре всей страной, за исключ. горных местностей; 1888 г. — Турция заключает военный союз с эмиром шаммаров, который признает ее сюзеренитет; 1881 г. — организация регулярного почтового сообщения между Багдадом и Аденом.

***) Подробности см. В. Кряжин, указ. соч., стр. 6-22.

расли хозяйства обнаруживают за последние десятилетия тенденцию к резкому падению, благодаря примитивности техники и непосильной конкуренции со стороны других стран.

Насколько незначительна экономическая жизнь Сирии, доказывает общая сумма ее годового довоенного производства, равная всего 882.000 франков.

Обрабатывающая промышленность Сирии не имеет вдобавок никаких шансов

на скольконибудь значительное развитие в будущем, так как в стране почти вовсе отсутствуют: уголь, нефть и железо, эти три основные предпосылки для возможности развития современной индустрии.

Хозяйственная жизнь Аравии находится, пожалуй, на еще более низком уровне. Благодаря чисто почвенным условиям и отсутствию влаги, земледелие в Аравии возможно лишь в двух, трех районах, а именно: в Йемене и отчасти в гористом Ассири. Развитию земледелия мешает необычайно отсталый строй социальных отношений; так, например, устройство ирригации почти невозможно из-за вражды племен — почти постоянно находящихся во взаимной войне. Часто наблюдается даже факт, что арабы, уходя на новое становище, засыпают оставляемые колодцы.

В богатом Йемене, помимо хлебных злаков, выращиваются лекарственные травы, ароматические деревья и кофе; однако, эта страна настолько контрастирует с остальной Аравией, что недаром она получила в древности название «счастливой Аравии» — Arabia felix.

Основное занятие арабов остальной Аравии составляет скотоводство, а в оазисах — культура финиковой пальмы. Недаром арабская пословица говорит, что верблюд и финиковая пальма созданы из той же глины, что и человек. Разведение верблюдов и овец, а также в меньшей степени лошадей, производится в довольно крупных размерах. Одни лишь главные бедуинские племена имеют до 720.000 верблюдов. Благодаря этому выделка шкур и кож составляет значительно отрасль хозяйства.

В отношении руд и минералов, Аравия является чрезвычайно бедной страной. Правда, существуют указания, что северная часть Геджаса, так наз. Мидиан чрезвычайно богата серой, железом, медью, серебром и золотом, которые в древности даже разрабатывались египтянами. Однако, эти данные нуждаются в серьезной проверке.

Помимо незначительных залежей меди и железа, в Аравии в большом количестве имеется лишь соль, в особенности в Йемене *).

Чрезвычайно оригинальный промысел составляет ловля жемчуга на Бахрейнских островах (в Персидском заливе). Этим промыслом занято 50.000 чел., добывающих в год на 293.900 ф. стер. жемчуга. Все предприятие поставлено на капиталистическую ногу. Организаторами промыслов являются, главным образом, индусские купцы, которые путем выдачи ловцам ссуд и авансов, держат их в кабальном положении.

*) Медь обнаружена на острове Масира. (у Хадрамаута) и в Йемене, но пока не разрабатывается. Железо добывается в Рас-эль Хейме в Персидском заливе; залежи его обнаружены и в Йемене; нефть найдена на Фарсакских островах (у Йемена), при чем на разработку их была выдана даже концессия франц. О-ву Red Sea Oil Co на 75 лет. „Arabia“. Изд. Foreign office (Hist. 1922, Sect).

На базе такой зачаточной добывающей промышленности, конечно, не могла возникнуть сколько-нибудь значительная обрабатывающая промышленность, хотя бы кустарного характера. Выделка серебряных вещей в Маскате, миниатюрное производство местных тканей, наконец, выработка в оазисах грубых шерстяных плащей (аба), вот и все статьи арабской промышленности.

Торговля Аравии имеет, повидно, ничтожные размеры: кофе, финики, жемчуг, кожи, шкуры и пр. на 3 милл. стерл. Таков общий экспорт этой огромной страны, равняющийся одной трети Европы *).

Социальные отношения в Аравии при этом примитивном хозяйственном строе, носят неизбежно крайне архаический характер. Наемного труда нигде в Аравии не существует, кроме Бахрейна, священных городов и четырех, пяти торговых пунктов. Некоторые занятия, правда, составляют традиционную принадлежность известных племен, (так, напр., возделывание риса и т. п.), но в общем арабы всегда были и теперь остаются, прежде всего, воинами, презирающими земледельческий и ремесленный труд.

Отсутствие рабочих рук возмещается рабским трудом, который до сих пор процветает в Аравии. Ежегодно корсары Красного моря делают набеги на берега Африки и вывозят оттуда тысячи негров-рабов; последние работают на немногочисленных культурных участках, в качестве земледельцев, садовников и т. п.

Что касается до форм землевладения, то они также носят архаический невыработанный характер. Определенные районы кочевья (diras), составляют обыкновенно собственность того или иного племени, доступ в который обкладывается пошлинами. В оазисах шейхи племен, впрочем, владеют сплошь и рядом значительными участками, на праве частной собственности, занятыми пальмовыми рощами, пастбищами и т. п.

Суммируя все вышесказанное, мы можем сказать, что в хозяйственном отношении и Сирия, и Аравия не представляли решительно никакой ценности и в этом смысле не могли привлечь к себе внимание западного империализма.

IV.

Совершенно исключительное значение имеет Восточный Арабистан—в качестве соединительного звена между тремя материками: Азией, Африкой и Европой. Действительно, даже бегло взглянув на карту, мы видим, что Сирия является географической гранью: Анатолии, Месопотамии, Аравии и Египта; Аравия лежит в центре морских путей, омываясь: Индийским океаном, Красным морем и Пер-

*) Экспорт из 5 портов: Адена, Ходейды, Джидды, Маската и Бахрейна—2.573.646 ф. ст., из них арабских продуктов вывозится на 1.884.700 ф. ст. Ввоз главным образом идет через Аден и состоит из зерна, муки, тканей, сахара, табака и т. п. В 1919—20 г. Аден посетило 1066 купеч. судов с 2.736.839 тонн, из них 642 британских. Statesman's Year Book. 1921 г.

сидским заливом. Наконец, Месопотамия, благодаря своим двум великим рекам Тигру и Евфрату и их продолжению Персидскому заливу, приводит в связь Армению, переднеазиатский мир, Иран и далее Индию и Дальний Восток. Неудивительно, что уже с древних времен, за тысячелетия до нашей эры эти страны представляли из себя как бы узлы мировых путей, расходящихся во все стороны.

Сирия в особенности являлась великим перекрестком для народов Запада и Востока. В глубокой древности ее посредническое торговое значение заключалось, главным образом, в том, что она соединяла караванным путем два великих очага человеческой культуры: бассейны Нила, Тигра и Евфрата.

С другой стороны, изобилуя многочисленными, прекрасными гаванями, Сирия уже с третьего тысячелетия до нашей эры превратилась как бы в огромную морскую коммерческую контору, управлявшую экономической жизнью всего Средиземного моря.

Именно здесь лежит разгадка той ожесточенной борьбы, которую в течение веков вели за эту узкую полоску, почти неплодородной земли—египтяне, хетты и ассирийцы, персы и греки.

Начиная с эпохи эллинизма и в особенности после мусульманского завоевания, в культурную и коммерческую связь с Левантом входят Индия и Дальний Восток. Если раньше главными предметами товарооборота Сирии являлись льняные ткани, керамика, металлические изделия и продукты питания, то теперь на смену им приходит китайский шелк и пряности Индии и др. экзотических стран. Вновь из-за обладания Сирией идет борьба, в которой на этот раз принимают участие византийцы и арабы, франки-крестоносцы и турки. Приз стоил, впрочем, тех усилий, которые прилагали для получения его. Известно, например, что в течение средних веков венецианцы и генуэзцы, захватив монополию торговли в Леванте—владычествовали над хозяйственной жизнью всей Европы от Средиземного моря и до Балтики.

Остатки сотен городов, рассеянных по Сирийской пустыне, грандиозные руины Петры, Баальбека и Пальмиры красноречиво говорят об этом исключительном значении Сирии, как посредника между Востоком и Западом. Именно благодаря этому обстоятельству, Пальмира (по арабски Тадмор), лежащая в пустыне, на караванном пути между Дамаском и Месопотамией, могла пережить в III веке нашей эры совершенно исключительный расцвет и подчинить своему влиянию: Сирию, М. Азию и Двуречье. Теперь после перехода торговли на новые пути, это небольшой оазис, представляющий обычный этапный пункт на старом караванном тракте.

Турецкое завоевание всего Леванта (в XVI в.), последовавшее после неслыханного хозяйственного разгрома всей Передней Азии—нанесло первый серьезный удар торговому значению Сирии. Турки, присвоив себе посредническую роль между Западом и Востоком, начинают взимать слишком большое комиссионное вознагра-

ждение, и вот европейская торговля ищет новых путей в Индию и в Китай, чтобы пробить брешь в этой турецкой торговой монополии.

Открытие португальцами круглого морского пути в Индию нанесло смертельный удар торговле Сирии и Месопотамии. Именно после этого обе эти страны окончательно хиреют, а старые торговые пути совершенно утрачивают прежнее мировое значение.

Открытие Суэцкого канала означало лишь последний шаг в этом направлении. Сирия после этого окончательно утратила всю транзитную торговлю с Средним, не говоря уже о Дальнем Востоке и принуждена была ограничить свои операции лишь сношениями с соседними странами: Киликийей, Месопотамией и Аравией.

Благодаря этим обстоятельствам, внешняя торговля Сирии в настоящее время имеет весьма скромные размеры.

Накануне войны весь торговый оборот ее достигал всего 10.289.000 ф. стер. и составлял четвертую часть всей внешней торговли Турции.

Что касается до Месопотамии, то она пережила, конечно, те же самые процессы, что и связанная с ней Сирия, только, пожалуй, в еще более тяжелой форме. Великие города ее: Вавилон, Ктезифон, Селевкия, лежавшие один подле другого, в узле мировых путей на сближении Евфрата с Тигром — сейчас представляют из себя жалкие деревушки, интересные лишь для археологов, но не для купцов. Лишь три больших магистрали пережили хозяйственный разгром страны и до сих пор имеют некоторое торговое значение.

Первый путь ведет от черноморского побережья Анатолии к Мосулу и далее в Персию; второй от Сирийского побережья через Алеппо к Багдаду и, наконец, третий путь морской из Багдада по Шатт эль Арабу в Персидский залив *).

Товарный оборот, совершаемый по первым двум путям, носит крайне незначительный характер. Общая ценность торговли Сирии с Месопотамией равна всего—2 милл. фр. Неизмеримо большее значение имеет третья торговая магистраль—водный путь из Багдада до Басры и далее в Персидский залив. Объясняется это тем, что как раз из Багдада по течению реки Диалы, пересекающей малодоступные хребты Загроша, открывается легчайший путь на Иранское плоскогорье. Уже с седой древности именно по этому пути происходили культурные, политические и торговые сношения между Ираном и Месопотамией. Благодаря этому обстоятельству, открытие Суэцкого канала не только не нанесло ущерба торговле Багдада и Басры, но наоборот,

*) В настоящее время из Сирии в Месопотамию ведут три главных пути: 1) почтовая дорога из Дамаска на Хит, пересекающая в горизонтальном направлении Сирийскую пустыню; 2) караванный путь из Дамаска через древний Тадмор на Анах (на Евфрат); 3) главный караванный путь из Алеппо на Мекене (на излучине Евфрата). Далее все три пути идут по Евфрату до Фелуджи а оттуда на Багдад.

значительно увеличило ее, приведя в оживленную связь с европейско-американской морской торговлей.

Коммерческие обороты Багдада растут поэтому с необычайной быстротой: за 13 последних лет экспорт и импорт Багдада увеличились в $2\frac{1}{2}$ раза *), причем это увеличение произошло, главным образом, за счет торговли с Персией.

За исключением этой дороги, все остальные старые торговые магистрали Сирии и Месопотамии за последние 2 столетия, как мы видели, пришли в полный упадок. И лишь мировой империализм, приступивший в конце прошлого века к постройке грандиозных железнодорожных трансасиатских путей, вновь возродил прежнее геополитическое значение Месопотамии и Сирии. Именно это обстоятельство, как мы увидим ниже, и придало Восточному Арабистану необычайно актуальное значение в восточной политике великих держав.

В отличие от Сирии и Месопотамии, сухопутные дороги Аравии имеют, или чисто местное, или узко-религиозное значение. Эл. Реклю совершенно правильно указывает, что исторические пути не пролегают через Аравию, а избегают ее.

Наибольшую важность имеет дорога паломников, идущая от Дамаска, параллельно Красному морю до Медины и Мекки. До проведения Багдадской ж. д., ежегодно тысячи паломников двигались по этому караванному пути, главным образом, из М. Азии и из Сирии. Что касается до египетских и индийских мусульман, то они совершали обычно свой хадж—морем **). На этом ежегодном приливе паломников и было основано благосостояние Геджаса, являющегося одной из наиболее бесплодных областей всей Аравии и непригодного даже для скотоводства. Количество паломников достигало в год от 50—58.000 человек, для которых устраивались питательные пункты, ярмарки и т. п. ***).

Что касается до центральной Аравии, то караванные пути, пересекающие ее, опять таки предназначались, главным образом, для паломников, а именно для персов, идущих из священных городов шиитов Кербелы и Неджефа в Медину и Мекку. Всего существует пять главных путей, начинающихся в различных пунктах Месопотамии и пересекающих великие арабийские пустыни (в двух узловых пунктах: в Джофе и Хайле, столице шаммаров ****). Путешествие на протяжении многих сотен миль по песчаным, безводным пустыням сопряжено с огромными лишениями и опасностями, и выработывалась даже особая корпорация проводников (так, напр., *ikeil*), привилегии которой гарантированы бедуинами всей Аравии.

В отличие от сухопутных дорог морские пути, окаймляющие с трех сторон берега Аравийского полуострова, имеют огромное, несомненно, мировое значение.

*) С 3.022.568 ф. ст. в 1906 г. до 7.669.983 ф. стерл. в 1919 году.

**) Порт Медины-Ямбо, порт Мекки—Джидда.

***) В 1913 г.—83.295 паломников, в 1917 г.—58.000. Одного зерна для паломников ежегодно ввозилось через Джидду на 300.000—400.000 ф. ст.

****) Эти пути идут из Неджефа, Багдада, Зобейра и Ковейта. На обладании гл. этажными пунктами, Джофом и Хайлем, основано политическое значение шаммаров.

Уже в глубокой древности торговля Европы с Индией совершалась, помимо караванных дорог, по Индийскому океану и Красному морю, через Египет. Особое развитие этот морской путь получил при птоломеях и римлянах, когда Гиппал сделал замечательное открытие, а именно периодичность пассатов, дующих в Индийском океане. Принаравливаясь к этому явлению, корабли отплывали из Египта с попутным ветром, в несколько недель достигали Индии и там ждали обратных пассатов. Остатки старинных морских стоянок, которыми усеяно все Нубийское побережье Красного моря, сохранившиеся до наших дней, описания морских маршрутов в Индию и Китай (т. наз. периплы), свидетельствуют, какое огромное значение в древности имел этот путь.

В связи с открытием круглого Африканского пути, значение Красноморской дороги сильно пало, хотя она все же привлекала, по крайней мере, половину всего индийского вывоза.

В огромной степени возросло значение этого пути после прорытия Суэцкого канала и оккупации англичанами Египта. Достаточно указать, что благодаря устройству Суэцкого канала—путь из Европы в Индию сократился по сравнению с круглой Африканской дорогой на 40 %, а в Китай—на 25 %. Ежегодно увеличивающееся количество судов, проходящих через Суэцкий канал, красноречиво говорят об огромном значении этого мирового пути. За десять лет (1902—1913)—количество судов увеличилось с 3.708 до 5.085, а тоннаж с 15.694.359 до 20.039.884 тонн, т.-е. более, чем на 30%.

Чрезвычайно крупное, притом все более и более возрастающее значение имел и второй морской путь—через Персидский залив к устью Шатт эль Араба. Выше уже указывалось на то значение, которое имеет этот путь для торговли всей Месопотамии, а также для торговли центральной Персии.

Представляя кратчайший путь к этим странам из Индии, вообще из Британской Империи—он каждый год приобретает все более и более крупное международное значение. Недаром уже в XVI в. в Персидском заливе имели многочисленные фактории португальцы, а затем голландцы, которые были вытеснены после долгой и упорной борьбы англичанами. Главный порт этого залива Кувейт уже сейчас приравнивают к Александрии и Марселю, и несомненно, что с окончанием постройки Багдадской ж. д.—он будет иметь значение мирового центра.

IV.

Первая великая держава, которая начала вести активную политику в Аравии, как отмечалось выше—была Англия. Именно она с середины XIX в. начала превращаться в «арабийскую державу» и благодаря этому явилась наиболее опасным врагом для Турции.

Несомненно, что Арабистан приковывал к себе внимание Англии, главным

образом, благодаря тем скрещивающимся в нём мировым путям, которые были рассмотрены в предыдущей главе.

Не надо думать, что Великобритания интересовалась лишь коммерческим значением этих путей. Если так было в течение XVII и XVIII в.в., то несомненно, что в XIX в. морские пути, обходящие Аравию, приобрели для Англии, прежде всего, стратегическое значение, как дороги, ведущие в Индию.

Не стоит здесь повторять, какое огромное значение придают англичане безопасности путей, ведущих к лучшей ее колониальной жемчужине. При огромном отдалении Индии от метрополии, достигнуть этого можно было лишь путем установления английского контроля над всеми морскими путями, ведущими на Восток. Именно эту задачу англичане осуществляли в течение всего XIX в., рассматривая все восточные страны, по характерному выражению лорда Керзона: «Как пешки на шахматной доске, где разыгрывается партия на мировое владычество».

С этой стратегической точки зрения, совершенно исключительное внимание должна была обратить на себя старинная дорога птоломеев через Красное море, открывающая, особенно после прорытия Суэцкого канала—легчайший доступ из Средиземного моря в Индию.

Мы не можем рассматривать здесь всю историю захвата этого моря англичанами, так как главный этап этого процесса, а именно овладения Суэцким каналом и оккупация Египта (1882 г.)—выходят из рамок настоящей статьи.

Но уже несколько десятилетий раньше, англичане сумели заблокировать южный вход в Красное море—Баб-эль-Мандебский пролив, т.е. «врата плача». В 1839 году они захватывают полуостров Аден, затем аннексируют остров Перим, лежащий как раз в середине пролива и, таким образом, устраивают на Аравийском полуострове второй Гибралтар *).

После этого начинается методическое расширение британской зоны влияния. Путем подкупа и запугиваний, англичане привлекают на свою сторону 9 незначительных князьков в юго-западном углу полуострова и навязывают им субсидии при условии своего неофициального протектората. Что касается турецкого правительства, то оно под давлением англичан принуждено было признать независимость этих князьков.

Создав базу на юго-западе и уже давно приобрета, как мы увидим ниже, точку опоры на юго-востоке, в Омане,—Англия соединяет их попросту прямой линией и объявляет, что вся южная часть полуострова (т. наз. Хадрамаут) находится в сфере ее влияния. Действительно, благодаря ряду интриг, умелой агитации среди полунезависимых эмиров **), Великобритания без всякого договора укрепила свое влияние в этой области.

*) Аден построен на острове, соединенном песчаной косой с берегом, население его (46. 165 чел.) состоит из индусов и сомалийцев.

**) Так, напр., при помощи англичан создано в Хадрамауте независимое султанство Каити (1902 г.), прежде один из незначительных кланов.

Одновременно с утверждением в Южной Аравии, Англия в течение ста лет совершила военно-дипломатическую работу для полного подчинения себе Персидского залива. Процесс этот настолько сложен и мало освещен в русской литературе, при его огромном международном значении, что в сущности ему следовало бы посвятить отдельную статью. Здесь приходится ограничиться лишь самым общим очерком событий *).

Прежде всего англичане очень распространено понимают термин Персидский залив (Persian gulf): они включают сюда не только арабское и персидское побережье залива, но и нижнее течение Шатт-эль-Араба, оба берега Оманского залива, и, наконец, Персидское побережье Аравийского моря. Ленты караванных дорог сбегают к берегам залива, из центральной Персии, крутыми ступеньками, образуемыми на пересечении их горными хребтами. Ряд портов Персидского побережья получил поэтому совершенно исключительное значение—ворота Ирака.

Наиболее важными пунктами являются: Мохаммера на слиянии Шатт-эль-Араба с рекой Каруном, открывающая легчайший доступ к Шустеру, Дизфулю и к др. городам страны бахтиаров; Бунир—откуда отходит караванный путь на Шираз и Исфагаль, пересекающий четыре грады параллельных хребтов, и Бендер-Аббас — представляющий естественный выход к морю из центральной Персии (Иезд-Кирман **).

Что касается до Аравийского побережья, то оно окружено буквально лабиринтом рифов, до нельзя затрудняющих мореплавание. Кроме Бахрейна, единственным удобным портом является Кувейт—недалеко от устья Шатт-эль-Араба—приобретающий благодаря этому исключительно важное значение.

Установление полной гегемонии над этой огромной территорией, населенной свыше миллиона, глзным образом, арабами, и составляло цель британской политики. Англичане любят, по обыкновению, живописать свою деятельность здесь, как преследующую бескорыстные, мирные цели; «Если Англия сделалась в некотором отношении арбитром и хранителем залива, говорит, напр., Т. Беннетт, так это случилось вовсе не в результате неустанного честолюбия, побуждающего ее устанавливать свой контроль над огромными областями земного шара; она отвечала лишь на призывы, издавна обращаемые к ней — установить мир между враждующими племенами, обеспечить свободу торговли, обезвредить банды разбойников и угнетателей и положить предел работорговле».

На самом деле, как мы увидим ниже, операции англичан в Персидском заливе—сводились к установлению протектората над областями, примыкающими к

*) Новейший схематический очерк проблемы Персидского залива дан в публикации Историч. Секции Foreign office „Persian gulf“. 1922 г.

**) Меньшее значение имеет Лингах, открывающий путь на Бастак, Лар и Джахрум, а также порты Мокрана: Чахбар и Гваттар—на смычке персидской территории и Белуджистанской.

последнему, и мы смело можем закрасить их на карте в те же цвета, что другие колонии Британии.

Уже в 1622 году Ост-Индская компания заключает соглашение с Аббасом Великим для совместной борьбы против португальцев; по этому соглашению Компания обязуется «постоянно держать два военных судна для защиты залива». Изгнав из последнего португальцев, а затем и своих бывших союзников голландцев, англичане начинают прочно устраниваться в заливе. Первым попадает в орбиту их влияния Маскатский султанат, господствующий на Омане, при самом входе в залив. В течение всей первой половины XIX века Маскат являлся крупным государством, владения которого распространялись на Занзибар и остров Сокотору, острова Персидского залива (Кипр и другие), наконец, территорию Персии от Бендер Аббаса до Лингаха. Крупное значение Маската состояло в том, что он всегда являлся сборным пунктом морских, путешествующих по Индийскому океану. Жители Омана вообще славились как смелые мореходы, корсары, посещавшие Зендские острова, Китай и завоевавшие даже часть Африки (Занзибар).

Подчинить себе такое крупное государство было слишком трудной задачей, надо было сперва ослабить его, и вот мы видим, как англичане мастерски справляются с этой задачей. В 1816 году, после смерти султана Маската, между сыновьями его произошли споры относительно дележки африканских и аравийских владений. Обе тяжущиеся стороны обратились к посредничеству вице-короля Индии лорда Каннинга. Последний, конечно, посоветовал отделить Занзибар от Омана, превратив их в самостоятельные султанства. После этого, ослабив Маскат еще более отнятием персидской территории, Британия легко подчиняет его своему влиянию *). В результате нескольких договоров (1841—1891) султан Маската взамен союзных отношений начал получать субсидию от индийского правительства, и вообще попал в полную зависимость от английского резидента, являющегося настоящим правителем Омана **).

Британия начинает затем прибирать к рукам мелких независимых шейхов, промышленивших пиратством и работорговлей. После нескольких карательных экспедиций она заставляет этих шейхов «Пиратского берега» Омана подписать договор о мире, а затем признать ее протекторат (1892 г.), конечно, взамен субсидий. В результате этих соглашений шейхи признали английский контроль над своей внешней политикой и обязались не уступать своих территорий ни одной державе кроме Британии.

Следующим этапом — было установление протектората над Бахрейнскими островами, имеющими важное значение, благодаря своим жемчужным промы-

*) Остров Сокотора также подпал под британский протекторат (1876 г.).

***) Экономически Оман также целиком зависит от Англии, так как весь его импорт 4.268.823 рупий — идет из Индии.

слам *). Правителем Бахрейнского архипелага становится, конечно, не «независимый» шейх, а британский политический агент, руководящий и внешней и внутренней политикой

Дальнейшее утверждение на Аравийском побережье (полуостров Эль-Катр и в Хассе) оказалось безуспешным, благодаря противодействию сначала турок, а потом ваххабитов Неджда. Зато в крайнем северо-западном углу залива, англичанам удалось целиком подчинить себе Кувейт, т.е. важнейший пункт всего побережья:

С такой же энергией и железной последовательностью англичане подчинили своему влиянию и северный берег Персидского залива, входящий в территорию Персии. Прежде всего англичане парализовали все попытки персидского правительства завести собственный военный флот в заливе. Затем, они создали себе опорный пункт в Мохаммере, важнейшем пункте побережья, и взяли тамошнего шейха под свое «особое покровительство». Несомненно, что если бы не противодействие со стороны России и других держав, то это «покровительство» перешло бы в официальный протекторат. Но пока что Англия принуждена была ограничиться уведомлением, что она «находится в специальных отношениях с шейхом Мохаммеры и будет защищать его в случае нарушения его прав» (1910 г.).

Совершенно исключительное значение получила Мохаммера после того, как англичане в начале XX в. начали эксплуатировать в Арабистане нефтяные источники. В 1909 г. знаменитая Persian Oil Co провела нефтепровод из промыслов в Мохаммеру и выстроила поблизости нефтеочистительные заводы. Если мы вспомним, что р. Карун ведет в страну бахтиаров, где находятся главные нефтяные промыслы Англо-Персидской компании, мы поймем исключительное важное значение Мохаммеры для британского империализма **).

Я не буду останавливаться далее на всех подробностях утверждения Англии на Персидском побережье залива. Достаточно сказать, что, не имея возможности установить здесь официально свой протекторат, Англия фактически сделалась господином и Персидского Арабистана, и Мекрана. Местные шейхи стали ее стипендиатами, малейшее недоразумение влекло за собой блокаду берегов, высадку английских отрядов и временную оккупацию территории ***). Настоящим хозяином этого района сделался не шахский губернатор, а английский резидент, прозывающийся в Бушире.

В результате этой сложной и продолжительной работы, где золото играло такую же роль, как и оружие, Англия целиком монополизировала вплоть до конца XIX века плавание по Персидскому заливу. Полицейский надзор, устройство

*) По соглашениям 1880 и 1892 гг.

***) Плавание по Каруну было разрешено под давлением Англии в 1889 г., при чем оно было монополизировано знаменитой Компанией Линч.

***) Особенно часто после персидской революции.

маяков и буев, санитарный контроль—все это составляло никем не оспариваемые функции британского флота.

Мы видим, таким образом, как к началу XX века смыкается круг английского влияния вокруг берегов Аравии. Оба мировых морских пути, идущих через Красное море и Персидский залив—попадают целиком в ее руки.

Однако, как раз в это время, благодаря германскому проникновению в Турцию и постройке Багдадской ж. д., складывается совершенно новая ситуация на Ближнем Востоке, и арабским вопросом начинают интересоваться и другие державы, а именно Россия, Франция и, конечно, Германия.

V.

Проведение немцами Багдадской ж. д., начатое с 1890 года, означало возрождение хозяйственного и политического значения Восточного Арабистана, в особенности Месопотамии.

Наряду с поднятием хозяйственного значения Месопотамии, Багдадская ж. д. одновременно возрождала значение пересекающих ее путей, почти исчезнувшее за последние 3 века, благодаря конкуренции морских дорог. Ставилось совершенно ясным, что по завершении железнодорожной магистрали она отклонит значительное количество экспорта, который сейчас направляется из Персии и Ирана в Персидский залив. Правда, морской фрахт всегда дешевле железнодорожного, но в данном случае последний приобретал известные преимущества, благодаря отсутствию нескольких перегрузок, а также проникновению железнодорожной магистрали в самые глухие уголки страны.

Но еще значительнее представлялось стратегическое значение Багдадского пути, представившего также своего рода «пистолет, направленный на грудь Индии».

Помимо последней, Багдадская железная дорога угрожала, впрочем, и другой колониальной жемчужине Англии—Египту. Действительно, выходя из горных ущелий Киликии, она соединялась с сетью сирийских железных дорог, выстроенных, главным образом, Францией и далее с Геджасской железнодорожной магистралью, ведущей мимо Красного моря в Аравию.

Именно последняя дорога и вызывала наибольшие опасения у английских империалистов. Геджасская железная дорога была задумана и осуществлена султаном Абдул Гамидом, который при этом преследовал две основные цели. Прежде всего путем соединения Стамбула с священными городами Аравии, он стремился дать новый толчок созданному им движению панисламизма. Паломники, благодаря заботливости своего халифа, могли отныне посещать Мекку и Медину, путешествуя по мусульманской колее, а не на пароходах «неверных» англичан или французов.

Несомненно, что непрерывная связь с отдаленными священными городами действительно давала возможность увеличить авторитет халифа-султана, который, будучи турком-завоевателем, представлялся для большинства арабов скорее узурпатором, нежели законным наследником Абу-Бекра и Омара.

Именно, исходя из этих соображений, Абдул Гамид придавал постройке Геджасской железной дороги чисто религиозный характер. Выстроена она была в значительной степени на пожертвования, поступившие буквально со всех сторон мусульманского мира; после окончания постройки она была передана не в министерство путей сообщения, а в ведомство эвкаф, т. е. духовно-благотворительных имуществ, и т. д.

Вторая цель, которую преследовал дальновидный султан, заключалась в укреплении турецкой власти в вечно бунтующей Аравии. Действительно, лишь непрерывная железнодорожная колея от Константинополя до Мекки и далее могла гарантировать Турции действительный контроль над Геджассом, не говоря уже об Ассире или Иемене. Но тут Геджасская железная дорога превращалась из угрозы полунезависимой Аравии в угрозу английскому Египту. Действительно, на противоположном берегу Красного моря, вместо немногочисленных турецких гарнизонов в будущем могла появиться турецкая армия, создающая серьезнейшую угрозу Суэцкому каналу. Очень важно отметить, что сам Абдул Гамид вполне понимал стратегическое значение Геджасской железной дороги. «Чего только не делали втихомолку англичане,— пишет он,—чтобы помешать Геджасской железной дороге. Зато теперь, когда она закончена, мы не зависим от Суэцкого канала. Мы устроили непрерывную железнодорожную линию между Стамбулом и священными городами Меккой и Мединой, и мы можем теперь, когда угодно, посылать туда наши войска, надежной сухопутной дорогой» *).

Постройка Геджасской железной дороги под руководством немецкого инженера Мейснера проходила с необычайной быстротой. В течение каких-нибудь 8 лет (1900—1908 г.) удалось построить магистраль длиной в 1560 км., от Дамаска до Медины, с многочисленными ответвлениями, из которых особенно важно соединение с морем в Каифе **).

Ободренные этими успехами турки и стоящие за их спиной немцы—решили сыграть на ва-банк и пробиться к Красному морю. При выходе из Сирии, Геджасская железн. дорога в пункте Маан чрезвычайно близко приближается к Акабскому заливу (120 км.), представляющему один из рукавов Красного моря, а именно омывающий с востока Синайский полуостров. Район Акабского залива являлся издавна спорной территорией. С 1840 г. весь Синайский полуостров был признан владе-

*) Воспоминания и мысли Абдул Гамида опубликованы Л. Штейном в журн. Nord und Süd в 1913 г.

**) Благодаря применения солдатского труда дорога обошлась необычайно дешево, всего 85 милл. фр.

нием Египта. Что касается до Турции, то она вообще мало интересовалась этой пустынной территорией. Но вот в 1906 г., в разгар постройки Геджасской линии, турецкое правительство внезапно посылает отряд войск и железнодорожных рабочих в порт Таба, на Акабском заливе. В английских политических кругах это производит впечатление разорвавшейся бомбы. Пресса, парламент, общественное мнение—все это приходит в движение. Британское правительство посылает резкий ультиматум, требующий немедленного очищения Табы под угрозой войны. Характерно для вновь складывающейся в то время международной ситуации, что этот ультиматум был горячо поддержан Россией.

Османское правительство не выдержало этого натиска двух до того времени враждовавших империалистических держав и принуждено было очистить Акабский залив. Однако, этот поучительный инцидент лишней раз показал англичанам, какую огромную опасность для Суэцкого канала, а значит и для Красного моря, составляет Геджасская железная дорога, это детище не только турецкого правительства, но, конечно, и стимулирующего последнее—германского империализма.

Мощная Германия, утверждающаяся в Сирии составляла угрозу не только для Англии, но и для Франции, которая приобрела там крупнейшие железнодорожные, промышлен. и финансов. интересы. Отсюда возникает для Англии и Франции задача предотвратить эту военную угрозу и установить свой протекторат над Сирией или хотя бы над частью ее. Эта программа и была выполнена, как известно, после окончания мировой войны. Что касается до продолжения Геджасской железной дороги в Аравии, то Англия предприняла все меры, чтобы она не пошла далее Медины. Благодаря противодействию великого шерифа Мекки и чисто техническим трудностям, туркам так и не удалось соединить железнодорожной колеей Медину с Меккой, не говоря уже о дальнейших планах продолжения Геджасской линии на Иемэн для выхода к Индийскому океану *).

Постройка Багдадской железной дороги создала угрозу для Англии, как указывалось выше, и в другом конце Аравии, а именно у Персидского залива. Уже до немецкого проникновения на Восток Британии приходилось выдерживать борьбу в этом районе с Россией и ее союзницей Францией. Последняя сумела создать довольно серьезные затруднения для Англии в Персидском заливе. Так, она вела агитацию среди местного населения, главным образом, среди пиратов и работоторговцев, разрешая им плавать под французским флагом; затем она начала строить угольную станцию в Омане, на что она получила концессию от султана Маската (1898 г.), наконец, она навязала Англии договор (1862 г.) о взаимном уважении независимости султана Маската, сделав невозможным таким образом установление британского протектората.

*) Конечный пункт сначала предполагалось устроить в Адене, но потом была выбрана Мокалла. Англичане в противовес турецким планам выдвинули следующие проекты трансаравийских ж. д.: 1) Акаба—Ковейт. 2) Порт Судан—Ковейт или Бахрейн.

Не входи в детали, укажу лишь, что Англии удалось парализовать все эти атаки французского империализма и, самое главное, уничтожить его притязания на собственную уютную стоянку в Персидском заливе.

Также успешно боролась Англия и против царской России, которая, начиная с 90-х годов, стремилась приобрести морскую базу в заливе, устраивая для этого коммерческие пароходные рейсы и т. п.

Эта борьба против английской гегемонии в Персидском заливе была настолько сильна, что лорд Лэндсдоун сделал в 1903 г. следующее официальное заявление: «Мы будем смотреть, как на серьезную угрозу британским интересам, на устройство морской базы и укрепленного порта какой-либо державой в Персидском заливе, и мы, разумеется, будем противиться этому всеми имеющимися у нас средствами».

Гораздо более трудную борьбу пришлось вести Англии и тут с Германией. С обычным размахом приступив к активной политике на Востоке, Германия сумела быстро создать значительные коммерческие связи с Персией. Уже в конце 90-х годов появляются представители ее фирм в Персидском заливе, за ними начинают посещать последний ее военные суда, и, наконец, с 1906 г. — пароходы «Hamburg Linie». Помимо всякого рода мануфактуры, немцы начинают снабжать арабов и персов более серьезными товарами, а именно оружием и аммуницией, предназначенными, разумеется, против англичан.

Но все эти операции немцев были пустяками в сравнении с той опасностью, которая должна была возникнуть для англичан после того, как Багдадская железная дорога дойдет до Персидского залива. Как известно, Англии в продолжение 14 лет вела упорную борьбу против Германии, стремясь или совершенно остановить, или хотя бы откинуть в сторону немецкую стальную гусеницу, ведущую к заповедным границам Индии.

В связи с этой упорной борьбой совершенно исключительное значение приобрел вопрос о Кувейте, который, являясь единственным удобным портом Персидского залива, должен был неминуемо стать конечной станцией великого Багдадского железнодорожного пути.

Как и в вопросе об Акабе, Англия действовала здесь решительно и прямолинейно. Как только наметилась опасность со стороны Германии, которая и здесь провоцировала Турцию на разного рода демонстративные выступления, Англия посоветовала заключить с султаном Кувейта (встать ее давнишним клиентом) соглашение (1899 г.), устанавливающее ее фактический протекторат. Султан (Мобарк) признал контроль Великобритании над внешней политикой Кувейта, взамен чего получил ежегодную крупную субсидию. Правда, Англия и тут пыталась уверить Турцию и другие державы, что Кувейт остался попрежнему совершенно независимым государством, но уже в 1914 году там водворился британский политический агент, который и стал настоящим правителем страны.

Бурное проникновение Германии на Ближний Восток создало, как мы видим, чрезвычайно запутанное положение вещей в Арабистане, которое еще более усложнилось после младотурецкой революции.

VI.

Борьба между Турцией и великими державами осложнилась в XX веке новым фактором—ростущим арабским национальным движением. Последнее возникло благодаря тому процессу капитализации Сирии и в особенности Египта, который, хотя и медленно, но все же безостановочно происходил с конца XIX в. Как мы видели, естественные ресурсы Сирии, не говоря уже об Аравии, не открывали особенно широких горизонтов для западного капитала. Но все же им была проделана в этих странах довольно значительная работа *).

Энергия империалистических держав прежде всего была направлена здесь на железнодорожное строительство, которое и развивалось безостановочно вплоть до мировой войны.

В результате, Сирия оказалась лучше оборудованной в железнодорожном отношении, нежели какая либо иная область Османской империи. В то время, как в М. Азии на каждые 100 кв. км. территории приходится всего 0,6 км. железной дороги, в Сирии эта цифра вырастает уже до 1 километра. Если мы возьмем всю Азиатскую Турцию, то мы увидим, что здесь на каждые 10.000 человек приходится 3,2 км. железной дороги, в Сирии же уже 5,1 км.

Параллельно с этим железнодорожным строительством шло оборудование портов, развитие пароходства, ряд муниципальных работ (трамваи, электричество и т. п.), которые в сильной степени подымали торговлю Сирии. Наконец, довольно быстро шло создание ряда банковских предприятий, экспортно - импортных контор и т. д.

Правда, все наиболее крупные предприятия находились в руках европейцев, главным образом французов, и в меньшей степени немцев и англичан. Но этот общий коммерческий подъем Сирии способствовал развитию сирийского туземного купечества. Появилась значительная группа местных коммерсантов, занимающихся скупкой и экспортом сырья, внутренней торговлей и, наконец, импортом европейских фабрикатов. Наряду с этим сильно развилась кустарная банковская деятельность, в форме меняльных лавок, фостовицких контор и т. д.

В меньшей степени те же социально-экономические процессы происходили в Месопотамии, и, наоборот, в значительно более крупном масштабе в Египте **).

*) См. выше главу „Раздел Азиатской Турции“.

***) В виду того, что Египет не входит в круг стран, рассматриваемых в настоящей статье, я не останавливаюсь на его капиталистической эволюции. Схематический очерк этого процесса дан у В. Кряжина, указ. соч., гл. „Египет“.

Характерно, что даже бесплодная, пустынная Аравия привлекла внимание неугомонного западного капитализма. Так, итальянцы разрабатывали соленые копи у Адена, французы получили концессию на разработку нефти в Красном море, две англо-индусские компании организовали пароходное сообщение с Аравией и т. д.

Полувековая работа европейцев в арабских странах привела к созданию местной буржуазии, главным образом, торговой, которая быстро начала модернизироваться, выделять значительную интеллигенцию и проникаться националистической идеологией.

Росту арабской буржуазии опять таки сильно способствовали сами же европейцы, которые, действуя через посредство многочисленных миссионерских организаций, организовали сеть школ, коммерческих училищ и даже несколько университетов (протестантский колледж в Бейруте, иезуитский университет там же). Общее количество учащихся сирийцев в европейских школах достигало импозантной цифры в 100.000 человек.

В результате в Сирии и Египте очень скоро нарождаются многочисленные кадры туземцев: адвокатов, врачей, журналистов и т. п. Во всех больших городах начинают издаваться арабские политические газеты, наконец, после революции 1908 года быстро складываются политические группировки и партии.

Режим черной реакции, 30 лет проводимый Абдул Гамидом, вызвал у сирийской буржуазии и интеллигенции сильнейшую националистическую реакцию. Благодаря свирепым цензурным ограничениям, существовавшим в Турции, левые элементы сирийской интеллигенции принуждены были эмигрировать в Египет.

Под влиянием соприкосновения с более сформировавшейся в политическом отношении египетской интеллигенцией, сирийцы начинают разрабатывать широкую программу объединения всех арабских элементов, входящих в состав Османской империи. Любопытно, что англичане на первых порах поддерживали это пан-арабское движение, видя в нем удобное орудие против Турции. В этот первый период они охотно развивали план создания большого арабского государства, но находящегося, разумеется, под протекторатом Англии. Лишь позже, после того как агитация М. Камели и его сторонников привела к лозунгу «Египет для египтян», англичане прекратили поддержку панарабского движения, которое начало обращаться не только против Турции, но и против непрошеных «покровителей».

В этот же период были сделаны попытки придать движению организационные формы. В Париже была создана «Лига арабского отечества», а затем influentialный «Центральный сирийский комитет»; в Каире образовался центральный комитет Османской партии децентралистов.

Сильнейший толчок это младо-арабское движение получило после младотурецкого переворота 1908 года.

Впервые в Сирии могла свободно развиваться арабская пресса, при участии

эмигрантов, возвратившихся из Египта. Повсюду возникают политические клубы, разного рода общественные организации и т. п. Центром арабского движения становится Бейрут, этот крупнейший коммерческий порт Сирии, и в то же время серьезный университетский центр.

Сначала арабы, как и другие национальности Турецкой империи (армяне, славяне Македонии и др.), искренно верили, что новый конституционный режим улучшит их положение и осуществит их национальные требования в области школы, языка, местного управления и т. д. Весьма скоро им пришлось в этом разочароваться.

Младотурки-унионисты были еще большими централистами и турецкими патриотами, нежели сам Абдул Гамид.

Доктрина оттоманизма, открыто исповедуемая ими, сводилась к принудительному отуречению всех чужеродных элементов, несомненно, в интересах нарождающейся туземной буржуазии.

Стремление «переварить», по меткому выражению известного идеолога младотурок д-ра Назима, всех арабов, армян, македонцев и т. д. приводила их к отрицанию самого существования национального вопроса в Турции и к утверждению, что нет болгар, арабов и т. д., а есть лишь оттоманские подданные.

Благодаря безудержной шовинистической политике, неуклонно проводимой повсюду Комитетом «Единение и Прогресс», первоначально мирное движение арабов в пользу культурно-национальной автономии скоро принимает резко оппозиционный характер.

В Бейруте организуется комитет реформ, который и разрабатывает план областной автономии для Сирии. Согласно выработанного проекта в арабских областях учреждаются предварительные собрания, смешанного состава, поровну из христиан и мусульман; один из параграфов проекта (§ 7) предусматривает даже приглашение иностранных советников и т. д.

Младотурки сначала пробуют прибегнуть к репрессиям и захватывают бейрутский комитет реформ. Однако, необычайно усилившаяся агитация арабов националистов заставляет пойти на уступки. В июле 1913 г. они командуют в Париж на Арабский конгресс генерального секретаря комитета «Единение и Прогресс» Мидхада Шукри, который и заключает соглашение с лидерами арабов, удовлетворявшее их желания, хотя и в урезанном виде.

Вскоре, впрочем, вновь начинаются колебания младотурецкого правительства, в особенности после обратного взятия Адрианополя, сильно поднявшего их настроение.

С целью аннулировать заключенное соглашение, они пробуют внести разложение в среду арабов и опереться на реакционные, антиреформистские круги, главным образом, на духовенство. Для этого они вызывают в Константинополь сирийских патаблей, конечно, реакционеров и делают им ряд предложений.

Они сводятся к увеличению жалования мулхам, имамам и прочему духовенству, открытию новых богословских школ и семинариев и, наконец, проведению некоторых, чисто половинчатых, административных реформ *).

Подготовив таким образом почву, младотурки в конце того же 1913 г. заключают в Константинополе новое соглашение с арабскими националистами, программа которого еще более урезывается и суживается. Но все же в арабских областях гарантируется: а) преподавание на арабском языке; б) замещение административных должностей исключительно лицами, владеющими этим языком; в) получение арабами 3-х портфелей в кабинете, а также определенного числа депутатских и сенаторских мест.

Впрочем, даже это соглашение никогда не было официально опубликовано.

Талаат паша, тогда министр внутренних дел, лишь разослал циркуляр губернаторам арабских областей, в котором предлагалось выполнять некоторые пункты соглашения, касающиеся порядка заведывания вакуфными имуществами, отбывания военной повинности, преподавания, замещения административных должностей и т. п. **).

Наступившая мировая война позволила младотуркам отказаться от проведения в жизнь даже этого луцого проекта реформ. Тотчас же по объявлении войны Джемаль-паша установил в Сирии чисто террористический режим. Все видные сирийские националисты были преданы военному полевому суду и или сосланы, или повешены. Националистическое движение было загнано в подполье, в котором оно оставалось вплоть до окончания войны ***).

Младо-арабское движение в Сирии носило, как мы видим, гл. обр., конституционный характер, наоборот, в Аравии, борьба против младотурецкого режима и вообще турецкой власти принимала обыкновенно форму вооруженного восстания.

*) Для уничтожения преступности и злоупотребления проводятся в жизнь 1) реформы, касающиеся полиции и жандармерии; 2) два доктора богословия из Дамьска и Бейрута назначаются в высший шариатный суд; 3) военн., гражд. и судебные чиновники инспектируются по образцу Управл. Госуд. долгом; 4) предпринимаются некоторые ирригационные работы, имеющие к стати 30 летнюю давность.

**) 1) Вакуфные имущества принадлежат общинам каждого вилайета; 2) во время мира солдаты служат в пределах родного вилайета; но правительство имеет право в случае нужды посылать их на угрожаемые границы; 3) гарнизоны Неджда, Геджаса и Ассира составляются из солдат, пропорционально набранных во всех областях Аравии; 4) в школах вводится преподавание на языке большинства населения, но при обязательном изучении турецкого языка; 5) все чиновники обязаны говорить по-арабски; 6) правительство назначает непосредственно лишь вали, ген. секретаря, казначея, сборщика и некоторых судей.

***) Чрезвычайные интересные сведения о революционных организациях в Сирии до мировой войны и во время нее будут даны в статье: Некора: „Арабские тайные о-ва во время мировой войны“ в журнале Новый Восток

Противотурецкое движение началось в двух наиболее отсталых и отдаленных областях Аравии: в Йемене и в Ассире *). Обе эти области, за исключением нескольких пунктов береговой полосы, остались на том же социально экономическом уровне, как и во времена Мухаммеда. Население группируется здесь в родовые или племенные единицы и ведет военно-разбойничий образ жизни, под властью вождей, власть которых имеет религиозную санкцию. Религия горцев Ассира и Йемена носит не правоверно-мусульманский, а ярко-еретический характер. Влиятельная группа населения Йемена принадлежит к секте зейдитов, близких к шиитам, в то время как жители горных округов Ассира питают большую склонность к ваххабизму. Благодаря огромной социальной отсталости, всякое общественно-политическое движение неизбежно получает здесь религиозный характер, как это мы имели случай видеть и в Неджде.

В середине 50-х г.г. одна магрийская фамилия **) Идрисидов поселилась в Ассире и приобрела совершенно исключительное влияние на население, благодаря своей религиозности и мусульманской учености. Потомок этой фамилии Шейх Аль Идриси, в конце XIX в. сумел стать фактическим властелином Ассира, благодаря своей огромной энергии, природному уму и репутации святого.

Почти одновременно соседний Йемен также обзавелся своим чудотворцем в лице Мухаммеда Яхья, выбранного имамом, т.е. духовным и светским повелителем. Еще при Абдул Гамиде оба шейха заключили соглашение и подняли восстание против турецкого правительства. Три года (с 1904—1907 г.г.) происходила кровопролитная борьба, в течение которой турецкие карательные отряды потеряли ряд поражений. Чрезвычайно важно отметить, что вожди восстания получали щедрую поддержку от Англии, доставлявшей им оружие и деньги.

Младотуркам пришлось в конце концов пойти на уступки; они заключили соглашение с Яхья, которого они признали законным имамом, и взамен признания своего сюзеренитета, обещали не вмешиваться во внутренние дела Йемена.

Шейх Идриси, однако, оказался более неговорчивым: он захватил всю прибрежную полосу и выставил следующие требования: организация собственной милиции, право заключения договоров, взимание таможенных пошлин, введение арабского языка в администрацию. Любопытно, что даже эта реально-политическая программа получала религиозное освещение: получение полной автономии объявлялась Идриси предпосылкой для создания правопорядка, при котором в Ассире господствовали бы лишь законы религии.

Заняв такую непримиримую позицию, Идриси порвал все связи с имамом Яхья и вступил с ним даже в борьбу. Одновременно и тот, и другой чрезвычайно

*) Ассир находится между Геджасом и Йеменом. Он состоит из береговой полосы (Тихамма) и малодоступного гористого гинтерланда.

**) Выходцев из Магриба т.е. из Северо-западной Африки.

враждебно относились к эмиру Геджаса—Гусейну, и, таким образом, к началу мировой войны на Аравийском побережье Красного моря воцарилось состояние политической анархии и взаимной борьбы.

Еще тревожнее сложилась политическая обстановка для младотурок в центральной Аравии. Я уже указывал выше, что в результате разгрома ваххабитов гегемония в Неджде перешла в руки шаммаров *), которые заключили тесный союз с турками. Но вот Великобритания берет на себя поддержку мусульманской секты и оказывает денежную и военную помощь наследственному повелителю ваххабитов—Иби-Сеуду **). Благодаря этому тот организует войско, разбивает шаммаров, отвоевывает столицу Неджда Риад и торжественно объявляет о восстановлении ваххабизма.

Младотурецкий переворот и последовавшая за ним политическая смута, развязывают ему руки для дальнейшего расширения своей власти. В 1913 году он отвоевывает от турок Хассу и, таким образом, уничтожает последний барьер между территориями Персидского залива, находящимися под протекторатом Англии. После этого он начинает диктовать свои условия младотуркам: он требует включения в свое государство всех завоеванных территорий, иначе—грозит с мечом в руках обрушиться на Мекку, и сначала объявить себя шерифом, а потом и султаном.

Младотурецкому правительству и тут приходится капитулировать: оно принимает условие Иби Сеуда и взамен навязывает ему свой призрачный сюзеренитет, переименовав его в турецкого губернатора Неджда. Последний, впрочем, был весьма нелояльно настроен по отношению к Турции и заявил ***) , что «в случае войны с Турцией он будет на стороне шейха Ковейта и английского правительства».

Как бы для довершения той анархии, которая воцарилась в Аравии, в том же 1913 году, восстало население Омана против султана Маската. Оно выбрало себе имама, который, несомненно, захватил бы и Маскат, если бы англичане не высадили на помощь покровительствуемому султану отряд сипаев ****).

К началу мировой войны, как мы видим, весь Арабистан находился в состоянии брожения или открытого восстания. Грубо-шовинистическая политика младотурок оказалась совершенно бессильной разрешить арабскую проблему и привела лишь к открытому разрыву между арабами и турками.

*) Возглавляемых династией ар-Рашидов. Ваххабиты принадлежат к племени аназехов.

**) Посредником между Англией и Сеудом явился верный клиент Англии эмир Ковейта Мобарек-эс-Сабах.

***), В письме к шейху Ковейта.

****) Имам был выбран сектой «ибади»—остатками старинной секты хариджитов, стоявшей всегда за выборный халифат. Секта эта составляет большинство населения южного Омана. Поводом к восстанию было запрещение султаном контрабанды оружия.

Пользуясь этой смутой и энергично организуя ее, англичане сумели приобрести в Аравии ряд новых опорных пунктов для своей ближневосточной политики. Благодаря поддержке, оказанной ваххабитам, они распространили теперь свое влияние не только на оба побережья Аравии, но и на центральную часть полуострова *). Вместе с тем, усиленно поддерживая рознь между своими же политическими клиентами—Яхьей и Идрисом, Сеудом и Гусейном, они приобретали роль высшего арбитра, которая была навеки утрачена турками.

VII.

Мировая война необычайно ярко продемонстрировала, насколько дальновидна была политика Англии, и какую огромную пользу она сумела извлечь из арабов.

Чуть ли не на следующий день после объявления войны начали проявляться политические отношения, уже давно существовавшие в Аравии, но до этих пор тщательно завуалированные разного рода дипломатическими фикциями и ухищрениями.

Прежде других окристаллизовалось политическое положение Ковейта и Неджда. Над Ковейтом англичане установили официально свой протекторат, покончив раз навсегда со всякой двусмысленностью и недоговоренностью. Почти одновременно эмир Неджда Ибн Сеуд заявил, что становится на сторону Великобритании. Год спустя (декабрь 1915 г.) отношения между ним и Англией были оформлены специальным соглашением, по которому Великобритания брала на себя контроль над внешней политикой Неджда и гарантировала ему в случае нужды военную поддержку.

Наконец, одновременно с этим Англия дала коллективную гарантию правительствам всех областей вокруг Персидского залива, что она предпримет все возможное для охраны их свободы и религии.

Несомненно, что мы имеем здесь определенное объявление Великобританией своего протектората над всей зоной Персидского залива **). Покончив, таким образом, с одной «исторической задачей», Англия начинает энергично работать на другом побережье Аравии, находящемся под прямой угрозой со стороны Турции.

Официальные публикации английского правительства, вышедшие после войны, вполне определенно указывают, что Англии в то время боялась двух вещей:

*) Положение Англии в Аравии настолько утвердилось, что она в 1914 г. заключила специальную конвенцию с Турцией по арабским делам, которая признавала в сущности протекторат Британия над всем Персидским заливом. Война помешала ратификации этого договора.

**) Специальные гарантии были даны шейху Мохаммеры, полную автономию которого Англия обещала поддерживать против нападений со стороны любой державы. Шейху были даны также династические гарантии, иными словами, Британия утверждала в Мохаммере опять таки свой протекторат.

развития газавата, т.-е. «священной войны», объявленной султаном, и перерыва морских дорог. Как известно, одной из первых операций, к которой начала готовиться Турция, было нападение на Синайский полуостров с целью захвата Суэцкого канала. Картина нафашизированных священной войной арабских племен, которые на всем протяжении от Порт Саида до Адена образуют гигантский фронт, направленный против Египта, сильно пугала воображение английского командования. Захват хотя бы на короткое время Суэцкого канала, закрыв для Англии кратчайший путь в Индию и в другие колонии, действительно мог придать совершенно другой оборот войне.

Англии во чтобы то ни стало надо было разрушить эту сплошную блокаду Красного моря, и с этой целью она ведет усиленную дипломатически-финансовую работу в Геджасе. Знаменитый восточный делец, полковник Лоуренс, прозванный самими же англичанами некоронованным королем Аравии (Uncrown King of Arabia), обрабатывает великого шерифа Гусейна: золото льется рекой, и вдобавок перед честолюбивым Гусейном раскрывается заманчивая перспектива — избавиться от Турции, стать королем Геджаса, а потом, может быть, и всех вообще арабских земель...

Именно в этот момент в Англии действительно вновь всплывает идея создания объединенного Арабского государства, причем «Times» предусмотрительно замечает, что «оно может быть создано и поддерживаемо лишь британским мечом». Несомненно, что круги арабских националистов вполне искренно поверили этим проектам, исходящим неофициально из «Foreign Office». Но для английского правительства все это, конечно, оставалось лишь чисто агитационным средством, нужным для данного момента.

Уже на второй год войны Россия, Франция и Великобритания заключили уже разобранное соглашение (1916 г.) о территориальных приобретениях в Азиатской Турции, которое являлось буквально разделом всего Арабистана. Великобритания получила южную Месопотамию и порты Кайфу и Акву в Сирии, Франция — прибрежную Сирию, Аданский вилайет и большую территорию на востоке от него. Наконец, Палестина, согласно известной декларации Бальфура (1917 г.) превращалась в еврейский национальный очаг, устройство которого опять-таки брала на себя Великобритания.

Что касается до самостоятельного арабского государства, то от него буквально остались ножки да рожки. Территория его была определена необыкновенно гуманно, как «зона между французской и английской областями». Также неясно была сформулирована и политическая организация этой территории, которая мыслилась, как конфедерация арабских государств, или как независимое арабское государство. Зато в соглашение не забыли вставить уже совершенно ясный пункт о том, что в этом государстве устанавливаются зоны французского и английского влияния.

Дипломатическая работа Англии в Геджасе увенчалась полным успехом и уже в 1915 году шериф Гусейн заключил с ней секретное соглашение о совместной борьбе против Турции. Взамен Англия обещала содействовать созданию под его главенством самостоятельного государства, включающего все территории арабского языка. Год спустя Гусейн восстал против турок, объявил себя королем (malik) и с помощью английских офицеров захватил Тамф и Джидду. Сыновья его, пресловутый Файсал *) и Абдулла, оказали значительные услуги англичанам во время кампании в Сирии, которая, как известно, окончилась полным разгромом турецкой армии (в 1918 г.), в значительной степени, благодаря враждебному положению, занятому арабами **).

Итак, мы видим, что уже в начале мировой войны Турция почти целиком потеряла всю Аравию: Хассу, Неджд, Геджас, не говоря уже об Ассирии, — таков был итог турецких потерь на полуострове. Лишь в двух областях она сумела сохранить свое влияние: на крайнем севере Аравии, среди шаммаров и на крайнем юге, в некогда лепокорном Йемене. Однако, эти базы, отделенные одна от другой тысячами километров пустыни, оставались лишь оазисами турецкой государственности на полуострове, изолированными и окруженными враждебными областями ***).

После окончания мировой войны Англия, конечно, старалась изо всех сил сохранить то положение вещей, которое создавалось ею в течение ряда десятилетий.

Всекие разговоры об едином арабском государстве сразу кончились, как по мановению волшебного жезла. Огромное восстание (1920 г.) курдов и арабов в Месопотамии, непрерывающееся в течение четырех лет бурное национальное освободительное движение в Египте, наконец, национальное движение в Анатолии, все это показало англичанам огромную опасность лозунгов политического воссоединения всех арабских элементов. Пан-арабское движение перестало быть делом отдельных кабинетных теоретиков и патриотов журналистов, а начало увлекать широкие народные массы. Правда, национально-освободительное движение в Сирии, Египте и Месопотамии попрежнему протекало изолированно, но все же между ними намечалась кое-какая организационная связь. Египетские арабские ко-

*) Гусейн был утвержден Турцией шерифом Мекки в 1908 г. До войны он оказал большую помощь туркам в борьбе против Яхья и Ибн-Сеуда, стремясь ослабить своих конкурентов на аравийский престол.

***) Любопытно отметить, что Медину Гусейну не удалось взять до окончания мировой войны. По § 16 перемирия Турция обязалась очистить весь Геджас, однако, гарнизон отказался сдаться Гусейну, после чего Медина была взята штурмом.

***) Эмир шаммаров до сих пор враждебен Сеуду, Гусейну и англичанам. Во время войны он принял титул паши и получал от Турции оружие, деньги и пр. Военные действия его против Неджда были неудачны. В Йемене до сих пор находятся турецкие войска и администрация.

митеты снабжали деньгами иракцев, сирийские эмиссары отправлялись агитировать в Месопотамию и т. д. Конечно, партикуляризм, издавна присущий арабам, мешал им создать более постоянную, устойчивую связь, но все же сейчас мы уже можем говорить о сотрудничестве арабских революционных элементов на всем протяжении Передней Азии. При отсутствии ясно опознанного национального сознания, организующую роль отчасти попрежнему играл ислам. Так, в Сирии образовалось Общество Объединения Ислама, которое сразу заняло ярко патриотическую, агрессивную позицию по отношению к Англии и ее вассалам—Гусейну, Сеуду и др.

Англичане, повторяю, начинают бить отбой, и вот мы можем читать, например, в «Times»'е рассуждения уже о том, что, благодаря постоянной политической склоке «в течение многих лет не будет никакой возможности для образования единого арабского государства. Ясно, поэтому, что в этом отношении Англия должна предоставить арабов самим себе, если она хочет избежать крупных и непроизводительных расходов» (5/IV—1921 г.). Что хроническая взаимная вражда отдельных племен есть характерная черта политической жизни Аравии, это бесспорный факт, наблюдаемый уже в дохаммеданские времена. Но вместе с тем несомненно, что именно Англия совершенно умышленно создает трения между отдельными арабскими вождями, с целью помешать им образовать общеаравийскую федерацию или хотя бы временную лигу.

В результате этой комбинации чисто местных политико-социальных факторов и империалистической политики Англии—мы видим, что в настоящее время Аравия распадается на дюжину независимых государств или, вернее, политических комплексов.

Наиболее крупное политическое значение в настоящее время имеет Геджас, благодаря близости к Египту, Сирии, а также династическим связям с Ираком и Запорданием. По словам английского наблюдателя, игравшего видную роль в событиях последних лет Геджаса, кап. Викери, внутреннее положение страны представляется весьма незавидным^{*)}.

Бедуинские племена, которые раньше за особое вознаграждение несли сторожевую службу вдоль линии Геджасской железной дороги, теперь вышли совершенно из повиновения «королю» Гусейну и занимаются налетами на паломников и грабежами. Гусейн беспомощен сделать с ними что-либо, ибо, по его собственному признанию, для этого нужны деньги, которых он не имеет, после лишения турецкой субсидии. Общий политический режим в Геджасе кап. Викери резюмирует в следующей фразе: «в истории трудно было бы найти более автократическое и тиранническое правление».

У нас отсутствуют детальные сведения относительно внутренней жизни

^{*)} Vickery. Arabia and the Hejaz. 1922 г.

других арабских областей—Неджада, Ассира, Омана, Хадрамаута, Йемена и др.*). В общем они представляют ту же картину внутренней неурядицы и взаимной вражды и соперничества.

Английский империализм, как мы видим, сполна осуществил на Аравийском полуострове свою программу максимального расчленения арабов и взаимного патривания их для обеспечения себе роли арбитра и протектора.

VIII.

Совершенно иначе нежели в Аравии сложились послевоенные события в Сирии и Месопотамии. Если в Аравии мы видели постоянную борьбу за политическую гегемонию между Англией и Турцией, то здесь мы наблюдаем соперничество уже между Англией и Францией.

Накануне войны Франция уже ставила вопрос о получении ею Сирии, но здесь она натолкнулась на сопротивление Англии. Сирия была нужна для последней, как мы уже видели, главным образом, для стратегических целей. Владея хотя бы южной частью Сирии, Англия уж нейтрализовала бы Францию, опасную для нее, благодаря своим старым связям с Египтом; затем она получала возможность установить прямой путь (через Бадиет эш Шам) с Месопотамией, а, наконец, таким образом она устанавливала стратегический заслон для Суэцкого канала и Египта.

В результате продолжительных дипломатических переговоров в 1916 году Франция и Англия пришли к соглашению, чтобы французская зона влияния в Сирии не заключала в себе Палестину. Теперь для Англии оставалось лишь подыскать местные национальные элементы, из которых она могла бы опереться. Таковых она находит в лице евреев; правда, последние составляют незначительную часть населения Палестины, всего около 16,8%, но Англии пришла на помощь сионистская программа, предъявляющая притязания на всю Палестину, как на «историческое наследие» еврейского народа.

Таким путем родилась знаменитая декларация лорда Бальфура, опубликованная 2-го ноября 1917 года:

«Правительство его величества выражает благожелательное отношение к созданию в Палестине национального центра для еврейского народа и приложит все старания к осуществлению этой цели. При этом определенно предусматри-

²⁾ Приведу некоторые статистические данные, относящиеся к 1922 г. и заимствованные из Statesman's Year Book и изданий Foreign Office: 1) Геджас простр.—100.000 кв. миль. Жит.—750.000. Границы его совершенно неопредел. 2) Неджд.—жит.—750.000. 3) Эмират Джебель Шаммар. Жител.—250.000. 4) Ассира—Жител.—1 милл. 5) Имадат Йемен. Жит.—1 милл. 6) Оман—простр. 82000 кв. миль. Жит. 500.000, в том числе „пиратское побережье“ Омана, т. наз. Trucial Oman 80.000 жит. Эль Катр 25000 жит. 7) Бахрейн—100000 жит. 8) Ковейт—50.000 жит 9) Хадрамаут—150.000 жит. и др.

вается полная неприкосновенность гражданских и религиозных прав ныне проживающего в Палестине нееврейского населения, а также прав и политического положения евреев во всех других странах».

Что касается до Месопотамии, то ее значение для Англии было достаточно разобрано в предыдущем. Оно сводилось к обладанию: мосульскими и ефратскими нефтяными источниками, торговым путем из Ирана через Багдад к Персидскому заливу и немецкой ж. д. колеей, угрожавшей Индии.

Все эти империалистические чаяния нашли свое выражение в соглашении 1916 года, по которому англичане получили южную Месопотамию с Багдадом.

После окончания мировой войны военно-политическая обстановка сложилась таким образом, что Англия уже не соглашалась выполнять всех пунктов этого соглашения. И Сирия, и Месопотамия были завоеваны исключительно англичанами, и при таких условиях они вовсе не желали делать таких дорогих подарков своему союзнику, как Сирия с Александреттой, Мосульский вилайет и Киликия.

Именно в этот период Англия развивает максимум своей империалистической энергии на Востоке: она оккупирует Константинополь, часть Закавказья, Закаспийскую область, Южный Курдистан и, наконец, Персию. Имея в руках почти все мусульманские столицы: Константинополь, Каир, Багдад, Самарканд, Дели, Тегеран, а также священные города ислама: Неджеф, Кербелу, Иерусалим, Мекку, Медину и др., англичане действительно могли себя считать гегемонами всей Передней Азии.

Французы, почти вытесненные с Востока Англией, встретились вдобавок и в Киликии и в Сирии с огромными затруднениями. В Киликии разразилось крупное повстанческое движение, руководимое анатолийскими националистами и потребовавшее огромных материальных и человеческих затрат.

В Сирии французам пришлось вступить в борьбу с арабским националистическим движением, возглавляемым сыном короля Геджаса — эмиром Файсалом. Выше уже было отмечено, что Англия, выкинув лозунг создания автономного арабского государства, привлекла на свою сторону сирийских патриотов, которые оказали значительные услуги во время войны с турками. Движение это опиралось на крупную сирийскую буржуазию, интеллигенцию и на полуфеодальные круги, состоящие из крупных помещиков и предводителей бедуинских племен. Файсал стал вождем этой разношерстной группы, главным образом потому, что будучи сыном короля Геджаса, он воплощал персональную связь между этими двумя арабскими областями.

Передача Сирии — Франции буквально ошеломила сирийских националистов: вместо обещанной автономии — в стране воцарилась грубая французская колониальная система.

При таких условиях, после нескольких чисто бумажных протестов, сирийцы

приступают к активным действиям: в Дамаске собирается арабский конгресс (сер. 1920 г.), который и избирает Файсала королем Сирии.

Узко националистическое и ярко буржуазное сирийское движение, однако, скоро выдохлось. Вместо того, чтобы организовать энергичное сопротивление французам, Файсал и его группа прибегли к мирному, полюбившему разрешению конфликта и даже препятствовали кочевым племенам и горцам нападать на французскую зону.

Французы великолепно использовали эту половинчатость и политическую трусость националистов и вооруженной рукой произвели государственственный переворот. Ген. Гуро захватил Дамаск, разогнал конгресс и принудил Файсала бежать на английскую территорию. Французский протекторат после этого устанавливается уже над всей территорией Сирии.

Вскоре после этого, с целью укрепить свою базу в последней, французы объявляют о создании Великого Ливана, в состав которого включаются районы с заведомо мусульманским большинством.

X.

Гораздо более тяжелую и упорную борьбу пришлось выдержать с арабским национальным движением англичанам в Месопотамии.

Оккупировав целиком эту страну еще во время мировой войны, англичане увлеклись теми необычайными перспективами, которые перед ними открылись. Они достраивают Багдадскую железнодорожную магистраль, строят новые городки, насаждают британскую администрацию, причем все это проводят самым грубым насильственным образом, с полным пренебрежением к интересам, привычкам и религиозно-бытовым традициям местного населения. Последнее, вдобавок, было сильно возбуждено неопределенным политическим положением Месопотамии. В самом деле, страна уже с 1917 г. была оккупирована английскими войсками, но вместе с тем англичане медлили объявлять свой протекторат, а это посеяло среди арабов иллюзию, что они будут предоставлены собственной судьбе. Эта неопределенность исчезла лишь после конференции в Сан-Ремо (апрель 1920 г.), которая следующим образом определяла политический порядок в Арабистане:

«Высокие договаривающиеся стороны признают, согласно ст. 33 догов. Лиги Наций, Сирию и Месопотамию временно независимыми государствами; государства эти подчиняются решениям и советам носителя мандата до тех пор, пока они достигнут полной самостоятельности. Определение границ государств и выбор носителей мандатов возлагается на главные союзные державы». (Часть III договора. Сирия и Месопотамия.)

Это бесцеремонное присвоение англичанами протектората над страной, также как и их насильническое колониальное хозяйничанье в ней в течение двух лет вызвали сильнейшее брожение среди арабско-курдского населения Месопотамии.

Во второй половине 1920 г. в ней вспыхивает огромное восстание, которое едва не кладет предел английской власти. Несомненно, что ряд организационных связей соединял месопотамцев с сирийцами и даже египтянами.

Здесь не имеет интереса останавливаться на военной стороне событий. Достаточно указать, что был момент, когда англичане потеряли почти всю Месопотамию и были заперты в Мосуле, Багдаде и Басре повстанцами. Лишь прибытие англо-индийских контингентов, доведших общую цифру английских войск до 100—150.000 человек и посылка несколько эскадрилий аэропланов—дали возможность англичанам временно ликвидировать восстание, значительно сократив вместе с тем зону оккупации.

Неудача англичан в Ираке вызвала необычайное возбуждение в лондонских политических кругах. Консерваторы, рабочая партия, десятки газет клеймят «месопотамскую авантюру Ллойд Джорджа и Черчилля» и указывают, что благодаря ей «страна вовлечена в войну не менее, если не более разорительную, чем южно-африканская кампания».

XI.

Уже к началу 1921 года наметился глубочайший кризис в политике великих держав на Ближнем Востоке. Англия к этому времени уже потерпела ряд серьезных поражений на всем переднеазиатском фронте. После советизации Баку и воссоединения Туркестана с РСФСР она принуждена была откатиться от границ Советской России, вслед затем, после образования Гильянской социалистической республики, колеблется ее положение в Персии, и силой вещей аннулируется навязанное шахскому правительству знаменитое соглашение 1919 года.

К этому присоединяются неудачи Константинопольского правительства в борьбе с анатолийскими националистами, приводящие последних почти под стены Константинополя.

Наконец, почти одновременные революционные движения в Индии, Египте и Месопотамии минируют власть Англии в ее же собственных колониях.

При таких условиях английскому империализму приходится произвести перегруппировку сил, что он и продельвает с изумительной быстротой и ловкостью.

Прежде всего Англия инсценирует переворот в Греции, низвергающий кабинет франкофила Венизелоса и вновь водворяющий в Афинах короля Константина. Смысл этого переворота совершенно ясен: Англия, с одной стороны, окончательно ликвидирует французское влияние на Балканах и, с другой—делает Грецию послушным орудием своей агрессивной политики против Турции.

Для завершения той же двойной задачи, Англия начинает осуществлять поистине грандиозный план: создание цепи вассальных арабских государств, которые бы сплошным поясом тянулись от границ Ирака до Египта. Летом 1921 года

в Каире под председательством Черчилля происходит конференция по арабским делам при участии верховных комиссаров: Египта, Месопотамии и Палестины. На конференции детально разрабатывается вышеуказанный план, причем намечается организация следующих вассальных областей: Курдистана, Ирака, Заиордания, Палестины и Египта. Что касается Аравии, то, как мы видели, она уже давно находилась или под протекторатом или в «фере влияния Великобритании.

Не ограничиваясь общими постановлениями, конференция намечает и кандидатов на вновь создаваемые престолы, которые могли бы вполне обеспечить интересы Англии. Наиболее «надежными» кандидатами оказываются сыновья короля Гусейна: Файсал и Абдулла, которые вскоре и укрепляются чисто домашними способами на престолах Ирака и Трансиордания. Оба принца были чрезвычайно удобны, как заклятые враги Франции и как люди испытанной лояльности. Действительно Файсал всегда совершенно недвусмысленно заявлял, что «арабам необходимо содействие Англии для их духовного и материального преуспеяния».

Эти махинации англичан вызвали буквально панику во французских империалистических кругах.

Было совершенно ясно, что арабское окружение направлено своим острием не только против анатолийцев, но и против Франции, которая только-что грубо-насильственным путем присоединила Сирию. При таких условиях Франция производит ревизию всей своей ближневосточной политики. Прежде всего она прекращает дорого стоящую и безнадежную войну из-за Киликии, передает ее анатолийским националистам и заключает с ними дружественное соглашение. Затем, она круто меняет режим в Сирии, стремясь отвлечь симпатии арабов от Англии.

После нескольких предварительных мероприятий (амнистия и пр.) французское правительство выработывает Сирийский статут, который в основных чертах сводится к следующему: Сирия делится на 4 автономных государства: Алеппо, Дамаск, территория алавитов (район Ансарийэ) и Ливан. В каждом из них устанавливается законосовещательный совет, который «в будущем» превратится в законодательный. Три мусульманских государства образуют федерацию, которая будет иметь общий федеративный совет и несколько общих ведомств (дирекций).

«Что касается до Ливана, отличающегося от прочих сирийских областей своими особыми традициями и более ярким духом партикуляризма, то ему предоставляется самому решить: желает ли он войти в состав Сирийской федерации, или же предпочитает заключить с каждым из отдельных государств самостоятельные договоры, разумеется, с ведома и согласия верховного комиссара Франции».

Основная тенденция Сирийского статута для нас совершенно ясна: раздробление небольшой территории на целых 4 «автономных» государства, конечно, придумано, чтобы помешать возникновению общерабского движения, которое стремились бы объединить всю Сирию. Привилегированное положение, создаваемое для

Ливана, имеет целью окончательно изолировать его и превратить в базу французского империализма в Сирии. Наконец, введение в жизнь всего статута отсрочено на неопределенное время, пока же страна должна управляться французскими чиновниками, при участии благонадежных местных элементов.

Таковы этапы, пережитые в Сирии Францией, принужденной обороняться от английского империализма.

Но есть враг более опасный, нежели Великобритания, а именно, арабское национальное движение, уже неудовлетворяющееся теми конституционными полумерами, которые была вынуждена сделать Франция.

Чрезвычайно важно, что наиболее передовые слои арабов, повидимому, бросили ставку на короля Гусейна, которого они обвиняют в том, что он превратился в игрушку в руках английского империализма *). Независимая Сирия—вот что является теперь лозунгом крайних сирийских националистов.

Приблизительно аналогичную эволюцию проделала и Англия в Месопотамии. Огромное курдо-арабское восстание 1920 года показало англичанам, что одних методов колониального насилия недостаточно для управления страной. И вот, англичане идут на соглашение с умеренными кругами месопотамских националистов и готовят образование «автономного Ирака». Верховный комиссар сэра Перси Кока обрабатывает арабских нотаблей, проводит общую амнистию и организует туземное правительство, возглавляемое вождем арабских консерваторов Накибом Багдада.

После этого инсценируется комедия избрания Файсала королем Ирака. Всех левых националистов арестуют и высылают на Цейлон; нотабли Багдада, Басры и др. городов, а также шейхи бедуинских племен, предварительно обработанные при помощи золота, высказываются за кандидатуру Файсала, и он водворяется на троне «автономного» Ирака.

Положение англичан в Месопотамии, однако, и после этого, остается в достаточной степени шатким. Что касается до вождей кочевых племен, то они примирительно относятся к англичанам и их ставленнику Файсалу исключительно потому, что они сократили или даже уничтожили сборы и налоги, которые раньше уплачивались туркам.

*) Очень характерно, что консервативные и клерикальные слои сирийского общества также резко протестуют против политики короля Гусейна. Приведем письмо, подписанное 600 сирийскими улемами и нотаблями и адресованное ВНСТ. «Бывший эмир и шериф Мекки Гусейн, который мечтал возложить на голову султанскую корону и, действуя заодно с врагами веры, нанес предательский удар в сердце ислама, заслужил вечное проклятие себе и своему потомству, и каждый мусульманин глубоко сожалеет о его вероломных действиях. Цель нашего письма показать, что сирийские мусульмане связаны материально и духовно с великим халифатом и Османской империей, и что они готовы оказать ей помощь и деньгами и своей жизнью. Едва мы с чувством глубокого возмущения услышали известия о намерении англий-

---

Но эта лояльность носит, конечно, чрезвычайно условный характер, и в случае малейшего нажима центральной власти, шейхи переходят в открытое восстание.

Что касается до горожан и, главным образом, интеллигенции Багдада, то они разбились на две группы: одна меньшая, протестует по принципиальным соображениям против британского мандата (intidab), но находит, что он все же необходим в течение нескольких ближайших лет. Эта группа, представленная крупными помещиками и кушцами и составляет опору для правительства Файсала.

Другая группа—крайние националисты (экстремисты), решительно протестует против английского протектората и призывает к активной борьбе против него. Этот слой состоит из представителей интеллигенции, чиновничества, мелкой буржуазии и т. п.

Если мы примем во внимание, что благодаря изъятию кочевников от уплаты налогов и финансовому бойкоту, проводимому горожанами, финансовое положение королевства Ирака является безнадежным, что все попытки создать туземную армию, превращаются буквально в фарс, мы поймем, насколько колеблющимся является положение Файсала и его покровителей англичан.

В октябре 1922 г., чтобы оформить свои отношения с Ираком, Англия заключает с Файсалом соглашение, по которому она гарантирует ему «военную и финансовую помощь», получая взамен контроль над иностранной политикой и финансами страны.

Однако, ни этот договор, ни выборы, объявленные в законодательное собрание не вызвали никакого энтузиазма среди населения. Высшее духовенство шиитов издала даже фетву, предписывающую им отказаться совершенно от выборов. Эта агитация встретила сочувствие и среди суннитов, так что мы наблюдаем в Ираке то же движение против сотрудничества (non cooperation), что и в Индии.

Более надежным орудием укрепления власти англичан являются воздушные экспедиции и гарнизоны индийских войск. И вот мы видим, что вопреки всем своим торжественным обещаниям в парламенте об эвакуации Месопотамии, англичане сохраняют там тот же оккупационный режим, что и раньше, с момента перемирия.

ского правительства удалить халифа из Константинополя, мы своими протестами по телеграфу и в прессе, издающейся в Бейруте, поспешили выразить волнующие нас чувства преданности ему. Ввиду важности этого вопроса, мы еще раз подтверждаем, что мусульманское население в Сирии готово отдать свою жизнь и свое имущество, готово принести всякие жертвы для блага халифата, ислама и Османской империи. Фотографический список протеста, отправленного нами председателю Севрской мирной делегации, мы представляем Вам и, свидетельствуя глубокое почтение, ждем ваших приказаний“.

ХП.

Несколько иначе сложились события в Палестине. Последняя приобрела чисто специфическое значение для Англии, после того, как она приняла план создания цепи вассальных арабских государств. Действительно, Англия должна была подумать о том, как бы этот сплошной пояс арабских государств не оказался бы слишком тугим, охватывающим слишком тесно ее драгоценнейшую, после Индии, колонию—Египет. Единственным способом разрыва этого пояса было образование смешанного арабо-еврейского государства, где бы Англия, искусственно возбуждая национальные антагонизмы, играла роль нейтрального и спасительного судьи.

Не входя в не нужные детали, отметим, что именно этот план и осуществился в Палестине в течение последних четырех лет. Не удивительно, что уже произошло три крупных арабо-еврейских погрома, не говоря о мелких повседневных столкновениях. Палестинская конституция, согласно которой высшая административная власть делится поровну между евреями и арабами, возбуждает резкую оппозицию со стороны последних, ввиду ее явного несоответствия с действительным соотношением национальных групп.

В результате мы видим образование в Палестине блока арабов христиан и арабов мусульман (в лице так называемой мусульм.-христ. ассоциации), которые, забыв свое религиозное разномыслие, борются против сионистов. Любопытно, что и здесь часть арабов националистов вовсе не протестует против английского мандата, вообще, а лишь против покровительства, оказываемого сионистам *).

Наоборот, левая группа националистов требует радикального изменения всего политического режима и направлена вообще против английской оккупации. Эта группировка имеет преобладающее влияние в стране, и не даром день принятия Англией мандата на Палестину был объявлен днем национального траура.

Что касается до сионистов, то на почве Палестины они давно уже отступили от своей официальной идеологии, сводящейся к помощи массам еврейства, путем переселения их в обетованную землю.

Эмиграция еврейского пролетариата в Палестину до-нельзя ограничена. Те же одиночки пролетарии, которые сумели пробраться сюда, находятся буквально в отчаянном положении и эксплуатируются самым беспощадным образом, как английской администрацией, так и самими сионистами. Возрождение страны, «воссоздание Палестины»—на практике сводится к чисто капиталистической эксплуатации ее, в которой принимает участие целый ряд американских и европейских банков. Палестина имеет огромное коммерческое значение, как естественный торговый посредник между Европой, Сирией и Египтом. И вот мы видим, как идеология

¹⁾ Такова, например, точка зрения органа Арабской Мус.-Христ. Ассоциации *Bet ul Makdes*“.

сионистов сводится к стремлению крупно-финансовых кругов, просто-на-просто монополизировать это коммерческое значение страны.

Значительные круги арабского населения, как мы видели, уже поняли хитрую политику Англии, сводящуюся к укреплению своего положения в стране, путем разжигания национальной розни между евреями и арабами и принесения их поочередно в жертву друг другу. Очередь теперь за обманутыми еврейскими трудовыми массами, которые прежде всего должны покончить со всеми сионистскими бреднями.

X.

Один из рядовых деятелей английской политики на Востоке недавно заявил, что Арабистану «предназначено играть в ближайшем будущем значительную и далеко идущую роль в деле поддержания и даже самого существования Английской Империи».

Все предыдущее, мне думается, безусловно доказывает справедливость этого утверждения. Мы уже видели, что с Арабистаном тесно связан вопрос о безопасности тех мировых путей, морских и сухопутных, которые связывают Европу с Средним и даже Дальним Востоком. В частности, от той или иной политической организации Арабистана зависит вопрос о дальнейшей судьбе двух колониальных жемчужин: Египта и Индии.

Крупнейшим фактором является также мощно развивающееся наарабское движение. Правда, в данный момент его на время удалось нейтрализовать, путем создания фиктивно «автономных»: Сирии, Ирака и Аравии. Но уже сейчас на всем протяжении Арабистана мы видим нарастание арабского движения, которое не довольствуется этими полумерами и вынужденными уступками западного империализма и требует предоставления арабским странам полной свободы и права политического самоопределения. Необычайно характерно, что даже король Геджаса Гусейн, этот матерый агент английского империализма, вынужден считаться с этим непримиримым движением, и на Лозаннской конференции уполномочил своего представителя просить союзников, чтобы они выполнили свои обещания относительно свободы арабских народов.

Это стремление к созданию всеарабской федерации означает радикальное изменение политической ситуации на Ближнем Востоке, и в настоящее время невозможно даже предвидеть всех возможных последствий, в случае осуществления его.

Наконец, с Арабистаном связан и такой актуальный вопрос текущей ближневосточной политики, как обладание Мосулом с его нефтяным районом.

Проблема Арабистана есть, таким образом, проблема всего мирового империализма, и это обстоятельство всегда надо иметь в виду, когда мы рассматриваем события, развертывающиеся в отдельных частях его: в Аравии, Сирии, Палестине, Месопотамии и, наконец, в Египте.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
I. Раздел Азиатской Турции во время мировой войны.	
1. Торговое и финансовое завоевание Турции	7
2. Администрация государственного долга	11
3. Капитализация Турции: Франция	13
4. Капитализация Турции: Англия, Россия, Италия	17
5. Французские интересы в Сирии	20
6. Английские интересы в Месопотамии	25
7. Интересы России в Турецкой Армении	28
8. Мировая война и раздел Турции	30
9. Раздел Турции и Италия	37
II. Борьба за проливы и Черное море. 41	
III. Национально-освободительное движение в Турции.	
1. Распад Турецкой Империи	67
2. Начало национального движения	70
3. Севрский мирный договор	75
4. Великое Национальное Собрание и борьба с Константинополем	81
5. Сношения между националистами и РСФСР	86
6. Война с Арменией	91
7. Кризис Антанты на Ближнем Востоке	94
8. Националисты	98
9. Разгром греков. Борьба за проливы	108
IV. Новая Турция.	
1. Лозаннский мирный договор	120
2. „Свобода проливов“. Борьба держав в Лозанне	124
3. Борьба за нефть и мосульский вопрос	133
4. Англия, великие державы и Мосул	139
5. Железнодорожные концессии в Восточной Анатолии. Концессия Честера	148
6. Экономика Новой Турции	160
7. Меджлис второго созыва. Борьба за республику	168
8. Уничтожение османского халифата	179
9. Проблема халифата, страны Ислама и державы	187
10. Международное положение Турции	191
11. Национальные отношения	194
V. Арабский Восток.	199—243
КАРТЫ:	
1. Босфор и Дарданеллы	127
2. Турецко-персидские нефтяные месторождения	138
3. Мосульский район и Курдистан	144
4. Французские железнодорожные концессии 1914 г.	150
5. Концессия Честера	155
6. Арабский Восток	210

НА-ДНЯХ ВЫХОДИТ ШЕСТОЙ НОМЕР
„НОВОГО ВОСТОКА“,

Органа Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР, издаваемого
под общей редакцией М. П. Павловича.

Будут напечатаны статьи: М. Павлович — „СССР и Восток“; А. Левин — „Современный Китай“ („Русско-китайское соглашение“, „Кантонская проблема“); Виленский-Сибиряков — „Ингерзенция в Китае“; Войтинский — „Гоминдан и компартия Китая в борьбе с империализмом“; проф. Гримм — „Китайский вопрос 1895—1914 г. г.“; Стефан Радич — „Словения, Хорватия и Сербия“; проф. Соколов — „Аграрный вопрос в Турции“; Базикин — „Основы китайского земледелия“; Шойхетов — „Национальное движение в Монголии“; Рыскулов — „Восстание киргиз в 1916 г.“; проф. Бонисевский — „Негры и новые проблемы африканистики“; И. И. Бороздин — „Об изучении восточных культур СССР“; Добролюбовский — „Возникновение ислама в новом освещении“; Бирюков — „Толстой и Восток“; С. Вельтман — „Рабиндранат Тагор, его жизнь и творчество“ и др., корреспонденции и библиография.

В журнале введен новый отдел естественных производительных сил Востока, в котором будут помещены статьи: проф. И. И. Вавилова — О восточных центрах происхождения культурных растений; проф. Обручева — „Об очередных задачах обследования Монголии“; И. И. Гана — „О минеральных богатствах Британской Бирмы“ и др.

Продолжается подписка на 1924 год (3 книги — №№ 5, 6 и 7).

Подписная цена за 3 номера с пересылкой — 12 руб.

Адрес редакции: Никольская, 10. Тел. 73-84.

Подписка принимается в Секторе Периодических Изданий Госиздата, Воздвиженка, 10, Тел. 5-88-91, всеми магазинами Госиздата и уполномоченными Сектора.

Р А Н Е Е В Ы Ш Л И :

„Новый Восток“ № 1-й, 494 стр. М. 1922 г. (распродан).

Содержание.

Политико-экономический отдел.

М. Павлович, Задачи Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения. М. П. Тихоокеанская проблема. Проф. С. Когляревский, Правовые достижения России в Азии. В. А. Гурко-Кряжин, Сирия и Палестина. К. М. Т-ий, Новый передел Африки после Версальского мира. К. М. Трояновский, „Независимое“ королевство Египта. Тивель, Пути и перспективы индийской революции. И. Рейснер, Экономические предпосылки политической борьбы в современной Индии. А. Султан-Заде, Аграрный вопрос в современной Персии. Б. Осетров, Персидские партии (письмо из Тегерана). И. Майский, Монголия. А. Ивин, Современный Китай (письмо из Пекина). М. Абрамсон, Политические общества и партии в Китае. А. Садовский, Железные дороги Китая.

Историко-этнологический отдел.

Проф. Д. Анучин, Азия, как прародина и учительница человечества, ее настоящее и будущее. Проф. А. Захаров, Хеттский вопрос. Проф. В. А. Гордлевский, Религиозное движение среди кызылбашей Малой Азии. В. Викентьев, Революция в Древнем Египте. Т. Козьмина-Бороздина, Проф. В. К. Мальмберг и искусство Древнего Востока. Проф. Б. Денике, Искусство Восточной Азии на выставке в Ганновере. Проф. Л. Мсерианц, К истории санскритологии в России.

Отдел материалов и документов.

Абиссиния, Макинское ханство.

Обзор прессы.

Библиография.

Рецензии о новых книгах: Г. Сафарова, Б. Абукова, М. Казанина, В. Кряжина, С. Срединского, Т. Козьминой-Бороздиной, проф. И. Н. Бороздина, проф. И. Франк-Каменецкого, проф. В. Смолина, проф. А. Захарова, В. Викентьева, проф. Чубинова, В. Гурко, С. Вельмана, Росси, А. Т., А. С—ч.

Х р о н и к а.

Содержание.

Политико-экономический отдел.

Мих. Павлович. Японский империализм на Дальнем Востоке. Г. Сафаров. Национально-колониальный вопрос на IV конгрессе Коминтерна. Г. И. Бройдо. Наша туркестанская политика и английская журналистика. В. Кряжин. Борьба за проливы. А. Ф. Сперанский. Турецкий вопрос на международных конференциях после мировой войны. Н. Арсеньев. Очерки современной Турции. Д. Козьмин. Рабочее движение в Турции. Е. А. Адамов. Великодержавная политика Греции и великие державы. Константин Трояновский. Проблемы Египта и Судана. В. А. Кряжин. Национально-освободительное движение на арабском Востоке (Месопотамия). А. Вишнеградова. Революционное движение в персидском Азербайджане. А. Тимофеев. Империалистическое „мирное“ завоевание Персии. Л. Соловейчик. Революционная Бухара. Никулин. Афганистан и Ангора. И. Ванин. Факты и впечатления из послевоенной Индии. В. Виленский (Сибиряков). Перспективы революционного развития Китая. Проф. Дмитрий Позднеев. Из истории революционного движения в Китае. Г. Войтинский. Борьба китайского пролетариата. Проф. Иванов. Колонизация и эмиграция на Дальнем Востоке. Л. Берлин. Англия и Тибет. Сен Катаяма. Аграрный вопрос в Японии. Ф. Ф. Аристов. Значение Сахалина в стратегическом отношении. В. Каспарова и Е. Ралли. Пробуждение трудящейся женщины Востока. Бэнтинг. Белые и черные рабочие в Южной Африке.

Водные и железнодорожные пути сообщения.

Проф. Котляревский. К вопросу о железнодорожном строительстве в Монголии. К. Старков. Водный путь от Индии до Каспийского моря.

Историко-этнологический отдел.

Проф. Д. Анучин. Ископаемый человек в Азии и Африке. Проф. И. Франк. Каменецкий. Гениальное открытие Шампольона. В. Викентьев. Пустыня и Нил. Проф. Б. Фармаковский. Ханаан и Израиль. Академик В. Бартольд. Эпоха Омейядов по новейшим исследованиям. И. Ванин. Абиссиния. Проф. И. Бороздин. Первый всероссийский съезд египтологов.

Письма и корреспонденции.

А. Ивин. Современный Китай (письмо из Пекина). А. Е. Ходоров. Маньчжурская проблема (письмо из Китая). Вл. Осетров. Рабочее и проф. движение в Персии (письмо из Тегерана). С. Д. В порабощенной Корее (письмо из Кореи).

Материалы и документы.

А. Ф. С—кий. Материалы к истории интервенции (роль Японии в панмонгольском движении). Декларация Китайской Коммунистической партии (с предисловием Виленского-Сибирякова). Инал Бутаев. Экономическое положение современной Турции. Зинатудла Навширванов. Социалистическое движение в Турции.

Обзор прессы.

Библиография.

Рецензии о новых книгах: В. Кряжина, А. Ф. Сатина, Ф. Ф. Аристова, В. Худадова, А. Тимофеева, С. Духовского, Евразиева, Трояновского, В. Викентьева, проф. Л. Мсерианца, проф. А. Захарова, Т. Козьминой-Бороздиной, проф. И. Бороздина, проф. Б. Денике и др.

Хроника.

Содержание.

Отдел политико-экономический.

М. Павлович.—Лозаннская конференция. В. А. Гурко-Кржжин.—Политические группировки в Турции. Думбис — Айсоры. Мусалли.—Экономическая конференция в Смирне. Иранский.—Русско-персидские отношения за 5 лет. А. Афанасьев-Казанский.—Экономическое положение Западного Китая. А. Ф. Сперанский.—Национальное движение в Корее. Л. Б. н.—Хамбо-Агван-Доржиев (к борьбе Тибета за независимость). М. Н.—Затерянный край (Памиры). В. Н. Худатов.—Современный Азербайджан. Каспарова-Ралли—Положение трудящейся женщины в Индии. К. Зубрек.—Земледелие и ирригация в Хорезме.

Отдел истории революционного движения.

М. Павлович.—Красный Дагестан. Н. Самурский.—Гражданская война в Дагестане. Г. Скалов.—Хивинская революция. А. Е. Худоров.—Из истории революционного движения в Китае.

Отдел торговли и промышленности.

Дикий.—Экономические интересы и борьба за транспорт в Манчжурии. Э. Озорнин-Кистер.—Рыбный промысел в устье Амура. С. Минс.—Торговля Персии во время войны.

Отдел водных и железнодорожных путей.

Озорнин-Кистер.—Северная Манчжурия и КВЖД. В. Попов.—Ледовитый океан.

Отдел историко-этнологический.

Проф. С. А. Котляревский.—Социально-экономические и правовые отношения в Вавилонии по законам Хаммураби. Т. Н. Козьмина-Бороздина.—Развитие египтологии в России. В. М. Викентьев.—Фараон Тутанхамон и его гробница. Проф. Ф. В. Баллод.—Две столицы Золотой Орды. Проф. А. А. Васильев.—Проблема средневекового Крыма. Проф. Б. П. Денике.—Арабо-месопотамская школа миниатюры. Проф. Д. Н. Анучин.—Экспедиция П. К. Козлова в Центральную Азию. Проф. Н. И. Леонов.—Исторический очерк Урянхайского края.

Письма и корреспонденции.

А. Ивин.—Письмо из Китая. А. Перлин.—Письмо из Персии.

Материалы и документы.

Персия в конце XIX века. С. Мирный.—К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции. Французские интересы в Турции.

Обзор прессы.

Турецкая пресса. С. Д.—Японская пресса.

Библиография.

Рецензии академика С. Ольденбурга, проф. И. Н. Бороздина, В. А. Гурко-Кржжина, проф. А. Захарова, проф. А. Самойловича, проф. Н. Леонова, В. Н. Худатова, А. Г. Астахова, Ф. Ф. Аристова, А. Зонненштраль-Пискорского, В. Добрянского, А. Е. Хо-ва, Х. Мышковского и др. С. Вельтман. Рабиндранат Тагор — поэт и политик.

Хроника.

Обложка, заставки, концовки работы худ. В. С. Орлова.

Содержание.

М. Павлович. — Тихоокеанская проблема и землетрясение в Японии.

Отдел политико-экономический.

А. Иоффе. — Россия и Япония. Ф. Раскольников. — Россия и Афганистан. В. Кряжин. — Раздел Турции во время мировой войны. Лахути. — Курдистан и курды. М. Н. — Под знаком ислама. Б. Сейгель. — Англия и Индия. Г. Войтинский. — Буржуазия и остатки феодализма в Японии. Мусин. — Китайское рабочее движение и февральская железнодор. забастовка. С. Шойжелов. — Западная Монголия. В. Худадов. — Современный Азербайджан. П. Китайгородский. — Северная Африка. Иранский. — 5 лет взаимоотношений Советской власти с Персией.

Вопросы торговли и промышленности.

Л. Колядко. — Экономическая жизнь Анатолии. А. Левин. — Финансы Хорезма. А. Саккети. — Борьба за нефть в Передней Азии.

Революционное движение на Востоке.

З. и Д. Навширвановы. — Коммунистические течения в истории мусульманской культуры. Г. Войтинский. — Пролетариат и национальное движение в Китае.

Отдел историко-этнологический.

Проф. И. Н. Бороздин. — Хеттские законы. Проф. В. А. Городцов. — Нижнедунайская культура в Болгарии. Акад. Ф. И. Шмит. — Китай — Персия — Византия. Проф. К. П. Добролюбский. — Возникновение ислама в новом освещении. Проф. Н. И. Конрад. — Вопросы японского феодализма. Проф. Б. Деняке. — Раннее китайское искусство.

Материалы и документы.

Н. Горский. — Япония на море. Из дневника ген. Косаговекого. — Очерк развития персидской казачьей бригады.

Письма и корреспонденции.

А. Ивин. — Линчженский инцидент. Письмо из Китая. Р. Ким. — Японский фашизм. Письмо из Японии. В. О. — События в Месопотамии и шиитское духовенство. Письмо из Тегерана.

Библиография.

Рецензии о книгах: проф. И. Бороздина, В. Кряжина, С. Духовского, проф. А. Захарова, В. Викентьева, А. Ходорова, Т. Козьминой-Бороздиной, А. Зоненштраль-Пискорского, А. Сперанского, Е. Адамова, Н. Гудзия и др.

С. Вельтман. — Колониальные романы.

А. Скачко. — Восточные республики на Всероссийской Сельско-хозяйственной Выставке.

Хроника.

Обложка, заставки, концовки работы худ. В. С. Орлова.

„Новый Восток“ № 5, 478 стр., цена 4 р.

Содержание.

М. Павлович.—Ленин и народы Востока. Н. Нариманов.—Ленин и Восток.
А. Е. Ходоров.—Ленин и национальный и колониальный вопрос.

Отдел политико-экономический.

В. А. Гурко-Кряжин.—Ближневосточная проблема, Черное море и СССР.
Г. Астахов.—Проблема новой Турции (ашар). Проф. Э. Гримм.—К истории русско-болгарских отношений. Л. Кауфман.—Японский империализм и Корея. Иранский.—Через военную диктатуру к национальному государству. П. Китайгородский.—Вопрос о капитуляциях на Лозаннской конференции. И. Вагин.—Судьбы Голландской Ост-Индии.

Вопросы торговли и промышленности.

Проф. П. Воробьев.—Финансовые вопросы современного Китая. А. Бонч-Осмоловский.—Внешняя торговля Дальнего Востока за время революции.

Водные и железнодорожные пути.

В. Худадов.—Железные дороги Африки. К. Старков.—Туркестано-Китайский водный путь.

Революционное движение на Востоке.

В. Елагин.—Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. З. Миядлин.—Киргизы и революция. В. Кряжин.—Рабочее и профессиональное движение в Индии.

Историко-этнологический отдел.

Проф. Н. Яковлев.—Новое в изучении Северного Кавказа. Проф. Н. Бакланов.—Художественная культура Дагестана. В. Виентьев.—Фараон Тутанхамон и его гробница. Проф. Н. Никольский.—Иудейские монархомахи VII в. Проф. И. Бороздин.—Д. Н. Анучин и его работы по Востоку. Проф. С. Котляревский.—Памяти Д. Н. Анучина. Акад. Н. Марр.—Об яфетической теории.

Материалы и документы.

Биг-Бен.—Вооруженные силы Индии.

Письма и корреспонденции.

А. Ивин.—Современный Китай (письмо из Пекина). Решти.—„Дипломатическая работа“ (письмо из Решта). Мирный.—Школьный вопрос в Константинополе (письмо из Константинополя). Проф. А. Самойлович.—Новый турецкий алфавит (письмо из Азербайджана).

Библиография.

Рецензии о книгах: Г. Астахова, Ф. Аристова, В. Аболгина, проф. И. Н. Бороздина, проф. П. Воробьева, проф. Э. Д. Гримма, проф. Н. П. Грацианского, проф. Н. К. Гудзия, Г. Демидова, проф. Л. И. Жиркова, проф. А. А. Захарова, Р. Н. Кима, проф. Л. З. Мсерьянца, акад. С. Ф. Ольденбурга, проф. О. В. Плетнера, проф. Е. Поливанова И. Рейснера, проф. А. Самойловича, В. Худадова и др.

С. Вельтман.—„Белые и черные“ (колониальные романы).

Хроника.

Обложка, заставки, концовки худ. В. Орлова.

ИЗДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Проф. И. Г. Франк-Каменецкий. „Как научились читать египетские письма“. С иллюстрациями, 62 стр. М. 1922. Ц. 15 коп. золот.

А. Султан-Заде. „Современная Персия.“ 66 стр. М. 1922. Ц. 35 коп. золотом.

Содержание: 1. Предисловие. 2. Политический строй. 3. Аграрный строй. 4. Экономический строй. 5. Общественное движение. 6. Литература.

Вл. Виленский (Сибиряков). «Китай». С иллюстр. и карт., 97 стр. М. 1923 г. Ц. 75 коп. золотом.

Содержание: От автора. Глава 1. Введение. Глава 2. Из истории Китая. Глава 3. Государственное устройство современного Китая. Глава 4. Экономическое развитие Китая. Глава 5. Политические группировки и партии в Китае. Глава 6. Рабочее движение и коммунистическая партия Китая. Глава 7. Задачи национально-освободительного движения в Китае. Карты, иллюстрации и снимки лидеров китайских политических группировок и партий.

В. А. Кряжин. „Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке“. С картами. 150 стр. М. 1923. Ц. 85 коп. золотом.

Содержание: Предисловие.

Гл. I. Сирия и Палестина.— 1. Борьба за Сирию. 2. Хозяйственное значение Сирии. 3. Торговое значение Сирии. 4. Капитализация Сирии. 5. Геополитическое значение Сирии и ж-д. строительство. 6. Социальный строй Сирии. 7. Тактика Франции и Англии. 8—9. Ближневосточная проблема и организации Сирии. 10—11. Англия, сионисты и арабы.

Гл. II. Киликия.

Гл. III. Месопотамия. 1. Общее значение Месопотамии. 2. Месопотамское сырье. 3. Хозяйственное состояние Месопотамии. 4. Западные державы и Месопотамия. 5. Социальный строй Месопотамии. 6. Раздел Месопотамии и война. 7—9. Англичане в Месопотамии. 10—11. Автономия Месопотамии. Политическое положение королевства Ирана.

Гл. IV. Египет. 1. Геополитическое значение Египта. 2. Очерк завоевания Египта. 3. Государственное управление. 4. Экономический переворот в Египте. 5. Социальная структура Египта. 6—8. Национальное освободительное движение.

Вл. Виленский (Сибиряков). „Япония“. С иллюстр. и карт. 240 стр. М. 1923. Ц. 1 р. золотом.

Содержание: Введение. Географическое положение Японии. Население Японии. Гл. 1. Капиталистическое развитие Японии. Гл. 2. Японский империализм. Гл. 3. Япония и тихоокеанская проблема. Глава 4. На путях к социализму.

М. Павлович. „Борьба за Азию и Африку“. Скерт. 229 стр. М. 1923.
Ц. 1. р. 50 к. золотом.

Содержание:

Часть I. Борьба за раздел Азии. Глава I. Борьба за Дальний Восток.—
Глава II. Борьба за Малую Азию и раздел Турции.— Глава III. Борьба за Отто-
манское наследство после мировой войны. Лозаннская конференция.

Часть II. Борьба за Африку. Глава I. Трагедия Черного континента.—
Глава II. Бельгия и вопрос о Конго в мировой войне.— Глава III. Мароккская
авантюра и колониальная эпопея 3-ей республики.— Глава IV. Мароккский вопрос
и мировая война.— Глава V. Борьба за Африку после мировой войны.

Приложение.

„Афганистан“. Сборник статей:

**М. Павлович. „Русский вопрос в английской внешней
политике“.** Ц. 60 коп.

С. Яргашев. „Парида“—„Дагестанская поэма“, с предисловием
В. Брюсова. Ц. 60 коп.

„Приключения Самба Диуфа“. Колониальный роман Жерома и Жана
Таро. Перевод Федора Ге. Предисло-
вие С. Вельтмана. Ц. 80 коп.

Ленин и Восток. Сборник статей **М. Павловича, Н. Нарима-
нова, А. Ходорова.**

ЛЕНГИЗ **ЛЕНИНГРАДСКОЕ** **ОТДЕЛЕНИЕ**
ГОСИЗДАТА

Ленинград, Проспект 25 Октября, № 28. „Дом Книги“.
Москва, Тверская, 51. Телефон 3-92-07.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

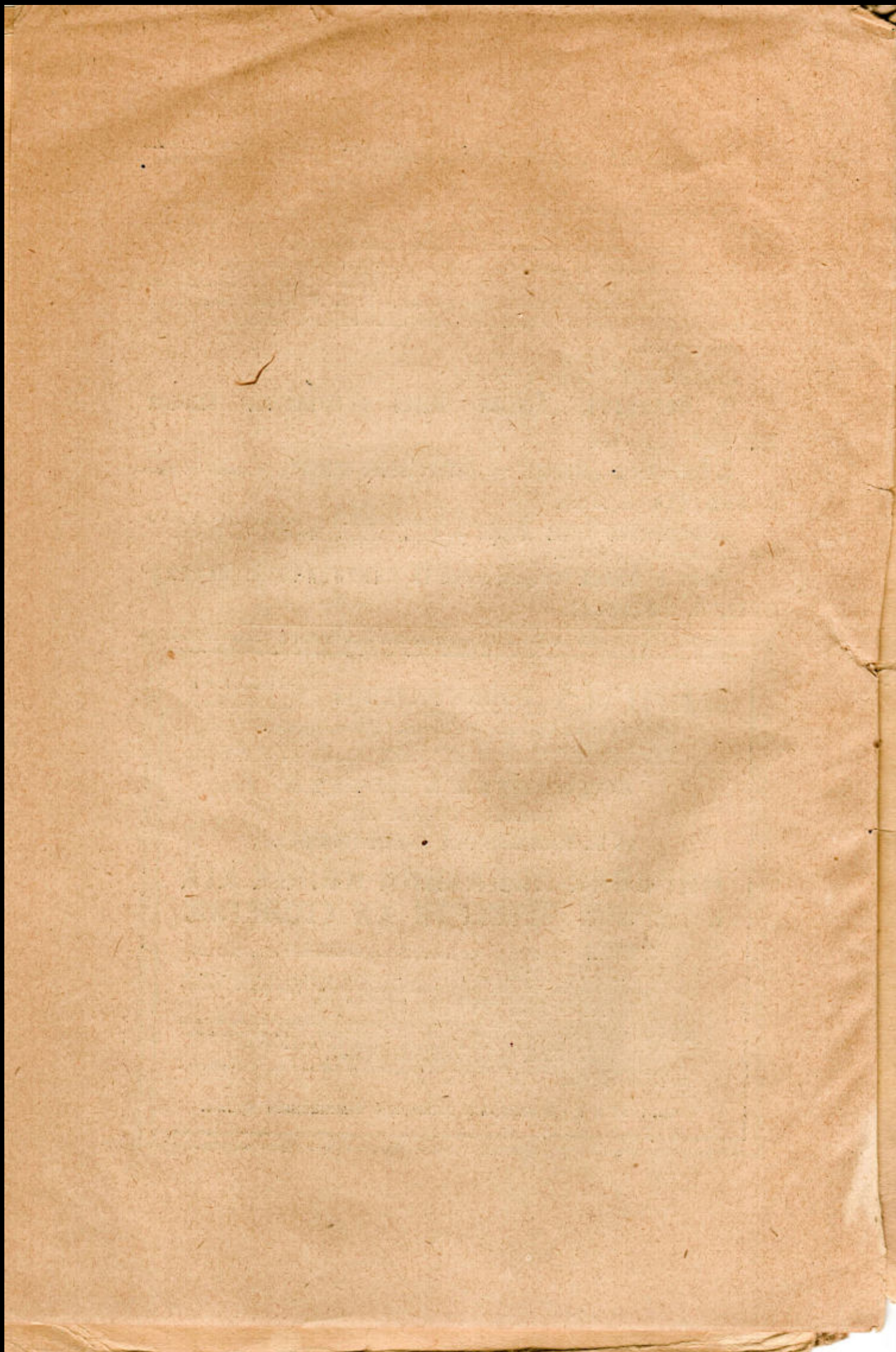
М. П. ПАВЛОВИЧА (ВЕЛЬТМАНА).

**МИРОВАЯ ПОЛИТИКА КОНЦА XIX
И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ.**

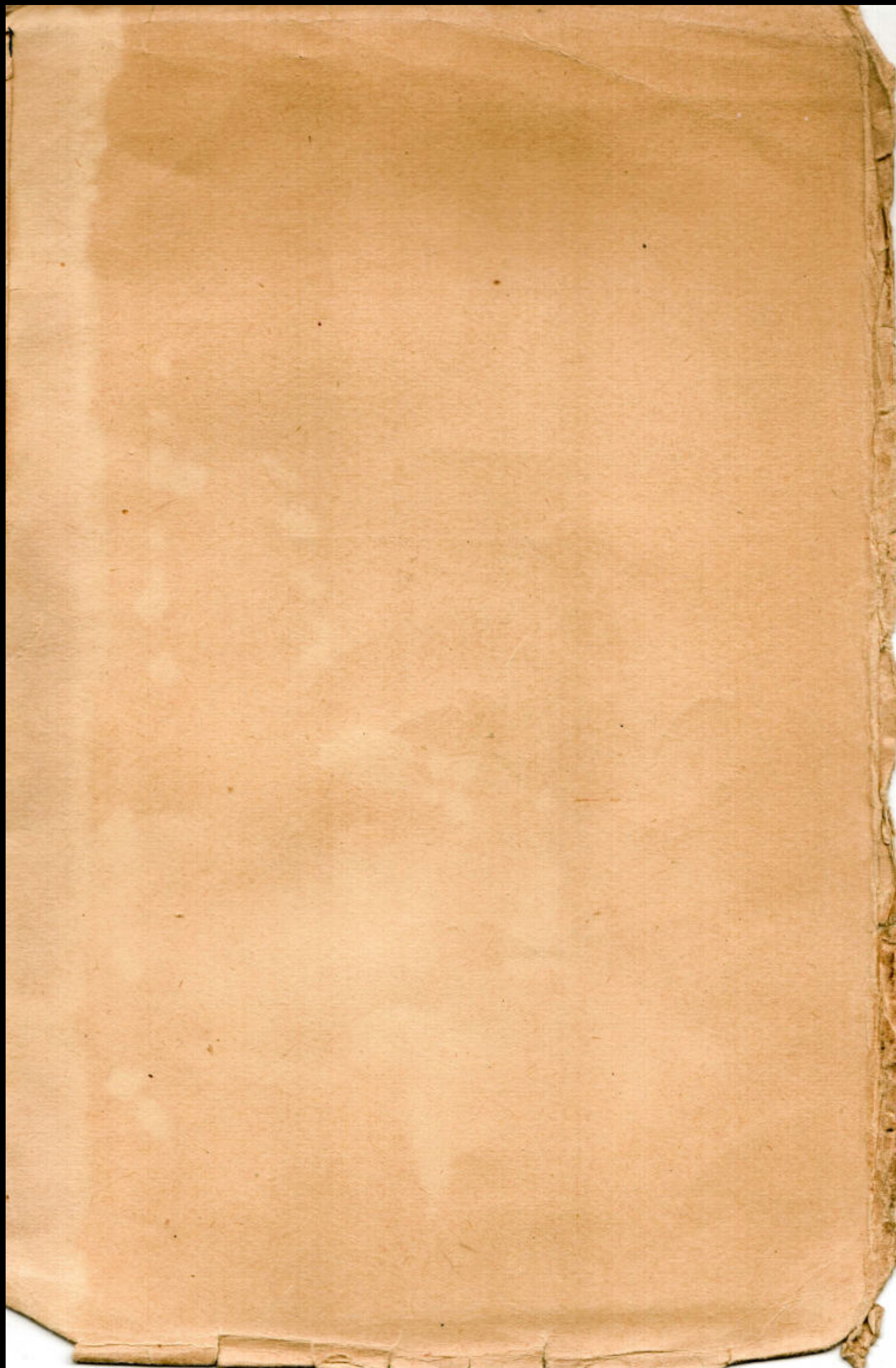
- Том I. Империализм.
II. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего.
III. Борьба за Азию и Африку.
IV. Англо-бурская война 1899—1901 г. Русско-японская война. Война за Триполи.
Борьба держав на Балканах. 1-я и 2-я Балканские войны. Румыния в мировой
войне. Болгария в мировой войне. Сербия в мировой войне.
V. Мировая война 1914—1918 г. г. и будущие войны.
VI. Итоги мировой войны. Брестский мир и условия экономическ. возрождения России.
VII. Франция накануне мировой войны. Смерть Жореса. Французский империализм.
VIII. СССР и великие державы (СССР и Франция, Англия, Америка, Япония).
IX. Восток. (Революционная Турция, Персия, Китай, Индия.)
X. Ленин, Зиновьев, Бухарин, Радек, Сталин, Троцкий об империал. и мировой политике.
XI. Различные статьи.
XII.

Томы I, III и V— в наборе и выйдут в ближайшее время.

Переучет
1961 г.

30

1956

ПЕРЕУЧЕТ
1961 г.

ПЕРЕУЧЕТ
1963 г.

лр 24
лр 30

